

1287702

Л. А. ЗАК
**МОНАРХИ
ПРОТИВ
НАРОДОВ**

Леонид Абрамович Зак
МОНАРХИ ПРОТИВ НАРОДОВ
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА РАЗВАЛИНАХ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ
М.: Международные отношения. 1966

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Венский конгресс в исторической литературе
- Глава 2. После крушения наполеоновской империи
- Глава 3. Проблемы территориального переустройства Европы и раскол антинаполеоновской коалиции
- Глава 4. Создание Германского союза
- Глава 5. Италия. Реставрация и иностранное господство
- Глава 6. Борьба англо-австро-французской группировки против России
- Глава 7. Идеология европейской реакции
- Глава 8. Новая война с Наполеоном. Заключительный акт
- Глава 9. Венский конгресс и русское общество
- Заключение**
- Источники и литература
- Указатель имен

Документы и материалы к теме можно найти в библиотеке **Vive Liberta**:
<http://istmat.info/vive-liberta>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Венский конгресс в исторической литературе . . .	3
Глава 2. После крушения Наполеоновской империи . . .	30
Глава 3. Проблемы территориального переустройства Европы и раскол антинаполеоновской коалиции . . .	65
Глава 4. Создание Германского союза	109
Глава 5. Италия. реставрация и иностранное господство	158
Глава 6. Борьба англо-австро французской группировки против России	197
Глава 7. Идеология европейской реакции	246
Глава 8. Новая война с Наполеоном. Заключительный акт	274
Глава 9. Венский конгресс и русское общество	302
Заключение	344
Источники и литература	357
Указатель имен	372

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вот уже 150 лет Венский конгресс привлекает внимание историографии и публицистики в европейских странах, а также (особенно за последние годы) и в США. Деятельность Конгресса описана в многочисленных трудах научного и публицистического характера, в которых дается оценка исторического места Конгресса, роли его главных и второстепенных участников. Но вместе с тем ряд важнейших аспектов истории Конгресса не разработан, в научном обороте отсутствует значительная часть важнейших архивных источников, без которых невозможно подлинно объективное и всестороннее освещение темы. Это последнее обстоятельство связано не столько с имеющим место численным преобладанием публицистических работ над научными исследованиями истории Венского конгресса, сколько с характерными для многих исследований тенденциозными взглядами и выводами, которые приводили к сознательному или бессознатель-

ному игнорированию источников, не укладывавшихся в прокрустово ложе искусственных построений и схем.

Венский конгресс относится к числу исторических событий, которые в особенно большой степени освещались в буржуазной историографии с позиций исторического субъективизма, с неперемными и притом сознательными попытками рассматривать историю как политику, опрокинутую в прошлое.

Историография Венского конгресса зародилась еще до того, как он закончил свою работу.

Современная Конгрессу консервативная публицистика усердно развивала официальную точку зрения отдельных правительств и всего «концерта» реакционных держав на значение принятых Конгрессом решений о послевоенном переустройстве Европы. Усердно развивалась мысль, будто Венский конгресс стал началом принципиально нового периода в истории международных отношений, основанного на принципах религии, морали и международного права, что ликвидирована анархия в отношениях между государствами, что созданы инструменты для охраны международного порядка. Типичным образчиком может служить, например, высказывание реакционного публициста И. Клюбера, писавшего весной 1816 года: «Венский конгресс завершает в мировой истории двадцатипятилетие, которое равно тысячелетию, если принять во внимание число происходивших в это время важнейших событий и их значение, прежде всего отрицательное, для государств и человечества... Задачей Конгресса было обеспечить восстановление нравственных начал в отношениях между странами, обязать как государства, так и отдельные личности стремиться к соблюдению справедливости... Его решения принимались во имя счастья современников и потомков, они должны быть благостным примером для благодарных внуков, уроком и предостережением истории»¹.

Высказывания либеральных кругов о Конгрессе попадали в прессу в 1814—1815 годах неизмеримо реже, чем официозные славословия.

Перехода от высказываний и оценок современников Конгресса к историографии в более узком смысле слова,

¹ J. L. Klüber, Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Kongresses überhaupt und insonderheit über wichtige Angelegenheiten des deutschen Bundes, Fr/M 1816, SS 3—4.

надо сказать, что в XIX веке она в общем и целом довольно четко делится на два течения — либеральное, осуждающее решения Конгресса, и более слабое, консервативное, одобряющее их с точки зрения охраны установленного им пресловутого «порядка». Консервативные тенденции носили черты феодально-монархической, а иногда буржуазной реакционности. Имелись существенные отличия в освещении истории Конгресса в историографии различных европейских стран. Однако это не меняло факта существования упомянутых выше двух довольно четко очерченных и оформленных течений.

Если не считать времени, непосредственно следовавшего за 1815 годом, в XIX веке преобладало отрицательное отношение к Венскому конгрессу, которое не разделяла лишь часть придворных и клерикальных историков, оказывавших слабое влияние на общее развитие историографии. Это негативное отношение порождалось тем, что Венский конгресс вполне справедливо представлялся олицетворением феодально-монархической реакции, враждебной европейскому либерализму и идеям национального освобождения, которые оказали столь заметное влияние на все развитие европейской общественной мысли и историографии в эпоху промышленного капитализма. Даже у многих историков, выражавших настроения реакционных буржуазных кругов, сохранились свои сче- ты с Венским конгрессом. Так, французские историки не могли простить Конгрессу «унижение» Франции после ее преобладающего влияния в эпоху наполеоновских войн. Немецкие историки считали решения Венского конгресса тем препятствием, которое пришлось преодолевать Бисмарку при воссоединении Германии «железом и кровью» под главенством юнкерской Пруссии. Понятно также отрицательное отношение к Венскому конгрессу со стороны даже консервативных итальянских, польских, бельгийских историков. На позицию английской и американской историографии оказало большое влияние сохранение традиционных элементов либеральной доктрины и в тех случаях, когда она использовалась для прикрытия крайне реакционных воззрений. А эта доктрина включала абстрактное «сочувствие» принципу национальностей и осуждение решений Венского конгресса (а также участия английского министра иностранных дел тори Каслри в выработке этих решений).

Но если рассматривать не историографию Венского конгресса вообще, а освещение борьбы вокруг его отдельных важнейших проблем, то картина становится значительно более сложной и запутанной. Показательным примером может служить германский вопрос. Работы либерального толка в освещении этой темы нередко противоречили друг другу и смыкались с оценками исследователей, относящихся к консервативному течению. Различные «национальные» точки зрения приводили иногда к полной противоположности выводов. И в этом нет ничего неожиданного, если учесть, что эти выводы были связаны в буржуазной историографии с отношением не только к Венскому конгрессу, но и к осуществленному Бисмарком «железом и кровью» объединению Германии вокруг милитаристско-юнкерской Пруссии. В результате отношение французских и австрийских буржуазных историков к решениям Венского конгресса по германскому вопросу часто определялось не столько их либеральными или консервативными симпатиями, сколько враждой к бисмарковской Германии, созданной в борьбе против Франции и Австрии. И, наоборот, даже крайне реакционные прусские историки типа Трейчке обрушивали громы и молнии на решение германской проблемы в 1815 году, видя в нем козни «исконного врага» — Франции и интриги Вены — всегдашней противницы Пруссии и ее «объединительной миссии»².

Большой вклад в изучение истории Венского конгресса был внесен дореволюционной русской историографией. В работах консервативных и монархически настроенных историков В. К. Надлера³ и Н. К. Шильдера⁴, а также в книгах великого князя Н. М. Романова⁵ научную ценность представлял преимущественно новый фактический материал, извлеченный главным образом из архивов, к которым царское правительство допускало только

² См. Н. Treitschke. Preußen auf dem Wiener Kongresse, «Preußische Jahrbücher», 1875, Bd. 36, N. 6; 1876, Bd. 37, N. 2, 3; Н. Treitschke, Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert, Bd. 1, Leipzig, 1913, SS. 599—713.

³ См. В. К. Надлер, Император Александр I и идея Священного союза, тт. 1—5, Рига, 1886—1892.

⁴ См. Н. К. Шильдер, Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 3, СПб., 1905, гл. 10.

⁵ См. Вел. кн. Николай Михайлович, Император Александр I, тт. 1, 2, СПб., 1912.

особо доверенных лиц. Однако и эти историки затронули лишь небольшую часть материалов дипломатического архива.

Труды русских историков либерального и народнического лагеря не только вносили немало нового в фактическую историю Конгресса, но и содержали много ценных наблюдений и выводов, которые отсутствовали в западной литературе.

Среди работ дореволюционных историков по истории Конгресса наибольшее значение имеют труды С. М. Соловьева⁶, который, в частности, впервые нарисовал картину англо-русских противоречий и борьбы вокруг вопросов политического переустройства Европы в 1814—1815 годах, показал развитие англо-европейских отношений в этот период. Труды С. М. Соловьева, основанные на изучении русских дипломатических документов, принадлежат к числу лучших работ по истории международных отношений первой четверти XIX века, которые и поныне в большой мере не утратили своего значения.

С наступлением эпохи империализма в буржуазной историографии Венского конгресса значительно выросли реакционные тенденции. В германской буржуазной историографии в условиях роста пангерманских настроений некоторые немецкие историки усилили критику Конгресса «справа».

Эта пангерманская историография, как и вся идеология пангерманизма, возникла не на голом месте. Она представляла собой в этом вопросе, как и в большинстве других, прямое продолжение реакционной линии в немецкой исторической науке XIX века. Уже во времена самого Конгресса на страницах многих немецких (особенно прусских) изданий раздавались призывы к расчленению Франции, к превращению ее в конгломерат малых государств, к всяческому урезыванию ее национальной территории в пользу Пруссии. Тогда это еще могло казаться призывами, вырвавшимися во время борьбы или еще не остывшего ожесточения после длительных войн, в которых на карту было поставлено само существование многих государств Германии. Однако подобные же ноты — но только в форме сожаления об упущенных воз-

⁶ См. С. М. Соловьев, Император Александр I, СПб., 1877; его же, Венский конгресс, «Русский вестник», 1865, т. 55.

возможностях — слышались в германской историографии и публицистике и в последующие десятилетия. Правда, и в тот период такие настроения представляли собой уродливые крайности в защите идеи германского объединения, одним из главных противников которого была Франция. Иной характер — характер прямого служения безграничным империалистическим притязаниям Германии — приобрели эти шовинистические тенденции в конце XIX — начале XX века. Они стали окрашивать все большую часть немецкой буржуазной историографии, пока не заняли в годы первой мировой войны фактически господствующее положение.

Взамен прежним исторически обоснованным обвинениям руководителей Конгресса в пренебрежении к национальным интересам Германии пришли шовинистические упреки в том, что в 1815 году была территориально «недостаточно урезана» Франция, что она не была лишена положения великой державы, что Конгресс не сумел эффективно выступить против России, что чрезмерно прислушивались к мнению Англии. По существу, если отбросить мало что менявшие оговорки, пангерманская историография стала обвинять Конгресс не только в том, что он не удовлетворил великодержавные притязания Пруссии, но и в том, что он не предвосхитил и не одобрил заранее планы пангерманизма, изображавшиеся немецкими реакционными историками как панацея для решения не только немецких, но и общеевропейских проблем. Трудно представить себе более откровенный отход от самых элементарных принципов научного изучения истории Конгресса. Пангерманский крен в освещении истории Конгресса особенно ярко проявился в то время, когда в Германии отмечалась его столетняя годовщина. Этот юбилей пришелся на начальный период первой мировой войны. Немудрено, что статьи этого времени, когда захватнические аппетиты немецкого империализма возрастали после каждой удачной наступательной операции германских войск, заполнены упреками в адрес Конгресса, обвиняемого в том, что он недостаточно «наказал» Францию за ее «разбойничью политику», осуществлявшуюся еще со времен Людовика XIV, что в Вене не оценили великие заслуги Пруссии перед Европой и т. п.⁷

⁷ См., например, Über den ersten Pariser Frieden, «Deutsche Revue», 1914, Oktober-Heft, Jahrg. 39, S. 74.

Одним из наиболее устойчивых элементов этой пангерманистской фальсификации истории являлась ее ярко выраженная направленность против России. История Конгресса переписывалась с целью до крайности уменьшить решающую роль России в разгроме Наполеоновской империи. Реакционные немецкие историки ухитрялись писать историю крушения Наполеоновской империи, почти не упоминая Отечественную войну 1812 года и освободительный поход русской армии в Европе в 1813 году. Эта ревизия истории охватила и область искусства: художник Вернер Шух и др. спешно изготовили картины Лейпцигского сражения, которые взамен традиционного изображения «братства» трех императоров — Александра, Франца и Фридриха Вильгельма, характерного для прежней монархической живописи на исторические темы, представили пруссаков главными победителями Наполеона⁸.

Россия, которая спасла историческое существование Пруссии в эпоху наполеоновских войн, только благодаря поддержке которой Пруссия получила все, чего ей удалось добиться на Венском конгрессе, рисовалась врагом Германии и чуть ли не одним из организаторов «антипруссского сговора» великих держав в Вене⁹.

И хотя научного значения вся эта литература не имеет, однако ее следовало упомянуть, так как она явилась одним из источников идей для работ, публиковавшихся в гитлеровской Германии. Подобные тенденции можно найти и в современной западногерманской историографии.

В странах Антанты также предпринимались попытки использовать столетний юбилей Конгресса для извлечения соответствующих исторических уроков. Однако обстановка империалистической войны менее всего способствовала объективности работ, появлявшихся тогда на страницах буржуазных изданий в Англии, Франции и царской России. Антантовские осуждения германского милитаризма и аннексионизма, поскольку они исходили из уст идеологов империализма соперничавшей с Германией группировки держав, приводили к искажению даже внешне правильных замечаний и тезисов.

⁸ См., например, об этом «Русская старина», 1913 г., № 12, стр. 466—467.

⁹ См. «Deutsche Revue», 1914, Oktober-Heft, Jahrg. 39, S. 75.

Вопрос о пруссачестве, немецком милитаризме и рваншизме переносился из социальной плоскости в национальную. Проявления реакционной политики германского крупного капитала и юнкерства приписывались немецкому национальному характеру. Даже идея ликвидации Пруссии фактически проповедовалась не с целью подрыва позиций германской реакции, а как орудие борьбы против национального единства германского народа¹⁰. Эти «подмены», конечно, менее всего могли способствовать научному исследованию истории Конгресса.

Однако интерес к ней не ослабевал и даже в конце войны был подогрет в странах Антанты обсуждением проблем послевоенного мирного переустройства и обеспечения постоянного мира, перспективу которого рисовала народам антантовская пропаганда. В это время появляются первые работы Чарльза Вебстера, посвященные Венскому конгрессу¹¹. Вебстер продолжал уделять внимание этой проблематике и в межвоенный период, когда опубликовал свои известные исследования, посвященные переосмыслению в апологетическом духе внешней политики английского министра иностранных дел Каслри¹². Вполне определившаяся тенденция буржуазной историографии в отношении переоценки реакционных деятелей прошлого с еще большей ясностью, чем в случае с Каслри, проявилась в отношении руководителя австрийской внешней политики Меттерниха, о котором в эти десятилетия появляется обширная литература, написанная, как правило, в чрезвычайно благожелательных тонах¹³. Аналогичные исследования публиковались о Талейране, английском премьер-министре лорде Ливерпуле и ряде других государственных деятелей, принимавших участие в Венском конгрессе или оказавших влияние на ход его

¹⁰ См., например, С. Бутурлин, Столетие окончания наполеоновских войн (Ватерлоо 6(18) июня 1815), «Московские ведомости», 6(19) июня 1915 г.

¹¹ См. С. К. Webster, The Congress of Vienna 1814—1815, L., 1919.

¹² См. С. К. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815. Britain and the Reconstruction of Europe, L., 1931; С. К. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1815—1822, Britain and the European Alliance, L., 1925.

¹³ Здесь прежде всего надо назвать работу австрийского историка Србика, переизданную в ФРГ (см. Н. Р. Srbik, Metternich. Der Staatsmann und der Mensch, Bd. 1—2, Wien, 1925, 2 Aufl., München, 1957).

работы. Волна «переписывания» истории Венского конгресса с целью восхваления Меттерниха¹⁴ и других лидеров европейской реакции¹⁵ первоначально сравнительно слабо затронула освещение истории ряда частных, но очень важных проблем. Так, в нацистской историографии даже имело место осуждение Меттерниха как противника великогерманской «исторической миссии». Эта точка зрения получила отражение, в частности, в двухтомной работе Г. Рёсслера «Борьба Австрии за освобождение Германии»¹⁶ (Рёсслер в дальнейшем продолжал активно выступать с работами по дипломатической истории начала XIX в. в западногерманской историографии). С другой стороны, в годы нацизма публиковались работы, изображавшие Меттерниха защитником «тевтонской идеи», установления господства «Центральной Европы» над европейским континентом. Если Рёсслер в значительной мере следовал критике Меттерниха, которую давал Трейчке, как «малогерманец» (т. е. сторонник создания Германской империи без Австрии), то другой нацистский историк, Лаубер¹⁷, в связи с гитлеровским захватом Австрии считал полезным осуществить и аншлюс австрийской истории, фальсифицируя ее для подведения исторической базы под агрессивные планы и действия «третьего рейха».

Однако во время и после второй мировой войны интерес к истории Венского конгресса превзошел все наблюдавшееся ранее¹⁸. И это далеко не случайно. В условиях

¹⁴ К числу новейших работ относятся: А. Т. May, The Age of Metternich 1814—1848, N. Y., 1965; G. Bertier de Sauvigny, Metternich et son temps, P., 1959; G. Bertier de Sauvigny, Metternich et L'Europe, «Le Congrès de Vienne et L'Europe», Bruxelles — Paris, 1964; J. Droz, L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée «Mitteleuropa», P., 1960.

¹⁵ Следует отметить, что большое число новых работ на Западе посвящено не только Меттерниху, но и его ближайшему сотруднику Ф. Гентцу (см., например, P. R. Sweet, Friedrich von Gentz, Defender of the old Order, Madison (Wisconsin), 1941; G. Mann, Friedrich von Gentz. Geschichte eines europäischen Staatsmannes, Wien, 1947; T. Baha, Friedrich von Gentz, Wien, 1965).

¹⁶ См. H. Rössler, Österreichs Kampf um Deutschlands Befreiung. Die deutsche Politik der nationalen Führer Österreichs 1805—1815, Bd. 1—2, Hamburg, 1940.

¹⁷ E. Lauber, Metternichs Kampf um die Behauptung der europäischen Mitte. Struktur seiner Politik von 1809 bis 1815, Leipzig, 1939.

¹⁸ См., например, публикацию «Der Wiener Kongress in Augenzeugenberichten, Düsseldorf, 1965», а также работы: G. Ferrero, The Reconstruction of Europe, N. Y., 1941; H. Nicolson, The Congress

углубления общего кризиса капитализма в буржуазной историографии начались усиленные поиски исторических параллелей со временем, когда реакционные силы Европы делали последнюю отчаянную попытку отстоять и укрепить подорванные Французской революцией феодальные устои в странах Европы. Можно без всякого преувеличения сказать, что «переписывание» истории Венского конгресса было целиком поставлено на службу историческому обоснованию современной идеологии империалистической реакции.

Неудивительно поэтому, что подавляющая часть новых работ о Венском конгрессе представляет собой не исследования, вводящие новый фактический материал, хотя бы по отдельным аспектам этой темы, а социально-политические рассуждения, нередко опирающиеся на очень скудную источниковедческую базу и в основном оперирующие данными, уже давно известными исторической науке. Тем большее основание имеется к тому, чтобы сказать о главных линиях, по которым развивается интерес буржуазной историографии к Венскому конгрессу.

Прежде всего он идет по линии восхваления творцов решений Венского конгресса как создателей относительно прочного «порядка», способного, хотя бы в течение определенного времени, сопротивляться натиску снизу, со стороны народных масс¹⁹. Более того, особенно подчеркивается, что этот порядок был создан усилиями не только победителей, но и побежденных, то есть Франции. В этой связи отмечается, что подобное «единодушие» реакции было достигнуто тем, что побежденным не был навязан «суровый» мир. Известный западногерманский историк второй мировой войны Типпельскирх писал: «Когда 150 лет тому назад мощная коалиция освободила Европу

от диктатора, ввергавшего ее в течение 20 лет из одной войны в другую, нашлись разумные государственные деятели, не возложившие на французский народ ответственности за ложный путь, по которому он пошел...»²⁰. Надо добавить, что подобные мысли, подкрепляющие идеологию западногерманского реваншизма, высказывали не только историки ФРГ, но и ученые других стран Западной Европы и США.

Венскому конгрессу приписывается также роль провозвестника идеи пресловутой «европейской интеграции». Повторяется хвастливое утверждение Меттерниха, что ему следовало бы «родиться столетием позже». Следуя все дальше по пути сомнительных аналогий, буржуазные историки утверждают, будто, в то время как Наполеону, а впоследствии Гитлеру, не удалось создать «единую Европу» на основе господства одной державы, Венский конгресс частично этого добился. НАТО же предстоит преуспеть в деле создания «европейской интеграции» в большей степени, обеспечив соглашение между главными капиталистическими державами²¹ (в этой связи буржуазные историки уделяют особое внимание попыткам привлечь США к участию в Священном союзе)²².

Венский конгресс объявляется олицетворением творческой роли консерватизма, его способности сохранять основы социального статус-кво в изменившихся условиях после бурных общественных потрясений²³. Руководителей Венского конгресса, и особенно Меттерниха, превозносят за умение найти противоядие, способное воспрепятствовать «национализму» (под которым понимается защита национального суверенитета) при полном сохра-

of Vienna. A Study in Allied Unity: 1812—1822, L., 1946; H. A. Strauss, The Attitude of the Congress of Vienna toward Nationalism in Germany, Italy and Poland, N. Y., 1949. На богатых архивных материалах основан труд немецкого либерально-демократического историка К. Гриванка, который главное внимание уделяет германскому вопросу (K. Griewank, Der Wiener Kongress und die Europäische Restauration 1814/1815, Leipzig, 1954).

¹⁹ См. G. Ritter, Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd. I: Die altpreußische Tradition (1740—1890), München, 1954; R. Rie, Das Legitimitätsprinzip des Wiener Kongresses, «Archiv des Völkerrechts», Bd. V, 1955, SS. 272—283.

²⁰ К. Типпельскирх, История второй мировой войны, М., 1956, стр. 571.

²¹ См. «Le Congrès de Vienne et L'Europe», Bruxelles — Paris, 1964, pp. 115—116.

²² См. J.-H. Pirenne, Les tentatives russes en vue d'obtenir l'adhésion des États-Unis à la Sainte-Alliance d'après quelques documents connus, 1816—1820, «Revue belge de philologie et d'histoire», vol. XXXIV, Bruxelles, 1956, N° 2; Н. Н. Болховитинов, Доктрина Монро, Изд-во ИМО, 1959, стр. 160.

²³ См., например, J.-H. Pirenne, La Sainte-Alliance, Organisation européenne de la paix mondiale, t. I, Les Traités de paix 1814—1815; t. II, La Rivalité anglo-russe et le compromis autrichien, 1815—1818, Neuchâtel — Paris, 1946, 1949.

нении интересов ведущих реакционных государств²⁴. Особое усердие в восхвалении Меттерниха проявляет влиятельная католическая историография, в частности в США. Рецензируя книгу Е. Крае «Политика Меттерниха в отношении Германии»²⁵, орган Американской католической исторической ассоциации «Католическое историческое обозрение» весьма одобрительно отозвался о посвященных Меттерниху новейших работах реакционных историков, которые выявили «его стабилизирующее влияние на европейской сцене, его неустанные усилия, направленные на то, чтобы воспрепятствовать наступлению политического хаоса или, по крайней мере, его отсрочить»²⁶.

В первое послевоенное десятилетие, когда среди части реакционных кругов Англии, США и Франции еще имела хождение идея расчленения Германии на ряд самостоятельных государств, которые в действительности предполагалось целиком поставить под контроль западных держав, некоторые западные историки пытались найти в решениях Венского конгресса историческое обоснование для подобных планов. Вместе с тем в буржуазной западногерманской историографии в эти годы получила широкое распространение версия об «устарелости» государственного суверенитета. В то время эта идея служила прикрытием для планов реванша, которые западногерманская реакция надеялась осуществить под эгидой американского империализма на правах его младшего

²⁴ См., например, A. G. Haas, Metternich, Reorganisation and Nationality 1813—1818. Veröffentlichungen des Institutes für Europäische Geschichte, Bd. 28, Wiesbaden, 1963; R. A. Kann, Metternich, A Reappraisal of His Impact on International Relations, «The Journal of Modern History», vol. 32, 1960, Dec.; T. Schieder, Idee und Gestalt des übernationalen Staats seit dem 19. Jahrhundert, «Historische Zeitschrift», CLXXXIV (1957), SS. 336—366; M. Missolle, Metternich 1773—1859, P., 1959. О работах, посвященных политике Меттерниха, см.: K. Obermann, Bemerkungen über die bürgerliche Metternich-Forschung, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, H. 6; ср. также: A. Wandruszka, Der Kutscher Europas. Fürst Metternich im Urteil der Historiker von Heute, «Wort und Wahrheit», XIV, 1959, SS. 459—461 и написанный с явно апологических позиций обзор P. W. Schroeder, Metternich Studies since 1925, «Journal of Modern History», vol. 33, No 3, Chi., 1961.

²⁵ См. E. E. Krahe, Metternich's German Policy, vol. 1, Princeton (USA), 1963.

²⁶ «Catholic Historical Review», vol. 50, No 4, Jan., 1965, p. 639.

партнера и сателлита. По мере восстановления сил западногерманского империализма те же, слегка модернизированные теории были призваны замаскировать планы насильственной ревизии итогов второй мировой войны. Невольно приоткрывая «двойную бухгалтерию» буржуазной историографии ФРГ, западногерманский историк В. Хубач начинает свою статью «Проблемы немецких границ в 1813—1815 годах» с полностью «наднационального» утверждения о «бессмысленности и безнадежной устарелости политических границ в век самолетов и сверхзвуковой скорости», а кончает вполне реваншистским требованием отторжения территорий, входящих в состав Советского Союза, Польши и Чехословакии²⁷.

Примечательны также и рассуждения известного западногерманского историка Г. Ротфельса о необходимости преобладания «государственного начала над национальными интересами», чего не мог понять «исключительный», «отклонившийся от нормы» XIX век с его «национализмом». Понятно, что решения Венского конгресса по немецкому вопросу кажутся Ротфельсу более «соответствующими нормам». «Мы рассматриваем ныне,— писал он в 1958 году,— старые наднациональные и федеративные формы устройства в Центральной Европе и даже подвергавшийся особому осуждению Германский союз в более положительном свете, чем либеральная Национальная партия в середине прошлого столетия»²⁸. Подобную же точку зрения развивал в своих работах один из наиболее влиятельных западногерманских историков Г. Риттер, который пытался установить связь между «национальным принципом» («национализмом») и «тоталитаризмом» (родоначальником которого, по его утверждению, была якобинская Франция). Причем как «национализм», так и «тоталитаризм» Риттер объявлял «чуждым Европе». Корни «антиевропейских» и милитаристских тенденций Риттер ищет в освободительной борьбе против Наполеона. В силах, выступавших против решений Венского конгресса, Риттер усматривает... истоки

²⁷ См. W. Hubatsch, Deutsche Grenzprobleme 1813—1815, «Die Welt als Geschichte», 1956. Jahrg. 16, H. 3/4, SS. 179—195.

²⁸ H. Rothfels, Geschichtliche Betrachtungen zum Problem der Wiedervereinigung, «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, H. 4, S. 332. Критику концепций Ротфельса см.: G. Lozek und H. Sygbe, Geschichtsschreibung Contra Geschichte, B., 1964, Kap. 11.

нацизма²⁹. В то же время прусская монархия изображалась им как фактор, способствовавший европейскому прогрессу, а «пруссачество» противопоставлялось тому же «тоталитаризму» в качестве его антипода³⁰. В трактовке некоторых западногерманских историков (Ротфельса, Риттера и др.) даже такие прогрессивные немецкие деятели, как Штейн и Гнейзенау, оказывались единомышленниками наиболее одиозных представителей феодално-монархической реакции на Венском конгрессе, сторонниками принятых там решений по германскому вопросу и тем самым провозвестниками идей «европейской интеграции»³¹. При этом подчеркивалось, что Венский конгресс зафиксировал приоритет принципа равновесия сил над национальным принципом. Подобную же мысль еще более откровенно выражают некоторые американские и английские историки, разясняя, что объединение Германии было якобы несовместимо с принципом равновесия сил и существование единого германского государства будто бы неизбежно должно было приводить к нарушению политического равновесия и к войнам³².

Для «наднационально» мыслящих историков из ФРГ нередко характерна откровенно прорывающаяся ненависть к соседям Германии, в особенности к славянским народам. Недаром эти историки в понятие «германская проблема» включают и вопрос о славянских землях, захваченных Пруссией. Нечего и говорить о том, что нахождение этих славянских территорий в составе Пруссии не только безоговорочно одобряется, но и лицемерно изображается как великое благо для местного населения «Прусское абсолютистское государство, — уверяет западногерманский историк В. Фрауендинст, — не знало ненависти к славянам, оно было занято лишь решением экономических и культурных задач по повышению жиз-

ненного уровня, образованию и оказанию всяческого содействия всем гражданам — немцам и славянам»³³. Однако «неблагодарные славяне», и особенно поляки, не только не оценили «благодетель» прусских властей, а даже стремились к созданию собственного государства. «Великопольское движение, — утверждает Фрауендинст, — побуждало даже школьников к сопротивлению властям, оно организовало экономический и общественный бойкот немецких сограждан...». Представив таким образом поляков — по небезызвестным образцам национал-социалистских историков — угнетателями прусского населения, Фрауендинст объявляет их «противником, находившимся по эту сторону немецких границ, в 200 км от Берлина»³⁴.

Предпринимается немало попыток к пересмотру взглядов на Венский конгресс и с псевдолиберальных позиций, что, однако, по существу является полным отрицанием прежних либеральных воззрений. Так, например, в монографии Хааса, посвященной национальной политике Меттерниха, австрийский министр изображается сторонником проведения, хотя и в умеренной форме, идей национальной автономии и федерализма³⁵. Борьба же за германское единство фактически отождествляется с требованием восстановить Священную Римскую империю германской нации³⁶. Встречаются и попытки представить руководителей Конгресса как миротворцев, не желавших решать германский вопрос путем насилия³⁷. Решения Конгресса рисуются как «завещание» второй половине XX века³⁸. В этих «либеральных» интерпретациях можно легко проследить и многие другие «конъюнктурные отклики» на современную политику западных

³³ W. Frauendinst, *Preußisches Staatsbewusstsein und Politischer Nationalismus. Preußisch-deutsche Polenpolitik 1815—1890*, «Das östliche Deutschland. Ein Handbuch, Herausgegeben vom Göttinger Arbeitskreis», Würzburg, 1959, S. 315.

³⁴ *Ibid.*, SS. 306—307.

³⁵ См. А. Г. Хаас, *Metternich, Reorganisation and Nationality 1813—1818 Veröffentlichungen des Institutes für Europäische Geschichte*, Bd. 28, Wiesbaden, 1963.

³⁶ См. Е. Е. Крае, *Metternich's German Policy*, vol. I, p. 321.

³⁷ См. К. Schwarzenberg, *Fürst, Feldmarschall Fürst Schwarzenberg, der Sieger von Leipzig*, Wien, 1964, S. 397.

³⁸ См. W. Andreas, *Das Zeitalter Napoleons und die Erhebung der Völker*, Heidelberg, 1955, S. 577; W. Andreas, *Napoleon, Konstanz*, 1962.

²⁹ См. Ritter, *Geschichte als Bildungsmacht, Ein Beitrag zur historisch-politischen Neubesinnung*, Stuttgart, 1946, S. 51.

³⁰ См. Е. Б. Черняк, *Историография против истории*, Изд-во ИМО, 1962, стр. 168—169.

³¹ См. Н. Вокс, *1789 und 1813. Das Zeitalter der Französischen Revolution in der reaktionären deutschen Geschichtsschreibung*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, H. 8, SS. 1378, 1381.

³² См. Е. V. Gulick, *Europe Classical Balance of Power. A case History of the Theory and Practice of One of the Great Concepts of European Statescraft*, N. Y., 1955, pp. 130, 131.

держав и западногерманских реваншистов в германском вопросе. Здесь и подчеркивание «европейской ответственности» за решение германской проблемы, и обоснование отказа от переговоров с прогрессивными силами германского народа — подлинными носителями идеи единства, и апология реакционных сил, породивших западногерманский милитаризм, и подчеркивание роли германской проблемы в создании на Венском конгрессе коалиции против России якобы в целях поддержания «европейского равновесия». Некоторые буржуазные историки договариваются даже до утверждения, будто ответственность за решения Конгресса несут сами народы, не сумевшие воспрепятствовать отдельным отрицательным сторонам в его деятельности³⁹.

Пожалуй, особой, так сказать «удвоенной», фальсификации подвергается в современной буржуазной историографии сложная фигура выдающегося деятеля немецкого освободительного движения Штейна. В отличие от апологетической интерпретации Меттерниха, Каслри, Талейрана, реакционные воззрения которых подаются как великие идеи, оказавшие влияние на будущее европейских народов, в отношении Штейна проводится более тонкая обработка. Одни буржуазные историки, признавая прогрессивный аспект в его деятельности, стремятся, соответствующим образом препарировав взгляды Штейна, превратить его в предтечу современного западногерманского реакционного национализма и реваншизма⁴⁰. Другие историки склонны изображать Штейна проповедником консервативных воззрений, приверженцем Священной Римской империи, к восстановлению которой он якобы стремился как к средству увековечивания господства немецкой дворянской аристократии⁴¹.

³⁹ См., например, R. Vierhaus, *Überstaat und Staatenbund. Wirklichkeit und Ideen internationaler Ordnung im Zeitalter der Französischen Revolution und Napoleons* «Archiv für Kulturgeschichte», Bd. XLIII, H. 3. Köln — Graz, 1961, S. 354.

⁴⁰ См. G. Ritter, *Stein*, Stuttgart, 1958; H. Rössler, *Reichsfreiherr vom Stein*, B., 1957; K. Raumer, *Freiherr vom Stein*, Münster, 1961.

⁴¹ См. W. Gembruch, *Freiherr vom Stein im Zeitalter der Restauration*, Wiesbaden, 1960 («Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann-Wolfgang-von-Goethe-Universität», Geisteswissenschaftliche Reihe, Nr. 2).

Извращения позиции Штейна связаны с общей (и давней) тенденцией немецкой реакционной историографии, стремящейся исказить подлинный характер освободительных войн, противопоставить их Французской революции и ее идейному наследию, представить консервативное крыло антинаполеоновского лагеря в Германии единственным выразителем чаяний немецкого народа и тем самым носителем исторического прогресса. Штейну приписывается то, чего он не делал, и, наоборот, отрицается его роль в том, что он действительно делал. В плане общей антирусской направленности западногерманской и американской буржуазной историографии предпринимается попытка приписать Штейну чуть ли не решающую роль в определении внешней политики России⁴². (Эти и другие многочисленные искажения подвергались всестороннему критическому анализу в трудах историков Германской Демократической Республики; в ряде работ, вышедших за последние годы в ГДР, показана подлинная роль Штейна как немецкого национального деятеля и руководителя освободительного движения⁴³.)

Имеются и многие другие линии, по которым происходит «переписывание» истории Конгресса.

Венский конгресс импонирует империалистическим идеологам и потому, что он заложил основы механизма осуществления «экспорта контрреволюции», который ныне как составная часть входит в программу крайних империалистических сил. Ряд историков, в том числе американец Г. Киссингер, стяжавший себе сомнительную известность в качестве теоретика ядерной войны, в своей книге о Венском конгрессе и Священном союзе пытается доказать, будто их опыт свидетельствует о воз-

⁴² Эта тенденция свойственна ряду работ буржуазных историков (см., например, W. Goerlitz, *Stein, Staatsmann und Reformator*, Frankfurt, 1949, SS. 342—354; C. Grunwald, *Napoleon's Nemesis, the Life of Baron Stein*, N. Y., 1936, p. 209; H. A. Schmitt, 1812; Stein, Alexander I and the Crusade against Napoleon, «The Journal of Modern History», 1959, Dec., No 4, vol. 31).

⁴³ См. A. Norden, *Das Banner von 1813*, B., 1962; H. Kamnitz er, *Wider die Fremdherrschaft*, B., 1962; K. Obermann, *Über den Anteil des Freiherrn vom Stein an der Vorbereitung der Erhebung von 1813*, «Wissenschaftliche Annalen», H. 10, B., 1957; Г. Бок, *Французская революция и немецкое освободительное движение — их отражение в немецкой реакционной историографии. Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства*, изд-во «Наука», 1965

возможности мирного сосуществования лишь социально однородных государств⁴⁴.

Широко обыгрывается антирусская дипломатия бывших союзников России совместно с побежденной Францией⁴⁵ (интересно отметить, что одобрение «коллективной» дипломатии, направленной против России, совмещается с похвалами царизму и реверансами в адрес Александра I⁴⁶). Возвеличивается секретная дипломатия, которая, в отличие от того, как это происходило после второй мировой войны, могла игнорировать «националистические притязания» народов и поэтому будто бы смогла добиться прочных результатов⁴⁷ и т. д. Более того, заключая свою апологию Венского конгресса в рамках новейших реакционных концепций, буржуазные историки утверждают, будто силы, которые в конечном счете разрушили систему, созданную в 1815 году, и прежде всего «народный национализм», обрушились впоследствии на человечество величайшие ужасы двух мировых войн, то есть повинны в тех бедствиях, которые в действительности являются прямым порождением империализма. Так создается порочный круг реакционных извращений истории Венского конгресса, которые в той или иной степени окрашивают даже немногие работы, посвященные исследовательскому изучению различных аспектов этой обширной темы. Исходные позиции такого рода предопределяют в большинстве случаев и угол зрения в отно-

⁴⁴ См. Н. А. Kissinger, *A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812—1822*, L., 1957 (примечательным является факт издания работы Киссингера под другим названием в ФРГ: Н. А. Kissinger, *Großmacht Diplomatie. Von der Staatskunst Castlereagh und Metternichs*, Düsseldorf — Wien, 1962); Н. А. Kissinger, *The Congress of Vienna, a Reappraisal*, «World Politics», 1956, Jan., No 2, vol. VIII; Н. G. Schenk, *The Aftermath of the Napoleonic Wars. The Concert of Europe. An Experiment*, L., 1947.

⁴⁵ При этом имеется тенденция всячески уменьшить роль меттерниховской Австрии в создании Священного союза (см. G. Bertier le Sauvigny, *Sainte-Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich*, «Revue Historique», 1960, avr.—juin, t. CCXXIII).

⁴⁶ См., например, L. I. Strakowsky, *Alexander I of Russia, the Man who defeated Napoleon*, N Y., 1947.

⁴⁷ См. G. A. Chevallaz, *Le traité de Vienne et la construction de L'Europe*, «Le Congrès de Vienne et L'Europe», Bruxelles — Paris, 1964, pp. 112—113; W. O. Henderson, *Castlereagh and Europe*, op. cit., p. 79.

шении даже сугубо частных вопросов, и отбор документов, и подход к фактам, и обрисовку действующих лиц.

До сих пор речь шла преимущественно о политических тенденциях буржуазной историографии и о происходившей в ней смене исторических концепций. Однако в понятие историографии проблемы в не меньшей мере входит и история накопления фактических знаний по данному вопросу, хотя, разумеется, на этот процесс пополнения науки новыми фактами накладывают явственный отпечаток исходные методологические взгляды и господствующие концепции.

В XIX веке было издано некоторое число сборников дипломатических документов и довольно значительное количество мемуаров, целиком или частично посвященных истории Венского конгресса. Однако основная часть дипломатических архивов оставалась неиспользованной, а зачастую и недоступной историкам. Документальная база работ, посвященных этой проблеме, значительно расширилась в 20—30-х годах XX в. Особенно в этом плане следует отметить издание британских дипломатических документов 1813—1815 годов⁴⁸, архива Штейна⁴⁹ (которые очень полезны, несмотря на тенденциозный подбор документов), фундаментальных — с точки зрения введения новых фактических материалов — исследований Вебстера, Србика, позднее Гриванка и др., а также значительного числа специальных статей в исторических журналах Англии, Франции, Германии, Австрии, США и других стран.

Тем не менее значительная часть архивных материалов и поныне остается неизученной. Не предпринималось и достаточно полных публикаций дипломатических документов, которые заменили бы выборочные и в большинстве своем устаревшие издания прошлого века⁵⁰.

⁴⁸ См. *British Diplomacy 1813—1815. Select Documents dealing with the Reconstruction of Europe*, ed. by C. K. Webster, L., 1921 (в дальнейшем: *British Diplomacy*...).

⁴⁹ См. *Freiherr vom Stein, Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen*, Hrsg. von E. Botzenhart, Bd. I—VII, B., 1931—1937; в 1957 году в связи с 200-летием со дня рождения Штейна в ФРГ было предпринято новое переработанное многотомное издание: «*Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften. Bearbeitet von Erich Botzenhart, neuherausgegeben von Walter Hubatsch*», Bd. I—V. Stuttgart, 1957—1964.

⁵⁰ Из этих изданий кроме мемуаров и переписки ведущих деятелей Конгресса сохраняют свою ценность отдельные публикации, как,

Характеризуя разработку проблем дипломатической истории 1814—1815 годов в новейшей буржуазной историографии, необходимо отметить не только введение в научный оборот большого количества новых важных фактов, но и возросшую исследовательскую технику, умелое сопоставление источников для выяснения многих существенных деталей, точно воссозданную связь между различными событиями, объективное решение отдельных частных вопросов и ряд других серьезных достижений (особенно в трудах Ч. Вебстера, Србика и некоторых других историков). Все это, однако, в немалой степени обесценивается несостоятельностью методологических предпосылок, не говоря уже о частых случаях сознательной тенденциозности и искажения фактов в угоду предвзятым концепциям.

Впервые научная оценка Венского конгресса на фоне общеевропейской истории и международных отношений была дана основоположниками марксизма-ленинизма. Огромное значение для понимания проблем, связанных с Венским конгрессом и с последующим историческим развитием Европы, имеет данный К. Марксом и В. И. Лениным анализ сущности наполеоновских войн и национально-освободительных войн против господства Наполеона, в результате которых история шла вперед — от феодализма к «свободному» капитализму⁵¹.

Ф. Энгельс, характеризуя Венский конгресс, отмечал, что этот Конгресс крупных и мелких деспотов был создан для раздела добычи и выяснения, в какой мере возможно восстановление дореволюционного положения вещей. На Конгрессе «народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей»⁵².

Основоположники марксизма-ленинизма показали истинные цели великих держав на Венском конгрессе, вскрыли их классовую обусловленность и реакционную захватническую сущность.

В советской историографии имеется целый ряд работ, которые, хотя и не посвящены специально исследованию

например, Angeberg (L. Chodźko), *Le Congrès de Vienne et les traités de 1815 précédés et suivis des actes diplomatiques*, vol. 1—4, P., 1864 (в дальнейшем: Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*).

⁵¹ См. В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 35, стр. 383.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 2, стр. 568.

истории Венского конгресса, содержат многие важные положения и выводы, связанные с этой темой. В первую очередь здесь надо упомянуть известные труды Е. В. Тарле⁵³. Следует назвать также работы И. М. Майского⁵⁴, обобщающие статьи А. Л. Нарочницкого⁵⁵, монографию А. М. Станиславской⁵⁶. Отдельные вопросы дипломатической истории конца наполеоновских войн и начала эпохи Реставрации исследованы в работах А. З. Манфреда, А. И. Молока, Е. Б. Черняка и некоторых других советских ученых.

Большой вклад в изучение социально-политической и военно-дипломатической истории 1812 года внесли новейшие советские исследования, посвященные Отечественной войне⁵⁷. Были также опубликованы работы, посвященные различным аспектам войны за освобождение Германии от наполеоновского господства в 1813 году⁵⁸.

Как уже упоминалось выше, в области разработки истории Освободительной войны 1813 года много было сделано историками ГДР⁵⁹.

⁵³ См. Е. В. Тарле, *Соч.*, тт. I—XII, Изд-во АН СССР, 1958—1961; «Континентальная блокада», т. III; «Наполеон. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год». «Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат», т. VII; «Талейран», т. XI.

⁵⁴ См. И. М. Майский, *Испания 1808—1917*, Изд-во АН СССР, 1957; его же, *Наполеон и Испания, «Из истории общественных движений и международных отношений»*, Изд-во АН СССР, 1957.

⁵⁵ См. А. Л. Нарочницкий, *Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии*, «Вопросы истории», 1964 г., № 3; его же, *Об историческом значении континентальной блокады, «Новая и новейшая история»*, 1965 г., № 6.

⁵⁶ См. А. М. Станиславская, *Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798—1807*, Изд-во АН СССР, 1962.

⁵⁷ См. Л. Г. Бескровный, *Отечественная война 1812 года*, Соцэкгиз, 1962; 1812 год. К столетию Отечественной войны, Изд-во АН СССР, 1962; В. М. Хвостов, Н. И. Казаков, *Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества. «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства»*, изд-во «Наука», 1965 и др.

⁵⁸ См. сборник статей советских историков и историков ГДР «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965; статьи: Н. М. Дружинин, *Освободительная война 1813 года и русское общество*, «Вопросы истории», 1963 г., № 11; П. А. Жилин, *Историческое значение битвы под Лейпцигом в 1813 г.*, «Новая и новейшая история», 1963 г., № 4 и др.

⁵⁹ См. С. Б. Кан, *Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе*, «Вопросы истории», 1955 г., № 2; Н. Нейт-

Война за освобождение Германии от владычества Наполеона в течение многих десятков лет находилась в центре внимания немецкой историографии. Реакционные дворянско-буржуазные историки — Трейчке и др. — всячески принижали значение борьбы народных масс против чужеземного гнета, стремились вытравить память о революционном подъеме 1813 года, использовать события Освободительной войны для восхваления династии Гогенцоллернов и прусской знати, для разжигания шовинизма и милитаризма. В работах этих авторов пропагандировался миф о «полной общности» целей немецкого народа и господствующих классов в борьбе против Наполеона⁶⁰. Приписывая Пруссии главную заслугу в разгроме наполеоновской Франции, придавая огромное значение вступлению Австрии в войну против Наполеона, немецкие буржуазные историки, как правило, искажали или замалчивали историческую роль России в победе над могущественной Наполеоновской империей и в освобождении народов Европы от чужеземного гнета.

Беззастенчивой фальсификации подвергалась история войны за освобождение Германии в немецко-фашистской историографии, которая изображала нацистских насильников и убийц... преемниками героев Освободительной войны, а 1813 год — прообразом 1933 года, когда гитлеровцы захватили власть в Германии.

После второй мировой войны в ФРГ началось «переписывание» истории Освободительной войны, что означало в значительной мере возврат к концепциям наиболее консервативных немецких историков, в свое время опровергнутым либеральными буржуазными учеными.

Буржуазная историография, посвятившая множество работ военно-дипломатической истории 1813 года, зачастую игнорировала другие стороны этой войны. Историки

---

z e r, Arbeiten über die Geschichte der Befreiungskriege (1806—1813), «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Sonderheft, 1960; Л. А. З а к. Новые работы историков ГДР о войне за освобождение Германии от наполеоновского господства, «Новая и новейшая история», 1964 г., № 5.

⁶⁰ Критический анализ взглядов историков так называемой малогерманской школы см. J. Streisand, Wirkungen und Beurteilungen der Befreiungskriege, «Das Jahr 1813. Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege», В., 1963; Г. Ш л е й е р, Малогерманская школа и Освободительная война, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965.

ГДР, направившие свои усилия в первую очередь на разработку таких проблем, как роль народных масс в войне, деятельность руководителей национального и патриотического движения, немецко-русское боевое содружество, сравнительно меньше занимались дипломатической историей 1813 года. Из немногих работ на эту тему можно отметить статьи К. Обермана⁶¹. Автор сжато характеризует главные этапы дипломатической борьбы в рассматриваемый период, обращая особое внимание на политику Австрии; он вскрывает реакционные цели правящих кругов габсбургской монархии, их страх перед подъемом освободительного движения в Германии, стремление полностью отказаться от всякого использования народных движений в войне против Наполеона. Оберман показывает, как после присоединения Австрии к антинаполеоновской коалиции дипломатические интриги Меттерниха, действовавшего в полном контакте с главнокомандующим союзными войсками австрийским фельдмаршалом Шварценбергом, мешали развертыванию военных операций против Наполеона. Меттерних, как подчеркивает Оберман, стремился добиться единства действий с Англией, чтобы помешать дальнейшему росту влияния России в Европе.

Вопреки утверждениям некоторых авторов, будто Меттерних обеспечил Австрии решающую роль в войне против Наполеона и ключевое положение среди великих держав, исторические события развивались вовсе не по воле «венского посредника». Победы над Наполеоном в 1813 году, и прежде всего разгром наполеоновской армии под Лейпцигом, были достигнуты не дипломатией Меттерниха, а борьбой воодушевленных национальным патриотическим подъемом народов⁶².

150-летняя годовщина Освободительной войны 1813 года вызвала появление большого количества работ, посвященных истории крушения Наполеоновской импе-

⁶¹ См. К. О б е р м а н н, Diplomatie und Aussenpolitik im Jahre 1813 unter besonderer Berücksichtigung der Rolle Metternichs, «Das Jahr 1813. Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege», В., 1963; К. О б е р м а н, О роли Меттерниха в европейской дипломатии 1813 года, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965.

⁶² См. А. Л. Н а р о ч н и ц к и й, Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии, «Вопросы истории», 1964 г., № 3, стр. 188—189.

рии. Хотя главное внимание в них уделялось военным вопросам, некоторые из этих работ затрагивают также дипломатическую историю 1813—начала 1814 года и содержат архивный материал по вопросам, являющимся непосредственной предысторией Венского конгресса. Следует отметить, что главная роль в исследовании событий 1813—1814 годов принадлежит ученым прогрессивного лагеря.

Из работ, опубликованных в ГДР по истории Освободительной войны, Венского конгресса⁶³ и Священного союза, для нашей темы особое значение имеет труд Коссока «В тени Священного союза. Германия и Латинская Америка в 1815—1830 годах»⁶⁴. Эта работа несомненно является серьезным вкладом в исследуемую проблему и, поскольку здесь это специально интересует нас, в изучение позиции Венского конгресса в колониальных вопросах. Надо признать заслугой Коссока то, что он вскрывает несостоятельность концепций ряда буржуазных авторов (например, Г. Никольсона⁶⁵), ограничивавшихся констатацией того, что колониальный вопрос формально занимал малое место в переговорах в Вене. В отношении Латинской Америки это утверждение неточно даже в этом ограниченном смысле. Однако важнее то обстоятельство, что за кулисами колониальный вопрос обсуждался очень активно, и задача историографии — выяснить смысл и значение этих обсуждений. Коссок приступил к решению своей задачи, исследуя отношение Венского конгресса и Священного союза к освободительной борьбе в Латинской Америке.

В марксистской литературе нет специальной монографии по истории Венского конгресса; в буржуазной литературе остались неосвещенными или искаженными многие аспекты этой истории, что в немалой степени связано и со слабой изученностью материалов русского дипломатического архива по этой теме.

⁶³ Здесь следует назвать следующую работу: К. Оберманн, *Der Wiener Kongreß 1814—1815*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Н. 3.

⁶⁴ См. М. Коссок, *Im Schatten der Heiligen Allianz. Deutschland und Lateinamerika 1815—1830*, В., 1964.

⁶⁵ См. Н. Никольсон, *The Congress of Vienna. A Study in Allied Unity: 1812—1822*, L., 1946 (в дальнейшем: Н. Никольсон, *The Congress of Vienna...*).

Нет нужды говорить о значении, которое Конгресс имел в истории международных отношений, во всей истории Европы в XIX веке, и насколько всесторонняя и объективная оценка Конгресса важна для понимания хода событий. Историческое место Венского конгресса должно быть глубоко осмыслено для понимания механизма перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе (точнее, для изучения попыток реакционных сил воспрепятствовать этому переходу, замедлив или введя его в устаревавшее их русло). Не менее важно все это для понимания истоков и истории не только феодальной, но и буржуазной реакции, сложности и противоречивости развития буржуазной идеологии даже в период исторического подъема буржуазии как класса. Решение этих важных задач необходимо и для борьбы против современной реакционной историографии, превратившей фальсифицированную историю Венского конгресса в орудие исторического обоснования реакционной идеологии и политики современного империализма.

Все вышесказанное объясняет причины, побудившие автора избрать тему настоящего исследования.

Автор уделил особое внимание изучению обширного свода дипломатической корреспонденции, связанной с Венским конгрессом, которая хранится в Архиве внешней политики России МИД СССР (АВПР). Без ее изучения невозможно создание действительно полной и научно обоснованной исторической картины (добавим, что недостаточная исследованность этих архивных фондов прямо льет воду на мельницу антирусских измышлений и фальсификаций, распространенных в новейшей реакционной литературе по истории интересующего нас периода). Именно материалы АВПР вместе с материалами других (названных ниже) архивов послужили основой для тех наблюдений и выводов, к которым автор пришел в данной работе.

Наряду с материалами АВПР автор стремился, насколько это возможно по характеру темы, использовать фонды Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР) и др.

Вместе с тем автор старался в максимально возмож-

ной степени использовать доступные фонды зарубежных архивов. Ценные данные содержатся в изученных автором материалах Германского центрального архива⁶⁶ (отделение Мерзебург). Интересный и своеобразный свет на события 1814—1815 годов проливают документы, извлеченные из Главного саксонского архива в Дрездене⁶⁷.

Весьма полезными оказались микрофильмы материалов Государственного архива Швеции в Стокгольме.

Для уточнения отдельных моментов был использован микрофильм документов Западногерманского архива Штейна (оригинал хранится в ФРГ).

Наряду с изучением дипломатических материалов отечественных и зарубежных архивов автор при написании работы стремился широко использовать имеющиеся публикации дипломатических документов. Особое значение имеет ценнейшая капитальная публикация документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁶⁸, несомненно превосходящая все подобные издания на Западе. Эта публикация доведена в настоящее время до 1813 года, однако и в нынешнем своем виде она чрезвычайно важна для исследователя истории Венского конгресса, так как раскрывает ряд тенденций в развитии международных отношений, которые проявились впервые или усилились в последующие годы. Нужно отметить и советский сборник документов о войне 1813 года⁶⁹.

Использованы также публикации документов, вышедшие в западноевропейских странах, прежде всего в Англии, Германии, Франции и Австрии. Автор старался привлечь и такой малоизученный источник, как современная Конгрессу периодическая печать, содержащая немало важных, часто не попадавших в дипломатическую корреспонденцию сведений о ходе дипломатической борьбы, и передать резонанс, который получали в Европе политика и действия отдельных держав.

⁶⁶ Бывший Прусский тайный государственный архив.

⁶⁷ Бывший Главный государственный архив Саксонии.

⁶⁸ См. «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел», серия первая 1801—1815 гг., Госполитиздат, 1960—1965 (опубликованы тт. I—IV, VI; т. VI содержит материалы 1811—1812 гг.) (в дальнейшем: «Внешняя политика России»).

⁶⁹ См. «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов», изд-во «Наука», 1964.

Особый интерес представило изучение русской прессы, сочинений и воспоминаний современников, что позволило не только уточнить некоторые представления о ходе самого Конгресса, но и познакомиться с оценкой, данной ему различными кругами русского общества.

Автор старался использовать мемуары, дневники, памфлеты, сочинения участников событий и другие материалы, а также учесть фактические данные, введенные в литературу, так или иначе затрагивающую историю Конгресса.

В рамках данной монографии автор не стремился к равномерному освещению всех аспектов работы Венского конгресса. Он старался отвести должное место узловым проблемам в деятельности Конгресса и, хотя бы кратко, остановиться на всех более или менее существенных сторонах его работы. Вместе с тем особое внимание обращалось на те вопросы и моменты, которые либо не получили вовсе, либо получили недостаточное или искаженное освещение в историографии и которые, тем не менее, представляются важными для общей оценки Конгресса и для более глубокого понимания его роли в истории международных отношений и всей истории XIX века. К числу малоизученных проблем относятся, например, вопросы идеологии Венского конгресса, которая отнюдь не укладывается в рамки идеологии «чистой» феодальной реакции, точнее, бытующих в историографии упрощенных о ней представлений. Большой интерес представляет отношение русского общества, в особенности его передового лагеря, будущих декабристов, к Конгрессу и его решениям. Изучение этой темы, помимо всего прочего, может пролить дополнительный свет на генезис идеологии декабристского движения.

Таковы главные вопросы, которые служат предметом исследования в данной монографии.

ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ

Венский конгресс принято, и с полным основанием, рассматривать как съезд руководителей коалиции феодально-абсолютистских государств и выступавшей в союзе с ними буржуазной Англии, стремившихся к реставрации старых порядков. Это, в общей форме правильное, утверждение нуждается в существенных уточнениях и детализации.

За 25 лет, прошедших с начала Великой французской революции, Европа в экономическом отношении сделала огромный шаг по пути капиталистического развития. Англия пережила за это время целый этап промышленного переворота, значительно усилилось развитие промышленности во Франции, в различных частях Германии, Италии, в Нидерландах и других европейских странах¹,

¹ См. E. Labrousse, *Eléments d'un Bilan économique: La croissance dans la guerre*. XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 septembre 1965, Wien, 1965. Rapports, vol. 1,

хотя мануфактура все еще сохраняла полное преобладание над фабрикой. Ликвидация феодально-абсолютистских отношений во Франции в результате Великой французской революции изменила социальное лицо французской деревни и была в своей основе необратимым процессом. Возможности реставрации в экономической области сводились главным образом не к восстановлению дореволюционного порядка и прежних устоев, а к торможению дальнейшего развития капитализма. Однако и эти возможности были весьма ограничены. Кроме того, было бы неправильным представлять, что весь лагерь защитников старого был экономически заинтересован в этом торможении. Развитие экономики не только приводило к росту противоречий между промышленной буржуазией и силами феодально-абсолютистской реакции, но вело и к расширению сотрудничества, местами даже к сращиванию определенных фракций финансово-торговой буржуазии с феодальным дворянством. Существование этих фракций буржуазии не только не находилось в противоречии, но, наоборот, соответствовало интересам дворянства, что создавало экономическую основу для этого союза. В то же время эти фракции буржуазии обычно были заинтересованы в дальнейшем промышленно-капиталистическом развитии страны. Политически эта часть «старой» буржуазии, напуганная революционными потрясениями и «якобинской угрозой» собственности, разделяла реакционные планы дворянства. Однако сама реакционность этих слоев буржуазии носила несколько иной характер, чем реакционность дворянства. По существу это была ранняя буржуазная политическая реакция, отражавшая интересы привилегированных слоев буржуазии, но в то же время не склонная ставить палки в колеса капиталистического развития. То обстоятельство, что реставрированные монархисты опирались не только на собственно феодальные элементы, но и частично на эти

Grands Thèmes, pp. 473—498; R. Mousnier, E. Labrousse, *Le XVIIIe siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815)*, P., 1953; F. Crouzet, *Wars Blockade and Economic Change in Europe, 1792—1815*, «The Journal of Economic History», vol. 24, 1964, No 4; F. Crouzet, *L'économie britannique et le Blocus continental (1806—1813)*, t 1—2, P., 1958; A. D. Gayer, W. W. Rostow and A. J. Schwartz, *The Growth and Fluctuation of the British Economy 1790—1850*, vol. 1—2, Oxford, 1953; H. Mottek, *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands*, Bd. 2, B., 1964.

привилегированные слои буржуазии, без поддержки которых не могла обойтись государственная власть в большинстве европейских стран, наложило явственный отпечаток на всю внутреннюю и внешнюю политику правительств Реставрации. Без учета этого фактора трудно многое понять как в истории внутренней политики европейских стран, так и в международных отношениях и развитии общественной мысли в первые годы после крушения Наполеоновской империи.

В результате имел место отказ от реставрации не только там, где феодальные силы были не в состоянии ее осуществить, но и там, где эта возможность имелась, но где ею не воспользовались вовсе или воспользовались только частично и весьма своеобразно.

Менее всего реставрация затронула область собственно производства — здесь реакция была бессильна. В сфере финансовой организации, таможенной политики, промышленного законодательства, налоговой политики и в ряде других областей возвращение к старому было лишь частичным и иногда имело только второстепенное значение. Особо следует отметить сохранение в ряде европейских стран наполеоновского гражданского законодательства. Это приняло форму либо прямого сохранения в несколько измененном виде французского гражданского кодекса, переводившего, по словам Ф. Энгельса, экономические условия жизни только что возникшего буржуазного общества на язык юридических норм², либо введения взамен него новых кодексов, сохранявших основные положения последнего. Много аналогичных явлений можно было бы отметить также в области народного образования, положения церкви и др.

Более того, реставрация оказалась далеко неполной даже в той области, где она, казалось, должна была стать наиболее полной. Дело заключалось не только в том, что ряд стран (Франция, Нидерланды и др.) сохранили, хотя и в урезанном виде, отдельные черты конституционного строя. Не меньшее значение имело сохранение в большинстве европейских стран основ администрации и административного деления, которые были введены в первые годы французского господства. По определению В. И. Ленина, реставрированная монархия

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 475.

Бурбонов являлась шагом на пути превращения из феодальной монархии в буржуазную³. Это глубокое положение В. И. Ленина дает ключ к пониманию сложного и противоречивого характера реставрированных монархий в ряде стран Западной и Центральной Европы, к раскрытию смысла их внутренней и внешней политики, к пониманию социальной природы явления, которое обычно именуют «торжеством феодально-абсолютистской реакции» после крушения империи Наполеона. При этом надо, конечно, учитывать, что баланс старого и нового в экономической и социально-политической жизни в разных странах был очень различным.

Остановившись вкратце на классовых основах политики, которую проводили государства, решавшие на Венском конгрессе вопросы послевоенного устройства мира, можно перейти к дипломатической истории событий, непосредственно предшествовавших этому Конгрессу.

Война с наполеоновской Францией близилась к концу. Разгром наполеоновской «великой армии» в России, а затем победа союзников в сражении под Лейпцигом поставили перед участниками антифранцузской коалиции вопрос о будущем устройстве Европы. Заявляя о необходимости восстановления нарушенного Наполеоном «равновесия сил» и установления «прочного мира и справедливости», правительства держав-победительниц стремились осуществить свои планы территориальных захватов и преобразования Европы. Цели союзных держав далеко не всегда совпадали, по важнейшим вопросам вскрылись острые противоречия. Англия старалась сохранить господствующее положение на морях, закрепить за собой захваченные в ходе войны французские, испанские и голландские колонии, обеспечить себе германский, русский и другие рынки⁴, обезвредить опасного соперника — Францию и не дать усилиться союзнику — России.

Английская политика «равновесия сил» в Европе означала противопоставление одних европейских государств другим и возможность для Англии выступать в

³ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 83.

⁴ «Англичане стремятся, чтобы Россия покупала у них говары, производство которых обходится в России дорого, и ссылаются при этом на теорию Адама Смита», — писал в июле 1813 года Козловский из Лондона (Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 6836, л. 40).

роли «беспристрастного арбитра». Путь к достижению своей цели британское правительство видело в создании под властью оранской династии сильного Нидерландского королевства, в расширении и укреплении Пруссии и Австрии, которые, по мысли английского министра иностранных дел лорда Каслри, должны были стать мощным барьером против Франции, а также против России.

Россия, роль которой на международной арене резко возросла, стремилась к увеличению своих владений. Император Александр I добивался прежде всего создания в составе Российской империи Королевства Польского, которое включало бы земли бывшего Герцогства Варшавского. Пруссия, терявшая при этом свои владения в Польше, должна была получить компенсацию в Саксонии, Австрия — в Италии⁵. По замыслу Александра I Пруссия и Австрия должны были взаимно уравновесить друг друга; от устремления же на восток их должна была отвлекать Франция — ослабленная, но отнюдь не потерявшая значение.

Пруссия, мечтавшая восстановить утерянное в войне с Францией могущество и занять господствующее положение в Германии, претендовала на Саксонию, Вестфалию и другие германские земли. Ни Пруссия, ни Австрия не хотели усиления России и надеялись вернуть себе, если не полностью, то хотя бы частично, земли в Польше.

Австрия видела для себя опасность не только в сохранении мощи Франции и усилении России, но и в укреплении Пруссии, в ее стремлении к гегемонии в Германии. Она поддерживала поэтому английские планы создания Нидерландского королевства как части «антифранцузского барьера» и старалась переключить внимание Пруссии с германских земель на польские территории, на восток, где она противостояла бы России. Не намереваясь отказываться от своих польских владений, Австрия одновременно рассчитывала укрепиться в Италии, полностью ликвидировав французское влияние на Апеннинском полуострове. Но для осуществления этих целей нужна была прежде всего победа над Францией. В переговорах, которые вели между собой союзники в ходе войны, и в заключенных ими соглашениях они по возможно-

⁵ Инструкция Александра I Нессельроде 30 апреля (12 мая) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 18.

сти обходили острые углы и подбирали наиболее «обтекаемые» формулировки, чтобы политические противоречия не разрушили военный союз. Но рано или поздно эти противоречия должны были проявиться в полной мере.

В ноябре 1813 года, вскоре после битвы при Лейпциге, Меттерних попытался начать с Наполеоном мирные переговоры, предложив в качестве основы для них «естественные границы» Франции. Франкфуртские переговоры Меттерниха и русского дипломата графа Нессельроде с французским дипломатом Сент-Эньяном⁶ (Сент-Эньян в октябре 1813 г. попал в плен к союзным войскам), через которого Наполеону были направлены предложения союзников, вызвали беспокойство в Лондоне как из-за недоверчивого отношения к Меттерниху, так и в еще большей степени потому, что Сент-Эньяну намекнули на возможность признания «свободы морей», на что Англия не намерена была соглашаться ни при каких условиях.

В конце декабря 1813 года лорд Каслри выехал из Лондона, чтобы вместе с министрами союзных держав принять 28 января 1814 г. участие в совещании союзников в Лангре⁷. На этом совещании было принято решение: не ослабляя военных действий, начать мирные переговоры с Францией, предложив ей сохранить ее старые границы (т. е. границы 1792 г.); вопрос о правящей династии во Франции предоставить решать ей самой, но лишить ее права участвовать в обсуждении проблем, касающихся других государств⁸.

По решению совещания для предварительного обсуждения условий мира с Францией была созвана специальная конференция (иногда именуемая конгрессом), проходившая в Шатильоне с 4 февраля по 19 марта 1814 г.⁹ Во время переговоров союзников с Францией, оказавшихся безрезультатными, произошло другое, более значительное событие: в Шомоне был подписан общий договор о союзе между Россией, Англией, Австрией и Прус-

⁶ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t. 1, pp. 73—82

⁷ См. W. Oncken, *Lord Castlereagh und die Ministerkonferenz zu Langres*, «Historisches Taschenbuch», 1885, fol. 6, Jahrg. 4.

⁸ См. *British Diplomacy*, pp. 141—144.

⁹ См. Angeberg, *op. cit.*, t. 1, pp. 104—143. Подробное описание Конгресса см.: A. Fournier, *Der Kongress von Châtillon*, Leipzig — Wien — Prag, 1900.

сией¹⁰. Союзники обязались в случае отказа Наполеона от подписания мира не вести с ним сепаратных переговоров и не складывать оружия до полной победы. Установлен был контингент войск для каждой страны (150 тыс. человек) и размер субсидий (5 млн. ф. ст.), которые Англия обязалась выплатить союзникам. Договор был заключен на 20 лет, но сравнительно подробно в нем рассматривались лишь вопросы военного характера; что касается послевоенного устройства, то в договоре в общих выражениях говорилось об установлении в Европе «равновесия сил», обеспечении мира и независимости государств¹¹. В секретных статьях Шомонского трактата определялись многие черты будущего устройства Европы. Территория Франции должна была быть сведена к ее прежним границам. В Германии намечалось создать федерацию независимых государств, в Швейцарии — союз независимых кантонов. К Австрии должны были отойти все ее прежние владения в Италии. В Голландии, к которой предполагалось присоединить Бельгию, должна была быть восстановлена власть оранжского дома, в Испании — династии Бурбонов. Проблемы, могущие вызвать разногласия между союзниками, и на этот раз обходились молчанием. Но после окончательного разгрома Наполеона и вступления союзных войск в Париж со всей остротой встал вопрос и о правящей династии во Франции, и о границах французского государства, и о «реконструкции» Европы.

Александр I, никогда не питавший особых симпатий к Бурбонам, предложил посадить на французский престол короля Швеции, бывшего наполеоновского маршала Бернадота. Вместе с тем он настаивал на введении во Франции конституции. Меттерних, который во время переговоров в Лангре стремился оказать давление на Александра I, грозя заключить сепаратный мир с Наполеоном¹², теперь начал ратовать за Бурбонов. В день отрече-

ния Наполеона от престола (11 апреля 1814 г.) он писал австрийскому императору Францу: «...Когда я вчера приехал, тысячи людей были на бульварах. Голос народа — полностью за Бурбонов. В меньшей степени это относится к армии... но дело идет к ее полному роспуску... Я обедал у Талейрана вместе с русским императором, маршалами Неем, Макдональдом, Мармоном, Лефевром, генералом Дефуллем и многими другими; все они настроены против Наполеона»¹³.

Ответ императора последовал незамедлительно; Франц выражал полную солидарность с взглядами и действиями своего министра. «Главное — убрать Наполеона из Франции и, если бог даст, подальше»¹⁴, — писал австрийский император.

4 мая граф Прованский — уже в качестве короля Людовика XVIII — въехал в Париж. Теперь союзникам предстояло вести переговоры с бурбонским правительством Франции.

Каслри вначале полагал, что удастся легко разрешить все спорные вопросы и к середине мая переговоры будут завершены. Однако сразу же выявилась несостоятельность этих предположений. Если сравнительно быстро была решена судьба побежденной Франции, то гораздо сложнее оказалось наметить контуры послевоенной Европы, определить границы почти всех европейских государств. Интересы великих держав были весьма противоречивы. Взаимное недоверие вспыхивало всякий раз с новой силой, когда приступали к обсуждению очередного спорного вопроса.

29 апреля прусский канцлер Гарденберг предложил свой проект соглашения¹⁵. Пруссия требовала для себя не только Саксонию, но и рейнские земли к югу от Мозеля, включая Майнц. При этом условии она готова была отказаться от своих польских владений (кроме Торна). За Австрией сохранялись в Польше области Тарнополя и

¹⁰ Шомонский трактат был подписан 10 марта, но помечен задним числом — 1 марта 1814.

¹¹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. 1, pp. 116—119.

¹² Американский историк Крае считает, что в начале 1814 года Меттерних стоял за сохранение династии Бонапартов, так как полагал, что бурбонская Франция подпадет под влияние России (см. E. E. Krahe, Metternich's German Policy, vol. 1, Princeton — New Jersey, 1963, pp. 313—315).

¹³ Aus Metternich's nachgelassenen Papieren Hrsg. v. R. Metternich — Wineburg, T. I, Bd. 2, Wien, 1880, S. 471.

¹⁴ Император Франц — Меттерниху 12 апреля 1814 г., Aus Metternich's nachgelassenen Papieren..., стр. 472.

¹⁵ Полностью план Гарденберга приведен в следующей работе: K. E. von Hardenbergs Pläne und Versuche zur Neuordnung Europas und Deutschlands 1813/1815, «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1957, Jahrg. 8.

Кракова, ей предоставлялись Тироль и земли в Италии. Большую часть Великого Герцогства Варшавского предполагалось передать России. Однако Александр I, стремившийся получить Герцогство Варшавское целиком, отказался даже обсуждать этот проект. Он настаивал на том, чтобы договор с Францией был заключен в кратчайшие сроки, до начала каких-либо дискуссий между союзниками. Наметились разногласия также между Австрией и Пруссией. К числу спорных относились вопрос о Майнце и требования Пруссии предоставить ей территории с 13 млн. жителей (вместо 10 млн., которые она имела в 1806 г.). Различными были позиции Пруссии и Австрии и в отношении будущего устройства Германии.

Расхождения между союзниками проявились и при обсуждении условий договора с Францией. Прусские представители требовали выставить в отношении Франции более жесткие условия, и в частности наложить на нее контрибуцию в сумме свыше 100 млн. франков. Каслри добивался согласия Франции на создание Нидерландского королевства, сохранения за Англией ряда колоний и поддержки ее требования запретить работоторговлю¹⁶. Александр I склонялся к умеренным условиям мира. Меттерних, рассчитывавший получить в будущем поддержку Франции против России, также не хотел отталкивать ее слишком тяжелыми условиями договора. Франции (от ее лица переговоры вели Талейран и — до прибытия Людовика XVIII — брат короля граф д'Артуа) были предложены в общем те же условия, что и в Шатильоне, хотя и с некоторыми изменениями. Однако в ходе переговоров союзники должны были четко сформулировать свои требования, что повлекло за собой серьезные осложнения. Основные споры шли вокруг Польши, Сак-

¹⁶ См. *British Diplomacy...*, pp. 183—185. Следует отметить, что в кругах английской крупной буржуазии имелись сторонники заключения мира с Францией на более тяжелых для нее условиях. Выразителем их точки зрения был известный британский публицист и постоянный корреспондент «Таймс» по вопросам внешней политики Е. Стерлинг, подписывавшийся псевдонимом «Ветус». Ветус считал, что Англия должна «сохранить все, что удалось покорить». Французский писатель Ветус еще в ноябре 1813 года, надо навязать «карфагенский мир», то есть такой мир, который лишил бы ее не только желания нападать, но и способности к нападению; для этого Ветус предлагал отобрать у Франции не только территории, завоеванные ею в Европе, но и военные корабли, источники богатства в колониях, наложить на нее контрибуцию и т. п. (см. «Times», Nov. 15, 1813).

сонии и Майнца. Франция выступала против передачи Бельгии Нидерландскому королевству; шла борьба из-за колоний.

Наконец, 30 мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор между Францией и союзниками¹⁷. Франция была сведена к «старым границам», то есть теряла территории, приобретенные после 1792 года, но некоторые земли ей были переданы дополнительно (Ландау, Саарбрюккен, Мюльхаузен, Авиньон, значительная часть Савойи). Англия возвращала Франции часть захваченных у нее колоний, сохранив за собой наиболее важные в стратегическом отношении¹⁸. Франция обещала поддерживать английские позиции по вопросу об отмене работоторговли. Англия добилась также и принятия решения о расширении территории Голландии и о создании Нидерландского королевства. Договор предусматривал переход Генуи к Пьемонту, Ломбардии и Венеции — к Австрии, сохранение суверенитета и гарантии политического устройства Швейцарии, создание федерации германских государств.

В ст. XXXII договора указывалось, что не позднее чем через два месяца после его подписания все государства, принимавшие участие в войне, направят своих представителей в Вену на общий Конгресс для выработки соглашений, которые дополнят договор. Таким образом, Франция формально была допущена к участию в Конгрессе, и французское правительство расценивало это как победу, которую, правда, предстояло еще реализовать. Талейран с удовлетворением отмечал, что история не знала случая, когда при подобных обстоятельствах был бы заключен столь умеренный договор¹⁹. Однако ст. I (отдельная и секретная) указывала, что распределение территорий, должествующее создать истинное и устойчивое равновесие сил в Европе, будет осуществлено на Конгрессе на основе, установленной союзными державами между собой²⁰.

¹⁷ См. *Angerberg, Le Congrès de Vienne...*, t. 1, pp. 161—178.

¹⁸ Сохранение за Англией островов Тобаго, Мальты, Маврикия, Каспской колонии Каслри считал условием «*Sine qua non*» (см. *British Diplomacy...*, p. 178).

¹⁹ См. *Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le Congrès de Vienne*, publ. par M. G. Pallain, P., 1881, pp. 439—440 (в дальнейшем: *Correspondance inédite*).

²⁰ См. *Angerberg, op. cit.*, t. 1, p. 171.

Но целый ряд важнейших вопросов оставался нерешенным, и их предварительное обсуждение было перенесено в Лондон, куда английский принц-регент пригласил государей трех союзных держав.

В июне 1814 года в Лондон прибыли Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III, которого сопровождали Гарденберг и фельдмаршал Блюхер. Император Франц предпочел направить вместо себя искусственно в политических комбинациях Меттерниха.

И Каслри, и Меттерних вначале полагали, что в Лондоне будут, хотя бы в основном, достигнуты соглашения по всем важнейшим вопросам и предстоящему Конгрессу останется лишь санкционировать их. Меттерних рассчитывал подготовить почву для дальнейших переговоров, в первую очередь о Польше. Он учитывал при этом два возможных варианта: либо соглашение Австрии, Англии и Пруссии с Россией, предусматривавшее «добровольный» отказ России от притязаний на Польшу (в этом случае пришлось бы в качестве платы Пруссии за помощь согласиться на передачу ей Саксонии), либо открытая борьба против России при содействии только Англии и Франции. Стремясь добиться прусской поддержки, Меттерних готов был пренебречь договором с Баварией и не отдавать ей Майнц, а превратить его в федеральную крепость, как этого требовала Пруссия (Пруссия оккупировала Майнц и намерена была в случае объявления его федеральной крепостью оставить там свои войска).

В совместном меморандуме Гарденберга и Мюнстера (представителя от Ганновера на Конгрессе) от 15 июня 1814 г. указывалось, что Пруссия не может дать согласия на переход Майнца к Баварии и что превращение его в федеральную крепость положило бы конец спорам, возникшим по этому вопросу между Австрией и Пруссией²¹. Согласие на это было бы немалой уступкой со стороны Австрии, которой совсем не было выгодно, чтобы эта ключевая позиция оказалась в руках Пруссии²². И, на-

²¹ См. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, Nr. 303, fol. 8.

²² Не только в это время, но и в период Конгресса, и после него Австрия всячески противилась переходу Майнца к Пруссии. Когда в 1815 году Майнц был объявлен федеральной крепостью, Меттерних старался удержать там австрийские войска, мотивируя это необходи-

оборот, в обмен за согласие на присоединение Майнца к Баварии Австрия могла рассчитывать на серьезные уступки со стороны последней в Тироле. Одновременно, имея в виду вторую возможность, Меттерних стремился улучшить отношения с Людовиком XVIII и Талейраном.

Внешне могло показаться, что коалиция во время лондонских переговоров укрепились; бурные изъявления симпатии со стороны лондонцев, которыми сопровождалось появление русского императора на улицах английской столицы, еще больше утвердили Александра в его собственных глазах в роли «спасителя Европы» и казались проявлением прочной дружбы с Англией²³. В действительности же трещина, возникшая в отношениях между Россией и Англией в Париже, углубилась еще больше. В то же время лондонская встреча стала новой вехой в англо-австрийском сближении. 4 июля Гентц писал из Вены о том, что до сих пор все время чувствовалось предпочтение, которое Англия отдавала России. Это предпочтение подвергло бы опасности равновесие сил в Европе, но теперь видно, что британское правительство займет в отношении Польши ту же позицию, что и Австрия.

Важное значение в решении польского вопроса имела позиция Пруссии. Во всяком случае, и Каслри, и австрийский министр считали, что совместно с Австрией она могла бы оказать сопротивление требованиям России; без поддержки Пруссии позиции Австрии значительно ослабевали. Именно ради этой поддержки Меттерних, как уже говорилось, готов был, казалось, пожертвовать Саксонией и выдать ее Пруссии. Впрочем, разговоры о возможном разделе Саксонского королевства, в котором участвовала бы и Австрия, продолжались в Вене в течение всего лета 1814 года и вызывали серьезное беспо-

мостью участия Австрии в обороне Германии (см. Hardenberg an Friedrich Wilhelm III. 18 Okt. 1815. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, Rep. 92, Bd. VI, fol. 53—60).

²³ О визите Александра I в Лондон см. Отрывок из воспоминаний княгини Ливен (Londres en 1814) в книге: Переписка имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной, СПб., 1910, стр. 225—246. Имп. Александр I и король прусский в Англии в 1814 г., Выдержки Юрия Васильевича Толстого из английских газет, «Русская старина», 1892 г., № 8, стр. 347—363.

койство при саксонском дворе, опасавшемся, что Пруссия удастся привлечь Австрию на свою сторону²⁴.

На неофициальных совещаниях четырех министров в Лондоне, без сомнения, обсуждался саксонский вопрос, равно как и вопрос о Майнце, но проходили эти обсуждения в строгой тайне. Представителям саксонского короля, тщетно пытавшимся добиться приема у Каслри или у принца-регента, лишь сообщили, что решение откладывается до Конгресса. Результаты лондонского совещания не удовлетворили ни Меттерниха, ни Александра, который убедился, что за его спиной ведутся какие-то враждебные ему переговоры. Гарденберг и Гумбольдт были ободрены поддержкой, которую их планы в отношении Саксонии получили со стороны Каслри.

После длительных обсуждений министры пришли 16 июня к соглашению о том, что Конгресс должен быть созван 15 августа, на две недели позднее намеченного в Париже срока. Семь союзных держав, подписавших Парижский договор (Россия, Англия, Австрия, Пруссия, Испания, Португалия, Швеция), должны были составить подготовительный комитет, но сначала план реконструкции следовало определить четырем великим державам. Александр, однако, настаивал на отсрочке Конгресса до 1 октября, ссылаясь на необходимость предварительной поездки в Россию. Союзники отнеслись к его предложению крайне подозрительно, опасаясь, что царь использует это время для осуществления своих планов в Польше. Они говорили о том, что длительная отсрочка Конгресса вызовет серьезное недовольство средних и мелких государств, положение которых остается неопределенным, и предлагали назначить созыв Конгресса хотя бы на 1 сентября. Александр, согласившийся под их давлением сделать официальное сообщение о том, что до Конгресса не будет предпринимать никаких шагов в отношении областей, оккупированных русскими войсками, продолжал возражать против созыва Конгресса до 1 октября. В конечном итоге официальное открытие Конгресса было намечено на 1 октября, с тем чтобы министры собрались раньше для его подготовки. Для широкой публики отсрочка открытия Конгресса была объяснена необходимо-

²⁴ См. Schulenburg an Einsiedel am 21 August 1814, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2954, Bd. 1, Bl. 27—30.

стью для Каслри присутствовать на предстоящих важных заседаниях английского парламента и большой занятостью в ближайшие месяцы императора Александра²⁵. Договорились также, что ни Россия, ни Пруссия не будут предпринимать серьезных действий в оккупированных ими районах (Польша и Саксония были заняты русскими войсками, левобережье Рейна и Майнц — прусскими). Наконец, державы условились и о том, что до заключения окончательного мира каждая из них будет держать под ружьем армию в 75 тыс. человек (это решение определялось не столько опасением нового выступления Франции, сколько взаимным недоверием). 29 июня соглашение было подписано²⁶, и высокие гости начали разъезжаться из Лондона. Вся тяжесть переговоров была перенесена в Вену.

Оставшееся до Конгресса время политические руководители союзных держав использовали для подготовки к предстоявшей острой дипломатической борьбе.

И Англия, и Австрия опасались возможности сближения России с Францией. В Лондон просачивались слухи о том, что Талейран стремится восстановить и улучшить свои отношения с Александром. Циркулировали сообщения о действиях таинственных «русских агентов»²⁷. Поэтому Каслри считал целесообразным принять приглашение Талейрана и по пути в Вену посетить Париж. Веллингтон (который был назначен в 1814 г. английским послом в Париже при Людовике XVIII) одобрил этот план, заметив только, что не следует слишком афишировать благожелательное отношение к Франции, памятуя, что лишь несколько месяцев назад ее хотели вообще отстранить от участия в Конгрессе. Переговоры с Талейраном, писал Веллингтон, могут вызвать подозрения союзников, но даже на такой риск стоит пойти ради достижения взаимопонимания с Францией. При благоприятных условиях Англия и Франция могут выступить в Вене в роли арбитров²⁸.

²⁵ Сообщение об отсрочке начала работ Конгресса по этим мотивам было подготовлено Меттернихом и опубликовано в «Wiener Zeitung», A. F. Fournier, Londoner Präludien zum Wiener Kongreß (Geheime Berichte Metternichs an Kaiser Franz), «Deutsche Revue», 1918, Jahrg. 43, Bd. 1, S. 214.

²⁶ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. 1, pp. 183—184.

²⁷ См. H. Nicolson, The Congress of Vienna., p. 119.

²⁸ См. British Diplomacy., pp. 190—191.

24 августа Каслри прибыл в Париж. Две длительные беседы с Галейраном и двухчасовая аудиенция у Людовика XVIII убедили английского министра в возможности совместных действий Англии и Франции против России²⁹. В свою очередь он дал понять, что будет способствовать согласованию планов союзников с французскими интересами.

Почву для сближения с Францией нащупывал в это время и Меттерних. Рассчитывая привлечь Францию к борьбе против России и ее польских планов, он старался завязать прочные связи с французским правительством, хотя предусмотрительно избегал открытых дипломатических переговоров с Талейраном³⁰. Так внутри союза четырех стала намечаться новая расстановка сил.

В сентябре 1814 года в Вену начали съезжаться государи и министры, полномочные представители и наблюдатели, приглашенные и прибывшие по собственной инициативе, те, кто собирался решать судьбы Европы, и те, кто ожидал решения собственной участи. На Конгрессе в Вене, куда, по выражению современников, «переселилась вся Европа», было представлено более 200 государств, начиная от великих держав-победительниц и кончая княжествами в несколько квадратных миль каждое. Никаких особых приглашений на Конгресс (кроме упоминавшейся ст. XXXII Парижского мирного договора) не было, да и не могло быть, ибо никто не знал до конца, что будет представлять собой Конгресс и кто должен принимать в нем участие. Вместе с главами государств приезжали их жены, родственники и многочисленная свита; купцы и представители банкирских домов, художники и поэты, светские дамы и дамы полусвета со всех концов Европы устремились в Вену. Всю эту массу людей нужно было не только разместить, но и чем-то занять, и этому придавалось тем большее значение, чем меньше собирались допускать их к участию в делах.

Император Франц, при всей своей нелюбви к светским развлечениям, вынужден был взять на себя роль радушного хозяина и принимать в своем дворце импера-

²⁹ Каслри — Ливерпулю 3 сентября 1814 г. *British Diplomacy*, p. 192.

³⁰ См. Ch. Dupuis, *Le ministère de Talleyrand en 1814*, t. 1, 1919—1920, pp. 300—301.

тора и королей, великих княгинь и наследных принцев. Специально созданный комитет занимался не только разработкой программы и организацией празднеств и развлечений, но и вопросами этикета, вплоть до порядка выхода высоких гостей к столу.

Салоны светских дам, зачастую соперничавших друг с другом, превратились в центры дипломатических интриг и деловых соглашений³¹. Немало забот принес Конгресс венской полиции. За всеми членами делегаций, а тем более за государями, было установлено неусыпное наблюдение. Особенным вниманием венской полиции пользовались Александр I и русские дипломаты. Тайные агенты ежедневно доносили шефу полиции Гагеру о каждом их шаге, вплоть до встреч отнюдь не делового характера. Они подвергали тщательной проверке содержание дипломатической переписки. Рылись в корзинах для бумаг и каминах в надежде извлечь попавшие сюда по недосмотру документы, подбирали ключи к сейфам и шифрам, подкупали слуг. Добытые таким образом материалы просматривались самим Гагером, о наиболее важных сообщалось императору Францу и Меттерниху. Особенно широко производилась перлюстрация писем. Это вызвало столько жалоб на почту, что в феврале 1815 года император Франц вынужден был подтвердить свое распоряжение: ни в коем случае не задерживать вскрытых писем³². Впрочем, эти заботы австрийской полиции разделяли с ней и сами делегаты, ревниво следившие друг за другом. Так, в 1817 году стало известно, что Австрия владела шведским шифром, а Пруссия — одним из самых секретных английских шифров³³.

³¹ См. воспоминания участников и гостей Конгресса, например, в сборнике *Der Wiener Kongreß nach Aufzeichnungen von Teilnehmern und Mitarbeitern*, Hrsg. von F. Freksa, Stuttgart, 1914, SS. 3—118.

³² Многочисленные полицейские рапорты, секретные донесения, поступающие в полицию от ее тайных агентов, копии писем, которые попадали в руки венских властей, и другие материалы содержатся в документах из архива министерства внутренних дел в Вене, опубликованных А. Фурнье (см. A. Fournier, *Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongreß. Eine Auswahl aus ihren Papieren*, Wien, 1913); В. Тимощук, *Тайная полиция на Венском конгрессе*, «Русская старина», 1913 г., № 12, стр. 558—574; его же, Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе (по документам Венской тайной полиции), «Русская старина», 1914 г., № 2, стр. 386—395.

³³ См. H. Nicolson, *The Congress of Vienna...*, pp. 205—206.

В литературе о Венском конгрессе много говорится о балах и карнавалах, театральных представлениях и маскарадах, непрерывным потоком следовавших один за другим³⁴. Известны слова старого австрийского дипломата князя Линя: «Конгресс танцует, но не движется вперед». Но, разумеется, не карусели и фейерверки, а реальные противоречия между представленными в Вене государствами были причиной того, что Конгресс долгое время не мог «продвинуться вперед».

13 сентября прибыла английская делегация. Кроме самого Каслри в нее входили: его брат — английский посол в Вене Чарльз Стюарт; лорд Каткарт³⁵ — бывший английский посол в Петербурге, тугодум, начинавший, по словам Стюарта, думать тогда, когда все остальные уже кончили, включенный в состав делегации как человек, получивший за время пребывания в русской столице представление о России и пользовавшийся, как предполагали, некоторым влиянием на царя; лорд Кланкарти, который вел дипломатическую работу в Нидерландах и мог быть использован при решении связанных с ними вопросов; Стратфорд-Каннинг, который до этого был английским посланником в Швейцарии; личным секретарем Каслри был Панта, секретарем делегации — Кук, перу которого принадлежал ряд английских нот и заявлений. Два помощника Стратфорда-Каннинга и десять человек, занятых технической работой, дополняли состав делегации. Основную работу Каслри вел сам, допуская остальных членов делегации только к второстепенным вопросам. Плохой оратор, с тяжеловесной, не всегда правильной речью, он избегал публичных выступлений, предпочитая им личные переговоры в тиши кабинетов; сдержанность, корректность, холодная вежливость, которую при любых обстоятельствах сохранял этот «самый

³⁴ См., например, August de la Garde, *Gamälde des Wiener Kongresses 1814—1815*, Wien 1912; *Der Wiener Kongress. Kulturgeschichte, die bildenden Künste und das Kunstgewerbe, Theater-Musik in der Zeit von 1800 bis 1825*, Wien, 1898.

³⁵ Весьма невысокого мнения о дипломатических способностях Каткарта придерживался не только Стюарт; Роберт Вильсон — представитель английского командования при Александре I в 1813—1814 гг. в своем дневнике (см. R. T. Wilson, *General Wilson Journal 1812—1814*, ed. by Brett-James, L., 1964) неоднократно отмечал плохую информированность и грубые дипломатические ошибки Каткарта.

европейский из всех английских министров», должны были помочь ему в той роли поборника «справедливого равновесия сил», «посредника», пекущегося о благе «всей Европы», в которой он стремился предстать в Вене.

Каслри рассчитывал до того, как соберутся представители всех государств, успеть обсудить с министрами союзных держав повестку Конгресса и процедуру его ведения, а может быть, и разрешить предварительно важнейшие проблемы.

Вскоре прибыли делегации России и Пруссии. Первым русским уполномоченным был граф А. К. Разумовский, в течение многих лет до Тильзитского мира бывший русским послом в Вене; в состав делегации входили также граф К. В. Нессельроде, пользовавшийся особым доверием Александра I, и посол России в Вене с 1810 года Г. О. Штакельберг; в работе Конгресса принимали участие Штейн, ведавший германскими делами, и Каподистрия, занимавшийся швейцарскими делами. Работа русской делегации проходила под непосредственным руководством императора Александра I, о котором говорили, что он стремится сам быть своим представителем.

Прусскую делегацию возглавлял князь Гарденберг. Точти совсем глухой канцлер вынужден был пользоваться постоянной помощью Вильгельма Гумбольдта, являвшегося фактически вторым руководителем делегации. Из Тондона для оказания содействия прусской делегации был отозван прусский посол в Англии Якоби. Военным советником был генерал Кнезебек.

Глава австрийской делегации князь Меттерних на гравах хозяина взял на себя и роль председателя всех частных совещаний Ловкий и гибкий политик, отличавшийся артистическим умением лгать, Меттерних всячески старался поддержать свою старую репутацию человека ленивого и легкомысленного, утомленного делами и шедшего с головой в светские развлечения. Однако в действительности ни рассеянный образ жизни, ни многочисленные амурные похождения³⁶ не мешали австрийскому министру упорно и настойчиво проводить свою политику. Меттерних часто прибегал к тактике выжидания.

³⁶ См. E. C. Corti, *Metternich und die Frauen*, Bd. 1, Wien, 1948, S. 402—526.

По словам Талейрана, его искусство заключалось в том, что он заставлял других терять время, думая, что выигрывает его. Император Франц любил сравнивать свою империю со старым домом, в котором стоит сдвинуть с места одну вещь, как может обрушиться все здание, и его министр, действуя в духе господствовавшей в Австрии аристократии, добивался, чтобы ни одна вещь не была сдвинута с места ни в австрийском доме, ни, по возможности, в соседних домах. Хорошо знакомый с положением при европейских дворах, Меттерних использовал в своей политике как собственные наблюдения, так и, в большей мере, донесения многочисленных официальных и тайных агентов.

«Во мне вы видите главного министра европейской политики. Я слежу за всем. Мои связи таковы, что ничто не ускользает от меня»³⁷, — с гордостью говорил он герцогу Дальбергу в 1817 году. Основной принцип своей политики Меттерних сформулировал уже после 1815 года: «В Европе есть только одна проблема — революция»³⁸. Страх перед революцией, борьба с освободительным движением во многом определяли действия австрийского министра и до, и после Конгресса.

Личным секретарем Меттерниха (и секретарем совещаний Конгресса) был Ф. Гентц — способный публицист, ярый враг Французской революции и Наполеона. Менее значительную роль играл Вессенберг, оттесненный Меттернихом на второй план; в работе Конгресса принимали также участие фельдмаршал князь К. Ф. Шварценберг и дипломат И. Ф. Стадион.

16 сентября состоялось первое неофициальное совещание представителей Англии, Австрии и России (Гарденберг приехал 17 сентября и принимал участие в последующих заседаниях). Неподготовленность к Конгрессу и царившую в связи с этим растерянность отмечал в своем первом письме королю Талейран, который возлагал вину за это прежде всего на Меттерниха и выражал удивление, что даже англичане при всей их методичности не проделали никакой предварительной работы³⁹.

Первой заботой министров четырех держав, собирав-

³⁷ G. Bertier de Sauvigny, Metternich et son temps, P., 1959, p. 118.

³⁸ Ibid., p. 65.

³⁹ См. Correspondance inédite..., pp. 4, 9.

шихся на «малый совет», как называл эти совещания Гентц, было легализовать каким-то образом свое положение руководителей Конгресса. Статья I (отдельная и секретная) Парижского договора указывала на необходимость предварительного согласования плана действий между союзниками. Франция вынуждена была признать это условие, но Испания, Португалия и Швеция об этом извещены не были. Теперь четыре великие державы обдумывали, каким образом отстранить их от участия в разработке планов переустройства Европы и сосредоточить все руководство Конгрессом в своих руках. Вопросы процедуры приобретали большое значение. По сути дела это был вопрос о роли каждой державы в определении решений Конгресса.

На совещании 16 сентября договорились о создании двух комитетов: общего — из представителей шести держав (Англии, Австрии, России, Пруссии, Франции и Испании) для решения общеевропейских и внеевропейских вопросов и специального — из представителей Австрии, Пруссии, Ганновера, Баварии и Вюртемберга для решения вопроса о создании германского союза.

Комитету шести держав предстояло выработать проект решения по всем общим и частным вопросам, представить его 1 октября, в день официального открытия Конгресса, всем его участникам, затем доработать проект в соответствии с их замечаниями и, наконец, вторично представить его Конгрессу, после чего проект мог считаться принятым.

Германский комитет должен был сначала представить свой проект правительствам пяти входивших в него государств, затем — общему собранию всех германских государств и, наконец, общему комитету⁴⁰.

За первым совещанием последовали другие, уже с участием прибывших в Вену представителей Пруссии. С 16 по 22 сентября состоялось пять или шесть совещаний⁴¹, но протоколы их не велись.

Пруссия не хотела допускать Францию к участию в

⁴⁰ См. J. K. Mayer, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses. «Archivalische Zeitschrift» herausgegeben von der Bayerischen Archivverwaltung, 3 Folge, Bd. 12, München, 1939, S. 69 (в дальнейшем: J. K. Mayer, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses...).

⁴¹ Ibid., S. 70.

руководстве делами Конгресса. Вскоре Гумбольдт выступил с предложением различать державы «непосредственно заинтересованные» и только «допущенные к обсуждению». В своей памятной записке он выдвигал план, по которому все решающие переговоры должны были вести только представители четырех великих держав, которым и следовало заняться разделом завоеванных земель; Франция и другие страны должны были быть из этих совещаний исключены; Гумбольдт предлагал предоставить им лишь право высказывать свои возражения. Польские дела по этому плану должны были решать три граничивших с Польшей государства (Россия, Австрия, Пруссия), но с учетом интересов Англии. Комитету шести (с участием Франции и Испании) Гумбольдт предлагал предоставить обсуждение положения в Неаполе, швейцарской конституции, отношения к Наполеону и его союзникам, вопросов, связанных с отменой работорговли и свободой навигации⁴². Что касается общего Конгресса, то, по его мнению, лучше всего вообще избежать его созыва.

Каслри, находившийся под впечатлением успешных переговоров с Людовиком XVIII и Талейраном, считал желательным, чтобы в отношении Франции проводилась более осторожная политика. Прусские предложения, указывал он, могут оттолкнуть Францию⁴³.

22 сентября представители четырех держав заседали уже в качестве «инициативного комитета». Нужно было окончательно решить, какой порядок обсуждения наиболее успешно обеспечит «четверке» руководящую роль. Но, кроме этого, следовало еще как-то оформить свои права, ибо никаких формальных оснований претендовать на исключительное положение у нее не было. Гумбольдт предлагал, чтобы руководители четырех или, в крайнем случае, шести держав объявили, что все предварительные решения будут приниматься ими, с остальными же государствами они смогут совещаться «по мере необходимости». Возможен был и другой вариант: созвать 1 октября Конгресс и предложить ему вручить полномочия четырем или шести державам. Но это значило бы на какое-то вре-

⁴² См. С. К. Webster, The Congress of Vienna 1814—1815, L., 1963, pp. 183—185, App. V, VI.

⁴³ См. British Diplomacy, p. 194.

мя поставить под угрозу свое руководящее положение и потому представлялось неприемлемым. Каслри, ссылаясь на то, что решать что-либо на общем Конгрессе, не имея предварительного плана, невозможно, предложил, чтобы подготовку взяли на себя представители шести держав; только после выработки ими плана возможен созыв Конгресса. После того как будет разработан общий план, должны быть проверены и утверждены полномочия делегатов, после чего они будут в индивидуальном порядке ознакомлены с этим планом. Таким образом, считал Каслри, удастся удержать руководство, не отстраняя слишком откровенно представителей остальных держав⁴⁴. Из тех же соображений он отклонил и новый план Гарденберга и Гумбольдта, которые предлагали разделить все дела Конгресса на три группы: территориальные (их должен решать «руководящий комитет» из четырех держав), вопросы местного значения, как, например, создание германской федерации (ими должны заниматься непосредственно заинтересованные державы), и общие (отмена работорговли, свобода навигации и т. п.), которые можно поручить комитету шести держав⁴⁵.

Наконец, было принято следующее решение: только четыре державы (Англия, Австрия, Россия и Пруссия) могут договариваться между собой о распределении земель, находящихся в их распоряжении в результате войн и в соответствии с Парижским мирным договором; Франция и Испания должны быть приглашены, чтобы высказать свое мнение или, если они найдут нужным, свои возражения (но только такие, которые соответствуют общим интересам Европы и не нарушают ее безопасности); эти возражения будут обсуждены совместно с ними.

Пока четыре державы не договорятся о распределении территорий в Польше, Германии и Италии, они не должны вступать ни в какие переговоры по этим вопросам с Францией и Испанией. Тем временем Франция и Испания могут принять участие в обсуждении других проблем. В обоснование этого решения участники совещания ссылались на ст. I (отдельную и секретную) Парижского договора; более того, четыре державы подчер-

⁴⁴ См. С. К. Webster, The Congress of Vienna, pp. 170—174, App. II, III.

⁴⁵ Ibid., pp. 175—185, App. IV, V, VI.

Правда, в декларации говорилось о всех державах, подписавших Парижский договор. Однако это скорее свидетельствует об осторожности руководителей «четверки», чем об их готовности отступить от протокола 22 сентября.

Тем временем (23 сентября) в Вену прибыла французская делегация, возглавлявшаяся Талейраном. В ее состав входили: второй руководитель делегации герцог Дальберг, хорошо знакомый с германскими делами; бывший адъютант графа д'Артуа, пользовавшийся доверием крайних роялистов, граф Алексис де Ноайль; граф Ж. Ф. Латур-Дюпен⁵¹. Талейран пользовался постоянной помощью Ж. Б. Бенардьера, человека умного и опытного, к тому же отличавшегося большой работоспособностью, а также Д'Отерива. Не имея еще возможности принять непосредственное участие в переговорах, Талейран из частных бесед составил себе достаточно полное представление об обстановке и ходе событий. Дипломат с огромным опытом, возведший в высший принцип своей политики абсолютную беспринципность, он прекрасно понимал, насколько сложным будет его положение в Вене, — и потому, что представлял он страну побежденную, и в силу естественного недоверия, которое внушали окружающим он сам и его карьера⁵². И этот «слуга всех господ» с самого начала решил выступить в роли бескорыстного рыцаря, поборника «попранной справедливости», отстаивающего лишь «высокие идеалы». В написанных им самим «Инструкциях для королевского посла на Конгрессе» были изложены основные идеи, которые Талейран собирался использовать в Вене⁵³.

Первая официальная встреча Талейрана с представи-

⁵¹ Французская делегация была составлена в соответствии с пожеланиями самого Талейрана. Это не мешало ему, однако, весьма иронически отзываться о своих помощниках. «Я взял с собой Дальберга, чтобы распространять секреты, которые я хотел сделать всеобщим достоянием, — заявлял он. — ...Латур-Дюпен будет подписывать документы...» (G. L a s o u r - G a y e t, Tallegrand (1754—1838), t. II (1799—1815), P., 1930, pp. 427—428).

⁵² «Князь Талейран идет по новому пути, сохраняя свой прежний характер; это все тот же человек в различных обстоятельствах, — писал Поццо ди Борго. — ...При своих талантах он мог бы сделать больше, но... талант неотделим от качеств, недостатков и связей человека» (Поццо ди Борго — Нессельроде 14(26) сентября 1814 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 9052, л. 196).

⁵³ См. Т а л е й р а н, Мемуары, Изд-во ИМО, 1959, стр. 304—317.

телями союзных держав произошла 30 сентября. Утром этого дня Талейран получил короткую записку Меттерниха с приглашением присутствовать (assistere) на предварительном совещании, которое состоится в 2 часа в его доме и на котором встретятся министры России, Англии и Пруссии. Аналогичное приглашение получил и представитель Испании граф Т. Лабрадор (об этом совещании Талейран обстоятельно рассказывает в письме Людовику XVIII и в своих мемуарах⁵⁴). Талейран на этом совещании протестовал против употребления термина «союзники»; он отклонил предложенный ему протокол от 22 сентября, заявив, что не знает и не признает никаких совещаний между 30 мая (днем подписания Парижского договора) и 1 октября (датой, которую он условно считал днем открытия Конгресса). Вместе с Лабрадором Талейран утверждал, что ни шесть, ни даже восемь держав, подписавших Парижский мирный договор, не могут присваивать себе права, принадлежащие всему Конгрессу, и настаивал на его немедленном созыве. Только Конгресс может облечь министров восьми держав властью, утверждал он. Что касается декларации, принятой накануне представителями четырех держав, то она требует тщательного изучения и обдумывания⁵⁵. На этом же совещании Каслри огласил письмо португальского представителя графа Палмеллы, который не был приглашен на совещание и протестовал против такой дискриминации. Палмелла требовал, чтобы подготовительный комитет был образован всеми державами, подписавшими Парижский договор. Талейран и Лабрадор немедленно поддержали это требование.

Так планы четырех держав сразу же натолкнулись на сопротивление Талейрана. И хотя «четверка» стремилась сосредоточить в своих руках все дела Конгресса, ни одна из этих держав не хотела восстанавливать против себя Францию. Не придя ни к какому соглашению, четыре державы решили продолжить дискуссию на следующий

⁵⁴ Талейран — Людовику XVIII 4 октября 1814 г., Correspondance inédite., pp. 10—16; Т а л е й р а н, Мемуары, стр. 306—307.

⁵⁵ Талейран писал Людовику XVIII, что смысл декларации — в предоставлении четырем державам абсолютного контроля над всеми делами Конгресса, ибо если даже в комитете будут представлены шесть держав, то Франция и Испания всегда будут иметь лишь два голоса против четырех (см. Correspondance inédite., pp. 14—15).

день. Копию декларации и письмо графа Палмеллы обещали прислать Талейрану и Лабрадору.

1 октября, не дожидаясь возобновления совещания, Талейран направил Каслри ноту⁵⁶, в которой развивал мысль о том, что состав и полномочия комитета может определить только Конгресс; если он имеет право утверждать решения комитетов, то только он один имеет и право их формировать. Талейран резко возражал против того, что державы, собравшиеся действовать «на основе права и справедливости», начинают с нарушения этих принципов, и утверждал, что трудности, которыми оправдывают отсрочку Конгресса, очень преувеличены, а те, которые реально существуют, не исчезнут, сколько бы созыв Конгресса ни откладывался. Аналогичную ноту получил Каслри и от графа Палмеллы.

В тот же день, 1 октября, состоялось первое свидание Талейрана с Александром I⁵⁷. Русский император и французский министр прощупывали позиции друг друга⁵⁸.

Направив ноту, Талейран выжидал, какое она произведет впечатление. Представители четырех держав выражали возмущение тем, что Талейран придал официальный характер их «чисто доверительному сообщению».

На совещании 2 октября Талейран снова потребовал, чтобы комитет по общим вопросам состоял из представителей всех восьми стран, подписавших Парижский договор. Это требование было в конце концов принято, но представители четырех держав по-прежнему отказывались созвать Конгресс раньше, чем будет достигнуто соглашение между ними⁵⁹. Они безуспешно пытались уговорить Талейрана взять обратно свою ноту. Французский дипломат не только отказался это сделать, но, напротив, направлял теперь одну ноту за другой, доказывая неправомочность действий четырех держав. 3 октября он послал представителям всех держав, подписавших Парижский мирный договор, протест против отсрочки Конгресса⁶⁰.

⁵⁶ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. IV, pp. 1962—1964.

⁵⁷ Александр I и Фридрих Вильгельм прибыли в Вену 25 сентября.

⁵⁸ См. Correspondance inédite., pp. 18—24.

⁵⁹ Меморандум представителей четырех держав в ответ на ноту Талейрана от 1 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11778, лл. 35—36.

⁶⁰ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. I, p. 264.

В тот же день Каслри составил новый проект декларации⁶¹, в котором указывалось, что, исходя из ст. XXXII и ст. I (секретной) Парижского договора, державы, подписавшие его и взявшие на себя подготовку организации Конгресса, считают своей обязанностью ознакомить всех представителей с порядком ведения Конгресса. Но, прежде чем представить свой план на обсуждение и одобрение Конгресса, восемь держав должны достигнуть единства взглядов, а также учесть желания остальных государств; до того времени открытие Конгресса следует отложить. Этот проект декларации, представленный 4 октября Меттернихом Талейрану, был им отвергнут как «вдвойне злосчастный».

Талейран ответил на этот проект 5 октября еще одной нотой, в которой, признавая значение предварительной работы, которую должны провести представители восьми держав, продолжал настаивать на созыве Конгресса точно в назначенный срок. При этом Талейран предлагал образовать не два, а три специальных комитета: один — для решения итальянских дел, второй — для распределения земель в Германии и третий — для выработки германской федеральной конституции⁶².

Каслри в тот же день огласил содержание ноты на совещании представителей шести держав. Талейран отклонил все попытки заставить его взять письмо обратно. Возникли бурные дебаты, во время которых Каслри доказывал невозможность немедленного созыва Конгресса. Он всячески подчеркивал свою солидарность с позицией Австрии, Пруссии и России, а также свое намерение придерживаться и впредь общей с ними политики⁶³.

Наконец, Талейран согласился на отсрочку Конгресса, поскольку ни один вопрос еще не был разрешен, но потребовал указать точный срок его созыва и известить всех участников о порядке принятия решений. Более того, он предложил свой проект организации Конгресса, по которому из числа его участников исключался Мюрат (король Неаполя, бывший наполеоновский маршал) и приглашался саксонский король. Но эта попытка встре-

⁶¹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. I, pp. 253—254.

⁶² Ibid., t. II, pp. 270—272.

⁶³ Каслри — Стюарту 14 августа 1814 г., British Diplomacy..., pp. 202—203.

тила резкий отпор союзников. Единственным результатом совещания было решение об отсрочке открытия Конгресса до 1 ноября⁶⁴, о чем сообщалось в специальной декларации, написанной Гентцем⁶⁵.

Не менее бурно протекало совещание 8 октября, на котором впервые собрались вместе представители всех восьми государств. Здесь снова (в который раз) пытались заставить Талейрана взять обратно ноту от 1 октября, и вновь Талейран отказался это сделать; он продолжал также настаивать на том, чтобы в декларации о созыве Конгресса были указаны права его участников. Совещание обсудило два проекта декларации: Талейрана, отстранявший от участия в Конгрессе Мюрата, и Меттерниха, который лишь указывал срок созыва Конгресса — 2 ноября, но не касался состава его участников. Учитывая запутанность итальянского вопроса, участники совещания одобрили проект Меттерниха.

Талейран, считая целесообразным в данном случае проявить уступчивость, также согласился с проектом Меттерниха. Но тут же французский министр, неизменно подчеркивавший «бескорыстие»⁶⁶ Франции и ее приверженность «принципам справедливости», потребовал включить в декларацию положение о том, что открытие Конгресса будет осуществлено «в соответствии с принципами международного права», в противовес «праву завоевания», чем вызвал негодование представителей

⁶⁴ Талейран — Людовику XVIII 9 октября 1814 г., *Correspondance inédite...*, pp. 28—29. Тем не менее участники Конгресса не предполагали, что он может затянуться более чем на один-два месяца. Находящийся в Вене прусский офицер Тиле писал в октябре 1814 года военному министру Пруссии Бойену, что Конгресс может продлиться четыре, максимум шесть недель (см. *Vom Wiener Kongreß. Briefe des Oberstleutnants v. Thile an den Kriegsminister v. Boyen während des Kongresses 1814—1815*, «Deutsche Rundschau», 1914, Okt., S. 66).

⁶⁵ Помеченная 8 октября 1814 г. декларация была опубликована в «Ведомостях Венского конгресса», которые издавались в Вене и отражали точку зрения австрийского двора (см. «*Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses*», den 21. Okt. 1814, Nr. 6, SS. 79—80). Положение с началом Конгресса было столь неопределенно, что автор помещенной в том же номере «Ведомостей» статьи «Начался ли Венский конгресс?» в конечном счете пришел к выводу, что «в буквальном смысле слова Конгресс начался, а в дипломатическом смысле ему еще предстоит начаться» (там же, стр. 78—79).

⁶⁶ См. *Correspondance inédite...*, p. 35.

Пруссии⁶⁷. После долгой и бурной дискуссии фраза была все же одобрена. Министры подписали следующую декларацию:

«Полномочные послы государств, подписавших мирный договор в Париже 30 мая 1814 г., пришли к выводу, что лучший способ выполнить эти обязательства — прежде всего установить свободные и доверительные отношения между послами всех держав. В то же время они убеждены, что в интересах всех участников отложить общее собрание их представителей до тех пор, пока вопросы, подлежащие решению, будут приведены в соответствие с международным правом, условиями Парижского договора и с уважением современников. Поэтому официальное открытие Конгресса назначается на 1 ноября...»⁶⁸.

Первые выступления Талейрана, как казалось, даже сплотили союзников, которых он старался разъединить. По крайней мере, в нежелании созывать Конгресс они были единодушны. И дело заключалось, разумеется, не только и не столько в нерешенности вопросов, выносимых на обсуждение, сколько в стремлении не выпускать руководство Конгрессом из своих рук.

Меттерних еще в конце мая заявлял, что, по его мнению, Конгресс предназначен не столько для переговоров, сколько для подписания договора⁶⁹. С точки зрения Гумбольдта, Венский конгресс не был ни мирным конгрессом — поскольку мир уже подписан в Париже, ни советательным собранием — поскольку Европа не являлась конституционной ассамблеей. Он повторял, что Конгресс — это лишь комплекс отдельных переговоров⁷⁰. Каслри заявлял, что Конгресс не может принимать решения большинством голосов⁷¹. А автор многих деклараций Конгресса Гентц откровенно определил его цели:

⁶⁷ Франция не могла выступать с какими-либо территориальными требованиями без риска ухудшить свое положение на Конгрессе. Это обстоятельство было использовано Талейраном, который непрестанно подчеркивал свою «беспристрастность» при решении территориальных споров.

⁶⁸ *Angeberg, Le Congrès de Vienne...*, t. II, p. 272.

⁶⁹ См. *A. Fournier, Zur Vorgeschichte des Wiener Kongresses, «Historische Studien und Skizzen», 2 Reihe, Wien—Leipzig, 1908, S. 291.*

⁷⁰ См. *J. K. Maug, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses...*, S. 74.

⁷¹ См. *British Diplomacy...*, p. 203.

«...Истинной целью Конгресса был раздел между победителями добычи, захваченной у побежденных»⁷². Вполне понятно, что для осуществления этой цели великие державы менее всего нуждались в созыве общего собрания всех представителей, съехавшихся в Вену.

И все же Талейран достиг определенного успеха. Он стал принимать участие в некоторых совещаниях, добился включения в декларацию положения о «принципе международного права», ссылаясь на который он мог в дальнейшем противодействовать планам союзников, как нарушающим этот принцип.

В резолюции от 8 октября союзники пошли на уступки Талейрану, признав, правда только формально, что они не могут одни руководить Конгрессом и решать дела Европы.

В то же время Талейран повсюду говорил о беспомощности союзников и стремился объединять вокруг себя представителей мелких государств, которые вообще ничего не знали о ходе переговоров, чувствовали себя ущемленными в правах и готовы были искать у Талейрана сочувствия и поддержки.

В период между 8 октября и 1 ноября (новым сроком открытия Конгресса) происходили интенсивные конфиденциальные переговоры. Их вели министры, собиравшиеся обычно по утрам, и государи, которые встречались во второй половине дня. Встречи и беседы происходили также во время балов и карнавалов, в театрах и салонах, где можно было встретить нужных людей, получить необходимую информацию, обменяться мнениями. Но если для представителей великих держав время было в значительной мере заполнено этими переговорами, то вся остальная масса людей, съехавшихся на Конгресс, обреченная на бесплодное ожидание, жадно ловившая слухи о происходящем за закрытыми дверями совещания, встревоженная неопределенностью, все больше и больше приходила в возбуждение; это способствовало тому, что обстановка в Вене накалялась с каждым днем⁷³.

⁷² Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, T. I, Bd. 2, S. 474.

⁷³ Показательно, что в различных органах печати в это время появились материалы, целью которых было успокоить общественность. Так, в статье «Взгляд на Европу» осуждаются «люди, склонные к трусости и недоверчивости», которые полагают, что «Конгресс будет распущен без успеха и что вместо довершения и утверждения мира

30 октября, за день до предполагаемого открытия Конгресса, состоялось заседание представителей восьми держав, на котором обсуждался вопрос о конституировании Конгресса. Здесь присутствовали: от Англии — Каслри, от России — Нессельроде, от Пруссии — Гумбольдт, от Франции — Талейран, Дальберг и Латур-Дюпен, от Австрии — Меттерних и Вессенберг, от Португалии — Палмелла, Лобо да Сильвейра и Салдана да Гама, от Швеции — Лёвенгельм и от Испании — Лабрадор. Председательство было поручено Меттерниху. Еще 16 сентября на «малом совете» было принято решение о проверке полномочий делегатов. На совещании 30 октября с этой целью была создана мандатная комиссия, в которую вошли представители России, Англии и Пруссии. Она проверила полномочия представителей восьми держав, подписавших Парижский мирный договор, и к 8 ноября закончила свою работу. Остальным делегатам было предложено представить свои верительные грамоты специальному бюро, которое начало свою работу 3 ноября⁷⁴.

Талейран настаивал на том, чтобы после проверки полномочий делегатов немедленно начать работу Конгресса. Он предлагал теперь создать четыре комитета: один общий и три специальных — по Германии, Италии и Швейцарии, которые будут докладывать о результатах своей работы общему комитету, а тот — Конгрессу. Общий комитет, по предложению Талейрана, должен был включать представителей всех участвующих в Конгрессе правительств и действовать под председательством папы. Однако папский легат Консальви поспешно отклонил и эту честь, и связанную с ней необходимость высказывать собственное суждение по всем сложным проблемам.

вновь возгорится война» («Сын отечества», 1814 г., октябрь, № 43, стр. 204); в «Ведомостях Венского конгресса» (статья «Можно ли с основанием опасаться, что Конгресс не кончится миром, а приведет к новой войне?») даже приводятся шесть причин, вследствие которых война начаться не может: истощение сил всех государств; понимание правителями того факта, что возможности народов ограничены; торжественное обещание трех союзных монархов сделать все возможное для предотвращения войны; истощение Франции; незаинтересованность в войне Англии; обладание каждым из союзников тем, к чему он стремился, и понимание того, что разногласия между союзниками вызовут радость Наполеона на острове Эльба (см. «Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses», den 29, Nov., 1814, Nr. XVIII, SS. 272—273).

⁷⁴ См. A n g e b e r g, Le Congrès de Vienne., t. II, pp. 361, 376.

Англия, Австрия, Пруссия и Россия выступили против создания такого широкого полномочного собрания, которое вырвало бы руководство из их рук⁷⁵. Нессельроде заявил, что он недостаточно информирован, и предложил отложить обсуждение этого проекта. Оно было перенесено на следующее заседание.

31 октября Гумбольдт представил конференции восьми держав памятную записку, в которой отвергал план Талейрана как затягивающий работу⁷⁶. Через день Меттерних высказался еще более откровенно: великие державы никоим образом не могут подчиниться желаниям «ассамблей», имеющей лишь смутное представление о комиссиях, о сущности и задачах Конгресса. Поэтому предложение Талейрана неприемлемо⁷⁷.

И это совещание, как и предыдущие, кончилось безрезультатно. Каслри предложил отложить все общие вопросы, связанные с открытием Конгресса, и приступить непосредственно к работе в комиссиях⁷⁸.

На последующих совещаниях Талейран все еще повторял, что неурядицы и затруднения возникают из-за того, что не созван Конгресс; Меттерних в ответ заверял его, что ничего не имеет против его созыва, но предпочел бы подождать, пока будет достигнуто соглашение хотя бы по важнейшим вопросам; Каслри ссылаясь на позицию прусских дипломатов, которых «одно упоминание о Конгрессе приводило в ужас»⁷⁹.

8 ноября лондонские газеты опубликовали речь принца-регента в палате лордов. Он сообщал, что открытие Конгресса по важным причинам откладывается на более поздний срок, и выражал надежду, что переговоры в Вене будут способствовать восстановлению справедливого равновесия сил и укреплению мира и спокойствия в Европе⁸⁰.

Наконец, 13 ноября Меттерних снова поставил вопрос о том, следует ли после окончания проверки верительных

⁷⁵ См. С. К. Webster, *The Congress of Vienna...*, p. 70.

⁷⁶ См. J. K. Maug, *Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses...*, S. 71.

⁷⁷ Талейран — Людовику XVIII 6 ноября 1814 г., *Correspondance inédite...*, p. 96.

⁷⁸ Каслри — Ливерпулю 21 ноября 1814 г., *British Diplomacy...*, p. 236.

⁷⁹ *Correspondance inédite...*, pp. 100—101.

⁸⁰ См. «*The London Gazette*», Nov. 8, 1814, Supplement.

грамот созывать всех делегатов. Было решено, что «ввиду настоящего состояния переговоров между отдельными государствами это общее собрание не принесет пользы и лучше его отложить»⁸¹.

Если на заседании 16 сентября представители держав еще полагали, что придется созвать, по крайней мере, четыре общих собрания Конгресса (для определения порядка Конгресса, принятия предварительных планов и затем окончательных планов работы и подписания заключительного акта), то уже в середине октября Гентц высказывал (не без основания) сомнения в том, будет ли вообще когда-либо созван Конгресс, и утверждал, что задача Конгресса — лишь санкционировать то, что решат правительства.

В таком духе высказывался и Гумбольдт, выражавший опасение, что созыв Конгресса лишь пробудит у его участников несбыточные надежды и помешает работе подготовительного комитета. Не рискуя открыто заявить о своем стремлении решить все вопросы в своем узком кругу, союзники в то же время не хотели признавать права остальных европейских государств.

Вскоре о созыве Конгресса вообще перестали говорить. Под общими совещаниями теперь имелись в виду совещания комитета восьми держав — 18 представителей, собравшихся в кабинете Меттерниха (так, как это изображено на известной картине Ж. Б. Изабе), с привлечением еще небольшого числа лиц, принимавших активное участие в работе (Штейн, Вреде, Мюнстер, Гентц, Бенардьер и некоторые другие).

На комитет восьми были возложены функции, отводившиеся в прежних планах общему комитету. Значительную часть своих заседаний он посвятил процедурным вопросам, а также вопросу о времени и форме созыва Конгресса. После того как эти вопросы отпали, единственно реальной проблемой, которой занялся комитет восьми, оказалась итальянская.

Подлинное руководство Конгрессом по-прежнему осуществляли четыре союзника, а затем, когда противоречия между ними дали Талейрану возможность добиться превращения комитета четырех в комитет пяти — Англии, России, Австрии, Пруссии и Франции, последний об-

⁸¹ Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. II, p. 427.

суждал все важнейшие дела и являлся, по выражению Гумбольдта, подлинным конгрессом.

Был создан ряд комитетов и комиссий, занимавшихся специальными вопросами: германский комитет, комитет по швейцарским делам, статистическая комиссия, комиссия по вопросу об отмене работорговли, по вопросу о свободе навигации, комиссия, занимавшаяся вопросами дипломатического этикета.

Решение же важнейших проблем, и прежде всего раздел и распределение между победителями территорий, проводилось путем закулисных переговоров и сделок, о которых, разумеется, ничего не сообщалось.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЕВРОПЫ И РАСКОЛ АНТИНАПОЛЕОНОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Задолго до завершения борьбы против наполеоновской Франции в переговорах между союзниками по вопросам будущего устройства Европы на первый план выдвинулись взаимосвязанные проблемы: восстановление Пруссии, судьба Саксонии и польский вопрос.

Непрерывно «округляя» свои владения, Пруссия еще в XVIII веке неоднократно пыталась захватить Саксонию. После разгрома Наполеоновской империи, когда некоторые прусские политики уже видели в мечтах Пруссию во главе всей Германии, завоевание Саксонии стало представляться необходимым шагом для укрепления и возвышения северогерманской державы Эйхгорн, один из активных деятелей возглавлявшегося Штейном Центрального департамента по управлению немецкими землями, освобожденными от господства Наполеона¹, дока-

¹ Центральный департамент (или, как его иногда именуют, Центральная комиссия или Центральная администрация) был образован в соответствии с конвенцией 9(21) октября 1813 г. между Австрией,

зывает, что Пруссия и Саксония связаны общей судьбой и должны находиться под одной властью. Пруссия нуждается в Саксонии, чтобы иметь силу противостоять всем сепаратистским тенденциям в Германии, а Саксония одна не сумеет сохранить свою независимость².

После битвы при Лейпциге казалось, что добыча сама идет Пруссии в руки. Саксонский король Фридрих Август, выступавший на стороне Наполеона, потерял свои войска, перешедшие на сторону антинаполеоновской коалиции, и сам оказался в плену. Гарденберг, который придавал Саксонии большее значение, чем всем прежним приобретениям Гогенцоллернов, немедленно потребовал, чтобы к ней было применено право завоевания.

Откровенно выраженные планы Пруссии встревожили ее союзников. Меттерних, с большим вниманием следивший за действиями Пруссии, сообщил о своих опасениях лорду Эбердину. Последний, передавая точку зрения австрийского министра, писал: «Вопрос о возвышении Пруссии рассматривается австрийским правительством с величайшей серьезностью... Ничто не склонит Австрию согласиться с включением Саксонии в состав Пруссии»³. Меттерних заявлял, что судьба Саксонии является вопросом общеевропейским; он требовал, чтобы в решении саксонской проблемы участвовали все европейские державы.

Существование самостоятельного Саксонского государства имело для Австрии и серьезное стратегическое значение. На протяжении почти столетия Саксония служила своего рода буфером между двумя главными германскими державами, прикрывая Австрию с севера. Выступала ли она во время частых столкновений на стороне Австрии, оставалась ли нейтральной — прусским войскам так или иначе приходилось проходить через Саксонию, прежде чем ее войска могли достигнуть Австрии. С присоединением Саксонии к Пруссии сложилась

Англией, Пруссией, Россией и Швецией (см. «Поход русской армии против Наполеона в 1913 году и освобождение Германии. Сборник документов», стр. 394—398). Значительный, хотя и тенденциозно интерпретированный, фактический материал о деятельности Центрального департамента собран в работе: P. G. Kielmannsegg, *Stein und die Zentralverwaltung 1813—1814*, Stuttgart, 1964.

² См. J. A. F. Eichhorn, *An die Widersacher der Vereinigung Sachsens mit Preußen*, Frankfurt — Leipzig, 1815, SS. 50—57.

³ C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815*, pp. 168—169.

бы совершенно иная обстановка. Территория Пруссии простерлась бы тогда до Рудных гор и с двух сторон (Саксония на западе и Силезия на востоке) охватила Богемию, что создало бы непосредственную угрозу для Австрии. Нет необходимости убеждать Австрию в том, насколько невыгодно для нее, чтобы Пруссия охватывала ее границы, говорил Меттерних представителю саксонского короля в Вене графу Шуленбургу⁴.

С точки зрения господствовавшей в консервативной Австрии политической концепции совершенно неприемлемо было также свержение саксонского короля — представителя одной из древнейших династий, даже если он и заслуживал наказания за свою верность Наполеону. Австрийский император заявлял Александру I, что монарх может при желании отказаться от части, но не от всего своего государства и всех подданных. Если он отрекается от престола, его владения переходят к законным наследникам, но ни он сам, ни вся Европа не имеют права на их ограбление. Такова должна быть точка зрения каждого монарха⁵.

В своем стремлении сохранить Саксонское королевство Меттерних готов был использовать любые средства. Так, осенью 1814 года им было инспирировано выступление группы офицеров в Саксонии, требовавших возвращения короля Фридриха Августа⁶. Деятельность этой группы была прекращена лишь под угрозой ареста ее участников⁷.

У Франции были не менее веские основания противиться прусским планам, и Талейран всячески противодействовал поглощению Саксонии Прусским государством. Он апеллировал при этом к принципу легитимизма, грубым нарушением которого явилось бы лишение старинной династии ее земель и королевской короны, и ссылался на необходимость поддержания «равновесия сил», одним из условий чего было сохранение независимой

⁴ См. Schulenburg an Einsiedel am 21 August 1814. *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden*, Loc. 2954, Bd. 1, Bl. 28—29.

⁵ См. H. R. Srbik, *Metternich. Der Staatsmann und der Mensch*, Bd. 1, München, 1925, S. 189.

⁶ Штейн — Клейсту 4 сентября 1814 г., Штейн — Гарденбергу 12 сентября 1814 г., Штейн — Репнину 12 сентября 1814 г., *Freiherr vom Stein, Briefe und Amtliche Schriften*, Stuttgart, 1964, Bd. V, SS. 135, 139—141.

⁷ См. E. E. Krahe, *Metternich's German Policy*, vol. I, p. 266.

Саксонии. Талейран подчеркивал, что «Германия, потерявшая собственное равновесие, не может больше служить сохранению равновесия европейского, а это равновесие нарушится, если Саксония будет принесена в жертву»⁸. Правда, у французских дипломатов возникали и другие соображения: не лучше ли для интересов Франции, чтобы восстановление Пруссии было осуществлено не за счет рейнских земель, а за счет Саксонии; земли же по Рейну могли бы в качестве компенсации отойти к саксонскому королю Фридриху Августу. Для Франции спокойнее иметь на Рейне слабого и дружески по отношению к ней настроенного соседа, чем сильную Пруссию. Но важнейшей целью Франция считала борьбу против любого значительного расширения Пруссии.

Что касается Англии, стремившейся к усилению Пруссии в противовес как Франции, так и России, то она первоначально готова была поддержать прусские притязания в саксонском вопросе⁹. Перед Каслри возникла сложная задача: добиться сближения на этой почве двух ведущих германских государств, интересы которых так существенно расходились¹⁰.

Для российского императора судьба Саксонии прежде всего была связана с его притязаниями в Польше. Александр I высказывался за сохранение целостности Саксонии, но вопрос заключался в том, под чьей властью будет она находиться. «Кажется, император различает два вопроса... Первый касается страны, второй — личности государя», — писал саксонский дипломат. При этом он высказывал предположение, что заверения Александра в отношении Саксонии имеют целью смягчить неблагоприятное впечатление, которое произвело содержание в плену короля Фридриха Августа¹¹. В феврале 1813 года в Калише во время обсуждения статей договора с Россией

Пруссия настаивала на возвращении ей прежних польских владений, но не смогла добиться согласия Александра. Уже задолго до этого Чарторыйским, Радзивиллом и другими польскими деятелями был разработан план воссоздания единой Польши под властью русского императора¹². Но во время калишских переговоров обеим сторонам важно было достигнуть соглашения, и вопрос о Польше подробно не обсуждался. В тексте Калишского договора¹³ о ней также прямо не говорилось, а лишь глупо упоминалось, что Пруссии обещан коридор между Силезией и Восточной Пруссией, а компенсацию за потерянные территории ей следует искать на севере Германии. Из этого нетрудно было понять, что Герцогство Варшавское предназначалось для России. Уже в Калише по сути дела была установлена взаимная связь между польским и саксонским вопросами, на чем Александр настаивал и в дальнейшем.

Намерение царя закрепить за собой посредством личной унии все Герцогство Варшавское вызвало крайнее недовольство союзников. Если в начале 1814 года Каслри еще был настроен сравнительно оптимистично в отношении возможности решения польско-саксонской проблемы, то в дальнейшем выяснилось, что источником этого оптимизма были попросту неверные представления о планах Александра, сложившиеся под влиянием донесений английского посла в России Каткарта¹⁴.

Несколько позднее, на совещании в Лангре, английский министр уяснил себе, каковы были в действительности притязания России¹⁵. Они были встречены с крайним недовольством как Англией, так и Австрией, сближение которых, начавшееся еще во второй половине 1813 года¹⁶, превратилось в тесное сотрудничество на почве совместной борьбы против России.

¹² С этим планом Чарторыйский обращался к Александру I еще летом 1812 года (см. «Внешняя политика России», т. VI, М., 1932, стр. 419).

¹³ См. «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов», стр. 81—84.

¹⁴ Каткарт — Каслри 16 января 1814 г., *British Diplomacy.*, pp. 131—132.

¹⁵ См. W. Oncken, *Lord Castlereagh und die Ministerkonferenz zu Langres*, «Historisches Taschenbuch», fol. 6, Jahrg. 4, 1885

¹⁶ См. Л. А. Зак, *Англо-австрийские отношения во время войны за освобождение Германии от господства Наполеона*, «Новая и новейшая история», 1963 г., № 4.

⁸ Талейран — Людовику XVIII 20 декабря 1814 г., *Correspondance inédite...*, p. 191.

⁹ См. C. K. Webster, *England and the Polish-Saxony Problem of the Congress of Vienna*, «Transactions of the Royal Historical Society», 3 Serie, vol. 7, 1913.

¹⁰ «Англия проявляет уступчивость по отношению к Пруссии и России», — с горечью отмечал граф Шуленбург. Ссылаясь на мнение Меттерниха, он обвинял английское правительство в полном безразличии к делам Саксонии (см. Schulenburg an Einsiedel am 21 August 1814 *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden*, Loc. 2954, Bd. 1, Bl. 29)

¹¹ См. *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden*, Loc. 2954, Bl. 3.

Однако открыто Александр о своих проектах не говорил, пока его к этому не вынудили обстоятельства. При подписании Парижского договора 1814 года каждое государство должно было сообщить минимум своих требований, и Александру, как и другим, пришлось раскрыть свои карты.

План расширения России вызвал резкое противодействие ее союзников, с точки зрения которых он противоречил идее «равновесия сил» в Европе; восстановление Польши и перспектива введения в ней конституции объявлялись делом опасным, могущим привести к созданию очага постоянного брожения. Бурное негодование выразила раньше всех Австрия, которая, кстати, сама претендовала на Краков и Замостье, полученные Россией в 1809 году. Однако Александр категорически отклонял какие бы то ни было изменения или ограничения своих планов.

Россия требовала для себя и Торн, находившийся ранее во владении Пруссии, а также прилегающие к нему земли с 300-тысячным населением. Притязания России на Польшу создавали базу для сближения Австрии и Пруссии, но их разделяли старое соперничество в Германии, а также в Саксонии и вопрос о Майнце. Правда, в своем стремлении заручиться поддержкой Пруссии Меттерних еще в начале января 1814 года пообещал Гарденбергу признать право Пруссии на Саксонское королевство (о чем сразу же стало известно и Каткарту¹⁷), обусловив, видимо, это обещание отказом Пруссии от поддержки русской политики в Польше¹⁸. Однако это устное обещание никак не было закреплено, и прусским дипломатам с самого начала было не ясно, насколько можно полагаться на Австрию.

Не менее решительно выступили против планов царя и английские дипломаты, и только согласие Александра во время лондонского совещания в июне 1814 года передать вопрос на рассмотрение Конгресса дало возможность избежать открытого конфликта.

8 августа 1814 г., готовясь к встрече в Вене, Каслри обращал внимание Гарденберга на концентрацию рус-

ских войск в северной Германии¹⁹. Однако, судя по пространному ответу Гарденберга, Пруссия проявляла гораздо больше беспокойства по поводу притязаний Баварии на Майнц и Австрии — на исправление границ за счет Саксонии. Для того чтобы одним ударом разрешить все спорные вопросы, Гарденберг предлагал отдать всю Саксонию Пруссии, на левобережье Рейна допустить только Австрию и Пруссию, включить Нидерланды как «Бургундский округ» в состав будущей германской федерации. Каслри категорически возражал против последнего пункта²⁰, с двумя другими он готов был в крайнем случае согласиться, полагая, что уступки в пользу Пруссии будут способствовать благоприятному для Англии решению польской проблемы. А «польский вопрос» для Каслри был прежде всего вопросом об усилении или ограничении мощи России. Создание Польского Королевства под эгидой России ни в коей мере не соответствовало английским планам.

Пруссия в своих требованиях опиралась и на Калишский договор. Кнезебек, правда, продолжал настаивать на установлении границы по линии Висла — Нарев «для военной безопасности и для округления владений»; об этом же говорили и многие другие прусские деятели, особенно военные. Но Гарденберг, соглашаясь с тем, что такая граница была бы желательна, не видел возможности ее добиться; поэтому он во время всех переговоров настаивал на границе по линии Варта — Торн — требование, выдвинутое им еще в Париже в меморандуме от 29 апреля 1814 г.²¹, с тем чтобы компенсацию за потерянные польские земли получить в самой Германии. Он исходил из убеждения, что больше от царя ничего добиться не удастся, а на открытый разрыв с Россией идти не хотел и не мог.

После переговоров в Лондоне Гарденберг вновь посетил Александра в Дармштадте и получил от него заверения в готовности в случае необходимости поддержать военной силой прусские притязания. Саксонский же король должен будет получить другие владения. Царь

¹⁷ Каткарт — Каслри 16 января 1814 г., *British Diplomacy*, p. 132.

¹⁸ См. E. E. Krahe, *Metternich's German Policy*, vol. 1, p. 281.

¹⁹ См. *British Diplomacy*, p. 190.

²⁰ См. C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815*, p. 320.

²¹ Полный текст меморандума см.: «*Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*», Jahrg. 6, H. 3.

даже предлагал немедленно заявить открыто об этих планах и подготовить их осуществление через командующего русским экспедиционным корпусом в Саксонии князя Репнина. Однако попытку Гарденберга договориться о немедленном переходе управления в Саксонии в руки Пруссии Александр отклонил. В то же время в отношении будущих восточных границ Пруссии он не шел ни на какие уступки. Он хотел удержать за собой и Калиш, и Торн, чтобы вся линия укреплений от Торна до Ченстохова осталась у России. Не смогла добиться от России уступок и Австрия. По Рейхенбахскому соглашению, заключенному в июне 1813 года Россией, Пруссией и Австрией, предусматривались «уничтожение Варшавского герцогства и раздел входящих в его состав провинций между Россиею, Пруссиею и Австриею»²². При этом имелось в виду, что за Австрией должны были остаться ее старые владения. Во время парижских переговоров 1814 года Австрия, однако, отказалась от части западной Галиции; она требовала себе теперь те территории, которые предлагал отдать Австрии Гарденберг в своем меморандуме от 29 апреля, то есть район Кракова до Ниды, район Замостья восточнее реки Сан и часть Восточной Галиции, отобранную у нее в 1809 году, — с общим количеством населения в 700 тыс. человек (Австрия вообще предпочла бы выступить против продвижения России за Вислу, но она вынуждена была считаться с Калишским договором и договором в Теплице²³). Но и эти области Александр тоже не собирался отдавать, категорически отказываясь от каких бы то ни было уступок в пользу Австрии в Герцогстве Варшавском. Лишь к весне 1815 года Александр дал согласие на возвращение Австрии ряда округов Восточной Галиции. 16 (28) апреля 1815 г. было дано указание о срочной эвакуации этих районов²⁴.

Как Меттерних, так и руководители прусской политики с большим вниманием следили за действиями Александра. Они боялись усиления России, опасались (осо-

²² Ст. II союзной конвенции в Рейхенбахе, «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов», стр. 205

²³ См. «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов», стр. 263—267.

²⁴ См. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 578, лл. 3—4.

бенно это относится к Меттерниху), что восстановление Польши с собственной конституцией возбудит у поляков стремление вернуться к границам 1772 года и приведет к нежелательным «волнениям» и «брожениям».

От осуществления планов в отношении Польши пытался отговорить Александра барон Штейн. Он считал, что требуемая царем граница представит реальную угрозу интересам Австрии и Пруссии; предоставление Польше конституции, создающей ей особое положение в составе Российской империи, привело бы, по его мнению, к обоюдному Польши и явилось бы источником беспокойства, так как польский народ не подготовлен к предоставлению ему свободы²⁵.

Серьезные сомнения в целесообразности польских планов Александра высказывали и некоторые другие деятели. Так, Поццо ди Борго в письме на имя императора подчеркивал, что предоставление Польше конституции приведет к резкому различию между русскими, обреченными на пассивность, и поляками, которые получат либеральное управление. Самое разумное, по его мнению, — свести все преобразования к минимуму и в переговорах с союзниками ограничиться лишь обсуждением вопроса о границах²⁶. Русский военный деятель и дипломат А. И. Чернышев писал Александру I, что «приобретение большей части Герцогства Варшавского, очень важное в действительности, может совсем не казаться таковым многим русским». Он утверждал также, будто предоставление Королевству Польскому конституции будет воспринято в России как знак предпочтения, оказываемого Польше. Все это, считал он, ослабляет позиции России. Государю следует выступить с разъяснением по поводу польских приобретений, принятия титула короля польского, а также своего длительного пребывания за границей. Вместе с тем Чернышев полагал, что не следует слишком настойчиво поддерживать все требования Пруссии, которая пропорционально ее собственной территории

²⁵ Штейн — Александру I 30 сентября (12 октября) 1814 г., АВГР, ф. Канцелярия, д. 11687, лл. 4, 5

²⁶ Поццо ди Борго — Александру I 8 (20) октября 1812 г., Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), ф. 679, оп. 1, ед. хр. 88, лл. 1, 5—9

и населению приобретает гораздо больше, чем Россия²⁷

Если Меттерних в польских планах Александра прежде всего усматривал угрозу европейскому «равновесию сил» и непосредственным интересам габсбургской монархии, то прусские деятели никогда не упускали из виду возможность путем уступок на востоке заручиться поддержкой России в саксонском вопросе. Отсюда — попытки Австрии подтолкнуть Пруссию к более решительным действиям против царя и стремление Пруссии как можно мягче вести с ним переговоры.

К тому времени, когда представители европейских стран начали съезжаться в Вену, позиции держав, казалось, определились, каждая готовилась к упорной дипломатической борьбе за осуществление своих планов.

В основе планов Александра I лежало стремление обеспечить для России Герцогство Варшавское. Обосновывая свои притязания, Александр заявлял, что Герцогство Варшавское принадлежит ему по праву завоевания. При этом император подчеркивал, что весь континент был против него, когда он отражал самое несправедливое нападение; тем не менее он без колебаний пришел на помощь европейским государствам. «Теперь, когда победа дала возможность главным государствам Европы восстановить положение, которое они занимали до войны с Бонапартом, а иным из них даже получить некоторые приобретения, будет только справедливо, чтобы мои подданные получили вознаграждение за столь большие жертвы, понесенные ими, и, чтобы буферное государство защитило их навсегда от опасности нового вторжения»²⁸, — утверждал император. «В крайнем случае, — продолжал он, — я соглашусь уступить только Познань до линии Торн — Пейзерн, от Просны до границы Силезии и район Кульма до Дрвенца, — за исключением области Торна»²⁹.

В своем донесении премьер-министру Ливерпулю английский министр иностранных дел Каслри сообщал, что Александр в беседах с ним упорно подчеркивал, что вопрос о герцогстве подлежит только русской компетенции: «Я отдам Пруссии то, что ей необходимо, но Австрии

не дам и деревни. Я завоевал герцогство, и у меня есть 480 тысяч человек, чтобы его защищать»³⁰.

Нессельроде не был уполномочен идти на какие бы то ни было уступки в польском вопросе. В то же время русские представители на Конгрессе получили указание поддерживать прусские притязания на Саксонию примерно до реки Эльстер³¹.

На следующий день после прибытия в Вену Александр пригласил к себе английского министра и подробно изложил свои планы относительно Польши: включить в Королевство Польское все Герцогство Варшавское, за исключением небольшой территории западнее Калиша, которую он намерен передать Пруссии; предоставить Королевству Польскому конституцию и тем самым «обеспечить счастье народа»³².

Эти намерения царя Каслри считал «величайшей угрозой» европейскому «равновесию сил». Он полагал, что сломить упорство Александра можно будет лишь общими усилиями трех, а затем, быть может, и всех европейских держав. Александру он ответил, будто и Англия, и Австрия, и Пруссия охотно приветствовали бы независимую, самостоятельную Польшу, но созданию Королевства Польского под властью России воспротивится вся Европа, включая даже и Пруссию, на поддержку которой Александр рассчитывает. На следующий день в беседе с Нессельроде Каслри вновь заявил о том, что требования России совершенно неприемлемы для европейских монархов, которые не хотят иметь в лице российского императора нового Наполеона.

Те же соображения легли в основу меморандума, который Каслри направил 4 октября Австрии, Пруссии и России. Он резко возражал против польских планов Александра, заявляя, что присоединение Герцогства Варшавского с почти 4-миллионным населением к России, и без того уже усилившейся, вызовет тревогу во всей Европе. Меморандум заключало заявление о том, что, пока Александр не откажется от своих намерений, невозмож-

²⁷ Граф Чернышев — Александру I 6(18) апреля 1815 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 593, лл. 1—3.

²⁸ Инструкция Александра I Нессельроде 30 апреля (12 мая) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 28.

²⁹ Там же, л. 15.

³⁰ Каслри — Ливерпулю 25 ноября 1814 г., British Diplomacy., р. 242.

³¹ См. Инструкция Александра I графу Нессельроде (май 1814 г.), АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 18.

³² Каслри — Ливерпулю 2 октября 1814 г., British Diplomacy., pp 197—199.

но будет принятие какого бы то ни было плана реконструкции Европы³³.

На английскую позицию в польском вопросе оказывали влияние не только политические, но и торговые интересы Англии. К числу интересных английских документов этих лет относится меморандум Ванситтарта — канцлера казначейства (министра финансов) в правительстве Ливерпуля. Этот меморандум был приложен к письму Ливерпуля Каслри от 28 октября 1814 г.³⁴ Он проливал дополнительный свет на английскую политику и на борьбу, происходившую в английском правительстве в связи с определением британского внешнеполитического курса в отношении Польши. Меморандум Ванситтарта был представлен кабинету с целью обсуждения политики, которую проводил Каслри в польском вопросе. Раскрывая характер коммерческих интересов Англии, Ванситтарт писал: «С коммерческой точки зрения, мы приобретаем значительные выгоды даже от номинальной независимости Польши. Россия по разным причинам оказывает значительную враждебность нашей торговле; ничто не могло бы более эффективно помешать ее ограничительным мероприятиям, как открытие портов соседнего королевства (Ванситтарт имеет в виду Польшу. — Л. З.), где даже, если бы и были номинально соответствующие запрещения, они бы постоянно обходились. Ведь хорошо известно, что до того, как был произведен окончательный раздел Польши, большие количества британских товаров, запрещенных в России, всегда находили доступ туда через польские порты». Исходя из этого, Ванситтарт (отражавший мнение влиятельных кругов Сити) в отличие от Каслри считал, что объединение всей Польши как королевства под скипетром Александра I является для Англии более предпочтительным, чем присоединение половины Польши к России в качестве составной части Российской империи.

Каслри стремился объединить усилия Австрии и Пруссии с английскими и использовать эти державы в борьбе против планов царя. Поэтому ценой любых уступок он старался привлечь Пруссию и склонить к такой же уступчивости и Меттерниха. Данное еще в январе 1814 года

устное обещание Меттерниха Гарденбергу признать прусские притязания на Саксонию при условии отказа Пруссии от поддержки русской политики в отношении Польши, казалось, расчищало путь к установлению взаимопонимания между обеими главными германскими державами.

9 октября в секретные переговоры о противодействии планам России включился Гарденберг. Он направил Меттерниху ноту, в которой заверял, что Пруссия в высшей степени заинтересована в тесном союзе с Австрией и Англией и готова принять участие во всех действиях, которые они найдут нужными для того, чтобы убедить Россию сохранять верность союзу и соответственно умерить свои требования в Польше; Гарденберг подчеркивал, что требования Пруссии обеспечить ее усиление, хотя бы в такой же мере, как ее соседей, справедливы, умеренны и отражают как общие интересы, так и интересы самой Австрии.

Ссылаясь на территориальные приращения, которые получили или собирались получить Россия, Бавария и Вюртемберг, Гарденберг требовал для Пруссии Саксонию и Майнц, а для начала — согласия на оккупацию Саксонии прусскими войсками. Гарденберг настаивал на том, чтобы австрийский министр дал ясный ответ на вопросы, которые должны быть прежде всего урегулированы между двумя государствами: согласна ли Австрия на переход Саксонии к Пруссии и предоставление саксонскому королю взамен его владений трех легатств в Италии и откажется ли Австрия от передачи Майнца Баварии, для которой по плану Гарденберга и без того предусматриваются очень выгодные условия? «Пруссия не может покинуть эту крепость, являющуюся главным оплотом в северной Германии». При получении необходимых гарантий, говорилось в ноте, Пруссия будет действовать в отношении Польши в полном согласии с Австрией³⁵. Содержание ноты Гарденберг сообщил Каслри и просил его поддержки.

11 октября последовал ответ английского министра: «Для благополучия Европы необходима сильная Пруссия; что касается саксонского короля, то своей приверженностью к Наполеону он вполне заслужил свою судьбу». «Я не вижу никаких препятствий, — продолжал Кас-

³³ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t I, pp 267, 268.

³⁴ См. British Diplomacy, pp 20—21.

³⁵ Гарденберг — Меттерниху 9 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 54, 55.

лри, — к тому, чтобы временное управление в Саксонии было передано прусскому королю»³⁶.

12 октября Каслри направил письмо Александру, написанное в сравнительно мягких тонах. Он пытался убедить царя, будто лишний миллион населения для такой империи, как Россия, — ничто по сравнению со славой и той услугой, которую он окажет своему народу и всему человечеству, дав пример щедрости и умеренности в вопросах, касающихся непосредственно его владений. В то же время Каслри уверял, что он отнюдь не против расширения России на западе; он возражает лишь против степени и способа этого расширения и добивается только большей умеренности в претензиях России³⁷.

13 октября во время аудиенции у царя Каслри возражал от имени трех союзников против включения Герцогства Варшавского в Российскую империю и против принятия Александром польского королевского титула. Он напомнил, что еще в 1813 году в Рейхенбахе Александр был согласен на раздел территории Польши между Россией и Австрией. Но царь стоял на своем: он соглашался уступить Австрии соляные копи Велички и ни на йоту больше. Царь доказывал, что после образования конституционного Польского Королевства и отхода русских войск за Неман у европейских государств не будет причины опасаться России, и с жаром уверял своего собеседника, что, «если бы это был только вопрос территории, он охотно уступил бы, но речь идет о счастье поляков»³⁸.

Представление Александра о «счастье поляков» не совсем совпадало с их собственным. Об этом красноречиво свидетельствуют донесения из Польши русских тайных агентов о недовольствах в герцогстве³⁹. В министерство внутренних дел России поступила от радзивилловского почтмейстера копия перехваченного письма помещика Пионтковского от 7 декабря 1814 г., где император Александр иносказательно именуется «господином Зелин-

³⁶ Каслри — Гарденбергу 11 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 60, 61.

³⁷ Там же, д. 11752, лл. 10, 13.

³⁸ Каслри — Ливерпулю 14 октября 1814 г., British Diplomacy..., p. 207.

³⁹ Донесение русского консула в Кенигсберге Коцебу от 24 апреля (6 мая) 1815 г., ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 146, л. 11.

ским», прусский король — «Любезным», Наполеон — «Ловчим» и «Шляхтичем»; в письме содержатся сетования на тяжелое положение Наполеона и выражается разочарование в связи с тем, что «Ловчий» совсем забыл о своих «родственников» поляках. Гродненский губернатор запрашивает министерство полиции, как следует поступать с лицами, выражающими симпатию к Наполеону и распространяющими (после его бегства с острова Эльба) «безосновательные слухи»⁴⁰. И хотя эти донесения говорят лишь только о настроениях некоторой части польского населения, тем не менее они свидетельствуют о том, что жители Герцогства Варшавского подвергались тщательному полицейскому наблюдению.

Беседа Александра с Каслри оказалась безрезультатной, и после нее Каслри вручил Александру меморандум и письмо, в котором перечислял «благодетения», оказанные Англией России. Подчеркивая расположение Англии к России, он ссылался на поддержку, будто бы оказанную России в Норвегии, Турции, Персии. Далее Каслри указывал, что Россия уже значительно увеличила свои владения и дальнейшее ее расширение «ставит под угрозу» все будущее Европы. Каслри оспаривал выдвинутое Александром право завоевания и повторял, что на первом плане должны быть «интересы реконструкции Европы». «Я без колебаний заявляю, государь, о моем глубоко убеждении, — писал он, — что исключительно от того, как Ваше императорское Величество отнесется к вопросам, самым непосредственным образом касающимся Вашей империи, зависит, окажется ли настоящий Конгресс благословением для человечества или только ареной бессердечных интриг и борьбы за власть»⁴¹.

Возложив таким образом без малейших колебаний ответственность за исход Конгресса на Россию, Каслри вновь обратился к союзникам. Вместе с Меттернихом он потребовал от Гарденберга начать совместное выступление против России. Прусский канцлер настаивал, в свою очередь, на том, чтобы Англия и Австрия признали необходимым включение всей Саксонии в состав прусских владений и перемещение саксонского короля на другие земли, предпочтительнее всего в Италию. Кроме того, он

⁴⁰ См. ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 147, л. 3.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11752, л. 13.

вновь потребовал, чтобы Майнц не был передан Баварии. Каслри сразу же заявил, что при условии совместных действий против России он готов согласиться на аннексию Саксонии Пруссией и немедленную оккупацию ее прусскими войсками⁴². В то же время — в полном соответствии со своим отношением к польскому вопросу — Каслри подчеркивал, что Саксония не должна рассматриваться как компенсация Пруссии за потери в Польше. Напротив, если Пруссия хочет получить Саксонию, она должна противиться аннексии Герцогства Варшавского.

Ответ Каслри сопровождался вербальной нотой, предназначенной, видимо, специально для Австрии. В ней утверждалось, что лишение саксонского короля всех его владений может быть признано справедливым, если оно необходимо для реконструкции Европы. Нота эта встретила резко отрицательное отношение в Австрии, где многие государственные деятели склонны были считать поглощение Пруссией Саксонии даже более опасным, чем отход Галиции к России.

Меттерниху потребовалось значительное время, чтобы получить согласие двора на эту уступку. Ответ Австрии заставил себя ждать так долго, что вызвал небезосновательное предположение, что Меттерних и не думает соглашаться на передачу Пруссии Саксонии, а лишь пошел навстречу настояниям Каслри, ибо уверен, что Пруссия все равно не сумеет выполнить свое обязательство — противостоять планам царя. У Англии и Пруссии стали возникать опасения, не ведет ли Меттерних двойную игру. Недоверие к австрийскому министру усилилось в связи с тем, что Александр в беседе с лордом Стюартом подтвердил свое намерение удержать всю Польшу, ссылаясь на согласие, якобы полученное им день-два назад от Меттерниха, просившего царя, в свою очередь, помочь спасению Саксонии. Это обвинение царь бросил в адрес Меттерниха после крайне тяжелой и неудачной встречи с ним 24 октября 1814 г., закончившейся почти полным разрывом⁴³. Во время этой беседы Александр упрекал Меттерниха в том, что он — единственный, кто противится пла-

нам России⁴⁴. За десять дней до этой встречи Меттерних сделал устное заявление о том, что Австрия не будет противодействовать временной оккупации Саксонии прусскими войсками⁴⁵. Та же мысль повторялась и в австрийской ноте от 22 октября. В ней указывалось, что оба кабинета занимают сейчас три основных вопроса: стремление России к расширению своих владений, судьба Саксонии и передел территории, предварительно оккупированной союзниками. У Пруссии есть такие же основания, как и у Австрии, добиваться, чтобы Россия не заходила дальше определенных границ и чтобы она не захватила стратегические пункты, важные для обеих монархий. Поэтому император рассчитывает на «взаимную поддержку и полное согласие обоих дворов в польском вопросе»⁴⁶. Нота выражала глубокое сожаление по поводу намерения Пруссии присоединить всю Саксонию⁴⁷.

Самое благоразумное, указывалось в ноте, — сохранить хотя бы ядро Саксонии. Если же в результате сложившихся обстоятельств окажется все-таки неизбежной полная инкорпорация Саксонии, то император даст свое согласие только с тем условием, чтобы оборонительная линия между Австрией и Пруссией по-прежнему проходила по Майну и Мозелю. Вопрос же о Майнце подлежит особому обсуждению⁴⁸.

Нота вызвала крайнее недовольство Гарденберга, но в конце концов оба министра пришли к решению действовать сообща против России. Основу для дальнейших переговоров разработал Каслри. Используя Рейхенбахское соглашение, он сформулировал предложение о разделе Польши и включил в него максимальные австрийские требования. По этому проекту Россия должна была отступить за Вислу, все бывшие прусские земли в Польше, включая Торн, возвращались Пруссии; Варшава оставалась за Россией. Прежде чем предъявить эти требования, следовало, по замыслу Каслри, предложить царю восста-

⁴⁴ См. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, Stuttgart, 1964, S. 328.

⁴⁵ См. Гарденберг — Штейну 15 октября 1814 г., Freiherr vom Stein, op cit, Bd. V, S. 166.

⁴⁶ См. Нота Меттерниха Гарденбергу от 22 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 26—27.

⁴⁷ Там же, л. 28.

⁴⁸ Там же, лл. 30, 31—32.

⁴² См. British Diplomacy, p. 206.

⁴³ См. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, T I, Bd 2, S. 483.

повить независимую Польшу в границах 1772 или, в крайнем случае, 1791 года; в случае отказа (а в нем трудно было сомневаться) — перейти к программе раздела и, наконец, если и это требование будет отвергнуто, пригрозить царю апелляцией к Конгрессу. Тогда объединенная Европа сможет «объявить императору России, до каких пределов и на каких условиях Европа, представленная на Конгрессе, может или не может признать претензии его императорского величества в Польше»⁴⁹. Это было бы осуществлением планов, которые Каслри вынашивал еще до Конгресса. Но если упоминание о восстановлении Польши действовало успокаивающе на общественное мнение Англии и потому вполне соответствовало планам английского правительства, то столь решительное обращение к Конгрессу выходило за рамки «политики умиротворения», предначертанной кабинетом Ливерпуля.

Относительно позиции кабинета Ливерпуля русский посол в Англии граф Ливен доносил 18 октября из Лондона: австрийский посол всячески стремится возбудить недоверие английского правительства к России, внушает мысль, что планы российского императора опасны для Европы и что поэтому необходимо сообща противиться усилению мощи и преобладанию России. Он предлагает, чтобы все державы подписали декларацию протеста против намерений России. Ливен обратился непосредственно к Ливерпулю, и тот заверил его, что хотя он и сожалеет о планах императора относительно Польши, как противоположных его планам и интересам самой России, но считает дружественные отношения и союз с Россией слишком важным принципом, чтобы отказываться от него из второстепенных соображений; на действия, предлагаемые австрийским послом, он никогда не пойдет⁵⁰. Впрочем, и сам Каслри, стремившийся «припугнуть» царя, едва ли помышлял всерьез о том, что обращение к Конгрессу может состояться, и, во всяком случае, не заговаривал о том, как оно может быть практически осуществлено. Не верили в возможность воздействовать таким образом на царя и другие дипломаты. Барон Штейн, который, как уже

отмечалось, не разделял планов Александра I относительно Польши и пытался отговорить царя от их осуществления, предостерегал, однако, от обращения к Конгрессу⁵¹. Он подчеркивал, что «апелляция к Конгрессу оказалась бы безрезультатной, так как император не подчинился бы его решению»⁵².

Гумбольдт и Гарденберг с самого начала были против такой «крайней меры». Положение их было довольно сложным. Пруссия хотела «улучшить» свои восточные границы, вернуть территории в Польше⁵³, а для этого ей нужно было проводить жесткую линию в отношении России. Поддержка Англии и Австрии в этом случае была не только желательна, но и необходима. Гарденберг считал, что вместе с Англией и Австрией Пруссия может разговаривать с Россией «твердым языком».

Но надежды на проведение совместной политики вновь и вновь разбивались о Саксонию, которую Пруссия твердо решила прибрать к рукам⁵⁴. На поддержку Австрии здесь рассчитывать не приходилось. Отсюда опасение прусских политиков, как бы не оттолкнуть Россию, и желание резко выступить против нее, чтобы не потерять согласия Александра на захват Саксонии. Предложения, сформулированные Каслри, казались им неосмотрительными. Гумбольдт предлагал ограничиться в переговорах с Александром только территориальными требованиями — границей по Варте и передачей Пруссии Торна, которые казались ему гораздо более важными, чем вопрос о польской конституции. Гарденберг в своем ответе Меттерниху также подчеркивал, что если Александр отка-

⁵¹ «Дай бог, чтобы.. польские дела не привели к ухудшению отношений между союзниками и к возникновению недовольства», — писал Штейн Пепнину 24 октября 1814 г. (Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, S. 173).

⁵² Штейн — Гарденбергу 26 октября 1814 г., Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, S. 176.

⁵³ Претензии Пруссии на возвращение ей польских земель были высказаны еще в декабре 1812 года (см. письмо негласного представителя Пруссии в Санкт-Петербурге полковника Шёллера Александру I от 5(17) декабря 1812 г., «Внешняя политика России» т. VI, Примечание 697, стр. 783—786).

⁵⁴ Меттерних прямо говорил представителю саксонского короля, графу Шуленбургу, что, хотя для Австрии и важна дружба с Пруссией, интересы обеих держав сталкиваются в вопросе о Саксонии (см. Schulenburg an Einsiedel am 21 August 1814. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2954, Bd. 1, Bl. 28).

⁴⁹ British Diplomacy..., pp. 212—215.

⁵⁰ Ливен — Нессельроде 6(18) октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6843, лл. 234—236.

жется от восстановления Польши в границах 1772 или 1791 года, то следует добиваться от него установления границ по Варте и возвращения Пруссии Торна, а Австрии — Кракова с прилегающим к нему районом (возвращение Тарнопольского округа уже было царем обещано). Более того, если и это не удастся, Пруссия может отказаться от границы по Варте и удовольствоваться той, которая фактически возникает при передаче ей Торна. Упомянув о том, что Пруссия окружена русскими армиями, Гарденберг снова подчеркивал необходимость избегать столкновения с Россией.

21 октября Гарденберг обратился к Меттерниху с запиской, в которой просил его поспешить с обсуждением важнейших вопросов и решить их до намеченной на 24 октября поездки государей в Будапешт. Он повторял, что работа Конгресса не сдвинется с мертвой точки, если не будут заранее достигнуты соглашения между Австрией и Пруссией по всем вопросам, касающимся этих двух государств, и договоренность с Англией по поводу Польши⁵⁵.

С 25 по 27 октября три монарха находились в Будапеште. В эти дни Александр приложил максимум усилий, чтобы оказать воздействие на прусского короля, — и, как показали дальнейшие события, не безуспешно. Попытки же повлиять на австрийского императора и склонить его к большей уступчивости ни к чему не привели: Франц попросту сослался на то, что этими делами занимается его министр.

При австрийском дворе, между тем, росли антирусские и антипруссские настроения. Как известно, Меттерниху потребовалось время, чтобы получить поддержку для проекта Каслри от совместном заявлении трех держав. В Вене поговаривали о кризисе министерства и ожидали чуть ли не отставки Меттерниха. 31 октября по указанию императора состоялось специальное совещание для уточнения австрийских позиций. В нем приняли участие Стадион, Вессенберг, Дюка, Шварценберг. На совещании было решено предложить Пруссии выступить с требованием установления границы по Висле. Таким образом, согласия на продвижение русской границы до рек Варта и

⁵⁵ Гарденберг — Меттерниху 21 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 56.

Нида (о чем Меттерних уже договорился с Гарденбергом) дано не было⁵⁶.

В протоколе совещания указывалось, однако, что, если российский император не согласится на восстановление Польши в границах ни 1772, ни 1791 года и откажется от раздела ее по Висле, следует все же дать полномочия лорду Каслри от имени трех союзных держав выслушать контрпредложения Александра для дальнейшего их рассмотрения австрийским правительством⁵⁷.

Наряду с основной целью в польском вопросе — заставить царя отказаться от принятия титула польского короля и предоставления Польше конституции — Меттерних преследовал и еще одну: толкнуть Пруссию на решительную борьбу за расширение владений в Польше, чтобы отвлечь ее таким образом от Саксонии и не допустить чрезмерного ее усиления. В самой Пруссии некоторые влиятельные деятели считали, что главное — получить польские земли. Они заявляли, что прусского короля удручает необходимость взять Саксонию; он предпочел бы вернуть свои польские владения, хотя и не имеет оснований любить поляков⁵⁸.

Между тем по возвращении в Вену из Будапешта царь направил Каслри неожиданно резкий ответ на его письмо и меморандум, в котором отказывался от каких-либо уступок, в том числе от уступки Торна или Кракова⁵⁹. Впервые Александр дал письменное изложение своих взглядов и требований и тем самым согласился на их обсуждение. Но этим, по сути дела, и ограничилось продвижение в переговорах по польскому вопросу. Меттерних снова обратился с нотой к прусскому канцлеру, в которой излагал основные положения меморандума Каслри⁶⁰; к этому он добавил, что титул короля польского мог бы

⁵⁶ См. «Steins Tagebuch», 6. November 1814; Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd V, S. 33.

⁵⁷ Каслри — Ливерпулю 11 ноября 1814 г., British Diplomacy pp. 229—233.

⁵⁸ См. M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, d'après les documents originaux des archives du ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne, t. I, P., 1917, p. 461 (в дальнейшем M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne...).

⁵⁹ Текст письма Александра с замечаниями Штейна см: Freiherr vom Stein, op. cit., Bd V, SS. 180—183.

⁶⁰ См. British Diplomacy..., pp. 212—215.

быть присвоен в дополнение к своему собственному каждому из трех государей. В личной беседе с Гарденбергом 3 ноября, а затем в записке от 7 ноября⁶¹ Меттерних решительно отверг ссылки царя на соглашение с ним по вопросу о Польше и Саксонии и подтвердил свою прежнюю точку зрения. Не получив ответа Гарденберга, Каслри через Стюарта вручил царю новое послание, выдержанное в более миролюбивых тонах, с тем чтобы затянуть переговоры, пока будет достигнута договоренность между Австрией и Пруссией. Стюарт с большим трудом добился у Александра аудиенции, во время которой был осыпан градом упреков по поводу враждебного поведения Англии. Оба — и Александр и Стюарт — неоднократно упоминали о возможности войны.

Новый тон был принят Александром не случайно. Если в начале работы Конгресса уверенность императора в поддержке Пруссии могла еще казаться не вполне обоснованной, то в ноябре Александр мог уже в общем не тревожиться по поводу прусской позиции. Во время обеда, на который он пригласил Фридриха Вильгельма, Александр стал ему жаловаться на поведение Гарденберга, на участие Пруссии в интригах против России. К концу обеда был вызван прусский канцлер, и Александр в присутствии хранившего гробовое молчание короля заявил ему, что между Пруссией и Россией достигнуто соглашение о Польше. Гарденберг пытался возражать и как-то обосновать прусские и австрийские пожелания относительно восточных границ, но был повергнут в полное смятение вопросом Александра: собирается ли он повиноваться распоряжениям своего короля? Гарденберг вынужден был ответить, что выполнит без колебаний его приказ. Впоследствии Гарденберг признавался, что никогда еще не оказывался в подобном положении⁶². Попытки Кнезебека — адъютанта короля, оказывавшего на него большое влияние, убедить Фридриха Вильгельма воспротивиться переходу всего Герцогства Варшавского в руки России успеха не имели.

В результате в секретном меморандуме, который Гарденберг 7 ноября вручил Каслри, прусский канцлер за-

⁶¹ См. Metternich an Hardenberg 7. November 1814. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI. N 264, fol. 63.

⁶² Об этом инциденте пишет Талейран Людовику XVIII (см. Correspondance inédite., pp. 109—110).

явил, что следует отказаться от всякого сопротивления планам создания Польского Королевства, ограничив предстоящее обсуждение чисто территориальными вопросами, причем довольствоваться минимумом, чтобы новыми чрезмерными требованиями не спровоцировать войну. Ни о каком обращении к Конгрессу нечего и думать. Гарденберг пытался также доказать — в утешение себе и союзникам, — что создание конституционного Королевства Польского ослабит Российскую империю и создаст некоторые возможности дальнейшей борьбы для Австрии и Пруссии⁶³.

9 ноября аналогичная нота была вручена Меттерниху. В конфиденциальной записке, приложенной к ноте, Гарденберг высказывал мысль о том, что, может быть, следует отказаться от посредничества Каслри, и просил австрийского министра обдумать и затем в личной беседе с ним обстоятельно обсудить сложившуюся ситуацию⁶⁴.

Оговорки Гарденберга сводили на нет попытки совместного выступления трех держав. Каслри был глубоко разочарован позицией Пруссии и крахом сложных дипломатических планов. Он писал, что аргументы Гарденберга, очевидно, предназначены не столько для него и Меттерниха, сколько для того, чтобы оправдать свой вынужденный отход от «концерта» европейских держав⁶⁵.

В венских дворцовых кругах все возрастало недовольство политикой Меттерниха, который, как считали некоторые влиятельные деятели в Вене, был готов согласиться на передачу Пруссии Саксонии. Император Франц и раньше относился к этому плану крайне недоброжелательно и соглашался пойти на него только ради сближения с союзниками; Шварценберг и Стадион, Гентц и Вессенберг неуклонно выступали против уступок в саксонском вопросе.

Выражали опасения и многочисленные представители мелких и средних германских государств. Князь Вреде пытался воспрепятствовать расширению Пруссии до границ Баварии; баварское правительство не считало возможным отказаться от Майнца. Герцог Кобургский прямо заявил Александру, что захват Саксонии Пруссией

⁶³ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 406.

⁶⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 57.

⁶⁵ Каслри — Ливерпулю 21 ноября 1814 г., British Diplomacy., pp. 238—240.

заставляет всех германских правителей опасаться за судьбу своих владений. Впрочем, этот демарш мог быть вызван и тем, что всего полгода назад Александр в инструкции русским представителям на Конгрессе указывал, что часть Саксонии должна достаться герцогу Веймарскому и Кобургскому⁶⁶. Это, возможно, было известно при саксонском дворе, один из саксонских дипломатов, во всяком случае, писал: «Не нужно обладать большой проникательностью, чтобы предположить, что если Россия имеет намерение нанести ущерб нашему государю, то это будет сделано в пользу Веймара»⁶⁷.

Ливерпуль сообщал Каслри о том, что общественное мнение Англии складывается в пользу Саксонии, и добавлял: «Принимая во внимание важную роль, которую Саксония всегда играла в Германии, желательно, чтобы было сохранено хотя бы ее ядро, в крайнем случае даже под властью другой ветви королевского дома»⁶⁸.

Талейран писал Людовику XVIII, что Австрия в случае войны с Пруссией и Россией может рассчитывать на Баварию, король которой публично заявил, что раздел Саксонии был бы позором, и предложил выставить в защиту Саксонии 50-тысячную армию; 10 тыс. человек обещал дать Вюртемберг; другие германские государства также готовы выступить против чрезмерных прусских аппетитов, против аннексии Саксонии⁶⁹.

Великие державы, собравшиеся «для установления прочного мира», все громче бряцали оружием. В Вене царила атмосфера неуверенности. Австрия и Англия были обеспокоены претензиями России в Польше; мелкие и средние германские государства были напуганы прусской политикой в отношении Саксонии; царь, видя противодействие своим планам со стороны Англии, Австрии и Франции, потерял доверие к союзникам. Все четыре союзника опасались нового усиления Франции.

Расчеты на прочный союз между Австрией и Пруссией оказались построенными на песке.

Меттерних обращается к другому плану, который он

⁶⁶ Инструкция Александра I Нессельроде 30 апреля (12 мая) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 18.

⁶⁷ Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2954, Bd. 1, Bl. 4.

⁶⁸ Ливерпуль — Каслри 19 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 61.

⁶⁹ См. Correspondance inédite., p. 57.

имел в виду еще во время переговоров в Лондоне: сближение с Францией при сохранении союза с Англией, с тем чтобы удержать по возможности Россию от дальнейшего продвижения на запад и заставить Пруссию отказаться хотя бы от части Саксонии. Этот курс получил одобрение при австрийском дворе и встретил сочувственное отношение со стороны германских князей.

Каслри понимал, что если Австрия и Пруссия не сумели выступить сообща даже в польском вопросе, то в дальнейшем борьба из-за Саксонии и Майнца окончательно приведет их в противоположные лагеря; тем, следовательно, легче будет России укрепить свое влияние в Европе — а этого Каслри опасался больше всего. Он считал необходимым решительно выступить против планов Александра I⁷⁰; в одном из писем Каслри в резких тонах заявил, что не намерен позволить «калмыкскому князю перевернуть Европу»⁷¹.

Раскол между союзниками, растущая взаимная враждебность Австрии и Пруссии приводили к все большему сближению Австрии и Англии с Францией, хотя изменение курса английской и австрийской политики произошло не сразу.

11 ноября Меттерних пригласил к себе Каслри, Талейрана и Нессельроде. Обсуждали вопрос о Генуе. Когда же Каслри и Нессельроде удалились, Меттерних достоверно сообщил Талейрану содержание своего письма к Гарденбергу от 22 октября, в котором он обещал поддерживать притязания Пруссии на Саксонию, если она выступит вместе с Австрией против польских планов Александра. Меттерних тут же заверил французского дипломата, что с иллюзиями в отношении Пруссии покончено, отныне Австрия будет твердо защищать от ее посягательств интересы Саксонии⁷². Этот явный шаг к сближению со стороны Австрии вполне устраивал Талейрана, который рассматривал его как признак близкого распада ненавистной ему коалиции.

⁷⁰ Каслри — Ливерпулю 11 ноября 1814 г., British Diplomacy., pp. 229—233.

⁷¹ R. S. Castlereagh, Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh, L., 1848—1853, vol. X, p. 200 (в дальнейшем: R. S. Castlereagh, Memoirs and Correspondence.).

⁷² Талейран — Людовику XVIII 12 ноября 1814 г., Correspondance inédite., pp. 112—114.

Ликвидации антифранцузской коалиции Талейран ждал и добивался давно. Его целью было завоевать влияние на Конгрессе и как можно больше расширить трещину, возникшую между союзниками. Отношение Франции к польско-саксонскому вопросу было вполне определенным: она не хотела усиления ни России, ни Пруссии и потому боролась против создания Королевства Польского в составе Российской империи и против поглощения Саксонии Пруссией.

Уже при первом свидании с Александром Талейран, изображая глубокую скорбь по поводу «несчастной Европы», пытался добиться отказа царя от Герцогства Варшавского и от поддержки прусских требований в Саксонии⁷³.

8 октября в беседе с Меттернихом Талейран убеждал его отказаться от политики уступок в отношении Пруссии и России. Талейран заявил, что никогда не даст своего согласия на передачу Саксонского королевства Пруссии и на передачу ей Люксембурга и Майнца. «В такой же мере,— сказал французский министр,— не дам я согласия и на то, чтобы Россия перешла Вислу и имела 44 миллиона подданных в Европе и границы на Одере...»⁷⁴.

Излагая в письме к Людовику XVIII содержание беседы с австрийским министром, Талейран приводит обращенные к нему слова Меттерниха: «Мы гораздо ближе друг к другу, чем Вы думаете. Я обещаю Вам, что Пруссия не получит ни Люксембурга, ни Майнца. Мы так же мало, как и вы, хотим чрезмерного усиления России. Что касается Саксонии, мы сделаем все, чтобы спасти хотя бы часть ее»⁷⁵.

Так намечался путь к сближению. И если в дальнейшем переговоры между членами коалиции еще проходили в тайне от представителя Франции, то чем дальше отходили друг от друга вчерашние союзники, тем более успешными становились действия Талейрана, стремившегося во что бы то ни стало оторвать от них Австрию, сбли-

зиться с Англией и противостоять вместе с ними Пруссии и России.

Отношения между Англией и Францией также начинают меняться. В начале Конгресса Каслри упрекал Талейрана в том, что он уделяет слишком большое внимание Саксонии и Неаполю, тогда как следовало бы сосредоточить все усилия на польском вопросе⁷⁶. Каслри знал отношение Людовика XVIII к судьбе Саксонии, знал и о том, что французский король мечтает вновь увидеть своего саксонского родственника на польском престоле и что Талейран придает этой идее не слишком большое значение. Он старался воздействовать на французскую позицию через английского полководца и дипломата Веллингтона, оказывавшего, в свою очередь, влияние на французского министра Блага, близкого к Людовику XVIII, и неоднократно намекал, что если бы удалось уладить польский вопрос, то можно было бы помочь и саксонскому королю⁷⁷.

Новые инструкции, полученные Талейраном от Блага⁷⁸, рекомендовали сотрудничество с Каслри, что соответствовало намерениям самого Талейрана.

Коалиция по существу распалась. Каслри не мог представить царю единое мнение трех держав — его уже не существовало.

Видя все новые и новые осложнения в решении саксонской проблемы, Гарденберг начал подумывать о том, чтобы «уступить» саксонскому королю Дрезден и Пильниц.

События между тем не заставили себя ждать. 14 ноября стало известно, что князь Репнин заявил о передаче управления в Саксонии Пруссии с согласия Австрии и Англии. Значительно ранее, 21 октября, Репнин направил членам временного управления Саксонии циркуляр, в котором писал, что, как ему стало известно, российский император намерен с согласия Англии и Австрии передать управление страной в руки прусского короля и заменить русские войска прусскими. Этот акт должен подготовить

⁷⁶ См. *British Diplomacy...*, pp. 217—218.

⁷⁷ Каслри — Ливерпулю 9 октября, 24, 25 октября 1814 г.; Каслри — Веллингтону 25 октября 1814 г.; Веллингтон — Каслри 7 ноября 1814 г. (см. *British Diplomacy...*, pp. 205, 213, 217, 227—229).

⁷⁸ Блака — Талейрану 9 ноября 1814 г., *Correspondance inédite...*, pp. 105—108.

⁷³ См. *Correspondance inédite...*, pp. 18—22; Е В Т а л е й р а н, Талейран, Изд-во АН СССР, 1948, стр. 189—190.

⁷⁴ *Correspondance inédite...*, pp. 32—34.

⁷⁵ Талейран — Людовику XVIII 9 октября 1814 г., *Correspondance inédite...*, pp. 34.

переход Саксонии к Пруссии, о котором в ближайшее время будет объявлено официально. При этом Репнин утверждал, что «это объединение даст большие выгоды обоим королевствам и Германии в целом» и что прусским королем руководит лишь стремление упрочить благополучие Саксонии и предоставить ей те выгоды, права и привилегии, которыми по германской конституции пользуются прусские провинции⁷⁹. Барон Штейн писал по этому поводу Нессельроде, что циркуляр полностью соответствует намерениям союзников⁸⁰.

Таким образом, согласие союзников на временную оккупацию Саксонии при условии совместных действий в польском вопросе было истолковано как безусловное и окончательное. Легко представить себе, какое впечатление произвело это известие в Вене. Каслри и Меттерних протестовали, заявляя об искажении их заявлений по саксонскому вопросу⁸¹. Гарденберг вынужден был согласиться на опубликование ноты, разъясняющей, что в действительности согласие было дано лишь на временную оккупацию и что вопрос о Саксонии еще требует разрешения.

Обстановка все более осложнялась. Меттерних заявил Гарденбергу, что Австрия не может уступить одновременно в двух вопросах; поскольку Пруссия не выполнила свои обязательства в отношении Польши, он также считает себя свободным от всех обещаний. Все же по инициативе Австрии была предпринята еще одна попытка договориться по поводу Польши. 23 ноября Гарденберг обратился к Александру с пространном письмом. Не возражая против введения конституции в русской Польше, Гарденберг, как и раньше, переносил центр тяжести на территориальный вопрос. Избегая при этом высказывать определенно собственную точку зрения, он говорит о том беспокойстве, которое вызывает в Европе намерение России расширить свои границы, и пытается убедить Александра, что для столь обширной империи, как Россия, эти дополнительные территории имеют такое ничтожное зна-

чение, что она легко могла бы от них отказаться и тем успокоить Европу.

Гарденберг не забывает в письме и о том, что больше всего тревожит Пруссию: «Мы все время ставили на обсуждение приобретение Саксонии. Австрия и Англия заявили о своей готовности дать согласие, если мы последуем за ними в отношении польских дел. Первая добавляет еще одно условие: сохранение Майнца за Баварией и некоторое урегулирование в отношении укреплений и границ». Прусский канцлер вновь и вновь доказывает, что Торн по справедливости должен принадлежать Пруссии⁸². Следует отметить, что в апреле 1815 года, когда стали распространяться слухи о готовящемся в связи с высадкой Наполеона восстании поляков, генерал-губернатор Кенигсберга Бюлов предлагал в качестве предупредительной меры занять Торн прусскими войсками⁸³.

Гарденберг встретился с Александром 30 ноября. Несмотря на дружеский тон, вновь принятый Александром, который не хотел упускать Пруссию из-под своего влияния, никаких определенных результатов встреча не дала. Александр лишь пообещал Гарденбергу сообщить ему свои соображения. Действительно, через день Гарденберга посетил Чарторыйский, который от имени царя передал, что Россия готова отказаться от Кракова и Торна, с тем чтобы они стали вольными городами при гарантии и под покровительством союзных держав и при условии, что Австрия согласится на передачу Пруссии всей Саксонии и на превращение Майнца в федеральную крепость. Александр выдвинул при этом тот же тезис, который выдвигал в отношении Польши: саксонский народ желает единства и предпочитает целиком оказаться под властью Пруссии, нежели подвергнуться разделу. Это положение подхватил и Гарденберг, заявивший: «Упорно пытаются спасти для саксонского короля часть его владений, что противоречило бы воле его народа... Я мог бы смело предоставить возможность подсчитать голоса, они почти единодушно были бы поданы против расчленения»⁸⁴. Этот

⁷⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11687, л. 19.

⁸⁰ Штейн — Нессельроде 5(17) ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11687, л. 15.

⁸¹ Каслри — Ливерпулю 21 ноября 1814 г., British Diplomacy., pp. 240, 241; Меттерних — Гарденбергу 12 ноября 1814 г., Angéberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 418.

⁸² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 5—7, 9.

⁸³ Сообщение русского генерального консула в Кенигсберге Коллебу коллегии иностранных дел, ЦГАОР СССР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 146, лл. 3—4.

⁸⁴ Вербальная нота Гарденберга Меттерниху от 2 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 36.

тезис отстаивал и Штейн, утверждавший, что большинство населения Германии примирилось с мыслью об объединении Саксонии с Пруссией и крайне неодобрительно относится к возможности раздела Саксонского королевства⁸⁵.

В то же время русский наблюдатель в Дрездене в донесении князю Волконскому приводит ряд фактов, свидетельствующих о недовольстве действиями Пруссии, которое царило в стране.

Так, адъютант Фридриха Августа, прибывший в Дрезден, чтобы призвать население к дружбе с Пруссией, был встречен с откровенной враждебностью. Наблюдатель рассказывает о полковнике саксонской гвардии, который при каждом упоминании о пруссаках всем своим видом выражал крайнюю степень отвращения, и о том, как упавшему с лошади и разбившемуся русскому свидетели несчастного случая отказались оказать помощь, так как заподозрили в нем пруссака. В донесении сообщалось, что значительная часть населения Саксонии открыто выражает раздражение и досаду против Пруссии⁸⁶.

Что касается саксонского короля и его министров, то они неоднократно повторяли, что не могут признать раздела государства и не допустят, чтобы «единый саксонский народ» был разорван на части. Протестовали они и против применения к Саксонии права завоевания, ссылаясь на то, что Саксония лишь поставляла войска, которые от нее требовал Наполеон, но не объявляла войну и не провоцировала ее. Король готов пойти на любые жертвы, кроме тех, которые несовместимы с благом его подданных, заявляли саксонские дипломаты⁸⁷. Приносить жертвы во имя общего блага должны все державы, а отнюдь не только Саксония⁸⁸.

⁸⁵ См. Stein an Hardenberg den 4. Dezember 1814. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AA1, Rep. VI, N 264, fol. 107.

⁸⁶ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4215, лл. 174—177; о настроениях в Саксонии в период Венского конгресса см. также в работах: V. Lange, Die öffentliche Meinung in Sachsen von 1813 bis zur Rückkehr des Königs 1815, Gotha 1912; F. Troška, Die Publizistik zur sächsischen Frage auf dem Wiener Kongress, Halle, 1891.

⁸⁷ См. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2645, Bl. 74. Quelques considérations sur la position de la Saxe. Presburg, 8/9 März 1815.

⁸⁸ См. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2645. Bl. 92. Conjectures sur les arguments persuasifs dont se serviront les Ministres des Puissances alliées.

В письме Александру I министры саксонского правительства напоминали: «Приближается час, когда будет решена судьба Саксонии. Мы бы трепетали в его ожидании, если бы Ваше Императорское Величество не говорили, что Саксония останется Саксонией и что она никогда не будет разделена». Письмо заканчивалось выражением уверенности в том, что российский император никогда не согласится на раздел Саксонии, так как слишком ценит «истинные интересы народа, честь нации и славу ее государя»⁸⁹.

Однако сам Фридрих Август отнюдь не собирался принести какие-либо жертвы ради сохранения единства своих «обожаемых подданных». Он отклонял все проекты соглашений по поводу своих владений, ссылаясь на древность своего рода, на заслуги предков и даже свои собственные, подчеркивая, что в последний момент он все же перешел на сторону союзников. «Мы не примем никаких компенсаций, которые нам предлагают»⁹⁰,— писал он Александру 4 ноября 1814 г. Основные надежды саксонское правительство возлагало на Австрию, полагая, что без ее поддержки дело саксонского короля почти наверняка будет проиграно⁹¹.

Между тем Гарденберг буквально засыпал Меттерниха нотами, письмами, записками, объяснениями. 2 декабря он сообщил ему о результатах встречи с Александром. Стараясь смягчить впечатление от неудачи своей миссии, он заверял, что не упустил ни одного аргумента в защиту позиции Австрии и Пруссии в отношении Польши и что отказ Александра от Кракова и Торна является уже многообещающим признаком. Может быть, со временем и удастся получить эти города, дав обязательство не превращать их в укрепленные пункты, рассуждал он⁹².

Гарденберг утверждал, что даже приобретение всей Саксонии не даст Пруссии таких выгод, какие получили от расширения своих территорий другие государства, ибо владения Пруссии растянуты от Немана до Мааса и разрезаны на две части. «И при этом еще помышляют о со-

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11698, лл. 9, 10.

⁹⁰ Там же, лл. 5, 6.

⁹¹ Schulenburg an Einsiedel am 21 August 1814. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2954, Bd. 1, Bl. 27.

⁹² Вербальная нота Гарденберга от 2 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 33—34.

здании буферного государства между Австрией и Пруссией, об установлении границы, отнюдь не необходимой для Австрии, и крайне опасной для Пруссии!»⁹³ — с горечью восклицает он. Канцлер все еще пытается склонить Австрию к уступкам в отношении Саксонии, предлагает ей часть прусской Верхней Силезии с населением в 143 тыс. человек в обмен на небольшую область в княжествах Нейсса и Хотценплиц с 33 тыс. душ⁹⁴. В этой вербальной ноте Гарденберг еще выдерживает, говоря о польских делах, оптимистический тон. Но уже на следующее утро он пишет Меттерниху, что вообще не считает возможным как-то воздействовать на Россию. Гарденберг опровергает утверждение Меттерниха, будто Пруссия, Австрия и Англия, действуя сообща, могут добиться от России любых уступок. Положение теперь таково, продолжает канцлер, что территориальные требования, которые Австрия и Пруссия могут предъявить России, не вступая при этом в противоречия друг с другом, — это только Краков и Замостье с их округами, Торн и Варга. Требовать сейчас, после стольких уже сделанных уступок, установления границы по Висле и Нареву — бесполезно. Попытка говорить с Россией «твердым языком», то есть языком угроз, может лишь создать новые осложнения и помешать главной цели — установлению мира и порядка⁹⁵.

На это Меттерних отвечал, что его император никогда не согласится передать всю Саксонию Пруссии. «Вы знаете, что мы думаем о Саксонии, — писал он Гарденбергу. — ...Сказав что-либо однажды, император и во второй раз, и всегда будет повторять то же самое»⁹⁶. Действительно, как передает Талейран, император Франц снова усиленно доказывал посетившему его Александру, что никто не может лишиться государя его владений и сам он не может от них отказаться иначе, как в пользу законных наследников⁹⁷. В Вене настроение было таково, что, если

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 35—36.

⁹⁴ Там же, лл. 37—39.

⁹⁵ Гарденберг — Меттерниху 3 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 58.

⁹⁶ Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, Wiener Kongress, N 264, fol. 63.

⁹⁷ Талейран — Людовику XVIII 7 декабря 1814 г., Correspondance inédite..., pp. 167—168.

бы Меттерних даже и хотел, он не мог бы уже пойти на уступки в саксонском вопросе.

Штейн, поддерживавший позицию Пруссии в отношении Саксонии, в специальной Памятной записке от 3 декабря обосновывал право союзников обращаться с Саксонией как с завоеванной страной, выступал против ее раздела, за передачу Пруссии всей территории Саксонии⁹⁸. Он выражал надежду, что если Австрия взамен согласия на аннексию Саксонии Пруссией потребует себе Краков, то, возможно, удастся склонить царя к этой уступке⁹⁹. Прибодрившийся прусский канцлер снова начал настойчиво требовать передачи Пруссии всей Саксонии, подчеркивая, что в противном случае возможна война.

О возможности и даже неотвратимости войны говорили много. Насколько серьезным было опасение, что война вот-вот разразится, можно судить по секретному письму Мюнстера к принцу-регенту от 30 ноября, в котором он намечал даже план действий для Англии, советуя в случае войны непременно постараться привлечь к себе Францию, которая иначе, как он считал, может объединиться с Россией; для этого Мюнстер предлагал уступить ей левый берег Рейна и Бельгию¹⁰⁰.

Осведомленные лица сообщали о подготовке к войне, проводимой австрийским правительством. Каслри, который еще недавно в Лондоне высмеивал австрийского посла, говорившего о возможности войны с Россией, теперь писал правительству о необходимости быть к ней готовыми.

Русские наблюдатели отмечали, что прусское правительство боится России, считает ее опасным соседом и потому только старается ее не раздражать. Австрия также опасается России. Россия, давшая Европе убедительные доказательства своей силы, вместо признательности за все, что ею сделано для других стран, вызывает лишь

⁹⁸ См. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften. Bd. V, SS. 213—217.

⁹⁹ Штейн — Гарденбергу 4 декабря 1814 г., Freiherr vom Stein, op. cit., Bd. V, S. 218.

¹⁰⁰ C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815., Append. D., p. 557.

зависть к себе. Не следует поэтому слишком доверять союзникам, которые всяческими политическими комбинациями пытаются ослабить влияние России¹⁰¹.

В английском парламенте 21 и 28 ноября проходили дебаты по саксонскому вопросу, однако члены парламента не были в сколько-нибудь достаточной мере осведомлены о положении дел. Оппозиция решительно выступала против ликвидации Саксонии; неопределенные слухи о происходящем в Вене вызывали большое беспокойство. Ливерпуль, предупредивший Каслри еще 18 и 19 ноября, что «антисаксонская политика» крайне непопулярна в Англии, теперь обращал внимание министра на необходимость любой ценой сохранить мир¹⁰².

Кризис Конгресса все усиливался. 3 декабря Гарденберг в очередной раз обратился к Меттерниху¹⁰³.

Международное право, писал прусский канцлер, признает право завоевания, и оно вполне применимо к Саксонии, поскольку страна была полностью завоевана, король взят в плен. Политическое поведение саксонского короля с марта 1813 года заслуживает осуждения со всех точек зрения. Раздел Саксонии и сохранение на границе Австрии небольшого Саксонского государства не даст Австрии ни политических, ни военных выгод¹⁰⁴. Пруссии же, растянувшейся от Немана до Мааса, необходимо укрепить свои позиции в центральных районах, а это может быть достигнуто лишь присоединением Саксонии¹⁰⁵.

¹⁰¹ См. Обзор политического положения в конце 1814 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3884, л. 206.

¹⁰² Ливерпуль — Каслри 18 ноября 1814 г., British Diplomacy..., pp. 235—236, Ливерпуль — Каслри 19 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 61.

¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 48—53. Нота полностью воспроизводит Памятную записку Штейна Гарденбергу от 3 декабря 1814 г (см. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep VI, Nr. 264; Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, SS. 213—217).

¹⁰⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 48—49, 51—53.

¹⁰⁵ Подобная аргументация неоднократно высказывалась в прусской периодической печати и в памфлетах того времени. Так, считая задачей Пруссии защиту Германии, Нибур пишет, что для выполнения этого Пруссия, «чтобы не истощить свои силы и не истечь кровью», должна обладать Саксонией, король которой стал предателем (см. В. G. Niebuhr, Preussens Recht gegen den Sächsischen Hof, В., 1814, S 21).

В своем ответе Гарденбергу (нота от 10 декабря¹⁰⁶) Меттерних призывал Пруссию пойти на уступки во имя установления «равновесия сил» в Европе и с целью облегчить возможность создания «непреодолимой преграды на случай нападения Франции или России». Вместе с тем Меттерних намекал, что позиция Пруссии способствует тому, «чтобы Конгресс завершился прискорбной сценой столкновения между государствами, непосредственно призванными укрепить мир в Европе»¹⁰⁷. Он заявил, что Австрия не может уступить по всем пунктам: и в Польше, и в Саксонии, и в Майнце. Раз уж ей придется идти на уступки в Польше, то Пруссия должна отказать от своих притязаний в Саксонии. Австрия может пойти навстречу России в польском вопросе, за исключением только некоторых пунктов, имеющих для нее военное значение. Она ограничится лишь требованием от России гарантий, касающихся будущей польской конституции. Но, поскольку польский вопрос перестал быть дискуссионным и Австрия более не заинтересована в том, чтобы защищать границу по Варте и Ниде, она лишь постарается добиться перехода к Австрии Кракова, а Торна — к Пруссии, так как независимое существование этих городов угрожает спокойствию всех трех соседних государств¹⁰⁸.

Однако Австрия ни в коем случае не может согласиться на поглощение Пруссией Саксонского королевства. Учитывая пожелания Каслри, Меттерних включил в ноту предложения по территориальным вопросам, которые могли бы, по его мнению, стать основой переговоров: увеличение Пруссии отчасти за счет уступок России в Польше (что наиболее соответствует прусским планам относительно польских границ), отчасти — за счет некоторых земель в Саксонии¹⁰⁹. К ноте была приложена карта с обозначением территорий, которые Австрия считала возможным передать Пруссии. Помимо земель в Вестфалии и в Рейнской области эти территории включали часть Саксонии, а именно Нижний Лаузитц, половину Верхнего Лаузитца, округ Виттенберга и земли по обоим бере-

¹⁰⁶ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 17—24.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 20.

¹⁰⁸ Там же, лл. 17—18.

¹⁰⁹ Там же, лл. 21—22.

гам реки Эльбы — с населением примерно 430 тыс. человек¹¹⁰.

В ноте подчеркивалось, что сохранение саксонской монархии диктуется законными правами короля, общими интересами Германии, одинаково близкими и Австрии, и Пруссии, и необходимостью поддержания мира¹¹¹.

Австрийская нота вызвала крайнее негодование в Пруссии. На следующий же день Гарденберг направил Меттерниху раздраженное письмо, в котором отказывался без санкции короля вести дальнейшие переговоры на основе новых предложений, диаметрально противоположных всем прежним заявлениям и находящимся в вопиющем противоречии с заявлением о дружеском расположении к Пруссии¹¹². К сравнительно короткому письму он приложил полученное им еще в середине октября письмо Каслри по поводу Саксонии¹¹³, а также карту большей части Германии и Силезии — взамен присланной Меттернихом, в которой, по его словам, имелись серьезные ошибки. Но этим прусский канцлер, считавший уже, что Саксония наконец у него в руках, не ограничился. Он направился к императору Александру и вручил ему все последние письма Меттерниха с предложениями о совместных действиях против России. Александр передал их императору Францу и потребовал объяснений; австрийский император направил его к Меттерниху. Каслри с большим трудом удержал австрийского министра от разоблачений, на которые тот уже готов был пойти: Меттерних располагал письмами Гарденберга, достаточно компрометировавшими прусское правительство. Но и без этого Александр, ознакомившийся со значительной частью переписки между Англией, Австрией и Пруссией, относился теперь к Гарденбергу с почти столь же малым доверием, как и к Меттерниху.

Соображения, высказанные в письме к Меттерниху 11 декабря, Гарденберг повторил 16 декабря в ноте, на-

¹¹⁰ См. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, T. 1, Bd. 2, S. 490.

¹¹¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 22—24.

¹¹² Гарденберг — Меттерниху 11 декабря 1814 г., там же, тл. 46—47.

¹¹³ Там же, лл. 60—61.

правленной Нессельроде¹¹⁴. Он писал, что имеются самые серьезные доводы против расчленения Саксонии. Это — стремление к благополучию саксонского народа, обещание, данное российским императором, интересы Пруссии и Европы. По утверждению Гарденберга, Пруссия должна быть сильной во имя сохранения «равновесия сил» в Европе. Договоры между союзниками гарантировали Пруссии не только то количество подданных, которое она имела в 1805 году, но и устраивающие ее территории. Для укрепления Пруссии необходимо включить в ее состав всю Саксонию. Сохранение же короля в Саксонии, повторял Гарденберг, принесет большие неудобства, так как его владения, раздираемые между соседями, будут очагом интриг и беспокойства. Чтобы разрешить этот вопрос, прусский король предлагает дать Фридриху Августу в качестве компенсации Мюнстер, Падерборн и аббатство Корвей с населением в 350 тыс. человек. А если его это не устраивает, можно предложить более значительные владения на левом берегу Рейна, включающие город на берегу, пригодный для резиденции короля¹¹⁵.

Далее Гарденберг напоминает, что в ноте от 22 октября Австрия соглашалась на определенных условиях признать переход к Пруссии всей Саксонии, кроме ее ядра на границе с Богемией. Последние требования Австрии означают ее отход от прежнего курса. Не будет ли, спрашивает Гарденберг, сохранение Саксонского государства, известного своей приверженностью к Франции, представлять для Германии большую угрозу, чем его ликвидация?

Что касается согласия Франции, то прусский король рассчитывает получить его с помощью союзников и самой Австрии¹¹⁶. К ноте Гарденберг приложил копию письма Меттерниха Каслри, в котором сообщалось, что «австрийский император даст согласие на включение всей Саксонии в состав Прусской монархии, если прусский король и его союзники сочтут ее частичное сохранение несовместимым со справедливыми требованиями Пруссии и общим справедливым урегулированием»¹¹⁷.

¹¹⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 11—16.

¹¹⁵ Там же, лл. 12—13.

¹¹⁶ Там же, лл. 14—16.

¹¹⁷ Там же, л. 44.

В сложившихся условиях Меттерних считал необходимым подать в отставку. Но отставка не была принята, что вновь укрепило позиции австрийского министра. Однако отношения Меттерниха с Александром обострились до предела. За бурным объяснением Александра с Меттернихом последовало свидание австрийского и русского императоров, во время которого Александр I предъявил Францу все полученные им документы и заявил, что не желает больше вести какие бы то ни было переговоры с таким ненадежным человеком, как Меттерних. Австрийскому императору не оставалось ничего иного, как заявить, что он ничего об этой переписке не знает¹¹⁸.

Вскоре после этой беседы Александр предложил вернуть Австрии Восточно-Галицийский округ с Тарнополем.

Опасаясь дальнейшего сближения Австрии и Франции, Александр через Чарторыйского дал знать Талейрану, что готов согласиться на сохранение части Саксонии под властью саксонского короля¹¹⁹.

Но теперь Каслри официально отказался от поддержки Пруссии в саксонском вопросе, ссылаясь при этом на указания Ливерпуля в письме от 18 ноября¹²⁰. Этот шаг был принят с удовлетворением английским парламентом. Каслри согласился по просьбе Гарденберга и Меттерниха взять на себя посредничество в саксонском вопросе, но при условии, что за саксонским королем будет сохранено ядро его владений. Он предложил передать Пруссии примерно половину страны с Дрезденом. В письме к Ливерпулю 18 декабря Каслри объяснял свой измененный план: было бы несправедливо и опасно, чтобы государства, сотрудничавшие с Францией, получали выгоду или сохраняли свое прежнее положение¹²¹.

В это время Гарденберг уже начинает подумывать о требованиях, которые он выдвинул позднее: если Пруссии будет предоставлена только часть Саксонии, то действительно к ней она должна получить не рейнские

¹¹⁸ См. Steins Tagebuch, 14 Dezember 1814; Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, S. 346

¹¹⁹ Талейран — Людовику XVIII 15 декабря 1814 г. Correspondance inédite..., pp. 179—180.

¹²⁰ См. British Diplomacy..., pp. 235—236.

¹²¹ Каслри — Ливерпулю 18 декабря 1814 г., British Diplomacy..., pp. 260—261.

земли, а Франконию или хотя бы Байрейт¹²². Пробовал Гарденберг договориться также о передаче Фридриху Августу в качестве компенсации епископства Мюнстер и Падерборн с аббатством Корвей¹²³. Это не угрожало бы положению Пруссии, так как саксонский король тогда был бы низведен до положения главы небольшого государства, полностью подчиненного Пруссии.

В представлениях прусских политиков Пруссия все еще была прежде всего восточногерманским государством; пограничные земли с католическим населением на Рейне сравнительно мало привлекали их. 13 декабря на совещании с участием Гарденберга, Гумбольдта, Штейна, Каподистрии и Чарторыйского¹²⁴ было принято решение, изложенное затем в ноте 16 декабря¹²⁵: предложить рейнское побережье с 700-тысячным населением саксонскому королю в обмен на его владения. План получил одобрение Пруссии и России, затем был предложен Каслри, который отклонил все доводы в его пользу. Английский министр выразил твердое убеждение в том, что саксонский король никогда не даст согласия на такую операцию, а против его воли она невозможна. Лучше Пруссии «плыть по течению, а не против него» и найти себе взамен польских владений земли где-нибудь в другой части Германии¹²⁶.

Изменение английской позиции поспешил использовать Талейран. 14 декабря он посетил Меттерниха, который ознакомил его с австрийской нотой от 10 декабря. И хотя Талейран уже знал ее содержание, ему было важно, как он писал на следующий день Людовику XVIII, по-

¹²² В секретном плане, составленном в январе 1815 года, Гарденберг приводил ряд соображений в защиту прусских притязаний на Байрейт. Эти земли, указывал он, — колыбель Пруссии, у которой они были отобраны насильственно в результате злосчастной войны 1806—1807 годов; население их проявляет исключительную привязанность к прусскому королевскому дому. Наконец, военные и политические интересы как самой Пруссии, так и других европейских государств требуют передачи Байрейта Пруссии (см. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, N. 242, fol. 52—55).

¹²³ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 13.

¹²⁴ См. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, S. 347.

¹²⁵ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 11—16.

¹²⁶ См. British Diplomacy..., pp. 260, 268—271.

лучить официальное подтверждение¹²⁷. 16 декабря Талейран получил копию ноты; к ней была приложена записка Меттерниха, заканчивающаяся словами: «Я счастлив обнаружить согласие между мною и Вашим кабинетом по вопросу, защита которого является столь благородным делом»¹²⁸. Ловкий французский политик поспешил закрепить этот успех. 19 декабря он написал Меттерниху письмо, в котором от имени короля благодарил за оказанное доверие и излагал позицию французского правительства¹²⁹. Становясь в позу поборника справедливости, Талейран утверждал, что Франция не преследует эгоистических целей, а стремится лишь к полному восстановлению Европы, искоренению революционного духа и торжеству справедливых принципов. Король хочет, чтобы легитимные монархии были повсюду сохранены или восстановлены, чтобы «свободные» территории получили законных государей и были распределены на основе принципа политического равновесия сил¹³⁰.

Перейдя затем к вопросу о Польше, Талейран указывал, что силой обстоятельств и волей государей вопрос о Польше сводится лишь к разделу ее территории и установлению границ, причем Франция прежними договорами отстранена от обсуждения этой проблемы. В этих условиях польский вопрос потерял и для Франции, и для всей Европы прежнее значение. На первое место теперь выступает вопрос саксонский, поскольку в нем переплелись важнейшие принципы: легитимизм и «равновесие сил». Именно с точки зрения этих принципов, подчеркивал Талейран, недопустимо применение к саксонскому королю насильственных мер, как и к любой коронованной особе. Признать требования Пруссии означало бы признать, что король может быть судим, что он может быть лишен своих владений, что он может быть осужден без предоставления ему даже возможности защищаться и что это осуждение распространяется также на членов его семьи и на его подданных¹³¹. «...Не должно

¹²⁷ Талейран — Людовику XVIII 15 декабря 1814 г., *Correspondance inédite*, p. 183.

¹²⁸ *Correspondance inédite*, p. 189.

¹²⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 63—67.

¹³⁰ Там же, лл. 63—64.

¹³¹ Там же, л. 65.

быть вопроса о том, какую часть Саксонии прусский король оставит саксонскому, это противоречит всем представлениям о справедливости и разуме. Но если встанет вопрос о том, какую часть своих владений саксонский король уступит Пруссии, и если такая уступка со стороны саксонского короля необходима, чтобы восстановить Пруссию в таких размерах, какие она имела в 1805 году, тогда король Франции первым будет умолять саксонского правителя сделать такую уступку, которая не ущемляла бы интересы Австрии и Германии, совпадающие сейчас с общими интересами Европы»¹³².

Если представитель Англии от антисаксонской политики перешел к защите тезиса о необходимости сохранения независимости хотя бы части Саксонии, то Талейран с тех же легитимистских позиций, с которых он в начале конгресса требовал сохранения всей Саксонии, признавал теперь допустимость ее раздела. Так два западно-европейских министра делали шаги навстречу друг другу, хотя и исходили из разных побуждений.

В то же время Талейран, убедившись, что Меттерних идет на уступки в Саксонии отнюдь не ради усиления Пруссии, пришел к выводу, что австрийский министр ближе ему по взглядам, чем английский, лелеявший мечту о создании сильной Пруссии. Каслри же старался постепенно усилить связи с Талейраном. 23 декабря во время встречи Каслри с Талейраном тот показал ему копию своего письма к Меттерниху, а затем обратился к нему с предложением создать союз Англии, Австрии и Франции. Но Каслри отклонил этот проект как преждевременный и могущий повлечь за собой войну. Ссылки Талейрана на то, что ради таких благородных целей, как защита прав саксонского короля и восстановление Польши, можно пойти и на риск войны, на Каслри воздействия не оказали¹³³.

Английский министр был занят в это время разрешением практической задачи, которая должна была, по его мнению, помочь сдвинуть с места зашедшие в тупик переговоры.

Дело в том, что, как только заходила речь о количе-

¹³² АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 67.

¹³³ Талейран — Людовику XVIII 28 декабря 1814 г., *Correspondance inédite*, pp. 197—199, Каслри — Ливерпулю 25 декабря 1814 г., *British Diplomacy*, p. 273.

стве населения в районах, являвшихся объектом споров, сразу же выяснялось, что ни одна сторона не доверяет цифрам, представленным ее партнерами. Каслри предложил создать статистическую комиссию, которая должна была подготовить все данные для решения вопроса о восстановлении в первую очередь Пруссии, а затем Баварии, Ганновера, Голландии, Вюртемберга и таким образом определить ценность областей, при помощи которых это восстановление может быть осуществлено¹³⁴. Предложение Каслри было принято; в состав комиссии вошли представитель Англии — Кланкарти, Австрии — Вессенберг, Ганновера — Мюнстер; Пруссию представлял Гоффман, Россию — Анштет, Францию — Дальберг; французский представитель был включен в состав комиссии после долгого сопротивления пруссаков.

В комиссии сразу же возникли расхождения по поводу того, какие земли можно считать «завоеванием», как определять их ценность. Пруссию устраивала оценка по количеству «душ» (хотя в конфиденциальной беседе Гарденберг признавал, что ценность провинций, предлагаемых Пруссии на западе, гораздо выше ее старых владений на востоке); Каслри поддерживал пруссаков; Меттерних требовал, чтобы принималось во внимание также умение и искусство населения; Талейран указывал, что нельзя механически, только по количеству населения, сравнивать польские земли с богатыми саксонскими и рейнскими землями. Встал вопрос и о том, как учитывать наличие природных богатств и другие факторы.

Меттерних пытался сформулировать задачи комиссии следующим образом:

1. Точное определение территорий, завоеванных у Наполеона и его союзников, независимо от их предназначения.

2. Оценка этих территорий с точки зрения их населения.

При этом он предлагал, чтобы все государства обязались признавать в качестве официальных данных только те, которые будут установлены комиссией¹³⁵.

¹³⁴ Каслри — Ливерпулю 24 декабря 1814 г., *British Diplomacy...*, pp. 270—271; Талейран — Людовику XVIII 28 декабря 1814 г., *Correspondance inédite...*, p. 198.

¹³⁵ Меттерних — Нессельроде 23 декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д. 11733, л. 24

Но общепризнанных объективных критериев не было, и работа комиссии грозила затянуться до бесконечности.

В Вене царил атмосфера неуверенности, бряцания оружием, взаимного запугивания. Меттерних начал создавать Германскую лигу — без Пруссии и против Пруссии. Он предложил князю Вреде заключить союзный договор между Австрией, Баварией и Ганновером.

Средние и мелкие государства, напуганные планами Пруссии, склонялись на сторону Австрии. Россия открыто поддерживала Пруссию, но рисковать войной из-за Саксонии Александр отнюдь не хотел.

Гарденберг еще 5 декабря писал в Берлин: «Лучше новая война, чем бесславный выход Пруссии из игры после таких замечательных деяний и стольких жертв»¹³⁶.

В конце декабря, чувствуя, что союзники все больше отходят от него, Александр сделал последнюю попытку вновь собрать воедино распавшуюся коалицию. По его инициативе представители союзных держав — Разумовский, Меттерних, Гарденберг и Каслри — встретились 29 декабря, чтобы прийти к какому-то решению о Саксонии и Польше. На совещании присутствовали также Штейн, Гумбольдт, Каподистрия и Весенберг. Собственно, Александру важно было добиться, наконец, официального признания его польских планов, но ясно было, что и саксонский вопрос должен быть поставлен на обсуждение: в зависимость от его решения Александр ставил свои уступки в Польше в пользу Австрии. Меттерних сразу же заявил, что саксонский вопрос — вопрос европейский и решать его должны все европейские державы. Признавая право Пруссии на восстановление, Меттерних, однако, отверг прусский план его осуществления. Когда же представители России выступили в поддержку прусских требований, Меттерних высказал подозрение о наличии тайного соглашения между Россией и Пруссией.

Первое заседание оказалось безрезультатным. Обстановка все больше накалялась. Император Франц открыто говорил о войне и повторял, что требует возвращения саксонскому королю всех его владений¹³⁷. На следующем заседании, 30 декабря, Разумовский, наконец, рас-

¹³⁶ См. G. H. Pertz, *Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau*, Bd. IV, B., 1880, S. 299.

¹³⁷ См. Freiherr vom Stein, *Briefe und amtliche Schriften*, Bd. V, SS. 352—354.

крыл свои карты. Россия, сказал он, хочет получить все Герцогство Варшавское, кроме Гнезена, Познани и бывших западнопрусских провинций, которые Россия соглашается передать Пруссии, а также соляных копей Велички, которые она согласна вернуть Австрии вместе с Гарнопольской областью; Краков и Торн должны стать вольными, независимыми городами. В отношении Саксонии Александр, начавший было в последнее время колебаться, вернулся к прежним своим требованиям и настаивал на полном включении ее в состав Пруссии. Взамен Россия предлагала создать для саксонского короля государство с населением в 700 тыс. человек на левом берегу Рейна.

Гарденберг одобрил эти предложения. Австрия категорически отвергла часть плана, касающуюся Саксонии. Что касается Каслри, то он настойчиво добивался на обоих заседаниях привлечения к решению саксонской проблемы Франции. С таким же требованием выступил и Меттерних. Россия и Пруссия протестовали, но вынуждены были уступить и 31 декабря дали согласие на приглашение Талейрана.

На заседании 31 декабря Пруссия и Россия все еще настаивали на передаче всей Саксонии Пруссии. Гумбольдт заявил, что ни на какой другой основе вопрос о Саксонии рассматриваться не может. Гарденберг развил это заявление и ссылался на то, что из финансовых соображений Пруссия не может сохранить без конца «временную оккупацию» Саксонии.

1 января 1815 г. было получено известие о подписании (24 декабря 1814 г.) в Генте мирного договора, закончившего англо-американскую войну 1812—1814 годов, и английский министр почувствовал себя гораздо свободнее в своих действиях. Он предложил Меттерниху создать «оборонительный союз» между Австрией, Францией и Великобританией. Каслри подготовил проект секретного договора, который с небольшими поправками был принят и подписан 3 января 1815 г. английским министром, Меттернихом и Талейраном¹³⁸.

Коалиция военного времени окончательно перестала существовать, уступив место новой расстановке сил.

¹³⁸ См. British and Foreign State Papers, vol. III, L., 1839, pp. 1001—1005.

СОЗДАНИЕ ГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

Германская проблема являлась важной составной частью проблемы общего переустройства Европы после крушения Наполеоновской империи. Она включала взаимоотношения Австрии и Пруссии, отношения всех германских государств друг с другом, переустройство Германии и осуществление в ней политики реставрации и реакции, объединение германских государств в союз и формы этого объединения; отношения Австрии, Пруссии и других германских государств с Россией, Англией и другими странами и формирование из германских государств «антифранцузского барьера» (главной силой которого должна была явиться Пруссия) также являлись частью германской проблемы.

Господствующие классы и правительства германских государств не были заинтересованы в образовании единого государства, а объединительные стремления среди передовых сил Германии были не настолько сильны, чтобы повлиять на развитие событий¹.

¹ См. A. Norden, Das Banner von 1813, S. 45.

По вопросам, связанным с послевоенным устройством Германии, между державами — участницами Конгресса существовали острые противоречия. Они нашли свое отражение и в деятельности так называемого германского комитета, состоявшего из представителей пяти государств — Австрии, Пруссии, Баварии, Вюртемберга и Ганновера.

Комитет начал свою работу после того, как 14 октября 1814 г. совещание представителей Австрии (Меттерних и Вессенберг), Пруссии (Гарденберг и Гумбольдт), Ганновера (Мюнстер), Баварии (Вреде) и Вюртемберга (Линден) приняло решение о том, что вопросы устройства Германии должны решаться лишь этими пятью наиболее могущественными германскими государствами, «ибо большее число представителей могло бы только задерживать продвижение дела». В резолюции совещания указывалось, что выработанная комитетом конституция войдет в силу после того, как другие германские государства ознакомятся с ней, однако возможности обсуждать конституцию им не предоставлялось. Резолюция утверждала, что согласие между пятью государствами дает достаточную гарантию успешного решения германского вопроса².

Пруссия, которая значительно больше, чем Австрия, пострадала во время войны, потеряла около половины своей территории, понесла ущерб в период континентальной блокады³ и находилась некоторое время в почти полном подчинении у наполеоновской Франции, хотела получить гарантии от возможности нового французского вторжения. В то же время она стремилась максимально расширить свою территорию, укрепить военную мощь. Представители Пруссии на Венском конгрессе канцлер Гарденберг и барон Гумбольдт возлагали большие надежды на Конгресс. Прусский план решения германского вопроса в его основах был разработан задолго до начала Конгресса⁴.

² См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 289.

³ См. А. Л. Нарочницкий, Об историческом значении континентальной блокады, «Новая и новейшая история», 1965 г., № 6, стр. 57; Г. Моттек, Экономические последствия иноземного господства, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 206—207.

⁴ Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg., Hrsg. L. v. Ranke, Bd. III, Leipzig, 1877, S. 343.

Еще во время переговоров между Пруссией и Россией, предшествовавших подписанию в апреле 1807 года Бартенштейнской конвенции⁵, Гарденберг предлагал создать в Германии федерацию, в которой руководящую роль должны были играть Пруссия и Австрия (это предложение Гарденберга получило затем отражение в конвенции). По мысли Гарденберга Пруссия и Австрия должны были быть подчинены все военные силы; за остальными германскими государствами сохранялся ограниченный суверенитет — без права объявления войны. Гарденберг и в дальнейшем придерживался этой позиции.

Руководители прусской политики на крайний случай допускали возможность и другого пути — создания простой ассоциации независимых германских государств, но предпочтение, безусловно, отдавали своему плану, подчеркивая необходимость создания в Германии федерации со сравнительно сильной центральной властью, единой федеральной армией и судом. Пруссия, однако, не была уверена, что ей удастся возглавить будущую германскую федерацию. При всех условиях она стремилась не допустить создания федерации под эгидой своего соперника — Австрии. Эту позицию Пруссии Гумбольдт пытался даже обосновать интересами всей Германии. Политические интересы Австрии, утверждал он, ближе стоят к западноевропейским и итальянским, нежели к германским. Австрия не заинтересована в защите Рейнской области, а вторжение Франции или Нидерландов на западе Германии не будет означать непосредственной угрозы для ее территории.

Отклоняя идею возрождения империи под главенством Австрии, прусские политики, тем не менее, считали необходимым добиться сотрудничества с ней и фактического раздела Германии на зоны влияния Австрии и Пруссии⁶. Однако прусские дипломаты понимали, что особое положение, занимаемое Ганновером, препятствует господству Пруссии на севере Германии, точно так же, как права Баварии, гарантированные по договору в Риде

⁵ Текст конвенции см.: «Внешняя политика России», т. III, Госполитиздат, 1963, стр. 557—561.

⁶ См. K. Griewank, Der Wiener Kongress und die Europäische Restauration, 1814—1815, Leipzig, 1954, SS. 158—159 (в дальнейшем: K. Griewank, Der Wiener Kongress...).

(8 октября 1813 г.), делают невозможным безраздельное господство Австрии на юге страны. Учитывая фактическое положение вещей, Гумбольдт уже в декабре 1813 года предлагал предоставить Баварии и Ганноверу привилегированное положение наряду с Австрией и Пруссией⁷. В соответствии с предложением Гумбольдта Гарденберг рекомендовал поставить во главе Германии Директорию из четырех государств: Австрии, Пруссии, Баварии и Ганновера. Остальные германские государства должны были лишь поочередно председательствовать в союзном собрании; права их существенно ограничивались⁸.

Иначе предлагал решить вопрос о военной организации барон Штейн. Он считал необходимым создать федеральную армию, которой должна руководить особая военная комиссия. Главой ее может быть лишь германский князь достаточно высокого происхождения, но не принадлежащий к правящей династии Австрии или Пруссии. Командующий должен избираться Высшим советом федерации и подчиняться только ему. Для резиденции командующего рекомендуется Майнц — важнейшая крепость Германии, нацеленная против Франции. В мирное время гарнизон Майнца мог бы состоять из войск государств, не имеющих решающего голоса в Высшем совете федерации; во время войны здесь концентрировались бы вооруженные силы всей федерации. Пост командующего федеральными войсками Штейн предлагал предоставить князю из королевского дома Вюртемберга⁹.

Добиваясь соглашения с Австрией по всем этим вопросам, которые Пруссия считала жизненно важными, прусские представители рассчитывали и на поддержку Англии. Гумбольдт считал также необходимым, чтобы Англия и Россия стали гарантами создаваемой германской федерации¹⁰.

В июне 1814 года в Лондоне наметилось некоторое сближение между Гарденбергом и Меттернихом по во-

⁷ См. Wilhelm von Humboldt, *Gesammelte Schriften*, Bd. XI, B., 1903, S. 95.

⁸ См. K. E. Born, *Hardenbergs Pläne und Versuche zur Neuordnung Europas und Deutschlands, 1813—1815*, «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1957, Jahrg. 8.

⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11687, лл. 23—25.

¹⁰ См. Wilhelm von Humboldt, *op. cit.*, Bd XI, B., 1903, S. 100.

просу о будущем Германии. В состав Директории решено было также включить и Вюртемберг — это был реверанс в сторону русского императора. В том же году Гарденберг разработал первоначальный проект устройства Германского союза, состоявший из 41 статьи. По этому проекту Германия делилась на округа, находившиеся под руководством государств — членов Директории, причем средние германские государства получали в качестве управляемых округов свои же области, а Пруссия — большую часть территории северной и средней Германии. Таким же путем устанавливалась гегемония Австрии в остальной части страны. Подобный порядок обеспечивал обоим ведущим германским государствам руководящую роль в Директории, а через нее в союзном собрании. Отстаивая свой план, Гарденберг подчеркивал, что для полного успеха необходимо единство Пруссии и Австрии, другие германские государства следует привлекать лишь для консультаций. Окончательный вариант проекта конституции был разработан после совещания Гарденберга со Штейном в июле 1814 года. Штейн настаивал на большей централизации руководства и на создании наряду с исполнительным советом государства Директории из Пруссии и Австрии; компетенция ее была весьма неопределенной. Председательствовать на всех союзных собраниях должен был австрийский император. Штейн настаивал также и на том, чтобы Германский союз не простирался на востоке за пределы Зальцбурга, Мекленбурга, Саксонии, то есть чтобы границы его примерно совпадали со старыми границами империи. Часть прусских и большая часть австрийских провинций оставалась, таким образом, вне союза. Гарденберг рассматривал создание союза, — так, по крайней мере, он говорил английскому министру — как средство достижения средневропейского объединения. Как и Каслри, он подчеркивал, что укрепление будущей германской лиги соответствует интересам не только Германии, но и всей Европы¹¹. Гарденберг готов был привлечь Швейцарию и Нидерланды к соглашению с союзом, а нидерландского князя поста-

¹¹ Меморандум Гарденберга и Мюнстера от 15 июня 1814 г., *Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI Nr. 303, fol. 8*.

вить даже в качестве сопровителя в Нижне-Рейнский округ¹².

Обосновывая необходимость сплочения германских государств, Гарденберг постоянно ссылаясь на возможность нового нападения со стороны Франции, противостоять которому может лишь сплоченная федерация с сильным объединенным войском. Гарденберг и Гумбольдт были неприятно поражены, когда им пришлось убедиться, что на Конгрессе довольно сильны антипруссские настроения, что многие германские князья относятся к Пруссии и ее политике с большим недоверием и видят в ней угрозу независимости своих государств.

Пытаясь преодолеть враждебность других германских государств, руководители прусской политики вызвали к германским национальным чувствам. В меморандуме, написанном еще за год до Конгресса, Гумбольдт писал, что единство Германии нужно отнюдь не только в оборонительных целях; не только борьба с внешней опасностью диктует необходимость единства, но и общие обычаи, язык, литература. Различия же, существующие между германскими государствами, не столь велики, чтобы препятствовать их объединению, и постепенно исчезнут, если будет создана общая организация¹³.

Гарденберг вручил окончательный вариант своего плана Меттерниху сразу по приезде в Вену в сентябре 1814 года. Этот план встретил резкие возражения со стороны Мюнстера. Но, поскольку Мюнстер обрушился как раз на те положения, которые были включены по настоянию Штейна (главенство Пруссии и Австрии, исключение из Союза части прусских и значительной части австрийских провинций), Гарденберг с легкостью от них отказался.

Еще 24 сентября 1814 г. Штейн изложил свои соображения в письмах, направленных Гарденбергу и Мюнстеру. Он подчеркивал, что нельзя ограничиться разработкой федеральной конституции; еще большее значение имеет введение конституций для мелких и средних госу-

дарств, в которых гнет и произвол князей вызывают величайшее недовольство¹⁴. Меттерних воздерживался от официальных заявлений по поводу проекта, хотя в частной беседе и позволял себе иронические замечания относительно «странностей», которые он содержит. Дальнейшее конкретное обсуждение проблемы в германском комитете показало, насколько сильны противоречия между Пруссией и Австрией. Споры о будущем Германии, об ее организации, о судьбе германских государств тесно переплелись с саксонским и польским вопросами, с вопросом о «равновесии сил» в Европе, с интересами европейских великих держав.

Прусские представители с самого начала заняли в отношении Франции «жесткую позицию», которая проявлялась при каждом удобном случае. Они особенно настойчиво стремились устранить Талейрана от участия в переговорах. Гарденберг и Гумбольдт также категорически отказались признать за пасынком Наполеона (зятем баварского короля) Евгением Богарнэ право на переданные ему германские земли. Гумбольдт пригрозил, что немедленно покинет Конгресс, если этот «французский генерал» будет признан суверенным немецким князем¹⁵. Этой позиции прусские деятели придерживались на протяжении всей работы Конгресса и особенно после возвращения Наполеона с острова Эльбы и его окончательного разгрома под Ватерлоо. Так, прусский военный министр Бойен упорно доказывал, что проведенные недостаточно твердых мер в отношении Франции чревато тяжелыми последствиями: первое же выступление французских войск будет направлено против Пруссии, которой придется вести войну одной или в лучшем случае при слабой помощи союзников¹⁶.

Разногласия между Австрией и Пруссией достигали временами такой остроты, что приходилось прерывать работу комитета.

Усилия прусской делегации на Конгрессе были направлены на создание в Германии прочного объединения,

¹⁴ См. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, SS. 57—58.

¹⁵ См. Wilhelm und Caroline von Humboldt in ihren Briefen, Bd. IV, B., 1910, S. 495.

¹⁶ См. Boyen an Hardenberg den 26 August 1815. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, Rep. XI 89, Fasz. 473, fol. 152—153.

¹² Переработанный план Гарденберга и новые замечания Штейна см.: W. A. Schmidt, Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses, Stuttgart, 1890, SS. 173—174.

¹³ См. Wilhelm von Humboldt, Gesammelte Schriften, Bd. XI, SS. 95—99.

в котором решающая роль принадлежала бы Пруссии. Этой же цели должно было служить и новое территориальное деление Германии, план которого был разработан Гарденбергом в Париже. Учитывая соображения графа Стадиона, с которым он неоднократно совещался в течение 1813—1814 годов, Гарденберг предлагал вернуть Австрии Брейсгау, который через австрийские земли на юге Германии, через южный Вюртемберг и Линдау будет связан с Тиродем, за Пруссией же сохранить оба берега Рейна от Майнца до Везеля и Вестфалии. На западной границе Гарденберг думал создать государство Нассау, выходящее на юге к Бадену, Баварию, Гессен-Дармштадту, причем Бавария соединялась бы узкой полосой земли с принадлежащей ей частью Пфальца. Таким образом, на западной границе Германии возникли бы мелкие государства, которые в результате создания германской федерации и общегерманских учреждений оказались бы под покровительством и главенством Пруссии; Австрия получала бы в свое ведение и под свою защиту земли южной Германии, включая Баден.

Многие прусские государственные и военные деятели считали желательным для Пруссии избежать непосредственного соприкосновения с Францией. При этом они принимали во внимание сложившееся в результате опыта многолетних войн представление о том, что великие державы должны быть отделены друг от друга буферными государствами. Гарденберг по этому поводу указывал в своей вербальной ноте Меттерниху от 2 декабря 1814 г.: «Пруссия... хочет, по возможности, не иметь границы с Францией, так как она будет сравнительно слабой на Рейне...»¹⁷.

Опасения возможности нового французского вторжения были сильны, и в дальнейшем Штейн, анализируя планы союзников уже после поражения Наполеона при Ватерлоо, подчеркивал, что необходимо временно оккупировать важнейшие французские крепости, чтобы «обеспечить спокойствие соседям Франции»¹⁸.

В отличие от Гарденберга Меттерних созданию сильной германской оборонительной системы на западе пред-

¹⁷ Вербальная нота Гарденберга от 2 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 39.

¹⁸ Штейн — Александру I 6(18) августа 1815 г., ЦГАОР, ф. 1126, оп. 1, ед. хр. 849, лл. 1—3.

почитал защиту Рейнской области при помощи европейских дипломатических комбинаций.

Многонациональный лоскутный характер австрийской монархии с неизбежностью накладывал отпечаток на всю ее политику, и прежде всего на отношение Австрии к вопросам, связанным с патриотическим движением в Европе.

Пока еще сравнительно небольшие признаки ослабления австрийской монархии и даже малейший намек на них вызывали тревогу ее правящей верхушки. Идеи, связанные с использованием в борьбе против Наполеона широких народных масс, казались господствующим классам Австрии совершенно неприемлемыми даже в разгар борьбы с наполеоновской Францией. После поражения Наполеона Меттерних считал недопустимым даже разговоры о «германском единстве», которые могли помешать, по его мнению, самой важной задаче — укреплению лояльности всех подданных по отношению к Габсбургам и нанести ущерб австрийской империи. Кроме того, всякие объединительные тенденции Меттерних воспринимал как демократические или, что для него было равнозначно, революционные и уже потому чуждые и враждебные. Но он великолепно понимал, что создание федерации в Германии неизбежно, и скрепя сердце шел на это. Те же настроения выразил секретарь Венского конгресса Гентц, сказав, что, поскольку идея единства Германии бродит в головах, правительства, независимо от своих взглядов, вынуждены что-то сделать в этом направлении¹⁹. Вместе с тем и Меттерних, и Гентц решительно выступали против объединительных проектов Штейна и крайне опасались возможности поддержки каких-либо аспектов этих планов Россией²⁰.

Позиция Меттерниха в германском вопросе во многом определялась страхом перед возможностью нового подъема народного движения, которого Меттерних, особенно со времени войны 1813 года, опасался более все-

¹⁹ См. F. Gentz, Oesterreichs Teilnahme an den Befreiungskriegen. Hrg. von Richard Fürst Metternich-Winneburg, Wien, 1887, S. 525.

²⁰ См., например, письмо Гентца Нессельроде: Ch-R. Nesselrode, Lettres et Papiers... 1760—1850. Extraits de ses archives, t. V, P., 1907, p. 68.

го²¹. Страх этот был настолько очевиден, что бросался в глаза даже крайне реакционно настроенным деятелям.

Прусский аристократ князь Хатцфельд, характеризуя позицию Австрии, писал, что она «очень боится народного движения»²². Меттерних действительно боялся, что развитие объединительных стремлений в Германии может способствовать росту освободительного движения в многонациональной австрийской монархии. Не случайно поэтому он постоянно подчеркивал, что организация объединенной в той или иной форме Германии является не только и не столько германским, сколько общеевропейским делом, только европейскими державами могут решаться германские территориальные вопросы.

И Меттерних, и разделявший его взгляды Гентц понимали, что возрождение Германской империи невозможно. Гентц считал, что попытки такого рода могут только лишить былого могущества Австрию, которая «должна быть первым среди равных германских государств»²³. Меттерниха также отнюдь не привлекала идея империи. Бессмысленно, считал он, ставить австрийского императора во главе обновленной и реконструированной Германии. Слабая верховная власть приведет лишь к смутам и беспорядкам; реальной же власти императора, наделенного всеми необходимыми правами, не захотят признать ни Пруссия, ни Бавария и Ганновер²⁴. Вместе с тем австрийские государственные деятели не намерены были мириться с преобладанием Пруссии в предполагавшемся германском объединении. Меттерних категорически отклонил предложение Пруссии о разделе Германии на две части: северную и южную²⁵ (следует отметить, что австрийский дипломат Стадион, в некоторых вопросах расходившийся с Меттернихом, в 1813 г. также предлагал установить раздельную гегемонию Пруссии на

²¹ См. А. Л. Нарочницкий, Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии, «Вопросы истории», 1964 г., № 3, стр. 188.

²² Bericht des Fürsten von Hatzfeld, 29. Jan. 1813, Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. I, Nr. 1272, fol. 2—9.

²³ F. Gentz, Oesterreichs Teilnahme an den Befreiungskriegen, S. 103.

²⁴ См. Akten des Wiener Kongresses in den Jahren 1814—1815, Hrsg. von J. L. Klüber, Bd. II, Erlangen 1815—1819, S. 184.

²⁵ Меттерних — Гарденбергу 22 октября 1814 г., Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 318.

севере, Австрии — на юге), не желая открывать путь господству Пруссии на севере страны.

Если прусские политики много говорили о необходимости сплочения для борьбы с французской угрозой, то для Меттерниха Франция не являлась таким опасным и ненавистным противником, и он даже позволял себе шантажировать Пруссию возможностью французского нападения. Так, пытаясь вынудить Пруссию отказаться от притязаний на Саксонию, Меттерних заявлял, что подобный акт вызовет серьезные опасения за свою судьбу у остальных германских государств и заставит их искать защиты у Франции.

Всячески противодействуя планам Пруссии, Меттерних, однако, проводил свою линию таким образом, что прусские дипломаты не смогли сразу полностью разгадать его истинные намерения.

В результате длительных обсуждений и согласований был подготовлен проект устройства Германии, представленный на рассмотрение германского комитета совместной Австрией и Пруссией. Проект этот получил одобрение России²⁶. Поддерживая Пруссию, Россия выступала против усиления в Германии австрийского влияния.

Через месяц после начала работы германского комитета, 14 ноября, Нессельроде направил Меттерниху и Гарденбергу ноту, в которой выражалось удовлетворение России австро-прусским планом реконструкции Германии, как соответствующим «принципам справедливой социальной организации, счастью отдельных людей и интересам Европы».

Нота передает в несколько смягченной форме требования, которые в первоначальном варианте звучали более категорично. В ней говорилось, что «в соответствии с Парижским договором и Шомонским трактатом, германская федерация должна быть создана на основе следующих положений:

1. Вопросы войны и мира решает федерация.
2. Федеральный суд решает все споры между членами федерации.
3. Во главе федерации стоит Директория из пяти членов.

²⁶ Нессельроде — Гарденбергу 2 (14) ноября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11773, лл. 8—10

4. Во владениях князей создаются местные представительные собрания.

5. Федерация регулирует общие права населения Германии»²⁷.

В ноте излагались основные положения австро-прусско-ганноверского плана создания германской федерации (передача федерации прав объявления войны, заключения мира, решения внутренних споров, создание общесоюзного сейма и провинциальных собраний, права которых гарантируются федерацией, установление общих прав для всего населения Германии); сообщалось также, что российский император заявлял о своем одобрении этого плана и выражал готовность поддержать его своим вмешательством, если этого потребуют обстоятельства²⁸.

Россия поддерживала стремление Пруссии усилиться за счет германской территории и новой организации Германии, полагая, что это отвлечет ее от Польши. Об этом свидетельствует, в частности, инструкция Александра I Нессельроде. Александр указывал своему министру на основные положения плана Гарденберга, которые он считает необходимым принять в качестве основы для переговоров: «...Австрия сохраняет свое население и укрепленные границы до Боденского озера. Пруссия компенсирует свои потери в Польше за счет земель в Германии, а также приобретает территории на Нижнем Рейне, которые защищают на севере Германию, Бельгию и Голландию; все остальные князья получают возмещение за те уступки, которые от них потребуются»²⁹.

К вопросу о положении и правах германских князей Александр возвращается снова в ноябре 1814 года, обвиняя князей бывшего Рейнского союза в том, что они «упорствуют в своем стремлении к захватам и в злоупотреблениях, которые они пытаются возвести в принцип». Александр подчеркивает, что одной из первоочередных мер должна быть гарантия суверенитета князей,

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, ф. 11773, л. 3.

²⁸ Нессельроде — Гарденбергу 2 (14) ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11773, л. 9.

²⁹ Инструкция Александра I Нессельроде 30 апреля (12 мая) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 13. Эти идеи отражены и в Памятной записке Штейна по поводу плана Гарденберга (см. *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. IV, SS. 782—784*)

однако сами князья должны примириться с необходимыми «для общего блага изменениями»³⁰. Эти соображения также были в значительной степени подсказаны письмом Штейна, который отмечал, что союзные державы освободили Германию, гарантировали права князей по отношению к другим государствам, но ничего не сделали для урегулирования внутригерманских отношений. Обсуждение проекта федерального пакта, предложенного Австрией, Пруссией и Ганновером, привело к единственному результату: оно выявило честолюбивые претензии князей, показало стремление Баварии и Вюртемберга изолироваться от федерации. Необходимо, подчеркивал Штейн, чтобы союзники поддержали основные принципы плана создания федерации. Они должны заявить, что считают необходимым передачу вопросов войны и мира, решение споров между князьями федеральному органу, а также выступают за создание в провинциях собраний, гарантирующих свободу и собственность населения. Австрия, Пруссия и Ганновер должны настойчиво добиваться принятия этих принципов³¹.

Интерес России к германским делам был, по словам императора Александра, ограничен теми основными положениями плана, которые связаны с европейской политикой, мелкие же территориальные изменения она рассматривает как чисто внутреннее дело Германии.

Впрочем, провозглашение этого «принципа невмешательства» в местные германские дела не помешало Александру тут же высказать свои соображения и на этот счет: «Говорят, что Австрия требует Дрезден для себя и Майнц для Баварии. Она не нуждается в этом городе в оборонительных целях, поскольку Богемия защищена горами и ущельями, а Дрезден сам является форпостом для нападения. Майнц не может находиться в руках малого государства, которое в течение двух столетий было предано Франции и проводило нерешительную политику, государства, у которого гарнизон в 25 тысяч человек поглотит треть всех его вооруженных сил. Майнц — ключ к Германии, особенно северной»³².

³⁰ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11773, л. 2.

³¹ Штейн — Александру 4 ноября 1814 г., *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, B. V., SS. 77—79*.

³² Инструкция Александра I Нессельроде 30 апреля (12 мая) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 14.

Линия поведения России в отношении более мелких государств определялась в значительной степени личными симпатиями и родственными связями Александра. В той же инструкции Нессельроде он указывает: «Поддерживать, насколько возможно, интересы герцога Ольденбургского. Более всего меня интересуют король Вюртембергский, великий герцог Баденский, великий герцог Дармштадтский. В отношении остальных князей действовать по возможности так, чтобы избежать излишних потрясений»³³.

В Германии территориальные вопросы были теснейшим образом связаны с проблемами государственного устройства. Штейн писал, что «германские дела относятся либо к территориальным изменениям, либо к новым конституционным формам, которые требуется создать»³⁴. И именно по этим вопросам существовали острые противоречия между Австрией и Пруссией, которые не могли прикрыть громкие слова об общих интересах и совместных действиях, прозвучавшие австрийскими и прусскими дипломатами³⁵.

В отличие от прусских дипломатов Меттерних считал наилучшей формой объединения Германии союз слабо связанных между собой государств под эгидой Австрии. В письме Меттерниха Гарденбергу (приложенном к его ноте от 16 октября 1814 г.) позиция Австрии излагается следующим образом. «Император более всего хотел бы никогда не видеть Германию разделенной на север и юг и желал бы сохранить принцип дружбы, как первый принцип будущего федерального пакта. Он имеет в виду установить полное равновесие влияния Австрии и Пруссии в Германии; менее всего он склонен смешивать оборонительные системы Пруссии и Австрии... Император считает, что оборонительная линия по Майну (включая Майнц) необходима как для защиты средней Германии, так и для безопасности его монархии. Если бы Пруссия захотела распространить свои владения на правый берег Мозеля, это помешало бы увеличению владений князей

средней Германии; поэтому надо установить именно эту демаркационную линию»³⁶.

Меттерних полагал, что Пруссия не должна расширять свои владения в северной Германии, раз у Австрии нет подобных возможностей на юге. Чтобы воспрепятствовать прусскому проникновению на Майн, Меттерних еще 3 июня 1814 г.³⁷ договорился с Баварией о передаче ей Майнца и пфальцских земель по обоим берегам Рейна, что вызвало категорические возражения Гарденберга.

В свою очередь, прусский канцлер в письме к Каслри утверждал, что Пруссия никогда не согласится, чтобы Баварии был передан такой важный опорный пункт, как Майнц, или чтобы ее границы перешагнули через Майн. В вербальной ноте Гарденберга, врученной Меттерниху 2 декабря, подчеркивается, что Майнц является городом, важным для всей федерации. Он может быть лишь федеральной крепостью и не должен зависеть от ограниченных средств и политики отдельного государства. Не будем спорить о том, включается ли Майнц в оборону севера или юга Германии, скажем лучше, что это важное место принадлежит и северу, и югу. Пусть то же будет сделано в отношении Люксембурга. Бавария, которая и так получает слишком богатую долю, сможет участвовать в защите двух мест, но не ей одной это должно быть поручено³⁸.

Впрочем, тот же Гарденберг, по его собственному утверждению, готов был во имя «полного единодушия и дружбы с Австрией, что составляет основу прусской и немецкой системы», пойти на некоторые уступки и отказаться от Майнца, если Австрия пойдет навстречу желаниям Пруссии на Майне. Но соглашение с Баварией исключало для Австрии возможность подобного компромисса; вопрос о Майнце оставался открытым.

В мае 1815 года Пруссия предложила следующий проект соглашения с Австрией относительно территориального устройства Германии: австрийский император сохраняет в своем владении все земли, которые еще имеются в его распоряжении и которые предполагается сде-

³³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11686, л. 18.

³⁴ Памятная записка Штейна от 1 февраля 1815 г., *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften*, Bd. V, S. 132.

³⁵ См. К. Obermann, *Der Wiener Kongress 1814/1815*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Nr. 3, SS. 484—486.

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, л. 30.

³⁷ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. I, p. 179.

³⁸ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 33—39.

лать объектом обмена между Австрией, Баварией, Баденом и Гессеном (исключение составят только территории, упомянутые ниже). Прусский король, как и его союзники, берет на себя секретное обязательство во всех переговорах с Баварией поддерживать стремление Австрии вернуть Иннфиртель, Хаусрюкфиртель и Зальцбург, а также гарантирует австрийскому двору возвращение Пфальца и Брейсгау. Для того чтобы облегчить общее соглашение, прусский король отказывается в данный момент от обмена Вестфалии и вступает во владение округом Майнца, предназначенным ранее Гессену в компенсацию за герцогство Вестфалия; население округа Майнца составляет примерно 138 тыс. душ, как и население герцогства. Соглашение относительно города и крепости Майнца сохраняет свою силу, и территория города перейдет к герцогу Гессенскому, как только будет возможен ее обмен на Вестфалию. Город Ветцлар может войти в эту область; остальные земли по обоим берегам Рейна, кроме Саарской области, которая в соответствии с австрийским планом отходит к Пруссии, будут возвращены австрийскому императору³⁹. Вопрос о Майнце все время связывался с австро-баварскими отношениями, а споры вокруг него продолжались и после окончания работы Конгресса.

12 июня 1815 г. Австрия и Пруссия заключили тайный договор, по которому Майнц должен был до окончания войны находиться под властью австрийского губернатора, прусского коменданта и австрийского гражданского управления, а затем либо остаться федеральной крепостью с австрийским губернатором — если земли на левом берегу Рейна сохранятся за австрийским императором, либо — если Австрия не удержит за собой эти земли — отойти к великому герцогству Нассау и находиться под властью прусского губернатора⁴⁰. Однако Меттерних, как это видно из донесения Гарденберга, еще пытался осуществить территориальный обмен с Баварией, получив у нее взамен левобережья Рейна Хаусрюк-

фиртель, Иннфиртель, часть Зальцбурга, и сохранить при этом в Майнце австрийское управление. Прусский канцлер резко протестовал против этой попытки как идущей вразрез с австро-прусским договором⁴¹. Наконец, осенью 1815 года Майнц был присоединен к владениям гессен-дармштадтской династии в качестве федеральной крепости.

В германском комитете, где кроме Австрии и Пруссии были представлены Бавария, Вюртемберг и Ганновер, руководителю австрийской политики не представляло большого труда столкнуться их между собой и с Пруссией, обеспечивая себе решающий голос. Общие дискуссии с участием представителей всех германских государств по решению комитета не проводились.

Особое положение в комитете занимал Ганновер, связанный персональной унией с Великобританией. Еще в 1813 году, во время войны за освобождение Германии от господства Наполеона, Мюнстер мечтал ограничить в правах Пруссию и усилить значение Ганновера. Он хотел расширить Ганновер за счет некоторых прусских земель (Минден, Равенсберг, Гильдесгейм)⁴². Тогда английский принц-регент заявлял, что поддерживает планы увеличения Ганновера, и в первую очередь присоединения к нему Гильдесгейма, который лишь незадолго до этого был захвачен Пруссией⁴³. Этот проект встретил серьезное противодействие Пруссии и России. Александр I писал 6 апреля 1813 г. Ливену, что, поскольку Пруссия примкнула к антифранцузской коалиции, вопрос о ее правах теперь должен ставиться по-иному. Россия гарантировала прусскому королю восстановление его владений в прежнем объеме, и он вправе претендовать на их округление за счет Гильдесгейма, Миндена и Равенсберга⁴⁴. В ответ Мюнстер по поручению принца-регента направил Ливену памятную записку, в которой доказывал, что передача

³⁹ О прусском проекте урегулирования территориальных вопросов между Пруссией и Австрией в мае 1815 года см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 11789, лл. 11—12.

⁴⁰ Полный текст договора впервые опубликован в книге: K. Griewank, *Der Wiener Kongress...*, SS. 398—400.

⁴¹ См. Hardenberg an Friedrich Wilhelm III den 18 October 1815. *Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, Rep. 92, Bd. VI, Bl. 53—55.*

⁴² См. Меморандум Мюнстера от 30 марта 1813 г., С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 129.

⁴³ См. Памятная записка Мюнстера Ливену от 22 июня 1813 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6829, л. 395.

⁴⁴ Александр I — Ливену 25 марта (6 апреля) 1813 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6829, л. 165

указанных территорий Ганноверу отнюдь не помешает восстановлению Пруссии в размерах 1806 года⁴⁵.

Поддержка Россией Пруссии, претендовавшей на Минден, Равенсберг и Гильдесгейм, вызвала в Пруссии весьма благоприятные отклики⁴⁶.

Столкнувшись с оппозицией России и Пруссии, Мюнстер, не получивший поддержки английского кабинета, вынужден был отказаться от своих притязаний. Делая хорошую мину при плохой игре, Мюнстер писал: «Полагаю, что я могу быть одновременно хорошим немцем и хорошим ганноверцем. Более того: я должен говорить как министр курфюрста империи, но курфюрста, который в то же время стоит во главе Британской монархии и который не будет жертвовать существенными интересами ради интересов частных»⁴⁷.

Мюнстер всячески стремился поднять престиж Ганновера и добивался превращения его в королевство. 12 октября 1814 г. он объявил о принятии английским королем Георгом III титула короля Ганновера. При этом Мюнстер ссылаясь на ст. VI Парижского договора, которая гласила, что, поскольку «германские государства останутся независимыми и будут объединены федеральными связями, титул князя-избирателя Священной Римской империи перестал соответствовать обстоятельствам». Решение о принятии королевского титула Мюнстер обосновывал тем, что династия Брауншвейг-Люнебургская принадлежит к самым древним и знаменитым в Европе, ганноверская же ветвь ее в течение столетия занимала один из самых значительных тронов⁴⁸.

Торжества по этому поводу решено было отложить до тех пор, пока Мюнстер сумеет выторговать для Ганновера территориальные приращения, приличествующие новому сану его правителя. Для Англии Ганновер и его положение не являлись вопросом первостепенной важности; идти в интересах Ганновера на ущемление Пруссии английское правительство не собиралось. «Ганно-

⁴⁵ Памятная записка Мюнстера Ливену от 22 июня 1813 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6829, л. 394.

⁴⁶ См. ЦГАОР, ф. 1126, оп. 1, ед. хр. 582, л. 53.

⁴⁷ Мюнстер — Штейну 4 января 1813 г., *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften*, Bd. IV, Stuttgart, 1963, S. 3.

⁴⁸ Мюнстер — Нессельроде 12 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11692, л. 1.

вер — вопрос чести и только чести»⁴⁹, — писал Ливерпуль Каслри, который, впрочем, еще меньше, чем Ливерпуль, склонен был учитывать интересы Ганновера. Каслри откровенно иронизировал над теоретическими построениями Мюнстера и других ганноверских деятелей, а также их сторонников при английском королевском дворе, которые не понимали тактической необходимости уступок и обещаний Пруссии. Само собой разумеется, что и Каслри считал необходимым восстановить Ганновер. Но при этом он в первую очередь имел в виду интересы ганноверской династии, уже обеспеченные Калишским договором, интересы брауншвейгской ветви того же Ганноверского дома и, наконец, такое разграничение Ганновера и Пруссии, при котором у Ганновера оставались бы самостоятельный выход к морю (по течению реки Эмс) и непосредственная граница с Голландией. Последняя являлась предметом особых интересов английской политики.

Все эти династические и территориальные интересы Ганновера по мысли Каслри могли и должны были быть обеспечены путем соглашения с Пруссией. Каслри выражал надежду, что посредничество России между Пруссией и Ганновером будет способствовать такому полюбовному соглашению. На будущее главной целью английского министра оставалось не столько обеспечение партикуляристских интересов Ганновера, хотя и связанного личной унией с Англией, сколько создание германского «барьера» против возможного нового военного выступления Франции.

Английский историк Вебстер показал, и это является одной из его заслуг, что «Каслри всецело подчинял интересы Ганновера британской политике и безжалостно жертвовал ими во имя более важных общих целей Англии»⁵⁰. Но характеристика Вебстера неполна. Связь с Ганновером толкала английскую политику на позиции крайнего легитимизма в Германии. Восстановление Ганновера понималось как восстановление территории и роли курфюрста, а затем короля Ганновера, а для этого (если уж нельзя было обеспечить Ганноверу ослабление не раз угрожавшей ему Пруссии), по крайней мере, мож-

⁴⁹ Ливерпуль — Каслри 23 декабря 1814 г., *A. W. Wellington, Supplementary Despatches. Correspondence and Memoranda*, vol. IX, L., 1862, p. 496.

⁵⁰ *British Diplomacy*., p. XXXV (предисловие издателя).

но и нужно было позаботиться об обеспечении прав монарха Ганновера в рамках германской Федерации, которая и для этого должна была быть аморфной, тем более что голос Ганновера в такой федерации мог и должен был звучать в интересах Англии.

Отношение Англии к территориальным и иным притязаниям Ганновера в известной мере определялось тем, что последний имел для Англии значение северо-западного торгового плацдарма для проникновения в Германию. В этом смысле поддержка территориальных требований Ганновера сочеталась в английской политике с притязаниями на Гельголанд, принадлежавший Дании, и с общей политикой открытия для торговли устьев германских рек. Ганновер и Гельголанд являлись английскими воротами в Германию, то есть воротами ко всему тому сложному конгломерату территорий, которые могли быть важным контрагентом в европейской торговле Англии. Английская дипломатия стремилась извлечь максимальную пользу из своего сотрудничества с Ганновером, но не видно, чтобы она когда-нибудь приносила жертвы.

Вынужденный отбросить совершенно иллюзорные мечты о том, что Ганновер сможет играть выдающуюся роль в будущей германской федерации, оттеснив даже Пруссию, Мюнстер, ганноверский представитель на Конгрессе, продолжал уделять большое внимание германским делам.

Если при всех разногласиях между Пруссией и Ганновером последний все же в ряде случаев поддерживал эту державу, то Бавария и Вюртемберг, далеко не во всем соглашаясь с Австрией, тем не менее, постоянно выступали против любого прусского предложения. Баварский король ревностно охранял свои монархические права. Баварский министр Монжела заявил прусскому послу в Мюнхене, что германские государства должны существовать бок о бок, независимо друг от друга⁵¹, лучше всего, если отношения между ними останутся столь же неопределенными, какими были до сих пор. Представители Баварии в германском комитете фельдмаршал Вреде и граф Рехберг с негодованием отклонили прусское предложение о передаче центральной власти прав объявления войны, заключения мира и договоров. Вреде

при этом ссылаясь на заслуги Баварии, включившейся еще до Лейпцигской битвы в борьбу против Франции и ожидающей на этом основании вознаграждения, а не ущемления прав (на деле баварская аристократическая верхушка решила объявить войну Наполеону только после больших оттяжек и колебаний, хотя население Баварии уже в январе 1813 г. открыто выражало свое недовольство профранцузской политикой короля⁵²).

Вреде требовал для Баварии права участвовать в войне, которая может вспыхнуть между Австрией и Пруссией, на стороне любой из них, даже если федерация в целом останется нейтральной; права участия в войне, которую эти государства могут начать с третьей державой из-за своих владений вне федерации; наконец, права охранять нейтралитет и препятствовать прохождению прусских и австрийских войск через территорию Баварии или других германских государств в случае войны Австрии и Пруссии с Францией⁵³.

Баварцы рассматривали себя как самостоятельную нацию. Германия как единый организм была для баварского короля и его окружения пустым звуком. «Отбросим эти химеры о единой организации»⁵⁴, — писал 19 января 1815 г. баварский посол в Лондоне князь Вреде. А Монжела упрекал Вреде за то, что тот дал вовлечь себя в переговоры о Германском союзе. Впрочем, сам Вреде свои заслуги видел прежде всего в том, что с самого начала трудился над разрушением «гармонии», которая, как ему мерещилось, возникла между Австрией и Пруссией. Баварское правительство мечтало быть причисленным к «лику европейских держав» и было настроено открыто враждебно по отношению ко всяким объединительным стремлениям.

Сразу же после заявления князя Репнина о передаче управления в Саксонии Пруссии баварский предста-

⁵² Об этом свидетельствует, например, донесение радзивилловского полицмейстера от 22 января 1813 г. (см. ЦГАОР, ф. 1165, оп. 1, ед. хр. 139, л. 58). После объявления войны в Баварии успешно проходило комплектование баварского легиона и набор в немецкий легион (сообщение Штакельберга Нессельроде от 10 (22) октября 1813 г., АВПП, ф. Канцелярия, л. 11638, л. 300).

⁵³ Талейран — Людовику XVIII 31 октября 1814 г., *Correspondance inédite...*, p. 88.

⁵⁴ M. H. Weil, *Les dessous du Congrès de Vienne*, vol. II, P., 1917, p. 97.

⁵¹ См. K. Griewank, *Der Wiener Kongress..*, S. 178.

витель в комитете заявил, что Бавария не войдет ни в какую германскую лигу, которая не будет включать в себя независимую Саксонию. «Националистическая пропаганда» в Баварии была запрещена, как и важнейший рупор «националистов» — газета «Rheinische Merkur».

Еще до окончания военных действий Австрия и Бавария вели ожесточенный спор из-за территории Иннфиртеля и Байрейта; оба государства стремились получить в будущем наиболее выгодные с военной точки зрения границы⁵⁵. Штакельберг, отмечавший это, указывал также в своем донесении Нессельроде, что Австрия стремится добиться согласования политики Саксонии, Баварии и Вюртемберга с политикой венского двора⁵⁶. Эта борьба между Австрией и Баварией резко усилилась во время Конгресса, и ее отголоски слышны были еще долгое время; нашла она отражение и в печати. В начале 1816 года газета «Deutsche Blätter» писала с негодованием о черной неблагодарности, которой Бавария отплатила Австрии за ее великодушье, отказываясь отдать ей то, что не принадлежит Баварии по праву (речь шла о Зальцбурге и Иннфиртеле, которые Бавария получила в 1809 г. благодаря Наполеону и по решению Венского конгресса должна была вернуть Австрии), хотя баварскому королю предлагается вполне достойная компенсация. Газета сообщала, что только помощь Австрии обеспечила Баварии территориальные приращения и тем самым ее величие; без этой поддержки Бавария была бы попросту уничтожена⁵⁷.

Позиция Баварии внушала серьезные опасения не только другим германским государствам, но и России. Назначенный в 1815 году послом в Мюнхен граф Панин получил инструкцию, в которой подчеркивалось, что Бавария, находившаяся в тесном союзе с Францией, сумела извлечь из завоеваний Наполеона больше выгод, чем любой другой член Рейнского союза. Население ее выросло с 2178 тыс. душ до 3500 тыс. Она вовремя перешла на сторону союзников, и Парижский договор гарантировал ей сохранение владений или компенсацию за тер-

⁵⁵ Штакельберг — Нессельроде 10 (22) марта 1813 г., АВПР, ф. Канцелярия, л. 11635, л. 89.

⁵⁶ Штакельберг — Нессельроде 29 марта (10 апреля) 1813 г., АВПР, ф. Канцелярия, л. 11637, л. 176.

⁵⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3384, лл. 221—223.

ритории, которые она должна будет передать Австрии. Последняя заключила с Баварией особое соглашение, по которому обещала за Тироль и часть Форарльберга согласиться на передачу Баварии Вюрцбурга и Ашаффенбурга, временно находившихся под баварским управлением; кроме того, за Зальцбург, Иннфиртель и Хаусрюкфиртель Австрия обещала Баварии территории, которые значительно укрепили бы ее позиции в центре Германии. Но претензии Баварии, указывалось далее в инструкции, так непомерно велики, что вызывают враждебное отношение со стороны Пруссии, внушают большую тревогу Вюртембергу, Бадену и Дармштадту, которые могут стать первыми жертвами планов Баварии, и вызывают даже недовольство самой Австрии.

В связи с этим русскому послу предписывалось всячески «побуждать Баварию к умеренности» и стараться действовать через Монжела, оказывающего неограниченное влияние на короля⁵⁸.

Аналогичной была и позиция Вюртемберга. Подобно Баварии, он видел в создании германской федерации посягательство на свою независимость и выступал против «стремления растворить различные народы в одной нации»; представитель Вюртемберга в германском комитете Винцингероде при обсуждении конституции Германии прежде всего стремился подчеркнуть необходимость сохранения суверенитета отдельных германских государств⁵⁹; он тщательным и придирчиво изучал каждое слово, каждую формулировку.

Так, слова «права государства» (Regierungsrechte) он требовал заменить другими — «права верховной власти» (Souverainitätrechte)⁶⁰. Подобную же операцию Винцингероде пытался проделать и с другими статьями конституции, а после окончательной выработки документа долго не решался его подписывать, опасаясь поколебать «достоинство и независимость» Вюртемберга⁶¹.

⁵⁸ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 8039, лл. 1—8.

⁵⁹ В этом отношении позиция Вюртемберга отражала мнение всех германских князей, которые прежде всего стремились добиться признания и гарантий своей независимости (см. донесение Алопеуса Александру I от 7 сентября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 742, лл. 4—5).

⁶⁰ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. II, p. 323.

⁶¹ Ibid., t. III, p. 1385

Комитет по германским делам был создан 14 октября, а уже 16 октября Винцингероде отказался подписать протокол предыдущего заседания, так как Ганновер был назван раньше Вюртемберга и подписи были расположены так тесно, что вставить свою между подписями представителей Баварии и Ганновера он не мог. На протяжении нескольких часов полномочные представители германских государств занимались решением вопроса о том, какой король выше рангом и в каком порядке следует им подписывать протокол.

18 октября с заявлением по этому вопросу выступил Мюнстер. Не претендуя на первенство среди европейских стран, говорилось в его заявлении, Ганновер в то же время не может признать, что достоинство короля зависит от того, когда им был принят королевский титул. Ведь не считают же себя прусский король и русский император ниже других государей, получивших королевское звание значительно раньше! Но если даже согласиться с этой теорией, то и тогда не следует забывать, что Ганновер связан личной унией с Великобританией, все министры Ганновера назначаются королем Великобритания и имеют тот же ранг, что и английские министры; нет никакого различия и в их верительных грамотах. Никто никогда и не пытался оспаривать этот порядок. Для того чтобы этот спор не мешал работе, Ганновер готов согласиться с предложением князя Меттерниха о том, чтобы порядок устных выступлений и подписей не связывался с вопросом о превосходстве одного государства над другим⁶².

Представитель Вюртемберга стоял, однако, на своем. А через месяц после возникновения этого затяжного конфликта Винцингероде заявил, что не намерен более участвовать в обсуждении статей будущей германской конституции, так как это занятие бессмысленно, пока не установлено, кто войдет в германскую федерацию, каковы ее географические и политические границы и территории входящих в нее государств.

В декабре Винцингероде направил ноту министрам Пруссии и Австрии, в которой критиковал и их позицию,

⁶² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11692, лл. 2, 3, 5 (нота Мюнстера, направленная правительствам стран — участниц Конгресса 18 октября 1814 г.)

и всю работу германского комитета. Ссылаясь на то, что Парижский договор провозгласил сохранение независимости князей, он сетует на Австрию и Пруссию, которые захватили в свои руки руководство германским комитетом и стараются навязать трем другим государствам составленный ими план. «С первого взгляда ясно, — заявил он, — что этот план вместо того, чтобы вести к цели, указанной в Парижском договоре, нарушает независимость... препятствуя единству внутренних сил меньших государств, с тем чтобы в дальнейшем его совсем парализовать». Далее он упрекал Австрию и Пруссию в том, что они отклонились от своего курса и от плана, получившего одобрение России. Если раньше оба государства (т. е. Австрия и Пруссия) действовали настолько единодушно, что это начало угрожать независимости других, то теперь обнаружилось расхождение в главных вопросах, что разрушило их гармонию. Следствием этого было то, что германский комитет забросил все дела, и неуверенность государей во всем, что касается создания федерации.

Конструктивные предложения Винцингероде свелись к тому, чтобы, продолжая в Вене обсуждение принципиальных вопросов, созвать — после того, как будет достигнуто предварительное соглашение между государями, — совещание их представителей в другом городе, подальше от посторонних влияний. При этом Винцингероде добавил, что проблема реконструкции Германии может быть решена только при поддержке российского императора⁶³.

Другим сторонником позиции Австрии, но уже за стенами германского комитета, был Баден. Позиция и аргументация баденских государственных деятелей почти полностью совпадала с взглядами и доводами их южногерманских коллег.

Барон фон Хак, представитель Бадена в Вене, подобно Вреде, много говорил о заслугах Бадена в войне против Франции, о жертвах, принесенных Баденом на алтарь освободительной борьбы, и требовал соответствующего вознаграждения.

Ведя упорную тяжбу с Баварией из-за пограничных районов, Баден старался заручиться поддержкой великих

⁶³ Нота Винцингероде от 27 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11706, лл. 3, 5, 6—7.

держав. В письме к Нессельроде министры Бадена заявляют, что великий герцог Баденский не может согласиться с решением о передаче Баварии Нижнего Пфальца «как оскорбляющим его достоинство и честь». Баден, утверждали они, дал во время войны убедительные доказательства своей преданности делу союзников, и несправедливо теперь расчленять это государство и ослаблять его политическую мощь.

Однако, видимо чувствуя шаткость своих позиций, великий герцог Баденский предлагает, «если уступки с его стороны будут сочтены необходимыми», выделить некоторые округа, которые по своему географическому положению могут рассматриваться как объекты обмена⁶⁴. Но уже через несколько дней последовало второе обращение, в котором Баден отказывался от каких-бы то ни было территориальных уступок⁶⁵.

Сепаратистские тенденции южногерманских государств подвергались резкой критике со стороны Штейна и его сторонников. «Вюртемберг и Бавария... отстаивают деспотизм, они хотят изолироваться от Германии, говорят о баварской, вюртембергской нации; эти идеи проводят в Баварии фельдмаршал Вреде, в Вюртемберге — граф Винцингероде, — писал Штейн. — ...Хорошо было бы сведения об этом поместить в «Rheinische Merkur». Геррес мог бы дать к ним сильные, решительные и правдивые комментарии»⁶⁶.

Своеобразным козырем в борьбе за укрепление влияния Бадена должны были послужить и «либеральные» преобразования, о проведении которых представитель Бадена в Вене сообщал Меттерниху (речь шла о назначении комиссии для подготовки предварительного проекта конституции и созыва представительного собрания, которое должно было получить полномочия после окончания переговоров в Вене⁶⁷).

Впрочем, Баден отнюдь не был единственным государством, которого коснулись «новые веяния». Во время

⁶⁴ Представители Бадена — Нессельроде 12 апреля 1815 г., АВПР ф. Канцелярия, д. 11787, л. 5.

⁶⁵ Нота правительства Бадена — Нессельроде от 17 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11787, л. 16.

⁶⁶ Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften., Bd V, SS. 70—71 (Штейн — Тильману 24 октября 1814 г.).

⁶⁷ Представитель Бадена — Меттерниху 1 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11690, л. 1.

Конгресса многие германские князья заявили о своем решении создать представительные собрания, которые должны были получить право обсуждения законов, налогов и др. Ганновер сделал соответствующее заявление вскоре после принятия курфюрстом королевского титула — 21 октября 1814 г. 16 ноября Австрия и Пруссия были специальной нотой оповещены об аналогичных намерениях князей Гессен-Касселя, Дармштадта, Брауншвейга, Мекленбурга, Нассау и некоторых других. Даже король Вюртембергский 11 января 1815 г. последовал в этом отношении за другими германскими государями. Об этом с удовлетворением сообщает в своей Памятной записке от 17 января 1815 г. Штейн, считавший создание провинциальных собраний осуществлением одного из основных принципов организации Германии⁶⁸.

Иную позицию занимали мелкие германские государства, свободные города и многочисленные мелкие князья, потерявшие свои владения во времена создания Рейнского союза. В объединительных тенденциях они видели защиту от захватнической политики своих более сильных соседей и надеялись, что принадлежность к германской федерации поможет им поднять и свое собственное значение. Выразителем их взглядов и интересов был представитель Нидерландов и Люксембурга барон фон Гагерн (Люксембург, как предполагалось, должен был войти в состав германской федерации). Не имея представителей в германском комитете, мелкие германские князья настойчиво охраняли свои права и независимость. В германской федерации их привлекала отнюдь не возможность «растворения» в целом, а стремление хотя бы формально занять равное положение с более крупными державами и в то же время обрести защиту и от них, и от внешних врагов. Будущий союз должен был стать для них «вознаграждением за неслыханные страдания и жертвы, опорой возвращенного счастья»⁶⁹.

Наилучшей формой объединения многие из них считали конфедерацию во главе с императором как «первым представителем германской нации», который имеет в своем распоряжении федеральную армию и представляет

⁶⁸ См. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd. V, SS. 121—122.

⁶⁹ Breuers Konzept über die Zukunft Deutschlands, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2645, Bl. 106.

исполнительную власть; законодательная же власть, выражение «общей воли», должна принадлежать союзному сейму. Только императорское звание они считали соответствующим величию главы Германского союза. Гагерн настаивал на том, чтобы слова «империя», «император» непременно в той или иной форме были включены в название будущей федерации.

Критикуя «недостаточный патриотизм» членов германского комитета, Гагерн требовал созыва всех членов будущей германской федерации для обсуждения германской проблемы⁷⁰.

Штейн настаивал на созыве всегерманского конгресса и даже называл возможное время и место его созыва (2 февраля 1815 г., Франкфурт). Он предлагал провозгласить на этом конгрессе декларацию, содержащую основные принципы федерального устройства Германии: акт о германской федерации будет базироваться на принципах, которые обеспечивают национальную независимость и спокойствие, политическую и гражданскую свободу внутри страны. Права объявления войны и заключения мира, решения споров между князьями, принятия законов, которые затрагивают общие интересы всей германской нации, будут переданы федерации. В княжествах будут созданы собрания, которые получают право утверждения законов, налогов, контроля над администрацией; права этих собраний гарантируются федерацией.

Права медиатизированных князей, знати и общие права всех немцев будут определены федеральным пактом. Высокие державы, убежденные, что интересы Европы требуют независимости Германии от других государств, ее внутреннего умиротворения и свободы, признают федеральный пакт, основанный на этих принципах, и гарантируют политическое существование федерации в целом и германских князей в частности⁷¹.

Самым жгучим вопросом для многочисленных германских князей был вопрос территориальный. Бесконечные споры по поводу обещанного или отобранного клочка земли, попытки склонить на свою сторону великие державы или хотя бы одну из них занимали все их помыслы

⁷⁰ Декларация 32 князей и вольных городов от 2 февраля 1815 г. (см. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 689).

⁷¹ Штейн — Каподистрии 15 января 1815 г., *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften*, Bd. V, SS. 119—120.

во время Конгресса. При этом государи и их министры ссылались на всевозможные истинные и мнимые заслуги в борьбе против Наполеона и на свою непоколебимую верность союзным державам. Все они ревниво следили за своими соседями и не упускали случая указать, что другие, с их точки зрения гораздо менее достойные, уже получили непомерно большее вознаграждение. Споры эти были настолько острыми, что члены германского комитета считали невозможным создание федеральной конституции до тех пор, пока не будут урегулированы территориальные вопросы⁷².

Осенью 1814 года, а затем в феврале 1815 года усиленно домогался расширения своей территории Гессен. В письмах, направленных Гарденбергу, Меттерниху и Нессельроде, гессенские министры перечисляют заслуги и жертвы, принесенные этим княжеством. Здесь и поставки войска (4 тыс. человек), амуниции, оружия, что обошлось, по их подсчетам, в 8 млн. рейхсталеров (не говоря уже о потере 20 млн. рейхсталеров дохода и 4 млн., которые были выплачены во время французской оккупации), и служба членов правящего дома Гессена в армии российского императора, и даже потеря одним из них ноги во время военной кампании... Напоминая о том, что Александр I еще в Париже, а затем в Вене обещал Гессену свое покровительство, они уверяют, что права курфюрста Гессенского становятся еще более очевидными при сравнении его действий с поведением короля Вюртемберга и великого герцога Баденского, которые «отреклись от германского патриотизма и священного долга по отношению к императору и империи, бросились в объятия Наполеона и первыми заключили с ним позорное соглашение, превратившее Германию во французскую провинцию», и которые благодаря своей преданности Франции значительно увеличили свои владения. Не ограничиваясь общими рассуждениями, представитель Гессена высказывает и свои конкретные пожелания: поскольку имеются свободные территории, расположенные вблизи Гессена, как, например, княжество Иссембург, почти вклинившееся в герцогство, и поскольку в отношении этого княжества «в связи с мирным договором уже

⁷² См. Breuer an Einsiedel am 19 März 1815. *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden*, Loc. 2645, Bl. 78

возникли серьезные надежды», эту территорию следует поделить между знатными домами, которые потеряли свои владения⁷³.

В то время как курфюрст Гессенский добивался расширения своего княжества, члены княжеской семьи предъявляли претензии к главе дома. Они жаловались, что получают от него лишь незначительную часть дохода, хотя по семейному договору имеют право на ее увеличение, поскольку курфюрст сделал в 1806 году значительные приобретения. При этом князья Гессенские также ссылаются на свое участие в сражениях против Наполеона и потерю в связи с этим доходов в Гессене⁷⁴.

Обращения к России с просьбой вмешаться в отношения между членами княжеского дома, разобрать их тяжбы было самым обычным явлением, особенно со стороны князей, пользовавшихся по тем или иным причинам расположением и покровительством Александра. Патетический рассказ о собственных доблестях перемежается в их письмах со слезными мольбами «не оставить своим попечением несчастные семьи просителей». Так, герцог Александр Вюртембергский жалуется, что брат его, король Вюртемберга, в течение восьми лет не выплачивает ему его долю доходов и не возвращает, несмотря на поддержку этого требования представителями российского императора, несправедливо отобранное родовое имение герцога. К просьбе обеспечить будущее его жены и детей и не допустить, чтобы наследственные земли, доставшиеся им от предков, стали добычей короля Вюртемберга, который в течение восьми лет незаконно владел ими, герцог присовокупляет и готовый проект решения этого затянувшегося спора: «Великие союзные державы признают за герцогом Александром Вюртембергским право на полное владение аббатством Вейнгартен со всеми прилегающими землями и всеми доходами без какого-либо исключения; в случае отсутствия прямых наследников оно перейдет к младшей ветви дома Вюртембергов. Великие союзные державы выступают в этом отношении в качестве гаранта. Передача аббатства и принадлежащих ему земель должна быть произведена

⁷³ Представитель Гессена — барон Тюркгейм — Нессельроде 5 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11693, л. 1

⁷⁴ Памятная записка гессенских князей от 31 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11694, л. 5.

в течение двух месяцев со дня ратификации настоящего договора союзниками и происходить при посредничестве русских послов в Вене и Штуттгарте»⁷⁵.

И сам Александр Вюртембергский, и выступающий от его имени князь Леопольд Саксен-Кобургский считают, что «верная служба герцога в русской армии», а также то, что русский царь еще в 1809 году признавал справедливость этих требований, являются достаточным основанием для выступления России и ее союзников в защиту притязаний герцога⁷⁶. Князь Саксен-Кобургский выступает ходатаем не только по делам герцога Вюртембергского. Он обращается к Нессельроде также и с просьбой вступить за своего брата герцога Саксен-Кобургского. Свои соображения сам герцог изложил барону Штейну, обещавшему переговорить о них с Гарденбергом, и — в особой ноте — Меттерниху. Писал он и Каподистрии⁷⁷, словом, стучался во все двери.

Ссылаясь на получение Баварией области Фульда, которая по своим размерам значительно превышала все, на что Бавария могла рассчитывать, герцог Саксен-Кобургский требовал вернуть ему земли, приобретенные во время наполеоновских войн Баварией, а именно деревню Каубсдорф, вклинивавшуюся в княжество Зальфельд, подходящую почти к самому городу и являющуюся местом самых неприятных столкновений; деревню Глейссен, которая всегда принадлежала Кобургу и только после длительного и упорного сопротивления была уступлена Баварии, а также расположенную неподалеку от нее деревню Клейн Херрет⁷⁸. Население этих и некоторых других деревень составляло примерно 1000—1500 человек, и герцог объясняет свои настойчивые домогательства тем, что это «давние подданные Саксен-Кобурга» и что обладание этими деревнями весьма важно,

⁷⁵ Александр Вюртембергский — Нессельроде 8 декабря 1814 г. (копия письма направлена министрам Пруссии и Австрии), АВПР, ф. Канцелярия, д. 11706, лл. 2—3.

⁷⁶ Леопольд Саксен-Кобургский — Нессельроде 29 октября 1814 г. (аналогичная нота направлена министрам Пруссии и Австрии), АВПР, ф. Канцелярия, д. 11699, лл. 13—14.

⁷⁷ Герцог Саксен-Кобургский — Каподистрии 15 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11799, лл. 5—6.

⁷⁸ Леопольд Саксен-Кобургский — Нессельроде 18 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11799, л. 2.

так как дает возможность избежать постоянных нападений со стороны Баварии⁷⁹.

Что касается герцога Саксен-Веймарского, то он уже не ограничивается территориальными притязаниями. Он, правда, заинтересован в получении соседних с его владениями земель (герцог спешит заявить, что у него больше прав на эти земли, чем у кого-либо другого)⁸⁰. Но наряду с этим он требует для себя и своих наследников, правящих в Эйзенахе и Саксен-Веймаре, титула великого герцога, обосновывая свое требование тем, что многие князья, занимающие такое же, как и он, положение, получили после ликвидации Германской империи в 1806 году титулы великого герцога и даже короля. Памятуя, что семейные узы связывают Саксен-Веймар с императорской династией России, а также учитывая «выдающееся положение, которое всегда занимал его дом среди правящих династий Германии», герцог рассчитывает на могущественное вмешательство российского императора в его пользу⁸¹. Поддержка действительно была оказана, и герцог Саксен-Веймарский получил соседние земли с 50-тысячным населением и часть Фульды с 27 тыс. жителей⁸².

Расширить свои владения и «улучшить» их границы с Баварией стремится и герцог Саксонский. В то время когда решался вопрос о судьбе Саксонского королевства, он напоминает Нессельроде, что император Александр обещал поддержать его притязания на часть Саксонии, а также принять его сторону в переговорах с Баварией⁸³.

Другие государи, не рассчитывая на какие-либо добавления к своим владениям, старались хотя бы вернуть то, что было ими потеряно. Протест против захва-

⁷⁹ Леопольд Саксен-Кобургский — Нессельроде 15 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11799, лл. 1—2

⁸⁰ Представитель герцога Саксен-Веймарского — барон Герсдорф — Нессельроде 10 октября 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11701, л. 16

⁸¹ Представитель герцога Саксен-Веймарского — барон Герсдорф — Нессельроде 26 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11701, лл. 2—3

⁸² Карл Август герцог Саксен-Веймарский — Разумовскому 31 мая 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11801, л. 1

⁸³ Герцог Эрнст Саксонский — Нессельроде 14 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11699, л. 15

та его владений заявляет герцог Ольденбургский⁸⁴, князь Саксен-Гота просит вернуть ему его владения в Германии⁸⁵.

Чем меньше владения князей, тем более обстоятельно перечисляют они все права и привилегии, которыми пользовались их предки, подробнейшим образом излагают историю приобретения и потери каждой деревни, равно как и свои благородные помыслы и деяния.

Князь Шенбург, владеющий в Верхней Саксонии территорией в 10—12 кв. миль и примерно 60—70 тыс. подданных, ссылается на древнейшие документы, в которых Шенбург фигурирует в качестве суверенного государства, жалуется на ущемление его прав Саксонией и требует восстановления всех своих прежних привилегий. Он настаивает на том, чтобы права его были, во всяком случае, не меньше, чем права других князей, владеющих такой же, как и он, территорией, например князей Рейсса и Шварцбурга. Он добивается, наконец, установления четких границ между Шенбургом и Саксонией и, разумеется, хочет, чтобы права его были торжественно провозглашены и гарантированы великими державами⁸⁶.

Некоторое подобие общности интересов проявили германские князья, когда Наполеон снова появился на континенте Европы. 22 марта 1815 г. полномочные представители государств и городов вручили министрам Австрии и Пруссии ноту, в которой заявляли, что представляемые ими города и государства готовы объединить усилия для восстановления мира и порядка в Европе и для поддержки независимости Германии. В то же время они писали и о своем желании, чтобы будущее Германии было, наконец, обеспечено путем прочного и длительного союза, для достижения которого они предлагали немедленно начать общую дискуссию, «опираясь в ее ходе на основной принцип федерального пакта — гарантию прав всех членов федерации»⁸⁷.

⁸⁴ Герцог Ольденбургский — Нессельроде, АВПР, ф. Канцелярия, д. 11697, л. 1

⁸⁵ Представитель князя Саксен-Гота де Борш — Нессельроде 27 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11718, лл. 1—2

⁸⁶ Памятная записка князя Шенбурга, АВПР, ф. Канцелярия, д. 11724, лл. 2—4

⁸⁷ Ang e b e r g, Le Congrès de Vienne, t III, p. 951.

В этом плане определенный интерес представляют взгляды саксонского дипломата, тайного советника Фридриха Людвига Брейера. В разработанной им записке о будущем Германии Брейер говорит о необходимости единства всех сил Германии. «Мы должны научиться понимать, что только воинские доблести и военный союз могут сейчас сохранить и гарантировать свободу и благосостояние», — пишет он. Жертвы со стороны отдельных государств необходимы и оправданы, если они приносятся во имя общих интересов; важно лишь, насколько эти жертвы приблизят достижение цели. При решении вопроса о том, какие права государств следует подтвердить, а какие изменить, первым мерилom должно быть требование единения сил. Брейер считает, что главная черта всякой мудрой государственной конституции — соответствие интересов отдельных государств и целого. Основными принципами, которых следует придерживаться, он объявляет внимание к признанным, существующим правам отдельных государств и объединение усилий для достижения общей цели⁸⁸.

29 марта Пруссия, а 31 марта Австрия направили идентичные ноты в ответ на письмо германских князей. В прусской ноте говорилось, что король с удовлетворением узнал о готовности князей выступить в защиту независимости Германии и вместе с императорским двором Австрии предлагает князьям и свободным городам Германии присоединиться к обязательствам, принятым Австрией и Пруссией. Обстановка была слишком серьезной, чтобы пренебрегать любой возможной помощью, и Пруссия предложила князьям выделить своих представителей для обсуждения вопросов, поднятых в их декларации⁸⁹.

В течение всего апреля 1815 года германские князья и города совещались об условиях присоединения к новому союзу против Наполеона; Австрия и Пруссия вели переговоры с Баварией, Баденом, Вюртембергом и другими германскими государствами, заявившими о своей готовности предоставить в случае необходимости вооружение и войска.

⁸⁸ См. Breuers Konzept über die Zukunft Deutschlands, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2645, Bl 106—109

⁸⁹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t III, pp 986—987

Отражение ожидавшегося наступления наполеоновской армии представлялось задачей весьма нелегкой. Денежная помощь, предоставлявшаяся Англией — банком коалиции — союзным государствам, в частности России, во время прошлой войны была сравнительно скромной⁹⁰, хотя Каслри не упускал случая указать на значение этой помощи для достижения победы и на то, что Англия оказывает ее «с напряжением всех своих средств»⁹¹. Тем с большим основанием русские государственные деятели в период «ста дней» с тревогой думали о неизбежных новых военных расходах⁹².

Разрабатывая план военной кампании, русское командование исходило из того, что для успешного ее проведения необходимо создать по меньшей мере двойной перевес сил. Предполагалось, что Австрия направит армию в 344 тыс. человек, причем в состав ее войдет баварский корпус из 60 тыс. солдат, вюртембергский — из 25 тыс., баденские и дармштадтские войска — соответственно 16 тыс. и 8 тыс. человек; Саксония и Гессен должны были по этому плану поставить 30 тыс. воинов, которые вошли бы в объединенную англо-прусскую армию⁹³. Однако всячески афишировавшаяся князьями «преданность союзникам и их общей цели» отнюдь не мешала им заботиться в первую очередь о своих собственных интересах. Их письма и ноты пестрят различными оговорками, ссылками на разорение страны, бедствия народа и другие обстоятельства, лишаящие их возможности развернуть в полную меру помощь союзникам. Эти «маленькие тираны», как их называл Штейн, «думали лишь о награбленном и были равнодушны к страданиям и позору отечества»⁹⁴.

Одними из первых предложили свое участие в борьбе против Наполеона герцог и князь Нассау: уже в середине марта они заявили, что могут выставить 3300 человек

⁹⁰ Приложение к записке министра финансов на имя Александра I от 24 мая (5 июня) 1814 г., ЦГВИА, ф ВУА, д 3393, л 10

⁹¹ Деша Ливена Нессельроде от 3 (15) декабря 1813 г., АВПР, ф Канцелярия, д 6830, л 257

⁹² Чернышев — Александру I 6 (18) апреля 1815 г., ЦГВИА, ф ВУА, д 593, л 1

⁹³ Шварценберг — Волконскому 16 (28) апреля 1815 г., ЦГВИА, ф ВУА, д 4215, лл 88—89

⁹⁴ Штейн — Мюнстеру 29 июня 1813 г., Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd IV, S 196

легкой пехоты для помощи гарнизону Майнца⁹⁵. Вслед за ними собрал корпус в 1600 человек и передал его в распоряжение союзных держав великий герцог Баденский. При этом он сообщил, что только что окончившаяся война была крайне разорительна для его страны, которая из-за своего географического положения была местом пребывания всех армий, а 20-миллионный расход ему не возмещен. «...Я счел бы, что пренебрег своим долгом государя, если бы подверг страну новым обложениям»⁹⁶, — заканчивает он, ясно давая понять, что на дальнейшую его помощь союзникам рассчитывать не следует.

Князь Лихтенштейн, сообщая, что в состав его воинского соединения из 100 человек входят 40 пехотинцев, 40 солдат ландвера и 20 человек резерва, просит сократить число воинов, которые он должен выставить, до 80⁹⁷.

Узнав о том, что 150-тысячная русская армия должна проследовать через Баварию, князь Вреде спешит напомнить, что через эти районы уже проходили войска, поэтому невозможно облагать население новыми поборами, и предлагает изменить намеченный маршрут. Он выражает надежду, что Бавария получит компенсацию за расходы, связанные с размещением и прохождением войск, ибо без этого «невозможно принять меры, необходимые для достижения общей цели, поставленной союзниками»⁹⁸.

Русский дипломат князь Козловский писал 25 апреля 1815 г. из Мюнхена, что двухчасовая аудиенция у короля (при беседе присутствовал и Монжела) привела его к выводу о ненадежности Баварии как союзника в борьбе против Наполеона. «Нельзя рассчитывать на искреннее сотрудничество этого двора; его могут убедить, что Наполеон не угрожает покою в Германии; с другой стороны Вена и Берлин говорят с ним таким высокомерным языком, что разрушают иллюзии Баварии относительно ее значения, и я без колебаний сегодня могу предсказать, что король по меньшей мере скоро охладит к этой борь-

бе»⁹⁹. Во время той же беседы король горько сетовал на двуличие Меттерниха, не выполняющего обещания, данные Баварии: «Абсурдно полагать, что я удовлетворюсь ожиданием обещанного Пфальца, в то время как от меня требуют, чтобы я терпел реальный ущерб в настоящий момент»¹⁰⁰.

Винцингероде от имени короля Вюртемберга заявил в ноте, врученной Меттерниху (копия ее была направлена Нессельроде), что полностью присоединяется к твердому решению союзников не допустить, чтобы Наполеон вновь встал во главе Франции. Однако эта решимость сочетается у него с опасениями по поводу географического расположения Вюртемберга, который может стать жертвой первого же нападения французских войск, и с желанием узнать, какие силы будут защищать от них королевство¹⁰¹.

Даже в конце кампании князь продолжали добиваться денежных компенсаций. Так, в июне 1815 года представитель великого герцога Гессенского Тюркгейм настаивал на возмещении военных расходов, понесенных Гессеном, поскольку эти расходы значительно превысили обязательства герцогства и явились причиной его разорения¹⁰².

Германские владетели, бывшие некогда суверенными правителями и потерявшие в 1806 году с ликвидацией Германской (так называемой Священной Римской) империи и земли, и власть, ни на минуту не забывали о своем «блистательном прошлом». В Вене положение их было весьма неопределенным, ибо они не имели ни определенного статуса, ни прав — ничего, кроме непреодолимого стремления вернуть былую независимость. Эту группу усиленно «обхаживали» пруссаки, стараясь заручиться ее поддержкой. Гарденберг пытался использовать этих старых имперских рыцарей в интересах Пруссии. Мелкие владетели полагали, что создание германской федерации должно несколько ограничить могущество более сильных

⁹⁵ Барон Гагерн, барон Маршалл — Нессельроде 18 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11796, л. 1

⁹⁶ Великий герцог Баденский Карл — Нессельроде 30 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11787, л. 4

⁹⁷ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11793, л. 3

⁹⁸ Вреде — Волконскому 13 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11789, л. 3.

⁹⁹ Козловский — Нессельроде 25 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11290, л. 11

¹⁰⁰ Там же, л. 10

¹⁰¹ Нота Винцингероде от 11 апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11803, л. 13

¹⁰² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11793, л. 3.

держав и тем самым обезопасить их собственное положение. Они без конца обращаются к представителям великих держав то с цветистыми изъявлениями благодарности, то с жалобами на несправедливые по отношению к ним действия и просьбами о поддержке.

Так, в октябре 1814 года медиатизированные князья и графы обратились с письмом к императору Александру: «Нижеподписавшиеся, охваченные чувством самой глубокой благодарности к Вашему Императорскому Величеству, чья героическая преданность и великодушная смелость содействовала освобождению Германии, священная земля которой дала им жизнь, осмеливаются в этот торжественный час смиренно вручить Вашему великодушному сердцу самые дорогие свои интересы, тесно связанные с процветанием их обожаемого отечества, с покоем и славой которого неразрывно связано их счастье». За этим характерным для общего стиля их посланий вступлением следовали горькие жалобы на то, что в то время, когда вся Европа ликует по поводу победы, германские государства по-прежнему лишены своих политических прав. Они напоминают об обещании Александра восстановить в Германии справедливость, считая, естественно, что не может быть ничего более справедливого, чем возвращение им прежних прав, «ибо кто больше, чем они, страдали от зла того времени»¹⁰³.

Князья духовные тоже не забывают о себе. Каноники ряда монастырей сетуют на то, что им не выплачивают вовремя пособие, которое по соглашению, заключенному еще в 1803 году, определено в 1300—1500 франков. Если они вынуждены были мириться с этим во время войны, зная, что казна истощена, и даже не протестовали, когда в 1813 году им задолжали две трети их пенсии, то теперь, в 1814 году, когда война закончена, «ничто не мешает выполнению этого священного закона». Они уверяют, будто великие союзные державы уже взяли этот порядок под свое покровительство, и предлагают установить для всей Германии общее положение, записав его в специальной статье: права, приобретенные пенсионерами империи по § 75 соглашения, принятого 25 февраля 1803 г., нурушимо сохраняются за ними; «взносы, установленные для их содержания, сохраняются и должны полностью вносить

его государями... для дальнейшего распределения специальной комиссией»¹⁰⁴.

Надежды всех этих князей, светских и духовных, на возвращение прежней независимости были более чем шатки. Великие державы не придавали их мнению сколько-нибудь существенного значения. Кроме того, все пять членов германского комитета владели землями, некогда принадлежавшими мелким князьям и отобранными у них. Поэтому не удивительно, что официальные ноты этих владетелей, обращенные к германскому комитету и отдельным его членам, не встречали сочувственного отклика.

В этот не слишком дружный хор князей вплетают свой голос и города, которые боятся потерять старинные вольности; они отнюдь не желают поступаться своими правами и, тем более, экономическими выгодами. Представители Данцига в письме к Нессельроде напоминают, что все великие державы на протяжении всей войны признавали его независимость, и требуют ее сохранения¹⁰⁵.

Встревожены и жители Гамбурга. Их беспокоит затяжка решения об уничтожении укреплений города. Представители Гамбурга пишут Нессельроде, что при решении вопроса, от которого зависит судьба Гамбурга: быть ему крепостью или оставаться торговым центром, следует прислушаться к мнению горожан. А они убеждены, что если Гамбург будет укреплен, то он погибнет; ничего, кроме названия, не сохранится от этого города, приносившего своей торговлей пользу Германии и всей Европе. В подтверждение горожане приводят следующие аргументы: можно было бы пойти даже на верную гибель Гамбурга, если бы этого требовали интересы Германии. Но такой необходимости нет, поскольку у Германии имеются укрепления на Рейне, бельгийские крепости находятся в руках дружественной державы, наконец, может быть укреплена линия Везера. Что же касается Гамбурга, то надежной крепостью он все равно не станет, для этого понадобились бы еще очень большие работы и значительные средства. В случае нападения он окажется в руках противника, который сумеет использовать его про-

¹⁰⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11721, л. 1. Обращение к великим державам 21 октября 1814 г.

¹⁰⁵ Представитель Данцига Кейдель — Нессельроде 30 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11774, л. 16

¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11719, лл. 1—2.

тив Германии. Поэтому все попытки превратить Гамбург в укрепленный пункт не принесут пользы в военном отношении и лишь навсегда погубят этот цветущий торговый город¹⁰⁶.

В своем стремлении сохранить значение крупного торгового центра, и прежде всего центра внешней торговли, Гамбург опирался на поддержку Англии, весьма заинтересованной в германском рынке. Гамбургу, который, по словам «Таймс», «обещал быть важнейшим складским местом, откуда мы (т. е. Англия.— Л. З.) могли бы повести нашу восстанавливающуюся торговлю с материком Европы — в масштабах, которые превосходят все, что нам известно из прошлого»¹⁰⁷, английское правительство и Сити уделяли особое внимание в своей политике в отношении Германии¹⁰⁸.

Позиция Англии имела особое значение в решении германской проблемы. Ее планы, касавшиеся будущего устройства Германии, были разработаны задолго до начала Венского конгресса¹⁰⁹. В своем отношении к германским делам Англия исходила в большой мере из теории «равновесия сил» в Европе в ее английском понимании¹¹⁰. Ни в какой мере не заинтересованная в германском единстве, Англия хотела существенного усиления Пруссии, которая должна была составить основу «антифранцузского барьера», и Австрии. Австрия и Пруссия, по замыслу английских политиков, должны были сообща прогивостоять, с одной стороны, Франции, а с другой — России, усиление которой вызывало большие опасения английского правительства. Каслри разработал два различных плана организации Европы. Первоначальный план заключался в создании союза Австрии и Пруссии

¹⁰⁶ Представитель Гамбурга Гриз — Нессельроде 2 марта 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11802, лл 1—8

¹⁰⁷ «Times», June 5, 1813

¹⁰⁸ Об этом свидетельствует и издание специального сочинения, посвященного истории Гамбурга в период наполеоновских войн H E Lloyd, Hamburg in 1813, with a View of its Condition in 1806—1812, L., 1813

¹⁰⁹ См Л. А. Зака, Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн), изд-во «Международные отношения», 1963, стр 101—106

¹¹⁰ О необходимости восстановления политического «равновесия сил» в Европе, нарушенного Наполеоном, Каслри писал еще в 1813 году Делеша Ливена Нессельроде 3 (15) декабря 1813 г., АВПР, ф Канцелярия, д 6830, л 255.

при поддержке Англии; этот союз совместно с мелкими и средними германскими государствами и резко усиленными Нидерландами¹¹¹ должен был образовать надежную преграду против Франции¹¹². При этом предполагалось перекроить земли между Маасом и Рейном с учетом английских интересов¹¹³. Каслри считал необходимым территориальное усиление Пруссии, а также Нидерландов для отражения возможного нападения со стороны Франции; кроме того, он рассчитывал, что территориальные приобретения удовлетворят Пруссию и будут способствовать ее сближению с Австрией. Поэтому Каслри соглашался расширить территорию Пруссии за счет земель на левом берегу Рейна¹¹⁴. Однако это было трудно совместить со стремлением принца Оранского создать Нидерландское государство, включив в него левый берег Рейна до Мозеля (впоследствии он расширил свои требования, выдвигая притязания на земли до Дюссельдорфа или Кельна). Выступая от имени принца Оранского, его представитель на Конгрессе барон Гагерн ссылаясь на ст. ст. III и IV Парижского договора, которые гласили, что границы государств на правом берегу Мааса будут определяться с учетом военных потребностей Голландии и ее соседей; установление справедливого равновесия в Европе требует, чтобы размеры Голландии позволяли ей поддерживать свою независимость собственными средствами; германские государства на левом берегу Рейна, которые были присоединены к Франции с 1792 года, послужат для расширения Голландии и для компенсации Пруссии и других германских государств. Гагерн указывал также, что по Шомонскому договору для Нидерландов предназначались земли, включающие Кёльн и Аахен.

В качестве князя Нассаусского принц Оранский потребовал также возвращения земель, захваченных в

¹¹¹ Cp E M Klingenburg, Die Entstehung der deutsch-niederländischen Grenze 1813—1815, Leipzig 1940, G J Renier, Great Britain and the Establishment of the Kingdom of the Netherlands 1813—1818, Hague, 1930

¹¹² Каслри — Веллингтону 25 октября 1814 г., British Diplomacy, p 218

¹¹³ См R S Castlereagh, Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh, vol X, pp 173—174.

¹¹⁴ Cp K Rheindorf, Englische Rheinpolitik 1813—1815, «Elsass — Lothringisches Jahrbuch», Bd VII, 1928.

1805 году Францией у Нассау. На этот раз речь шла о деревнях Кастель и Костхайм, а также относящихся к ним островках на Рейне. Деревни эти, расположенные между Маасом и Рейном, напротив Майнца, приобретали особое значение, когда решался вопрос о судьбе Майнца¹¹⁵.

Добиваясь территориального расширения и укрепления Нидерландов и приводя аргументы, способные воздействовать на английских политиков, принц Оранский подчеркивал, что Пруссию необходимо убрать с берегов Рейна, иначе она захватит в свои руки торговлю со всей северной Германией и Швейцарией. И план Каслри первоначально действительно предусматривал передачу значительной части рейнских земель — до Кельна — Нидерландам, в усилении которых Англия была в высшей степени заинтересована¹¹⁶.

Когда летом 1814 года Гарденберг предложил присоединить Голландию или хотя бы Бельгию к Германскому союзу, включить Голландию в германскую оборонительную систему, он был убежден в согласии как принца Оранского, так и поддерживавшего его английского правительства, и в частности лорда Каслри¹¹⁷. Для Англии участие Нидерландов в германской федерации могло быть приемлемым лишь при условии, что сама федерация будет непрочной, чтобы Англия могла сохранить свое преобладающее влияние в Нидерландах и через них оказывать влияние на Германский союз в целом.

В начале работы Венского конгресса Каслри имел в виду осуществление союза Австрии и Пруссии. В октябре 1814 года он заявил Гарденбергу, что, придавая большое значение реконструкции Пруссии, «для благополу-

¹¹⁵ Гагерн и Маршалл — Нессельроде, 20 апреля 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11796, л 3.

¹¹⁶ В письме поэту и деятелю германского освободительного движения Аридту, написанном еще 28 августа 1814 г., А Гнейзенау следующими словами характеризовал английскую политику в отношении Нидерландов «Англия заботится только об укреплении нового Нидерландского государства и с охотой оторвала бы у Германии по-больше территории, чтобы усилить это новое образование» (Neithardt von Gneisenau, Schriften von und über Gneisenau, Hrsg. von F. Lange, B., 1954, S. 387).

¹¹⁷ Меморандум Гарденберга и Мюнстера о совещании с Каслри 15 июня 1814 г., Deutsches Zentralarchiv, Abt Merseburg, AAI, Rep. VI, Nr 303

чия Европы» готов согласиться на передачу Пруссии всей Саксонии. «Нет другого принципа европейской политики, которому я придавал бы такое значение, как реконструкция Прусской монархии, — писал он. — Ее заслуги во время последней войны дают ей полное право на наше признание. В то же время Пруссия является единственной прочной основой для всех наших преобразований, проводимых для обеспечения Северной Германии от всех опасностей, которые могли бы ей угрожать; одного этого соображения достаточно для признания необходимости восстановления Пруссии. При настоящем кризисе мы должны обращаться именно к Пруссии, ее мощь должна служить установлению спокойствия. Она должна быть достаточно сильной и независимой, чтобы внушать уважение и доверие к себе»¹¹⁸. При этом Каслри ссылался на взгляды покойного английского премьер-министра У. Питта (младшего)¹¹⁹. В то же время английская дипломатия вовсе не стремилась обеспечить сплочение всей или только северной Германии под эгидой сильной Пруссии¹²⁰.

Нельзя сказать, что Каслри совершенно не видел угрозы, которую могла представлять собой усилившаяся Пруссия, тем более что ее поведение в Вене давало для этого основания, но опасность со стороны Франции он считал более реальной и непосредственной, а потому и главной, с которой необходимо было в данный момент считаться. По существу и саксонский вопрос, и усиление Пруссии, и германское единство, и дальнейшая судьба Германии в целом — все это для английской дипломатии играло роль постольку, поскольку влияло тем или

¹¹⁸ Каслри — Гарденбергу 11 октября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11772, л 60

¹¹⁹ Имеется в виду меморандум Питта, направленный в 1805 году Александру I В этом меморандуме английское правительство, стремившееся надолго определить задачи Англии в области внешней политики, ставило вопрос о необходимости усилить Пруссию, с тем чтобы создать в Германии мощный оплот против французского проникновения, полный текст меморандума, взятый из архива английского министерства иностранных дел, опубликован в сборнике Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902), Selected and Edited by H. Temperley and L. Penson, Cambridge, 1938

¹²⁰ См в этой связи меморандум Гнейзенау для английского правительства (G. H. Pertz, Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau, Bd II, B., 1865, SS 315—330).

иным образом на «равновесие сил» в Европе, то есть в данном случае на создание «среднеевропейской системы», направленной против Франции, а также против России Каслри не разделял тревоги Талейрана по поводу прусских территориальных и политических притязаний и даже пытался внушить французскому дипломату, что у Франции нет оснований для беспокойства, так как ее непосредственные интересы не затрагиваются Германская же федерация, утверждал Каслри, по своей природе совершенно безобидна и не представляет никакой угрозы ни для Франции, ни для какого-либо другого государства¹²¹ Разработку таких вопросов, как форма организации будущего германского объединения, Каслри возложил главным образом на Мюнстера, который еще в конце 1813 года по поручению принца-регента составил Памятную записку по германским делам и дал в ней подробный план реорганизации Германии¹²²

К концу 1814 года стало ясно, что план Каслри неосуществим Пруссия явно сближалась не с Австрией, а с Россией, с которой сумела договориться по польскому и саксонскому вопросам Отношения же ее с Австрией все более обострялись из-за Саксонии, обе державы были на грани войны, и Меттерних пытался склотить германскую лигу против Пруссии Поэтому Каслри должен был отказаться от первоначального плана и обратиться ко второму, так сказать, запасному, который предусматривал союз Австрии, Франции и южногерманских государств при активной поддержке Англии, направленный в первую очередь против России¹²³

В январе 1815 года Англия вступила в тайный союз с ярыми противниками любой формы германского единства — Австрией и Францией В английском парламенте Каслри вынужден был объяснить изменение своей позиции по вопросу о Саксонии он ссылаясь на то, что общественное мнение в Англии, в германских государствах и в других странах встревожено попранием прав столь

¹²¹ Каслри — Веллингтону 25 октября 1814 г., *British Diplomas*, т. 1, с. 219

¹²² Памятная записка Мюнстера передана Ливеном Нессельроде 22 декабря 1813 г. (3 января 1814 г.), АВПР, ф. Канцелярия д. 6829 л. 44

¹²³ Каслри — Веллингтону 25 октября 1814 г., *British Diplomas*, т. 1, с. 218

древней династии, как саксонская, и что захват Саксонии Пруссией вызвал бы повсюду неприязнь к этой германской державе, — толкование, явно рассчитанное на то, чтобы привлечь симпатии вигов¹²⁴ Но, несмотря на отказ от первоначального проекта, Каслри все-таки считал безусловно необходимым расширение и укрепление Пруссии на Рейне

Еще более активно, чем Англия, против объединительных тенденций в Германии выступала Франция, которая, однако, не могла оказать столь значительного влияния на решение германских дел Хотя перед Францией и не вставала, как перед Австрией, угроза серьезных внутренних осложнений под влиянием возможного усиления объединительных стремлений в Германии, у нее были все основания с большой тревогой следить за развитием событий Талейран писал Людовику XVIII, что Франция могла быть сравнительно спокойна, пока в ее руках был левый берег Рейна, потеряв же его, она должна со всей ответственностью отнестись «к возможности такого кошмара», как возникновение сильной Германской империи¹²⁵ И Талейран всячески противился усилению прусских позиций в Германии, и прежде всего передаче ей Саксонии «Ничто не может так усилить Пруссию, как передача ей Саксонии»¹²⁶, — писал он королю Его тревожило стремление Пруссии заручиться поддержкой мелких князьков, старой военной аристократии¹²⁷ Сам же Талейран сумел привлечь на свою сторону послов ряда южногерманских государств¹²⁸, он пытался использовать все возможности для борьбы против прусского влияния

¹²⁴ См. R. S. Castlereagh, *Memoirs and Correspondence*, vol. I, p. 51

¹²⁵ Талейран — Людовику XVIII 17 октября 1814 г., *Correspondance inedite*, т. 1, с. 56

¹²⁶ Талейран — Людовику XVIII 19 октября 1814 г., *Correspondance inedite*, т. 1, с. 64

¹²⁷ «Князья входившие некогда в Рейнский союз, начинают объединяться среди них уже распространяется проект организации Германии» — с беспокойством сообщал Талейран в очередном донесении Людовику XVIII от 9 октября 1814 г. (*Correspondance inedite*, т. 1, с. 37—38), см также письмо Талейрана от 17 октября 1814 г., там же, стр. 55

¹²⁸ См. M. H. Weil, *Les dessous du Congrès de Vienne*, t. I, p. 328

и оказывал в этом всяческую поддержку Австрии¹²⁹ Сталелайран Талейран повлиять и на мелких германских владетелей, он даже предложил французскому правительству начать в печати систематическую кампанию против «*Rheinische Meikug*»¹³⁰. Борясь против идей германского единства, Талейран пытается выяснить причины их возникновения. Он видит их в «безграничных притязаниях Пруссии», в том, что многие немцы объясняли военные поражения Германии ее раздробленностью и даже в том, что университеты насаждают и распространяют «опасные идеи»¹³¹. В своей борьбе против объединительных тенденций в Германии Талейран опирался на выдвинутый им принцип легитимизма¹³².

Талейран, в отличие от Каслри, считал крайне опасным усиление Пруссии, претендовавшей к тому же на руководство другими германскими государствами. «Если Пруссия захватит Саксонию и отдельные государства, близко к Пруссии расположенные,— писал он,— то в течение нескольких лет она станет военной монархией, очень опасной для соседей... Крайне важно помешать этим проектам, поддерживать с этой целью Австрию»¹³³.

В апреле 1815 года был создан комитет для изучения разработанного Австрией и Пруссией проекта федеральной конституции. Под нажимом князей, боясь потерять их поддержку в условиях восстановления власти Наполеона во Франции, крупнейшие германские государства вынуждены были пойти на включение в состав комитета новых членов. Помимо прежних пяти государств в него вошли представители Саксонии, Бадена и Гессен-Дармштадта, пять представителей от суверенных князей и вольных городов; король Дании в качестве герцога Гольштинского и король Нидерландов как великий герцог Люксембургский также получили представительство в этом комитете. Однако в течение всего апреля и половины мая вопрос о конституции не решал-

¹²⁹ Талейран подробно, с большим удовлетворением описывал выступление в германском комитете представителя Баварии (Талейран — Людовику XVIII, *Correspondance inédite*, p. 88)

¹³⁰ См. Talleyrand, *Memoires*, vol II, p. 345

¹³¹ Талейран — Людовику XVIII 17 октября 1814 г., *Correspondance inédite*, p. 55

¹³² Ср. R. Rie, *Das Legitimitätsprinzip des Wiener Kongresses*, «Archiv des Völkerrechts», Bd. V, 1955, SS. 272—283

¹³³ См. Talleyrand, *op. cit.*, vol II, p. 257

ся, так как и в Берлине, и в Вене теперь считали, что сначала следует разрешить все территориальные споры (или, во всяком случае, вопросы, касающиеся Пруссии и Австрии) и определить границы каждого государства. Между тем споры эти не только не утихали, но в ряде случаев достигали еще большей остроты, как, например, конфликт между Австрией и Баварией, которая во время своего союза с Наполеоном приобрела отторгнутые от Австрийской империи Тироль и Зальцбург и теперь соглашалась отдать их лишь за равноценную компенсацию. Комитет собрался лишь 23 мая; Меттерних представил его членам проект конституции и назначил обсуждение на 26 мая. Но князья и города, почувствовавшие себя увереннее, потребовали представительства для каждого из них, заявив, что пяти человек совершенно недостаточно для защиты их интересов.

После новых переговоров комитет собрался 29 мая уже в расширенном составе. В него вошло дополнительно 25 человек — по одному от каждого суверенного князя и каждого вольного города. Таким образом, число членов комитета, вопреки первоначальному плану, дошло до 32 человек.

На семи совещаниях с 29 мая по 8 июня комитет обсуждал проект конституции. На последнем заседании она была, наконец, утверждена. 8 июня суверенные князья Германии, представители вольных городов, император Австрии, короли Пруссии, Дании, Нидерландов, Баварии, Вюртемберга и Саксонии поставили свои подписи под федеральной конституцией Германии.

Каждая статья конституции, говорившая о Германии как о целом, тут же подчеркивала независимость государств, ее составляющих. Так, ст. I устанавливала, что в Германский союз объединяются суверенные государи и вольные города¹³⁴; ст. II провозглашала целью федерации поддержание внешней и внутренней безопасности Германии, независимости и неприкосновенности входящих в федерацию государств. Суверенитет каждого из государств, составивших Германский союз, ограничивался лишь обязательством не вступать в союзы, направленные против федерации в целом или ее отдельных членов. Каж-

¹³⁴ См. Akten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815, Hrsg. von J. L. Klüber, Bd. II, Erlangen, 1815, S. 344

дое из германских государств имело в общегерманском союзном собрании (сейме) по одному представителю, но с разным количеством голосов¹³⁵ Австрия, Пруссия, Саксония, Бавария, Вюртемберг, Ганновер получили по четыре голоса; Баден, курфюршество Гессен, великое герцогство Гессенское, Гольштейн-Лауэнбург, Люксембург — по три голоса; Брауншвейг, Мекленбург-Шверин, Нассау — по два голоса; все остальные — по одному

Договор, заключенный государями и вольными городами, учредил союз 38 участников Председательство и главная роль в союзе принадлежали Австрии. Военные силы федерации состояли из отдельных армий, подчинявшихся каждая своему правительству; при определенных обстоятельствах они могли выступать вместе в различных комбинациях Основной связующей нитью между германскими государствами было право каждого из них в случае нападения на его территорию или угрозы нападения призывать на помощь федерацию. Специальная статья оговаривала значительные права знати

После долгих споров в конституцию была включена ст. XIII, по которой во всех государствах, входящих в Германский союз, должны были быть созданы представительные собрания¹³⁶, но о том, что должны были представлять эти собрания, ничего не было сказано

Против этой расплывчатой формулировки выступал Штейн 24 мая, на следующий день после оглашения Меттернихом проекта конституции, он писал, что создание провинциальных собраний одобрено российским императором в ноте от 11 ноября 1814 г., признано большинством князей, а между тем в проекте конституции содержится лишь крайне неопределенное предложение: «Во всех германских землях будут провинциальные собрания» — без указания их прерогатив, гарантий их существования «Таким образом, полностью отсутствует принцип, на который опираются политические учреждения нации»¹³⁷.

¹³⁵ Большой фактический материал по истории союзного собрания собран в работе F I l s e, Geschichte der deutschen Bundesversammlung, Bd 1—3, Marburg, 1861—1862

¹³⁶ Об этом см E R H ü b e r, Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 Bd I, Reform und Restauration 1789 bis 1830, Stuttgart, 1957, SS 556—558

¹³⁷ Памятная записка Штейна от 24 мая 1815 г (см F r e i h e r r v o m S t e i n Briefe und amtliche Schriften, Bd V, S 314)

Слабость союзного собрания, отсутствие федеральной армии, суда, единой денежной и таможенной системы — все это обеспечивало фактическую независимость германских государств Мнение германских государей выразил герцог Саксен-Веймарский, отмечавший с большим удовлетворением, что конституция «уважает права суверенных правителей Германии, обеспечивает их значение и увеличивает блеск».

Первые 21 наиболее важные статьи акта, установившего Германский союз, были включены в Заключительный акт Венского конгресса и превращены таким образом в составную часть общего переустройства Европы.

ИТАЛИЯ: РЕСТАВРАЦИЯ И ИНОСТРАННОЕ ГОСПОДСТВО

«Итальянского вопроса вообще не существует»¹, — заявил однажды Меттерних в разговоре с папским легатом Консальви. Однако на деле итальянский вопрос не только существовал, но и привлекал особое внимание Австрии. Истина заключалась в том, что решить его Австрия пыталась «приватным» образом, не привлекая к обсуждению другие державы.

Итальянский вопрос, как его понимали на Венском конгрессе, существенно отличался от германского. Статьи Парижского договора 1814 года, касающиеся Италии, означали возврат от происшедшего в какой-то мере фактического объединения страны в период наполеоновского господства к ее раздробленности. В договоре указывалось, что Италия, за исключением земель, которые долж-

¹ L. Rinaldi, *Corrispondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Passa nel Tempo del Congresso di Vienna (1814—1815)*, Torino, 1903, p. 5 (в дальнейшем I Rinaldi, *Corrispondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Passa*)

ны быть возвращены Австрии, будет образована из суверенных государств.

Великие державы исходили из этой предпосылки, и итальянский вопрос сводился для них к распределению и перераспределению земель между итальянскими и чужеземными династиями. Территориальный вопрос в Италии был запутанным, границы итальянских государств неоднократно менялись. Европейские же дипломаты игнорировали возникшее в Италии стремление к объединению, а свое желание восстановить отдельные государства изображали как заботу об их независимости². Италия была сферой столкновения интересов ряда держав.

Особую заинтересованность в итальянских делах проявляла Австрия, стремившаяся установить в Италии свое господство и подавить в ней всякие тенденции к объединению. Австрию активно поддерживала Англия.

Россия в условиях обострения англо-русских и австро-русских противоречий после окончания наполеоновских войн оказывала, правда иногда подспудное, противодействие политике Австрии и Англии. Линия русской дипломатии, в отличие от политического курса Австрии, а также Англии и Франции, не только на практике не была направлена против национального движения в Италии, а, наоборот, обращена против действий его активных противников³. В связи с этим значительный интерес представляет приводимое Берти донесение маркиза ди Галло, направленного с чрезвычайной миссией в Петербург. В этом донесении, относящемся к 20 мая 1799 г., дается общая оценка политики России в отношении Италии, которая сохраняла свое значение в течение нескольких

² В рамки данной работы, естественно, не может входить рассмотрение отношения отдельных государств Апеннинского полуострова и различных кругов итальянского общества к проблемам устоявшегося Италии после окончания наполеоновских войн. Автор, в частности, не касается вопроса о позиции итальянских демократов, который является предметом исследования современной прогрессивной итальянской историографии (см., например, Дж. Канделоро, *История современной Италии* т. I ИЛ, 1958).

³ См. Дж. Берти, *Россия и итальянские государства в период Рисорджименто*, ИЛ, 1959, гл. IV, V. Характеристику этой фундаментальной работы прогрессивного итальянского историка см. С. Д. Сказкин, Вступительная статья к указ. соч. Дж. Берти, стр. 5—15.

десятилетий. «Лишь одна Россия,— подчеркивал ди Галло,— может заставить Австрию считаться с другими точками зрения». Россия — «единственная держава, которая не думает и не может думать о территориальных приобретениях в Италии», она «весьма заинтересована в том, чтобы создать себе в Италии мощного и сильного союзника, не связанного с австрийским домом»⁴.

Политика России приводила даже к установлению контактов между русскими дипломатами и представителями тайных организаций в Италии. Следует, однако, отметить, что подлинная позиция русской дипломатии обычно не проявлялась открыто на Венском конгрессе, где представители России внешне демонстрировали осторожную политику в итальянском вопросе. Это в значительной мере определялось условиями дипломатической борьбы и нежеланием Александра I навлечь на себя упреки в измене принципам легитимизма. Реальная активность русского правительства в итальянском вопросе протекала главным образом вдали от Вены.

Вплотную к обсуждению итальянской проблемы великие державы приступили в Вене лишь в ноябре 1814 года: 5, а затем 11 ноября состоялись встречи четырех министров — Меттерниха, Каслри, Талейрана и Нессельроде, которые приняли решение о созыве совещания представителей восьми держав, подписавших Парижский трактат. Представитель Испании граф Лабрадор поставил под сомнение право отдельных держав решать вопрос о судьбе итальянских государств. Лабрадор предложил создать итальянский комитет, подобно тому, как был создан комитет по германским делам. Эту идею решительно отверг Меттерних. Италия, в отличие от Германии, заявлял он, является всего лишь «комбинацией независимых государств, связанных единым географическим названием»⁵. Поэтому не может быть и речи об обсуждении итальянского вопроса как такового. Каждое государство, утверждал Меттерних, представляет собой самостоятельную проблему, решать нужно судьбу каждого из них в отдельности, и лучше всего сделать это путем частных переговоров между заинтересованными дер-

⁴ См. Дж. Берти, Россия и итальянские государства в период Рисорджименто, стр. 180.

⁵ Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. II, p. 425.

жавами⁶. Лабрадор, добивавшийся передачи этого вопроса на обсуждение Конгресса, рассчитывал на поддержку Талейрана. Однако французский министр, обычно утверждавший, что только Конгресс в целом правомочен решать подобные вопросы, внес компромиссное предложение: обсуждать проблемы, касающиеся итальянских государств, на совещании восьми держав, рассматривая их последовательно, в географическом порядке, двигаясь с севера на юг. Создавая таким образом видимость уступки — соглашаясь на то, чтобы вопрос о Неаполе, более всего беспокоивший Францию, обсуждался в последнюю очередь,— французский дипломат рассчитывал выиграть время, чтобы тем увереннее вступить в игру. В письме Людовику XVIII он выражал убежденность в том, что позиция Франции в будущем укрепится⁷.

В результате единственным вопросом, обсуждавшимся официально, оказался генуэзский. Для его рассмотрения была создана специальная комиссия. Все остальное решалось в основном путем закулисных переговоров. Комитет по вопросу о герцогстве Тосканском, который несколькими неделями позже договорились создать, так ни разу и не собрался.

Страх перед начавшимся после разгрома наполеоновской армии в России подъемом национально-освободительного движения в Западной Европе был в числе главных факторов, определявших политику Австрии. Одной из своих важнейших задач Меттерних считал подавление освободительного движения и борьбу с идеей национального единства. Эта идея, по его словам, «тлела в Италии подобно огню под слоем пепла». Меттерних считал, что решающий удар объединительным стремлениям в Италии нанесет присоединение Ломбардии к австрийской монархии⁸. В Париже Меттерних добился удовлетворения этого требования. Отныне он мог действовать, опираясь на поддержку союзников.

⁶ Об этом требовании Меттерниха Талейран сообщил Людовику XVIII 6 ноября 1814 г. (см. Correspondance inédite., p. 101).

⁷ Талейран — Людовику XVIII 6 ноября 1814 г., Correspondance inédite., pp. 101—103.

⁸ См. донесение Консалви от 8 сентября 1814 г. (M. H. Weil, Joachim Murat, Roi de Naples. La dernière année de règne, Mai 1814—Mai 1815), vol. I, P., 1909, p. 332 (в дальнейшем: M. H. Weil, Joachim Murat..).

Когда депутация Милана обратилась к Меттерниху с просьбой помочь в создании независимого конституционного государства в Северной Италии, австрийский министр резко ответил, что говорить о независимости бесполезно, так как союзники решили вернуть Ломбардию и Венецию Австрийской империи. В таком же духе высказался и император Франц I, который отказался принять предложенный ему титул короля Италии и холодно разъяснил, что ломбардцы и без того являются его подданными по праву завоевания, а в «наполеоновском титуле» он не нуждается⁹.

Австрийская полиция беспрестанно получала донесения о «якобинских» заговорах, о растущей ненависти к Австрии в покоренных ею итальянских областях. Пытаясь подавить это движение, Меттерних предлагал Консальви, с которым, как и с представителем Пьемонта Сен-Марсаном, он часто обсуждал итальянские дела, создать «своего рода центральную полицию, в которую поступали бы донесения о всех заговорах и т. п.»¹⁰. В декабре 1814 года австрийской полицией были произведены многочисленные аресты среди сторонников объединительного движения¹¹; на высшие административные посты в Ломбардии и Венеции были назначены австрийцы. Все это вызвало рост недовольства в Италии.

Для того чтобы обеспечить австрийское господство в Италии, Меттерних считал необходимым сохранить ее раздробленность. Задача эта облегчалась тем, что в Италии не было ни одного государства, которое могло бы соперничать с Австрией по своему влиянию и значению (в отличие от Германии, где приходилось считаться с действиями Пруссии), и тем, что внутренние связи между итальянскими государствами были крайне слабы.

Требования Австрии в отношении Северной Италии полностью поддерживала Англия. Еще У. Питт (младший) в своих планах реконструкции Европы предусматривал передачу Австрии легатств и части Милана, а также полное ее господство на севере Италии, где Австрия могла бы поддерживать Пьемонтское королевство (усилен-

⁹ M. H. Weil, Joachim Murat, p. 87

¹⁰ I. Rinaldi, Corrispondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Rassa, pp. 6—7

¹¹ Талейран — Людовику XVIII 28 декабря 1814 г., Correspondance inedite, p. 204

ное за счет присоединения Генуи, части Милана и некоторых других земель), создавая вместе с ним противовес Франции¹². Эти планы как нельзя лучше «вписывались» в австрийскую схему «равновесия сил» в Европе и были приняты, хотя и с некоторыми изменениями, в Вене.

Во время войны идеи итальянского национального единства не встречали противодействия английских государственных деятелей, которые стремились использовать в своих целях усилившееся в стране недовольство наполеоновским господством¹³. Британский командующий войсками на юге Италии лорд Уильям Бентинк даже выступал с прокламациями, в которых призывал итальянцев к борьбе и намекал на возможность создания единой независимой Италии. Каслри указывал Бентинку, что поддержка движения за независимость, допустимая во время войны, нежелательна при новых обстоятельствах¹⁴.

Считая, что в Италии и где бы то ни было Англии нужно не восстание, а дисциплинированная сила и власть, которой она могла бы доверять, Каслри писал Ливерпулю, что политика Бентинка может привести к серьезным осложнениям¹⁵.

Когда ломбардская делегация, потерпевшая неудачу у Меттерниха и императора Франца, попыталась найти поддержку у английского министра, он заявил, что союз с Австрией не позволяет ему делать что-либо противоречащее взглядам австрийского двора. Австрия, утверждал он, имеет твердое правительство, которое уважает законы и не злоупотребляет военной силой, ломбардцы будут счастливы под его отеческим правлением¹⁶.

Ту же мысль Каслри подтвердил и в марте 1815 года, выступив в парламенте с заверением, что английское пра-

¹² См. C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh, p. 59

¹³ О недовольстве в Италии французским господством сообщает например, участник антинаполеоновского движения в Тироле граф Лейнингенский, который уже в начале 1812 года отмечал, что в Вальтеллине северной части Миланской области, в Римской области, Пьемонте «ярко выражено всеобщее стремление освободиться от ила Франции» (см. «Внешняя политика России», т. VI, стр. 296). После разгрома наполеоновской армии в России антинаполеоновские настроения в Италии резко усилились.

¹⁴ Каслри — Бентинку 7 мая 1814 г., British Diplomacy, p. 181

¹⁵ Каслри — Ливерпулю 5 мая 1814 г., там же, стр. 180

¹⁶ См. N. Bianchi, Storia documentata della Diplomazia Europea in Italia dall'anno 1814 all'anno 1861, vol. I. Anni 1814—1820, Torino, 1865, p. 341.

вительство никогда не имело намерения создать независимую Италию, что итальянцы и без того должны быть благодарны союзникам за свое освобождение от ига Наполеона «Ни один человек, знакомый с положением в Европе, ни сейчас, ни прежде не мог предположить, что наш союз с Австрией допускает возможность поддержки независимой Италии как отдельного королевства»¹⁷

Не испытывая такого страха, как Австрия, перед освободительным движением в Италии, Англия, тем не менее, внесла своими действиями немалую лепту в дело его удушения. В итальянской политике, как и в ряде других вопросов, Каслри исходил прежде всего из необходимости установления «равновесия сил» — системы, для создания которой был необходим союз Англии с усиленной Австрией и в которой не могло быть места единой Италии.

Усилению австрийского влияния пыталась сначала противиться Франция, но заинтересованность французского королевского двора в поддержке со стороны Австрии против Мюрата заставила его пойти на уступки в Северной Италии.

Хотя судьба итальянских государств в Италии была в основном предрешена уже Парижским договором, Вена стала ареной длительных споров и борьбы между европейскими державами за влияние на Апеннинском полуострове, итальянские же государства стремились заручиться поддержкой в своих попытках освободиться от чужеземного контроля.

В Париже было определено будущее Генуи договором 30 мая 1814 г предусматривал ее присоединение к Сардинскому королевству. Питт, выдвигавший эту идею, исходил из того, что усиление Пьемонта необходимо для противодействия французской экспансии в Италии; что касается Генуи, то она слишком слаба для самостоятельного существования, длительное чужеземное владычество так сказалось на ней, что невозможно думать о возвращении ей свободы.¹⁸

Эти соображения последовательно отстаивал в Париже Каслри. Помимо указанных мотивов Геную хотели отдать Сардинскому королевству и с тем, чтобы прими-

¹⁷ R. S. Castlereagh, *Memoirs and Correspondence* vol. I, 1848, p. 35

¹⁸ См. C. K. Webster *The Foreign Policy of Castlereagh*, pp. 56-58

рить его с потерей части Савойи, которая отходила к Франции.

Политика европейских держав встретила сопротивление со стороны временного правительства Генуи, стремившегося к восстановлению независимой Генуэзской республики. 4 октября 1814 г представители Генуи обратились к послам и министрам союзных держав с заявлением о том, что присоединение Генуи к Сардинскому королевству совершенно не соответствует тем принципам, которые союзники провозглашали во время войны. Перед лицом всей Европы обещали они восстановить разрушенное, вернуть независимость угнетенным. И вот теперь, когда народ с надеждой смотрит в будущее, Конгресс перечеркивает все эти обещания и надежды.¹⁹ Зло, неотделимое от власти чужеземной, ляжет тяжестью на сердца генуэзцев и будет встречено недоброжелательно, продолжали они. Интересы военной и аграрной державы прямо противоположны интересам страны торговой, каковой является Генуя. Нация обращается к министрам и к королю Сардинии, которые знают, что «могущество государства определяется не его протяженностью, а привязанностью и верностью его подданных»²⁰. Дав понять таким образом, что королю Пьемонта не приходится рассчитывать на лояльность генуэзцев, авторы заявления обращаются к союзным державам с просьбой: если республиканская форма, наиболее подходящая для маленького торгового государства, не соответствует общей системе реконструкции Европы, то пусть они, (те державы), по крайней мере, сохранят независимость Генуи и поставят во главе ее собственного государя, связанного с другими правящими домами Италии.²¹ Заявление было подписано президентом временного правительства Генуи Серра, секретарем Грокко и представителем Генуи в Вене де Бриньольем.

В ноябре, когда генуэзский вопрос уже обсуждался представителями восьми держав и было ясно, что обращение к великодушию союзников действия не возымело, де Бриньоль вновь направил послам и министрам ноту. Присоединение Генуи не принесет Сардинскому королев-

¹⁹ Представители Генуи — полномочным представителям союзных держав АВПР ф. Канцелярия, д. 11761, л. 2

²⁰ АВПР ф. Канцелярия, д. 11761, л. 3

²¹ Там же л. 2

ству реального усиления, писал он, так как население ее будет настроено враждебно к навязанному ему государю Пьемонтско Сардинское королевство хотя и укрепитя, но не достаточно, чтобы проводить полностью самостоятельную политику. Однако претензии его неизбежно возрастут, и оно непременно попытается захватить расположенную рядом плодородную Савойю. Мир в Европе будет нарушен. Сохранение же политического существования Генуи укрепит повсюду спокойствие.²²

Генуэзский представитель не ограничивается политическими доводами. Сохранение независимости Генуи, указывает он, диктуется также и коммерческими соображениями. Порт Генуя во все времена играл важную роль в торговле на Средиземном море и был одним из главных пунктов английской торговли в Италии. Во время войны Генуя была открыта для судов всех стран и являлась посредником в обмене всякого рода товарами между воюющими государствами. Если такой город попадет в руки военной державы, он не сможет более способствовать развитию международной торговли.²³

Нота эта была вручена Нессельроде с просьбой представить ее всем послам и министрам на Конгрессе.

Со своей стороны, и Сардинское королевство стремилось воздействовать на союзные державы. В ноте от 17 октября 1814 г., направленной Нессельроде, доказывается необходимость увеличения территории Сардинии тоже, разумеется, «в интересах всеобщего мира». Расположенная у самых Альп, служащая посредником между двумя державами (Австрией и Францией), заинтересованными в Италии, Сардиния должна держаться в своих руках все ключевые позиции, ведущие туда. Поскольку одна из таких держав (имеется в виду Австрия) значительно усилится благодаря крупным приобретениям, в интересах общего равновесия должна быть увеличена и держава-посредница охранять Альпы может лишь государство сильное и независимое.²⁴

Сардинский король проявляет своеобразную «заботу» и о Генуе, которая «нуждается в твердом правлении,

²² Нота де Бриньоля от 23 ноября 1814 г. АВПР ф. Канцелярия д. 11761 лл. 8—9.

²³ См. АВПР ф. Канцелярия д. 11761, л. 10.

²⁴ Нота Пьемонта от 17 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11760, л. 1.

опирающемся на лучшие принципы». Самое естественное, считает он, передать ее государю, который «полностью предан великим союзным державам, единственная цель которого — поддерживать их всеми своими силами и средствами»²⁵. К ноте была приложена карта Савойи²⁶ с указанием границ, установленных Парижским договором, и соображениями сардинского правительства по поводу их возможного «исправления»²⁷.

С большим вниманием за политикой Сардинского королевства следила Франция. Французский посол в Турине маркиз д'Осмонд уведомлял правительство о всех колебаниях в настроении пьемонтского королевского двора.

Австрия рассчитывала найти союзника в лице сардинского короля Виктора Эммануила I, тем более что его политика отличалась крайним консерватизмом.

Расширение и усиление Сардинского королевства, казалось, было в интересах Австрии и еще по одной причине. Ни у Виктора Эммануила, ни у его брата Карла Феликса не было сыновей. Хотя наследование по женской линии было запрещено, многие полагали, что Виктор Эммануил, находившийся в весьма натянутых отношениях со своим ближайшим родственником и возможным наследником Карлом Альбертом, изменит закон, с тем чтобы передать корону своей дочери Марии Беатрисе, бывшей замужем за австрийским эрцгерцогом Францем Габсбургом. Австрийские политики рассчитывали, что таким образом со временем Верхняя Италия окажется также в руках Австрии.

Меттерних во время войны 1813 года всячески поддерживал надежды Пьемонта на расширение территории — даже за счет Ломбардии — вплоть до реки Минчо. Предвкушая получение Генуи, Пьемонт действительно выступал совместно с Австрией. Однако в дальнейшем он «вышел из повиновения» и уже без прежней готовности встречал австрийские проекты. Неприязнь туринского правительства к Австрии не могла остаться незамеченной для внимательных наблюдателей. Русский посол в Пьемонте князь Козловский, поддерживавший постоянные связи с тайными обществами в Италии, считал, что

²⁵ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11760 л. 2.

²⁶ Там же т. 4 (описание карты).

²⁷ Правительство Пьемонта — Нессельроде 22 ноября 1814 г. АВПР ф. Канцелярия д. 11760 лл. 5—6.

антиавстрийские настроения итальянцев могут быть использованы в интересах России. На Россию возлагали надежды многие участники итальянских тайных обществ.

В этом отношении любопытно письмо, переданное через русского посла в Лондоне Ливена Александру I и Фридриху Вильгельму III членами тайного Комитета освобождения Италии, эмигрировавшими в Лондон²⁸. В этом письме русскому императору и прусскому королю предлагалось поддержать освободительное движение в Италии. Заговорщики уверяли, что в их распоряжении имеется 375-тысячная армия, 500 тыс. человек для поддержания внутреннего порядка и около 2 млн. сторонников, которые по первому сигналу займут все крупные города и австрийские коммуникации. «Нашей границей будут Альпы, императором — король Сардинии, папа сохранит только духовную власть, все остальные государства будут изгнаны из нашей страны», — восклицают они. Присоединение России и Пруссии обеспечит победу над австрийцами, после чего будет произведен следующий раздел: вся Галиция и территория Венгрии по левому берегу Дуная отойдут к России; Силезия, Моравия и часть австрийского эрцгерцогства — к Пруссии; все земли между Альпами и Дунаем — к прежнему королю Неаполя или его сыну взамен Сицилии, которая войдет в Итальянскую империю.

Авторы письма указывают, что его следует рассматривать лишь как предварительный набросок плана, который они представят царю, если «богу будет угодно, чтобы он порвал с этими австрийцами, которые тиранят нас больше, чем даже французы». Подробностей, с которой излагается этот «предварительный план», свидетельствует о том, что расчеты на помощь России и Пруссии были вполне серьезными.

Козловский подчеркивал, что отдалением Пьемонта от Австрии может воспользоваться Франция, которая постарается привлечь его на свою сторону. Он предлагал заключить с Пьемонтом торговый договор, снабдив его секретными статьями, в которых савойскому дому будет обещана поддержка российского императора; король же должен дать обязательство не заключать никаких союзов в ущерб России. Посол просил дать ему подробную ин-

струкцию, на основании которой он мог бы немедленно начать подготовку соглашения. В частности, его интересовало, следует ли активно противодействовать сближению между Туринем и Парижем и с министрами каких государств следует объединять свои действия²⁹.

Необходимые указания были даны 19 марта 1815 г. К инструкциям прилагался проект соглашения между Россией и Пьемонтом³⁰. Следует также, указывалось в инструкции, успокоить короля по поводу Алессандрии, которая все еще находится в руках Австрии. «Не уточняя ничего в этом отношении, Вам следует отвечать, что император стоит за выполнение Парижского трактата и не преминет выступить в защиту прав короля на этот город... Но в момент, когда Австрии угрожает война в Италии, спокойствие последней зависит от нахождения в руках Австрии этой крепости, которую Сардинский король не в состоянии сам защитить»³¹.

Вместе с тем многие русские дипломаты в это время и позднее считали, что политика Австрии вообще не заслуживает доверия³².

По планам, которые разрабатывали австрийские военные, Пьемонт должен был явиться опорой для австрийских войск в их борьбе против армии Наполеона в период «ста дней»³³.

Но даже перед лицом новой опасности со стороны Франции в июне 1815 года, когда войска Наполеона предприняли атаку в Савойе, туринское правительство не пожелало пропустить австрийскую армию на свою территорию, заявляя, что Пьемонт может сам оказать сопротивление. Военные силы Пьемонта весной 1815 года составляли не менее 30 тыс. человек; считалось, что в случае необходимости они могут быть доведены до 50 тыс. Однако, как сообщает тот же Козловский, пьемонтская

²⁹ Козловский — Нессельроде 4 (16) февраля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11290, лл. 2—4

³⁰ Инструкция Нессельроде Козловскому, АВПР, ф. Канцелярия, д. 11291, л. 4

³¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11291, л. 5

³² Русский государственный деятель и дипломат Кочубей — Штейну 1 (13) мая 1816 г., Переписка М. Ф. Орлова со Штейном. Материалы из западногерманского Steinisches Archiv (микрофильм).

³³ См. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 4215, л. 89 — «План Шварценберга», от 28 апреля 1815 г.

²⁸ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 7737, лл. 4—8

армия оказалась не в состоянии сдержать натиск наполеоновских войск «Войска в Савойе опрокинуты и взяты в плен, — пишет он. — Рассчитывать на активное содействие этой армии — иллюзия»³⁴.

Уже после подписания заключительного акта Конгресса Меттерних пытался создать «оборонительный союз» для Италии и привлечь к нему также Пьемонт. Но австрийское правительство так и не сумело убедить Сардинское королевство в выгоде для него этого союза.

Прекрасно понимая истинную цель Австрии — получить преобладающее влияние в Италии и возможность полностью ее контролировать, король Виктор Эммануил выдвинул ряд контрпредложений, которые должны были сорвать австрийские замыслы. Суть этих контрпредложений сводилась к признанию за сардинским королем положения, равного положению австрийского императора; срок действия союза король предлагал ограничить десятью годами.

Наконец, в качестве платы за согласие участвовать в союзе король Пьемонта попытался выторговать изменение франко-пьемонтской границы, чего ему не удавалось добиться ранее. Соглашение так и не состоялось, хотя Меттерних возвращался к этим планам вплоть до 1820 года³⁵.

Талейран одобрял аннексию Генуи Сардинским королевством из соображений, прямо противоположных австрийским. Он полагал, что это поможет воспрепятствовать усилению позиций Австрии в Италии, а именно это Франция считала основной своей задачей в итальянских делах. Талейран старался доказать Меттерниху, что установление господства Австрии на Аппенинском полуострове может обернуться против нее самой, так как это вызовет усиление национального движения в стране. Приобретая немного, Австрия рискует потерять все, доказывал он. Поэтому гораздо целесообразнее сохранить полную самостоятельность Пьемонта и разделить Италию на несколько независимых государств. Талейран опасался

³⁴ Козловский — Нессельроде 5 (17) июня 1815 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11290, л. 45.

³⁵ См. K. Grossmann, Metternichs Plan eines italienischen Bundes, «Historische Blätter», Wien, 1931, N 4, SS 58—59.

также, что Австрия попытается оказать давление на Пьемонт и добиться изменения закона о наследовании³⁶.

Опасения Франции уменьшились лишь тогда, когда порядок наследования по мужской линии в Сардинском королевстве был закреплен Венским конгрессом³⁷.

Ход обсуждения вопроса о Генуе показал всю тщетность надежд генуэзского правительства. 6 декабря оно еще раз заявило протест против нарушения прав своего города. Генуэзское правительство сообщило, что при сложившихся обстоятельствах считает себя обязанным сложить свои полномочия. При этом оно заверило, что «все учреждения Генуи будут по-прежнему выполнять свои функции, также будет вестись и торговля; народ сохранит спокойствие и в этих трагических условиях заслужит своим отношением уважение государя, который станет его правителем, и внимание государств, которые примут участие в решении его судьбы»³⁸.

В упоминании анонимного «государя» сквозит еще слабая надежда на то, что державы ограничатся уничтожением в Генуе республиканского строя и поставят во главе государства монарха, не присоединяя Геную к Пьемонту. Понимая, однако, что надежды эти построены на песке, де Бриньоль требовал, чтобы в случае передачи Генуи Сардинскому королевству для нее была введена особая конституция внутри королевства.

Наконец, 10 декабря де Бриньоль еще раз выступил с декларацией, повторявшей все основные положения прежних генуэзских заявлений и нот, и настаивал на внесении ее в протокол Конгресса³⁹.

Неожиданную поддержку Генуя встретила со стороны вигской оппозиции в Англии, резко осудившей уничтожение древней республики⁴⁰. Тори же поддерживали политику, проводившуюся Каслри, и выступали за усиление Сардинского королевства. Для английского министра

³⁶ Талейран — Людовику XVIII 12 ноября 1814 г., Correspondance inédite, p. 115, Людовик XVIII — Талейрану 22 ноября 1814 г., там же, стр. 136.

³⁷ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. III, p. 1423.

³⁸ Декларация правительства Генуи от 6 декабря 1814 г., АВПР ф. Канцелярия, д. 11650, л. 6.

³⁹ Декларация адресована министрам держав, представленных на Конгрессе (см. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11761, л. 13).

⁴⁰ См. речь Макинтоша в парламенте 27 апреля 1815 г., British Diplomacy, pp. 404—405.

присоединение Генуи к Сардинскому королевству важно было, разумеется, отнюдь не с точки зрения единства Италии, а как средство установления политического «равновесия сил» в Европе (конечно, в его английском понимании). Выступая в роли защитника «интересов Европы», Каслри утверждал, будто Англии было бы выгоднее сохранить Геную как независимую республику (на это, как говорилось выше, указывали и генуэзские дипломаты), но ради общей безопасности она готова пожертвовать своими интересами⁴¹.

В действительности независимость Генуи серьезного значения для Англии не имела, поскольку порт Генуи оставался открытым — на этом Каслри настаивал с самого начала переговоров⁴².

Реальной помощи от кого бы то ни было Генуе ожидать не приходилось. Дни Генуэзской республики были сочтены. Вопрос был решен задолго до окончания работы Конгресса, и заключительный акт подтвердил секретную статью Парижского договора: Генуя перешла под власть Сардинского королевства, и лишь порт Генуи оставался открытым, причем великие державы заявили о гарантии политических и коммерческих интересов города.

Если решение генуэзского вопроса прошло без особых осложнений, то совершенно иное положение было с Неаполем, который задолго до Конгресса стал центром борьбы противоположных взглядов и устремлений великих держав.

Австрия еще в 1813 году вела переговоры с Мюратом, королем Неаполя, и рассчитывала в случае необходимости на его военную помощь. Сближение это привело к заключению договора 11 января 1814 г., в секретных статьях которого Австрия в награду за военную поддержку гарантировала Мюрату неаполитанскую корону и обещала добиться для него территориальных приращений (с населением в 400 тыс. человек) за счет Папской области, а также склонить в пользу Мюрата остальных союзников⁴³.

Совершенно иной была позиция Франции, добивав-

⁴¹ См. R. S. Castlereagh, *Memoirs and Correspondence*, vol. 1, p. 44.

⁴² См. Талейран — Людовику XVIII 6 ноября 1814 г., *Correspondance medite*, pp. 102, 112.

⁴³ См. Памятную записку Гентца от 12 февраля 1815, *Aus Mettermich's nachgelassenen Papieren*, T. I, Bd. 2, SS. 499—500.

шейся изгнания Мюрата и восстановления в Неаполе власти «легитимного» короля Фердинанда IV Бурбона, который сохранял за собой Сицилию. Правда, Австрия утверждала, что Франция по Парижскому договору молчаливо признала и неаполитанского короля, однако французские государственные деятели придерживались другого мнения.

Уже при обсуждении процедуры Венского конгресса Талейран предложил исключить из числа участников представителей Мюрата⁴⁴.

Англия, долгое время занимавшая двойственную позицию и не связывавшая себя никакими договорами с Мюратом, заключила, однако, с ним перемирие и во время войны рассматривала его как союзника⁴⁵.

В конце августа 1813 года Каслри узнал от Мюнстера о переговорах Австрии с Мюратом. Поскольку Великобритания была связана обязательствами в отношении Сицилии и поддерживала стремление Бурбонов вернуть себе Неаполь, Каслри уполномочил лорда Эбердина, только что назначенного английским послом в Австрии, предложить предоставить Мюрату компенсацию в другой части Италии. Однако в секретной депеше Эбердин получил разрешение — в том случае, если этот план провести не удастся, — согласиться на другой вариант: оставить Мюрата в Неаполе, предоставив вознаграждение Фердинанду⁴⁶. Под нажимом Меттерниха Эбердин очень быстро сдал позиции и заверил австрийского канцлера, что Англия согласится закрепить Неаполитанское королевство за Мюратом⁴⁷. Каслри не предполагал так быстро пойти на уступки, но от обещаний, данных Эбердином, не отказался, поставив, однако, условием активную помощь Мюрата союзникам⁴⁸.

Между тем в Сицилии развернул активную деятельность лорд Бентинк. Не скупясь на обещания, он объяв-

⁴⁴ См. Талейран — Людовику XVIII 4 октября 1814 г., *Correspondance medite*, p. 12; Каслри — Ливерпулю 9 октября 1814 г., *British Diplomacy*, p. 202.

⁴⁵ См. R. M. Johnston, *Lord William Bentinck and Murat*, «*English Historical Review*», 1904, vol. XIX, No. 74, pp. 263—280.

⁴⁶ Каслри — Эбердину 6 августа 1813 г., *British Diplomacy*, pp. 94—95.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 102.

⁴⁸ Каслри — Эбердину 15 октября 1813 г., *British Diplomacy*, pp. 102—104.

лял себя чуть ли не сторонником объединения Италии, добивался введения в Сицилии конституции по английскому образцу⁴⁹. В Англии Бентинка поддерживала вигская оппозиция, одобрявшая его «либеральную» политику. Действия Бентинка беспокоили Каслри, который готов был во время войны в известных пределах использовать либеральные лозунги, но был далек от мысли об их осуществлении. В конституции, предложенной Бентинком, он видел лишь опасный шаг, совсем не входивший в его планы. Но «либерализм» Бентинка не помешал ему выступить однажды с предложением присоединить Сицилию к британским владениям. «Европейские державы, — писал по этому поводу Ливерпуль, — особенно ревниво относятся к усилению нашего влияния на Средиземное море. Обстоятельства заставляют их мириться с господством Англии на Мальте, но овладение Сицилией... вызовет общее возмущение»⁵⁰.

Против Бентинка выступал австрийский посол в Неаполе, обвинявший британского командующего в разжигании мятежных настроений.

Бентинк резко осуждал договор между Австрией и Мюратом, предостерегая от предоставления слишком большой власти неаполитанскому королю, которого итальянцы наверняка предпочтут австрийцам и который легко может из скромного союзника Австрии превратиться в полновластного господина всего Апеннинского полуострова.

Собирался ли Меттерних поддерживать длительный союз с Мюратом? Первоначально он рассчитывал использовать Мюрата для борьбы с Наполеоном, затем — против Бурбонов. Он считал, что заключенное в январе соглашение поставит Мюрата в зависимость от Австрии, заставит искать ее поддержки. Еще существеннее было то, что изгнание Мюрата из Неаполя означало бы возвращение Бурбонов и, следовательно, усиление в Южной Италии влияния Франции, против которого Австрия вела длительную борьбу. Но и Мюрат не казался безобидным.

⁴⁹ Cp. H. M. Lackland, *The Failure of the Constitutional Experiment in Sicily, 1813—1814*, «English Historical Review», 1926, vol. 41, No 162, pp. 210—235.

⁵⁰ Ливерпуль — Каслри 11 марта 1814 г. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 526, Appendix B.

Меттерних опасался, что этот «наполеоновский офицер» встанет во главе объединительного движения в Италии. Во всяком случае, во время парижских переговоров Австрия не предприняла решительно ничего для выполнения своих обещаний Мюрату.

Не было расположено поддерживать его и английское правительство. 26 апреля 1814 г. Ливерпуль писал Каслри: «Самый трудный вопрос — о Неаполе — не следует решать, пока не придем к определенному соглашению; меня удовлетворяет, что ни Франция, ни Испания при настоящих обстоятельствах никогда не захотят и не смогут дать согласия на оставление Мюрата. Мы должны повести за собой в этом вопросе Австрию»⁵¹.

В мае 1814 года, в разгар переговоров, он снова пишет министру в Париж: «.. Меня очень тревожит, чтобы в договоре не было признания Мюрата королем Неаполя... Если этот вопрос не может быть решен удовлетворительно, я надеюсь, что по крайней мере в договоре ничего не будет об этом сказано, и решение вопроса будет отложено на будущее»⁵².

Действительно, решение этого острого вопроса было перенесено в Вену. Здесь Меттерних делал все от него зависящее, чтобы оттянуть обсуждение неаполитанского вопроса, как, впрочем, и всей итальянской проблемы, до благоприятного момента. 5 ноября на совещании с Каслри, Талейраном и Нессельроде он предложил вообще изъять этот вопрос из повестки дня Конгресса, с тем чтобы решить его путем частных переговоров. Стараясь успокоить Талейрана, который настаивал на немедленном принятии мер против Мюрата, Меттерних уверял, что сам ход событий естественно и неизбежно приведет к восстановлению в Неаполе Бурбонов⁵³. В отличие от французского министра, он был против решительных действий в отношении неаполитанского короля — отчасти потому, что вынужден был до какой-то степени считаться с договором 11 января, и отчасти потому, что изгнание Мюрата представлялось делом совсем не легким и Австрия не ре-

⁵¹ Ливерпуль — Каслри 26 апреля 1814 г. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, pp. 537—538, Appendix B.

⁵² Ливерпуль — Каслри 16 мая 1814 г. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 543, Appendix B.

⁵³ Талейран — Людовику XVIII 6 ноября 1814 г. *Correspondance inedite*, p. 101.

шалась братья за это одна, а допускать французские войска в Италию было не в ее интересах⁵⁴. Мало устраивала Австрию и перспектива воцарения в Неаполе Бурбонов. Опасался, наконец, Меттерних и того, что всякое выступление против Мюрата лишь подтолкнет его к объединению всех недовольных элементов в Италии и к попытке создания независимого Итальянского королевства. Эту точку зрения разделял и Гентц, принимавший активное участие в обсуждении итальянских дел⁵⁵.

Честолюбивый Мюрат действительно мечтал об итальянской короне⁵⁶, а его приверженцы заявляли, что за королем Иоахимом I идет вся Италия⁵⁷.

Характерен в этом отношении памфлет, который вышел в 1814 году в Париже под названием «Неаполитанские Бурбоны и размышления неаполитанца»⁵⁸. Автор памфлета доказывал, что сохранение Неаполитанского королевства за Мюратом поможет обеспечить мир и что военные действия против него могут привести к возобновлению войны со всеми тяжкими последствиями «Иоахим I по своему рангу связан с интересами государей, но его особое положение связывает его с интересами революции. Нападение на него заставит его возглавить эти новые и ужасные интересы, Италия будет охвачена огнем который тлеет и в ней, и во всей Европе»⁵⁹. В памфлете содержалось также утверждение, что результаты войны не служат основанием для свержения монарха, которое может быть оправдано лишь чрезвычайными обстоятельствами. Прекращение враждебных действий ведет обычно к восстановлению прежних отношений между государями, и союзные державы не имеют ни малейшего основания ставить под вопрос политическое существование Мюрата

⁵⁴ Даже значительно позднее, в феврале 1815 года, австрийский император заявлял, что не допустит вступления чужеземных войск на территорию Италии и всякую попытку подобного рода будет рассматривать как враждебный акт (см. ноту Меттерниха Талейрану от 25 февраля 1815 г., *Correspondance inedite*, p. 303).

⁵⁵ Памятная записка Гентца от 12 февраля 1815 г., *Aus Metternich's nachgelassenen Papieren*, T I, Bd II, S. 501.

⁵⁶ *Ср. A. Valente, Gioacchino Murat e l'Italia meridionale*, Torino, 1941.

⁵⁷ *См. I. Rinaldi, Correspondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Rasca*, p. 213.

⁵⁸ Памфлет сохранился в Архиве внешней политики России, ф. Канцелярия, д. 8300, лл. 202—245.

⁵⁹ Там же, л. 202.

(исключение может составить лишь Англия, поскольку она никогда официально его не признавала). Более того, европейские государи обязаны защищать короля Иоахима, если Фердинанд будет ему угрожать, как должны были бы защищать его от Наполеона, если бы тот сохранил власть⁶⁰.

Не рискуя на открытое выступление против неаполитанского короля, считая Неаполь миной, которая в любую минуту может взорвать Италию и всю Европу, Меттерних, тем не менее, все более приходит к убеждению о необходимости тем или иным способом избавиться от Мюрата. Уже в сентябре 1814 года он дал понять Мюрату, что готов согласиться с «единодушным требованием Европы»⁶¹. Все же во время Конгресса он предпочел занять выжидательную позицию и не делал определенных заявлений ни в пользу Мюрата, ни против него. В неофициальной же беседе с сардинским послом Сен-Марсаном он сказал, что «отдал бы что угодно за известие, что Фердинанд IV восстановлен на неаполитанском престоле»⁶². Но договор с Мюратом оставался пока в силе, Австрия — единственная из держав, представленных на Конгрессе, — признала полномочных представителей Неаполя — герцога Кампокьяро и князя Карриати.

Политика проволочек, проводившаяся Меттернихом, приводила в негодование Талейрана⁶³. Он требовал, чтобы Конгресс немедленно занялся Мюратом.

Если решить все остальные вопросы, касающиеся Италии, вернуть владения их прежним, «законным государям» и таким образом «организовать Италию», то Мюрат, как полагал Талейран, потеряет всех своих сторонников и не будет представлять никакой опасности, «на него будут смотреть просто как на разбойника»⁶⁴. Опе-

⁶⁰ *См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 8300, лл. 223—224.*

⁶¹ Веллингтон — Каслри 12 октября 1814 г., *R. S. Castlereagh, Memoirs and Correspondence*, vol. X, p. 114.

⁶² *M. H. Weil, Le Revirement de la politique autrichienne à l'égard de Joachim Murat et les négociations secrètes entre Paris et Vienne*, «Biblioteca di Storia Italiana Recente» 1800—1870, vol. II, 1909, p. 395 (в дальнейшем *M. H. Weil, Le Revirement de la politique autrichienne*).

⁶³ Талейран — Людовику XVIII 15 ноября 1814 г., *Correspondance inedita*, p. 171.

⁶⁴ Талейран — Людовику XVIII 6 ноября 1814 г., *Correspondance inedita*, p. 102.

рируя своим излюбленным принципом легитимизма, Талейран попутно доказывал необходимость сохранения раздробленности Италии, ибо нет ни одной королевской династии, которая была бы признана всей Италией, как Бурбоны во Франции⁶⁵. В то же время он требовал, чтобы Австрия либо официально провозгласила реставрацию Фердинанда IV, либо предприняла военное вторжение в Неаполь, либо, наконец, прибегла к обоим мерам одновременно.

Меттерних же не хотел заниматься Неаполем до тех пор, пока не будет решен саксонский вопрос. Не желая отталкивать Францию, он в конце концов дал Талейрану заверения, что Мюрат будет изгнан, но при этом не уточнил сроки и не указал, каким способом это будет сделано. На позицию австрийского канцлера повлияло и то, что министр Людовика XVIII Блака вступил с ним в непосредственные переговоры помимо Талейрана и намекнул, что если Австрия перестанет противиться свержению Мюрата, то французский король будет склонен согласиться на значительные территориальные уступки Австрии в Северной Италии⁶⁶.

Тем не менее Меттерних советовал и Людовику XVIII проявить благоразумие и терпеливо ожидать решения Конгресса. Если это решение будет благоприятным, то есть Мюрат не будет признан, Австрия охотно обсудит с Францией методы и формы его свержения. Прибегать же до окончания Конгресса к крайним мерам неразумно, так как трудно даже предвидеть ту опасность, которая может возникнуть в случае военных действий в Италии. В своем стремлении урезонить Францию Меттерних прибегал к тем же самым угрозам, которые пускал в ход Талейран, желая припугнуть Австрию: огонь национального движения может быстро охватить всю Италию и перекинуться во Францию⁶⁷. А поэтому самое главное — не допустить в Италии никаких волнений. Австрия хотела выступить в роли «защитницы мира» и по возможности без каких-либо серьезных военных столкновений пу-

тем дипломатических комбинаций укрепить свое господство на Апеннингах.

Британские политики, ничего не имевшие против свержения Мюрата, тоже предпочитали не вмешиваться открыто и предоставить практические действия другим. Готовясь к отъезду в Вену, Каслри обсуждал этот вопрос с Веллингтоном (в то время английским послом во Франции) и просил его уточнить позицию французского двора. Его интересовало, намерена ли Франция ограничиться отказом признать Мюрата или готова будет применить оружие для восстановления в Неаполе власти сицилийского короля⁶⁸. В инструкции Коурту, сменившему в Сицилии Бентинка, Каслри говорил о необходимости реставрации в Неаполе сицилийских Бурбонов⁶⁹. Для обоснования этой цели он старался подобрать наиболее убедительные доказательства предательства Мюрата по отношению к союзникам⁷⁰. Веллингтон также настаивал на открытом заявлении о вероломстве неаполитанского короля. Сицилийский король с нетерпением ожидал исхода дела. Теряя надежду на быстрое решение вопроса западными державами, он обратился за помощью к России. 10 декабря 1814 г. его представитель Серракаприола направил Нессельроде письмо⁷¹, в котором напоминал, что Фердинанд IV всегда был верен союзникам; в 1805 году, несмотря на то что вражеские войска находились в его стране, он охотно пошел на заключение союза с Россией, предложенного Александром I. Теперь, когда общий враг разбит и все короли восстанавливают свои владения, он надеется, что и по отношению к нему будет проявлена справедливость и российский император не откажет ему в содействии.

Благоприятный ответ не замедлил последовать. Уже 19 декабря Серракаприола благодарит Нессельроде за письмо, выражающее расположение Александра к сици-

⁶⁸ Каслри — Веллингтону 7 августа 1814 г., *British Diplomacy*, p. 189

⁶⁹ См. R. S. Castlereagh, *Memoirs and Correspondence*, vol. X, p. 114

⁷⁰ Каслри — Ливерпулю 18 декабря 1814 г., *British Diplomacy*, p. 261

⁷¹ Серракаприола — Нессельроде, АВПР, ф. Канцелярия, л. 11765, лл. 1—3

⁶⁵ См. M. H. Weil, *Joachim Murat*, vol. I, p. 593

⁶⁶ Письма Блака от 12 ноября и 23 декабря 1814 г., M. H. Weil, *Joachim Murat*, vol. II, pp. 146, 251

⁶⁷ Секретное послание Меттерниха Людовику XVIII от 13 января 1815 г., направленное через австрийского посла в Париже Бомбея, M. H. Weil, *Le revirement de la politique autrichienne*, p. 406

лийскому двору⁷². Фердинанд IV также с удовлетворением отмечал интерес, проявленный царем к его делам, и выражал уверенность, что, как только Александр получит отчет о поведении Мюрата и его интригах в Италии, он удвоит энергию для восстановления прав сицилийского короля на Неаполь⁷³.

Рассчитывая на доброжелательное отношение России, сицилийское правительство снова обратилось к ней в феврале 1815 года. Серракаприола писал Нессельроде, что ему с каждым днем представляется все более полезным предложение последнего обратиться к Каслри с просьбой о том, чтобы обсуждение вопроса о Неаполе было начато до его отъезда из Вены. Это ему кажется особенно необходимым после того, как Меттерних, неизвестно на каком основании, заявил, что дело о Неаполе должно рассматриваться не Конгрессом, а заинтересованными державами. Серракаприола просил Нессельроде переговорить с английским министром, чтобы установить согласие и лишить Австрию возможности поступать в таком важном деле по своему капризу⁷⁴. Но как ни пытался престарелый король Сицилии ускорить ход событий, до развязки было еще далеко.

Представители Мюрата в Вене хорошо понимали, каково отношение великих держав к их королю. Всемерно стараясь упрочить его положение, они при откровенно враждебной позиции Франции и Испании пытались заручиться поддержкой Англии.

Действительно, некоторые английские деятели считали, что восстановление Бурбонов означало бы усиление французского влияния на юге Италии, а этого они хотели избежать. Ливерпуль полагал, что удобный момент для изгнания Мюрата упущен, и писал Каслри, что, хотя крайне желательно избавиться от этого «неаполитанского короля», действовать следует очень осторожно, не рискуя войной⁷⁵. Решающую роль в изгнании Мюрата

должна была, по его мнению, сыграть Франция, Англии же следует ограничиться блокадой Неаполя с моря⁷⁶. Незадолго до отъезда английского министра из Вены Ливерпуль писал ему, что, прибыв в Лондон, Каслри сразу же сможет убедиться в нежелании англичан вмешиваться в военные действия ради изгнания Мюрата. «В Англии сейчас думают лишь о снижении налогов»⁷⁷, — отмечал он. Между тем в Вене Кампокьяро намекал Каслри на то, что Мюрат прибегнет к «ужасным средствам», если его вынудят обратиться к «итальянскому духу»⁷⁸. И Каслри предпочитал не спешить с решением неаполитанской проблемы, используя в то же время Мюрата для нажима на Францию. В дальнейших переговорах с Талейраном Каслри заявил ему, что Англия, как и Франция, хочет возвращения Фердинанда на неаполитанский престол, но вопросом о Мюрате можно будет заняться лишь после завершения германских дел. По признанию Каслри, этот намек на возможную поддержку со стороны Англии был им сделан, чтобы обеспечить благоприятную позицию Франции в германских делах⁷⁹. Но время шло, а решение вопроса не продвигалось. Каслри полагал, что добиться желаемых результатов можно будет только при условии совместных действий Англии, Австрии и Франции. При наличии такого согласия он считал даже возможным попросту предложить Мюрату денежный выкуп за королевство, в случае же отказа — пригрозить войной⁸⁰.

Французское правительство стремилось вытеснить Австрию из Италии, пытаясь в то же время заручиться ее поддержкой против Мюрата. Оставить короля Иоахима в Неаполе оно считало совершенно невозможным. Речь могла идти только о том, какие средства лучше всего применить для восстановления власти Фердинанда IV⁸¹.

⁷⁶ Ливерпуль — Веллингтону 11 января, *British Diplomacy*, p 289

⁷⁷ Ливерпуль — Каслри 20 февраля 1815 г., там же, стр 307

⁷⁸ См R S Castlereagh, *Memoirs and Correspondence*, vol X, p 145

⁷⁹ Каслри — Ливерпулю 29 января 1815 г., *British Diplomacy*, pp 298—299

⁸⁰ Каслри — Ливерпулю 18 декабря 1814 г., там же, стр 263

⁸¹ Некоторые французские политики предлагали даже арестовать Наполеона и через него оказать давление на Мюрата, с тем чтобы заставить его отказаться от короны. О подобном предложении

⁷² Серракаприола — Нессельроде, АВПР, ф Канцелярия, д 11765, л 3

⁷³ Письмо Фердинанда IV Серракаприоле от 6 января 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11824, л 3

⁷⁴ Серракаприола — Нессельроде 9 февраля 1815 г., там же, л 1

⁷⁵ Ливерпуль — Каслри 23 декабря 1814 г. *British Diplomacy*, p 264

До тех пор пока не было восстановлено господство сицилийских Бурбонов, как и других легитимных монархов, Людовик XVIII не мог чувствовать себя уверенно на троне своих предков. Он все еще боялся, что союзники заключат мир с Неаполем и забудут о правах Бурбонов, тем более что далеко не все государственные деятели считали Бурбонов единственно возможными обладателями французской короны⁸².

Разгневанный поддержкой, которую оказывал Мюрату австрийский император, Людовик XVIII в письме Талейрану от 7 января 1815 г. пытался объяснить австрийскую позицию интимными отношениями, существовавшими между Меттернихом и женой Мюрата Каролиной. Называя это обстоятельство самым постыдным в истории, французский король писал «Если Антонии позорно покинул свою армию и флот, то, по крайней мере, поработен Клеопатрой был он сам, а не его министр»⁸³.

Людовик полагал, что «если для Бонапарта и есть еще какой-либо резерв, то он — в Неаполе, благодаря Мюрату»⁸⁴. Уже самая принадлежность Мюрата к семье Бонапарта делала его в глазах французского короля человеком, притягивающим к себе недовольных и способным внезапно встать во главе всей Италии.

Впрочем, такое мнение складывалось не только во Франции. «Италия недовольна изменениями, которые производятся без учета ее мнения и интересов; Мюрат — покровитель недовольных»⁸⁵, — писал Штейн в начале ноября 1814 года. Такого же мнения придерживались и некоторые русские дипломаты. «..Мюрат легко сможет объединить под своими знаменами недовольных не только в Италии, но и во Франции»⁸⁶, — предупреждал Сухтелен.

Баррасса пишет в своем дневнике Штейн 27 марта 1815 г. (см. Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Stuttgart, 1964, Bd V, S 378)

⁸² Кочубей — Штейну 1(13) мая 1815 г., Переписка Орлова со Штейном, материалы из западногерманского Steinsches Archiv (микрofilm)

⁸³ Correspondance inédite, p 220

⁸⁴ Людовик XVIII — Талейрану 10 декабря 1814 г., Correspondance inédite, p 175

⁸⁵ Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften, Bd V, S 185

⁸⁶ Сухтелен — Нессельроде 5 октября 1814 г., ЦГВИА, ф ВУА, д 104, л 6

Некоторые наблюдатели, стараясь подчеркнуть, что деспотическая политика короля Иоахима вызывает в Неаполе недовольство всех слоев населения⁸⁷, вместе с тем рисовали Мюрата вождем беспокойных элементов. «.Его цель — стать со временем господином Италии,— говорилось в донесении русского дипломата барона Тейля,— он собирает всех недовольных в стране»⁸⁸. Далее барон Тейль выражает недоумение по поводу терпимости, проявляемой австрийским правительством по отношению к Мюрату: «Австрийская политика в Италии противоречит интересам Австрии. Ее поведение в отношении Мюрата кажется необъяснимым... Скорее всего Австрия тешит себя иллюзиями, что время умерит честолюбие Мюрата. Поэтому она медлит. Она ошибается, если полагает, что планы Мюрата неосуществимы. Когда начнется война, будет поздно исправлять ошибки. Если Австрия поддерживает Мюрата, боясь увеличить могущество Бурбонов, то следует сказать, что Мюрат в Неаполе и Бонапарт на Эльбе представляют для Европы и, в частности, для самой Австрии гораздо более реальную опасность»⁸⁹. Этот подробный обзор завершается пожеланием, «чтобы все главные государства решили сообща вернуть Фердинанда в Неаполь. Средством для этого может быть выступление армии, достаточно сильной, чтобы быстро провести борьбу, или декларация, подкрепленная военной демонстрацией»⁹⁰.

В принятии общего решения, хотя и по разным причинам, были действительно заинтересованы все главные участники переговоров. Австрия, Франция и Англия постепенно делают шаги к взаимному сближению. По пути в Лондон Каслри заверил Людовика XVIII со ссылкой на Меттерниха, что Австрия окажет активную помощь в возвращении сицилийского короля в Неаполь. Веллингтону Каслри писал, что, хотя трудности в отношении Неаполя еще велики, не исключена возможность союза Франции с Австрией по этому вопросу⁹¹.

⁸⁷ Барон Тейль — Александру I 11(23) декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 8300, л 191

⁸⁸ АВПР, ф Канцелярия, д 8300, л. 194

⁸⁹ Там же, лл. 196—197.

⁹⁰ Там же, л 199

⁹¹ Каслри — Веллингтону 28 февраля 1815 г., British Diplomacy, pp 308—309

Завершение саксонского кризиса развязало австрийскому правительству руки. С выжидательной позицией было покончено, и Меттерних заговорил с Мюратом угрожающим тоном⁹². Шварценберг начал концентрировать в долине реки По австрийские войска на случай разрыва с Неаполем⁹³. Талейран удвоил свои усилия в борьбе против неаполитанского короля и с еще большей настойчивостью стал добиваться поддержки английского правительства. Талейран надеялся, что Веллингтон, заменивший в Вене вызванного в Лондон Каслри, окажет ему более действенную помощь. Однако Веллингтон, действительно говоривший незадолго до своего отъезда из Парижа Людовику XVIII о своем стремлении избавиться от Мюрата⁹⁴, все еще соблюдал осторожность, ссылаясь на то, что договор между Австрией и Неаполем был одобрен Англией и она не может изменить своему слову.

Решение неаполитанского вопроса было ускорено возвращением Наполеона во Францию. Мюрат немедленно заявил, что сохранит верность союзникам, лишив их таким образом формальных оснований для выступления против него. Кампокьяро предложил даже создать оборонительный союз Неаполя, Австрии и Сардинии против возможного наполеоновского вторжения. 15 марта неаполитанская армия, насчитывавшая 35 тыс пехоты, 5 тыс кавалерии, 60 орудий, начала наступление на Папскую область. Положение в это время казалось столь неопределенным, что Веллингтон дал указание не вступать в столкновение с войсками Мюрата, если только он не вздумает провозгласить себя королем Италии. Однако уже 28 марта Веллингтон сообщал о предстоящем совещании с Меттернихом и Талейраном, на котором должен был

⁹² Отвечая на ноту Меттерниха от 26 февраля 1815 г, Кампокьяро писал, что венский двор в течение долгих месяцев оставял без внимания все обращения Неаполя и нарушил это «фатальное молчание» лишь угрозами по отношению к королю. Вместо того чтобы честно выполнять договор от 11 января, указывал он, Австрия своей нотой ясно дала понять французскому правительству, которую нота стала известна, что она не намерена защищать Неаполь (см АВПР, ф Канцелярия, д 11820, лл 2—3)

⁹³ В период «ста дней» Шварценберг планировал развертывание военных действий как против Наполеона, так и против Мюрата (план Шварценберга от 28 апреля 1815 г, ЦГВИА, ф ВУА, д 4215, л 89)

⁹⁴ Жокур — Талейрану 25 января 1815 г, Correspondance inédite, p 250

обсуждаться вопрос об изгнании Мюрата и возвращении неаполитанской короны Фердинанду IV⁹⁵.

Тем временем Мюрат, не встречая сопротивления, продолжал продвижение в направлении долины реки По. 30 марта его войска вступили на территорию легатств, оккупированных австрийскими войсками. В тот же день Мюрат опубликовал в Римини прокламацию, в которой обещал либеральную конституцию, напоминал о былой славе Италии и призывал итальянцев бороться за независимость и единство Италии.

2 апреля неаполитанская армия достигла Болоньи. Несмотря на начавшиеся столкновения с австрийцами, Мюрат все еще не хотел сжигать за собой мосты. 8 апреля Кампокьяро обратился к английским представителям в Вене с заявлением, в котором оправдывал действия неаполитанского короля. В этот же день он вручил Меттерниху ноту, содержащую подтверждение верности Мюрата союзникам и отмечавшую, что Мюрат лишь из предосторожности намерен занять побережье реки По, чтобы тем самым гарантировать порядок в Южной и Средней Италии⁹⁶.

Аналогичная нота была направлена Нессельроде. Лишь для того, чтобы утвердить прочность своего государства и трона, говорилось в ноте, чтобы не допустить обострения событий, неаполитанский король вернул себе старые позиции, которые он занимал на реке По в конце последней военной кампании. «У него не было и нет другой цели, как обрести, наконец, уверенность и гарантии, о которых он просил в течение всего Конгресса и которые ему обязаны дать в силу его союзного договора с Веней». Король Неаполя выражал уверенность в том, что русский император, содействовавший в свое время заключению этого союза, употребит свое могущественное влияние, чтобы удовлетворить справедливые пожелания Неаполя. Неаполь же, в свою очередь, сделает все возможное, чтобы доказать свое миролюбие и укрепить дружественные отношения с Россией⁹⁷.

Начав военные действия, Мюрат сам облегчил задачу

⁹⁵ См British Diplomacy, pp 318—319

⁹⁶ Кланкарти — Каслри 8 апреля 1815 г, British Diplomacy, pp 321—322

⁹⁷ Кампокьяро, Кариати — Нессельроде, АВПР, ф Канцелярия, д 11820, л 1

своим противникам Каслри писал Веллингтону, что теперь нет препятствий для возвращения в Неаполь Фердинанда, всякие возражения со стороны английского правительства отпали, оно понимает необходимость изгнания Мюрата для обеспечения спокойствия, прежде всего для Австрии, и готово принять участие в необходимых действиях⁹⁸ Известное влияние на позицию британского правительства оказали и опасения роста национального движения в Италии Однако, учитывая настроение вигской оппозиции, длительное время сочувствовавшей Мюрату, Каслри не только не подчеркивал, но старался всячески затушевать роль, которую он играл в решении вопроса о Неаполе⁹⁹

Заверения Мюрата о стремлении к миру ни к чему не привели, и 10 апреля 1815 г австрийское правительство объявило Неаполю войну¹⁰⁰ 19 мая русский посол в Лондоне Ливен писал в донесении Нессельроде, что английские войска на юге Италии получили приказ при первой возможности высадиться в Неаполе и таким образом поддержать Сицилию¹⁰¹

Неаполитанская армия была разбита 19 мая Иоахим Мюрат покинул Неаполь, на следующий день он отрекся от престола 21 мая австрийские войска вступили в Капуу, а затем — в Неаполь 23 мая к Неаполю прибыли англо сицилийские экспедиционные войска, насчитывавшие 7 тыс человек В Неаполе проводились приготовления к прибытию короля Фердинанда¹⁰² Решив принять участие в военных действиях против Мюрата, Англия старалась извлечь из этого всевозможные выгоды По поводу действий английских войск русский дипломат писал из Милана «Невозможно объяснить поведение англичан, которые захватили два неаполитанских судна и застави-

⁹⁸ Каслри — Веллингтону 12 марта 1815 г *British Diplomacy*, pp 310—311

⁹⁹ См С К Webster *The Foreign Policy of Castlereagh*, p 489

¹⁰⁰ Мюрат «возможно» будет изгнан из Неаполя — писал Штейн из Вены 25 апреля 1815 г (*Freiherr vom Stein Briefe und amtliche Schriften* Bd V S 304)

¹⁰¹ Ливен — Нессельроде 7(19) мая 1815 г АВПР ф Канцелярия д 6845 л 254

¹⁰² Об этих приготовлениях сообщается в донесении русского наблюдателя в Милане от 18(30) мая 1815 г (см ЦГВИА ф ВУА д 4215 лл 134—135)

ли их уйти в Англию Возникает вопрос в чьих интересах эти защитники короля Фердинанда вступили в Неаполь — в своих собственных или в интересах законного короля? По какому праву грабят они народ, который пришли освобождать?»¹⁰³

Еще 29 апреля 1815 г Австрия заключила договор с Сицилией, возобновив его 12 июня, уже после подписания заключительного акта Конгресса¹⁰⁴ Оба государства обязались воздерживаться от «неразумных нововведений», а Фердинанд IV обещал не проводить никаких действий, которые бы не согласовывались с монархическими учреждениями или с политикой, проводимой австрийским императором в Италии¹⁰⁵

Таким образом, неаполитанский вопрос был решен усилиями прежде всего трех государств французского королевского правительства, заинтересованного в осуществлении принципа легитимизма, ненавидевшего Бонапартов и стремившегося после изгнания Мюрата утвердить свое влияние на юге Италии, Австрии, втайне, а за тем открыто мечтавшей избавиться от нежелательного короля, Англии, считавшей усиление Австрии и сотрудничество с ней необходимым условием «равновесия сил», а также рассчитывавшей с помощью Фердинанда укрепить свои позиции на Средиземном море Пруссия не принимала активного участия в этой борьбе Однако уже на одном из первых заседаний в Вене прусский представитель Гумбольдт заявил «Король Неаполя естественно исключается из участия в Конгрессе, куда могут быть допущены только признанные государи»¹⁰⁶ Этой точки зрения Пруссия придерживалась и в дальнейшем Россия же опасалась, что сохранение неаполитанского престола за Мюратом еще больше укрепит положение Австрии (усиление которой уже вызывало беспокойство русских ди-

¹⁰³ Обрезков — Нессельроде АВПР ф Канцелярия д 8303 л 22

¹⁰⁴ О переговорах связанных с подписанием договора см H A Straus *The Attitude of the Congress of Vienna toward Nationalism in Germany Italy and Poland* N Y 1949 p 103

¹⁰⁵ Реставрация Бурбонов в Неаполе посвящена работа W Martini *1 Congresso di Vienna e la restaurazione dei Borboni a Napoli* «*Rivista Storica Italiana*» 1938 Serie 5 vol 3 Fasc 2—4

¹⁰⁶ Wilhelm von Humboldt *Gesammelte Schriften*, Bd XI, S 168

пломатов)¹⁰⁷, а также откроет путь для укрепления английского влияния в Италии, что сможет привести к ослаблению позиций России на Ближнем Востоке¹⁰⁸.

Неаполь оказался для европейских дипломатов крепким орешком. Но были в Италии и другие, тоже достаточно сложные, проблемы, привлекавшие их внимание. Крайне запутанным оказалось положение герцогств Пармы и Тосканы. Парма была присоединена Наполеоном непосредственно к Франции; герцог Пармский получил в свое владение Тоскану, преобразованную в «королевство Этрурию». После смерти герцога престол перешел к его малолетнему сыну Карлу Людовику, регентшей при котором стала Мария Луиза — вдова герцога Пармского и дочь испанского короля Карла IV. Но вскоре и Этрурия разделила участь Пармы, превратившись во французский департамент. Марии Луизе, подписавшей официальное соглашение о передаче королевства Франции, Наполеон обещал дать взамен королевство Лузитанию, которое он предполагал создать в Португалии. Герцог же Тосканский Фердинанд был перемещен в Германию, где получил в качестве компенсации небольшое герцогство Вюрцбург. После разгрома Наполеона встал вопрос о судьбе этих государств. Если Парма считалась свободной территорией и распорядиться ею было сравнительно просто, то на Тоскану претендовали несколько «законных» государств.

Поскольку обещание Наполеона дать этрурской королеве Лузитанию не было выполнено, ее обязательство передать Этрурию Франции могло считаться недействительным, и Людовик XVIII требовал восстановления ее на престоле как законной королевы. Но в сентябре 1814 года в Тоскану — «Этрурию» вернулся Фердинанд, также считавший свою вынужденную сделку с Наполеоном аннулированной и мечтавший не только сохранить, но и расширить издавна находившееся в его руках герцогство. С точки зрения «древнего права владения», которое так усиленно отстаивал Талейран, Франция не могла не признать законность его притязаний.

¹⁰⁷ Кочубей — Штейну 9(21) августа 1814 г., Переписка Орлова со Штейном, материалы из западногерманского Steinisches Archiv (микрофильм)

¹⁰⁸ Донесение барона Тейля Александру I от 11(23) декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 8300, л. 198.

Положение отнюдь не облегчалось тем, что Фердинанд был братом австрийского императора Франца I. Лишение его престола могло повлечь за собой серьезные осложнения, идти на которые Франция не могла и не хотела, хотя и перспектива укрепления в Тоскане австрийского эрцгерцога ее тоже не привлекала.

Чтобы не доводить дело до конфликта с Австрией, Людовик XVIII предложил оставить Фердинанда в Тоскане, а королеве Этрурской предоставить компенсацию — Парму, Пьяченцу и Гвасталлу¹⁰⁹. Но и это не решало проблемы, так как все перечисленные земли по договору, подписанному между союзниками и Наполеоном в Фонтенебло в апреле 1814 года, уже были предназначены другой Марии Луизе — жене Наполеона, экс-императрице Франции.

Был и еще один вариант: предоставить Этрурской королеве земли в Папской области. Но это предложение Мария Луиза категорически отвергла — потому ли, что папский легат кардинал Консальви грозил адом любому, кто посягнет хоть на дюйм папской земли, потому ли, что ее попросту не устраивала такая замена.

В защиту интересов Марии Луизы выступила Испания, которая не могла допустить, чтобы Тоскана ускользнула из рук испанских Бурбонов. Представитель Испании в Вене граф Лабрадор требовал передачи Бурбонам не только Тосканы, но и Пармы, не говоря уже о Неаполе.

22 ноября Лабрадор вручил Меттерниху ноту, копия которой 24 ноября была передана Нессельроде. В ней Испания требовала вернуть Тоскану Марии Луизе, как королеве-регентше и опекунше короля¹¹⁰. Мария Луиза и сама пыталась отстаивать свои права. Ее полномочный представитель обратился к Конгрессу с обстоятельной нотой, в которой указывалось, что королева Этрурии имеет неоспоримые права на Тоскану, незаконно отобранную у нее. Великие державы легко могут убедиться в том, что отречение герцога Пармского не может считаться действительным. Но если они решат все же оставить в Тоскане герцога Фердинанда Габсбурга, королеве и ее сыну

¹⁰⁹ Инструкция Людовика XVIII Талейрану 5 марта 1815 г., Correspondance inédite, pp. 314—315.

¹¹⁰ Лабрадор — Нессельроде 24 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11736, л. 6.

должна быть предоставлена достойная компенсация. По справедливости она должна получить Парму, Модену и Гвасталлу, которыми владел ее супруг герцог дон Фердинанд¹¹¹.

Все эти притязания были отклонены австрийским правительством. В ответной ноте Меттерних возвращается к истории Тосканы и указывает, что договор 1807 года о ее передаче Франции был ратифицирован Карлом IV и, если бы даже королева никогда не соглашалась с этим актом (а она подписала отречение), в этом случае документ был бы действителен, ибо Карл IV имел право решить вопрос в качестве главы дома Бурбонов, точно так же, как император австрийский — глава дома Габсбургов — может выступить в защиту интересов своего брата и от его имени. В том, что Мария Луиза не получила обещанного вознаграждения в Португалии, заключает Меттерних, смеем всего можно обвинять Австрию.

После того как Франция по Парижскому договору отказалась от Тосканы, последняя стала свободной территорией и должна была быть возвращена государю, законно владевшему ею до переворотов, которые повлекла за собой последняя война¹¹².

Признав, таким образом, действительность отречения, которое в другом случае — со стороны Фердинанда Габсбурга — объявлялось потерявшим силу (так заявлял Фердинанд, и Австрия против этого не возражала), Меттерних не преминул намекнуть, что австрийский император не останется безразличным к судьбе Тосканы¹¹³.

Между тем герцог Тосканский, разумеется, не был склонен рассматривать свое возвращение в Тоскану как временное, а намерен был остаться там «на вечные времена». 9 ноября 1814 г. полномочный представитель Фердинанда передал Нессельроде копию письма герцога о

его возвращении в древнюю резиденцию¹¹⁴. Конфиденциальная нота правительства Тосканы была посвящена анализу позиций великих держав по отношению к Тоскане и доказательству правомерности его собственных действий. Возвращение в Тоскану ее законного государя, доказывалось в ноте, — это первый шаг к политическому возрождению Европы. Как могут союзники, провозгласившие своим принципом восстановление владений и прав государей, допустить даже мысль о том, чтобы оспаривать законность возвращения великого герцога в его древнее владение? Нет основания для возражений и у Франции. Ее представитель, собственно, и не имеет их, но преподносит свое согласие на восстановление власти герцога Тосканского как новую уступку и ставит условием предоставление Марии Луизе компенсации. Фердинанд подчеркивает, что его возвращение в Тоскану — законный акт, а не уступка, на которую требуется благоволение Франции¹¹⁵.

С особой яростью герцог обрушивается на Испанию, которая «идет в своих требованиях еще дальше Франции и воображает, что Мария Луиза все еще является королевой Этрурии». Испанское правительство ссылается на жертвы, которые принесла Испания. «Но лучше бы ей о них не напоминать, — восклицает Фердинанд, — так как они помогли Наполеону разрушить Европу, и узурпация Тосканы в пользу испанской инфанты была платой за пагубные уступки Испании Наполеону». Наконец, абсолютно бесосновательны ссылки и на то, продолжает Фердинанд, что соглашение этрурской королевы с Наполеоном было временным и обусловленным уступками в Португалии. В этом случае в договоре было бы указано, что королева сохраняет права на Тоскану, если не получит новые земли в Португалии. Но этого в договоре нет, и отречение Марии Луизы абсолютно и необратимо¹¹⁶.

На заседании представителей восьми держав было решено создать комитет по делам Тосканы, но он так и не собрался, и Меттерних использовал это обстоятель-

¹¹¹ Нота от 29 ноября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11736, л 16

¹¹² Меттерних — Лабрадору 29 декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11736, лл 17—19

¹¹³ Еще в период подготовки Парижского трактата Франц I настаивал на том, чтобы остров Эльба после смерти Наполеона отошел к Тоскане, очевидно исходя из того, что на тосканском престоле утвердился австрийский эрцгерцог (см Франц I — Меттерниху 12 апреля 1814 г., Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, T I, Bd 2, S 472)

¹¹⁴ См АВПР, ф Канцелярия, д 11766, л 1

¹¹⁵ Конфиденциальная нота представителя Фердинанда — Нессельроде, АВПР, ф Канцелярия, д 11766, лл 4—5

¹¹⁶ Там же, л 6

ство для того, чтобы на последующих заседаниях — 9 и 10 декабря — отвергнуть все притязания королевы Этрурской и поддержать требования герцога Тосканского.

Упорно добиваясь уступок от Франции, Австрия вела в то же время переговоры с Англией. Австрия не только была более других заинтересована в итальянских делах, но и имела в Италии наибольшее влияние. Французские представители недаром говорили, что итальянские дела лежат в столе у Меттерниха. За спиной Талеярана Меттерних вел переговоры с Каслри, сообщая ему о ходе переговоров с Францией, и старался оттянуть окончательное решение вопроса, пока не будет получено согласие Пармжа на его требования.

Кроме закрепления Тосканы за Фердинандом он добивался также и обеспечения интересов австрийской эрцгерцогини Марии Луизы. У Каслри во время переговоров создалось впечатление, что Австрия согласится на предоставление ей компенсации в легатствах и на отказ от обещанных ей Пармы, Пьяченцы и Гвасталлы. Действительно, император Франц выразил намерение отказаться от борьбы за эти области и пытался склонить к тому же Марию Луизу; однако в ответ на это Мария Луиза обратилась за поддержкой к Александру I. В последний момент Меттерних вновь начал настаивать на выполнении соглашения в Фонтенебло и требовать сохранения за Марией Луизой предназначенных ей земель¹¹⁷. Поддержал его в этом и Каслри. Во время свидания с Людовиком XVIII в Париже (27 февраля 1815 г.) он сумел убедить французского короля, что, поскольку Австрия соглашается порвать с Мюратом, Франция должна пойти на уступки в Северной Италии (об этом еще раньше велись переговоры с Блака)¹¹⁸.

В конце концов Франция согласилась признать за Марией Луизой Австрийской Парму и остальные герцогства, но с условием, что после ее смерти все эти владения отойдут к испанским претендентам — в обход ее сына, юного Наполеона. Каслри выразил, было, сомнение, не противоречит ли это договору в Фонтенебло, но быстро на-

¹¹⁷ Кланкарти — Каслри 13 мая 1815 г., *British Diplomacy*, pp. 332—333.

¹¹⁸ Людовик XVIII — Талеярану 3 марта 1815 г., *Correspondance inédite*, p. 305.

шел оправдание в том, что Наполеон Бонапарт своими действиями сам этот договор нарушил¹¹⁹.

Неожиданно в защиту прав юного Наполеона, может быть из неприязни к Бурбонам, выступил император Александр¹²⁰. Каслри снова занялся поисками компромиссного решения.

В конечном итоге герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла, как это было предусмотрено соглашением в Фонтенебло, были отданы в пожизненное владение австрийской эрцгерцогине Марии Луизе; вопрос о наследовании оставался открытым: его должны были решить в дальнейшем пять держав. Тоскана и Модена были возвращены австрийским эрцгерцогам Фердинанду и Франциску.

Мария Луиза Испанская получала Лукку, которую в случае перехода к ней Пармы должна была вернуть герцогу Тосканскому.

Испания продолжала протестовать против ущемления прав Бурбонов¹²¹, но с ней мало считались, на ее заявления великие державы попросту не обращали внимания. Граф Лабрадор жаловался, что ни один испанский представитель не участвовал в совещаниях, предшествовавших подписанию Парижского мирного договора 1814 года, в результате чего было принято крайне неблагоприятное для Испании решение об уничтожении крепостей на франко-испанской границе. Испании, несмотря на ее просьбу, не были даны необходимые разъяснения в связи с заключением договора 25 марта 1815 г., что рассматривалось как прямое оскорбление, нанесенное испанской монархии и испанскому королю. В конечном счете граф Лабрадор отказался подписать заключительный акт Конгресса¹²².

¹¹⁹ Каслри — Кланкарти 12 апреля 1815 г., *British Diplomacy*, p. 323

¹²⁰ Только в 1817 году стало известно, что Австрия, вопреки договоренности с Францией, подписала секретное соглашение с Россией о том, что Наполеон явится наследником своей матери (см. C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 409).

¹²¹ См. *Bemerkungen Labradors an die vier Minister über die ihm vertraulich eröffneten Friedensbedingungen*, 1 October 1815, *deutsches Zentralarchiv, Abt Merseburg*, Rep. XI 89, Fasz. 474, fol. 136—144

¹²² Протест Лабрадора 5 июня 1815 г., *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. III, p. 1341

Испания присоединилась к Венскому трактату лишь 7 мая 1817 г.

Немало хлопот причинил участникам Конгресса папский легат Консальви. Еще в самом начале работы Конгресса папа подумывал о том, чтобы не только вернуть себе захваченные Австрией легатства, но и прихватить вдобавок Парму¹²³. «Папа стремится сохранить нетронутыми оставшиеся у него земли. Его естественные противники в этом отношении — король Иоахим и Венский двор»¹²⁴, — писал русский дипломат барон Тейль. Анализируя сложившуюся обстановку, он даже рекомендовал Александру I как можно скорее восстановить дипломатические отношения с Римом, чтобы использовать его обширную секретную информацию, особенно в отношении Неаполя¹²⁵.

Выступая в защиту интересов «святого престола», Консальви оперировал таким аргументом, как признание недействительности любого соглашения об отказе папы от владений, поскольку он является «не хозяином, а лишь распорядителем владений святого Петра». Он требовал соблюдения прав Рима, обращаясь при этом к каждому, кто соглашался выслушать его, грозил то адом, то обращением ко всему христианскому миру в том случае, если будет проявлено недостаточное уважение к требованиям папы. В обстоятельной поте, с которой Консальви обратился к Нессельроде¹²⁶, доказывалась неоспоримость прав папы на возвращение ему всех его прежних владений. При этом Консальви ссылаясь то на справедливость притязаний папы, то на его «благородство и героизм». В подтверждение этих качеств своего доверителя кардинал подробно излагал историю отношений Пия VII с Наполеоном. Для большей убедительности Консальви приводит еще один аргумент: обширные владения необходимы папе для того, чтобы обеспечить его независимость, а также уважение как народа, так и всех государей¹²⁷. Он настаивал на передаче Риму Беневенто,

Понтекорво и Анконы, захваченных Неаполитанским королевством, а также Авиньона, Пармы и Пьяченцы, не говоря уже о легатствах¹²⁸.

Австрия пыталась частично удержать легатства, но не хотела ссориться с папой (Меттерних утверждал, что его император из моральных соображений не хочет возвращать Риму).

В общем на легатства смотрели как на разменную монету. Гарденберг еще в апреле 1814 года предлагал отдать их сицилийскому королю в качестве компенсации за Неаполь, но Фердинанд IV категорически отказался. Существовали планы передачи этих земель Евгению Богарну; Талейран предлагал отдать их испанской инфанте взамен Этрурии. Добываясь захвата Саксонии, прусские государственные деятели называли легатства как подходящее возмещение для саксонского короля. Меттерних, однако, отклонил эти предложения, мотивируя свой отказ невозможностью идти вразрез с желаниями папы. В то же время Австрия не хотела расставаться с Авиньоном и Феррарой, обладание которыми она считала необходимым условием для обеспечения безопасности своих границ¹²⁹. Франция, заранее защищая будущие владения Бурбонов, пыталась заставить папу отказаться от Анконы, Беневенто и Понтекорво, вкрапленных в Неаполитанское королевство.

Наконец, было достигнуто соглашение. папе «возвращались» легатства, Понтекорво и Беневенто, но он должен был отказаться от Авиньона и части Феррары.

Хотя почти все требования Консальви были удовлетворены, он продолжал добиваться выполнения остальных и даже от имени папы обратился к Конгрессу с протестом, на который, однако, не обратили внимания.

Апеллировали к Конгрессу и мелкие князья, также пытавшиеся отстоять свои владения, как, например, герцог Пьомбино и острова Эльбы, который требовал либо вернуть ему остров, приобретенный, по его словам, его предками у Швеции за 1055 тыс. флоринов, либо (если решено будет все же оставить Наполеона на Эльбе) выплачивать ему ежегодно вознаграждение, равное до-

¹²³ Консальви — Нессельроде 23 октября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11759, л 9

¹²⁴ Барон Тейль — Александру I 11 (23) декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 8300, л 199

¹²⁵ Там же, л 200

¹²⁶ Нота Консальви от 23 октября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11759, лл 1—10

¹²⁷ Там же, лл 3—4

¹²⁸ См АВПР, ф Канцелярия, д 11759, лл 8—9

¹²⁹ Памятная записка Гентца от 12 февраля 1815 г., Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, T I, Bd 2, S 499

ходу, который он получал со своих бывших владений¹³⁰.

Столкновение на Конгрессе различных принципов легитимизма и права завоевания, политического «равновесия сил» и права древнего владения, споры о различных формах легитимизма и их приложении к итальянским делам — все это было достаточно откровенно выраженной дипломатической борьбой. Участниками ее были: Австрия, которая стремилась, утвердившись в Северной Италии, распространить свой контроль на весь Апеннинский полуостров; Франция, делавшая ставку на сицилийских Бурбонов, Испания, пытавшаяся сохранить влияние хотя бы в незначительной части страны, Англия, которая, выступая в роли «посредника», старалась усилить собственные позиции в Средиземном море; Россия, заинтересованная в ослаблении позиций Австрии и Англии в Италии.

Вместе с тем правительствам великих держав, хотя и в разной степени, представлялось реальной угрозой поднимавшееся в Италии, пусть еще не оформившееся и внутренне противоречивое, национальное освободительное движение. И если для одних участников этого движения знаменем был Мюрат, для других — пьемонтский король, а для третьих — папа, если одни мечтали об уничтожении в Италии всякого чужеземного влияния, а другие предпочитали объединение под властью любого государства царившей в стране раздробленности или рассчитывали избавиться от гнета наиболее ненавистного врага — Австрии — при иностранной помощи, то для великих европейских держав, в руках которых оказалась судьба Италии, ни один из этих вариантов не был приемлем.

Ведущая роль в решении итальянской проблемы принадлежала Австрии. Включение в Австрийскую империю Ломбардии и Венеции, Вальтеллины и части Феррары, закрепление Модены и Тосканы за австрийским эрцгерцогом, а Пармы — за Марией Луизой обеспечивали австрийской монархии господствующее положение в Италии. Сохранение раздробленности Италии означало временное торжество на Апеннингах австрийской политики подавления национальных сил — политики, поддерживавшей ее прежним союзником — Англией и новым — Францией.

¹³⁰ Памятная записка представителя герцога Пьембино и Эльбы Людовика де Вера, представленная Конгрессу 17 декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11758, лл 3—4

БОРЬБА АНГЛО-АВСТРО-ФРАНЦУЗСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВ РОССИИ

Секретный договор, заключенный 3 января 1815 г. между Англией, Австрией и Францией, предусматривал согласованные действия этих держав на Конгрессе и взаимную помощь в случае нападения на одну из них. При этом в договоре указывалось, что нападение на Ганновер или Нидерланды¹ — государства, связанные тесно с Англией и находящиеся под ее покровительством, — должно рассматриваться как нападение на Великобританию. Каждый из участников договора обязался в случае войны выставить армию в 150 тыс. человек (120 тыс. пехоты и 30 тыс. кавалерии). Хотя военные действия между Англией и США к этому времени уже закончились (что, собственно, и явилось дополнительным толчком, побудившим Англию заключить союз с Австрией и Францией) и

¹ Оба эти государства в дальнейшем должны были быть привлечены к тандемному союзу, так же как и Бавария. Они присоединились к секретному договору Бавария — 13 января, Ганновер — 19 января, Голландия — 23 апреля 1815 г.

английское правительство могло свободно располагать своими военными силами, Каслри добился для Англии права заменить их наемными войсками или же попросту предоставить деньги на содержание соответствующего контингента войск (из расчета по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотинца и по 30 фунтов за кавалериста)². Не случайно Каслри писал Ливерпулю, что договор этот наилучшим образом обеспечивает английские интересы на континенте, не возлагая при этом на английское правительство никаких серьезных обязательств³. Торопясь с заключением договора, Каслри написал его даже до получения официального согласия своего правительства. В Англии его действия вызвали беспокойство у некоторых членов правительства, которые настаивали на том, чтобы Каслри были посланы дополнительные подробные инструкции⁴.

Весьма вероятно, что ни Австрия, ни, тем более, Франция не помышляли всерьез о поставке предусмотренного договором столь значительного контингента войск; Каслри также не мог твердо рассчитывать, что парламент утвердит указанные в договоре субсидии. Однако и Каслри, и Меттерних, давно имевшие в виду возможность сближения с Францией, полагали, что само по себе заключение договора явится сильным средством воздействия на Россию, а также и на Пруссию. Следует отметить, что и Австрия и особенно Англия, которая много поставила на прусскую карту, считали, как об этом недвусмысленно писал Каслри лорду Ливерпулю 2 января 1815 г.⁵, что целью тайного договора было не столько ущемление интересов Пруссии, сколько отрыв ее от России.

Договор был строго секретным. Стремясь сохранить тайну, Меттерних, Каслри и Талейран даже переписали его собственноручно — каждый по одному экземпляру⁶. Тем не менее слухи о возможности союза между Англией, Австрией и Францией распространились в Вене еще в конце декабря 1814 года. 21 декабря кардинал Кон-

сальви писал в Рим о тесном сближении трех держав⁷. Об этом говорили и некоторые другие участники Конгресса. Не исключено, что сами создатели нового альянса, не желая раскрывать содержание договора, способствовали в то же время распространению слухов о его заключении.

Информацию о содержании договора (хотя, видимо, не совсем точную) получил Штейн, который немедленно сообщил об этом царю⁸. Во время аудиенции, данной им Каслри, Александр I в упор спросил, верны ли слухи о союзе между Англией, Австрией, Францией и Баварией. Английский министр уклонился от прямого ответа⁹. Если Каслри считал весьма важным создание союза против России и Пруссии, то тем более существенным казалась оно Талейрану. Французский дипломат рассматривал его как большую победу, достижению которой «после бога» больше всего способствовал он. В числе своих главных заслуг, приведших к заключению союза, он называл: письмо Меттерниху и Каслри и произведенный им эффект, предложение о соглашении с Францией, сделанное им лорду Каслри, усилия, направленные на то, чтобы успокоить подозрения лорда Каслри путем демонстрации полной незаинтересованности Франции. «Коалиция распалась, и навсегда»¹⁰, — торжествующе заявлял он в письме королю на следующий день после заключения союза.

Договор был немедленно направлен Людовику XVIII и ратифицирован им. В переписке Талейрана с военным министром Дюпоном указывается, что войскам во Франции дан приказ продвигаться с учетом возможности войны¹¹.

3 января, в день подписания договора, состоялось очередное заседание представителей четырех держав — Англии, России, Австрии, Пруссии. Участники совещания с русской (Разумовский, Каподистрия) и прусской стороны (Гарденберг, Гумбольдт) были немало удивлены пред-

² См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t II, pp 589—591

³ См. *British Diplomacy*, p 280

⁴ Секретное донесение Ливена Нессельроде 26 декабря 1814 г. (7 января 1815 г.), АВПР, д 6845, л. 18.

⁵ См. *British Diplomacy*, p 196

⁶ См. Angeberg, *op cit*, t. I, p LV

⁷ См. I Rinaldi, *Corrispondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Pacca*, p 151

⁸ См. H Nicolson, *The Congress of Vienna*, p 179

⁹ См. *British Diplomacy*, p 284

¹⁰ *Correspondance inédite*, pp 209—210

¹¹ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t I, p LV

ложением Меттерниха привлечь к последующим заседаниям представителей четырех держав Талейрана. Это предложение было отвергнуто, и тогда Меттерних и Каслри заявили, что без участия французского министра дальнейшие переговоры будут бесплодны и они отказываются их вести. Решение вопроса было отложено¹². Далее Меттерних, заявив, что император Франц готов обсудить предложения царя, выдвинул свой контрпроект. При этом, указывая на, следует различать вопросы общие и частные, имеющие значение лишь для отдельных стран. Представители России и Пруссии не возражали против такого порядка; однако они заявили, что переговоры с обеими странами должны вестись одновременно, так, чтобы и соглашения с ними могли быть подписаны в одно время. От высказывании по существу австрийских предложений они отказались, сославшись на необходимость тщательно изучить их и получить указания своих правительств¹³.

Новый проект австрийского правительства сводился к следующему. большая часть Герцогства Варшавского будет присоединена к владениям императора Александра. Австрии возвращаются области, отторгнутые у нее в 1809 году; к ней отходит часть округа Кракова, расположенная по правому берегу Вислы, а также соляной район Велички и относящаяся к нему территория. Часть Герцогства Варшавского (от границы старой Пруссии до реки Дрвенца напротив Страсбурга, по течению Дрвенца до округа Торна) переходит к Пруссии. Краков и Торн провозглашаются вольными и нейтральными городами под покровительством и гарантией трех держав (России, Австрии и Пруссии). Их управление должно, по возможности, строиться по образцу ганзейских городов. Эти города не могут иметь никаких войск, кроме полицейских; ни при каких обстоятельствах они не должны укрепляться, а имеющиеся укрепления должны быть снесены немедленно после ратификации настоящего договора¹⁴. В проекте говорилось также о свободе навигации и развитии торговли между Австрией и Россией.

Александр I, ознакомившийся с проектом и не возражавший в принципе против австрийских предложений, выразил желание, чтобы в преамбуле договора было указано на необходимость единства взглядов великих держав для достижения спокойствия в Европе и чтобы устные пояснения, данные австрийским министром, были внесены в протокол¹⁵.

Так стали намечаться первые сдвиги в решении польско-саксонской проблемы; однако тревожное настроение далеко еще не рассеялось, и, хотя Каслри поспешил заявить, что «угроза войны миновала»¹⁶, о войне продолжали говорить как о реальной возможности «По городу распространяются слухи, предсказывающие то войну, то мир. Сегодня протягивают оливковую ветвь, завтра может раздаваться призыв к борьбе»¹⁷, — отмечал 7 января находившийся в Вене генерал Ностиц.

Между тем в частной беседе с Каслри Гарденберг согласился допустить Талейрана к участию в обсуждении саксонской проблемы. В свою очередь, английский министр обещал не ставить решение этого вопроса в зависимость от согласия саксонского короля; такое же обязательство он дал и от имени Талейрана¹⁸. В то же время Каслри возражал против намерения Пруссии предоставить саксонскому королю в качестве возмещения Люксембург и земли между Маасом и Мозелем; стремясь использовать Францию в борьбе против России и Пруссии, он отнюдь не хотел отказываться и от создания на западе барьера против Франции и считал неразумным установление у границ Франции власти преданного ей государя¹⁹.

9 января Каслри в особом меморандуме снова предложил пригласить Талейрана участвовать в дальнейших совещаниях²⁰. На этот раз предложение было принято, и следующее заседание, 12 января, происходило уже с участием французского министра. Так Совет четырех превратился в Совет пяти.

¹⁵ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11831, л. 27.

¹⁶ Каслри — Ливерпулю 5 января 1815 г., *British Diplomacy*, т. 282.

¹⁷ *Der Wiener Kongress nach Aufzeichnungen*, SS 89—90.

¹⁸ *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. IV, p. 1882.

¹⁹ Каслри — Ливерпулю 8 января 1815 г., *British Diplomacy*, pp. 283—284.

²⁰ *Ibid.*, p. 286.

¹² См. *British Diplomacy*, p. 280.

¹³ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11831, лл. 6—7, *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. IV, p. 1874.

¹⁴ См. *Angeberg, op. cit.*, t. IV, pp. 1875—1877.

Проникнув в эту «святая святых», Талейран больше не заговаривал ни о созыве Конгресса, ни о правах его участников. Вновь сложившуюся обстановку он спешил использовать, чтобы поднять престиж Франции и ее монарха. По его инициативе 21 января, в годовщину казни Людовика XVI, в церкви св. Стефана состоялась панихида, на которую были приглашены участники Конгресса. Эта церемония, организованная, по словам самого Талейрана, «с моральной и политической целью»²¹, резко выделялась на фоне пестрой карусели развлечений и празднеств, царивших в Вене. Убранство собора, над которым работали архитектор Моро и художник Изабе, было выполнено с необычайной пышностью. В середине церкви возвышался огромный катафалк с эмблемами королевской власти; по углам его помещались аллегорические изображения скорбящих Франции и Европы, религии и надежды. Мощный хор из 250 человек исполнил реквием, специально написанный для этого случая, дирижировал Сальери. Словом, все должно было поражать воображение присутствующих. На траты Талейран не скупился, тем более что все расходы были оплачены австрийской казной²². Весь свет Вены явился на торжество. Дамы, расставшиеся в этот день с цветами и украшениями, облачились в траурные одежды. Особая трибуна была отведена для монархов.

Впрочем, далеко не на всех присутствовавших это помпезное зрелище произвело желаемое впечатление. «Собор выглядел как плохая театральная декорация,— записывал в своем дневнике генерал Ностиц.— Люди оценивают по их делам, а не по словам, так что смотрят на то, из каких соображений действовал Талейран»²³. О соображениях же этих можно было судить по содержанию проповедей, произнесенной с кафедры собора аббатом Цейгнелинсом. В ней говорилось о могуществе и славе, которые в течение четырнадцати веков сопутствовали французской монархии, о разрушительной силе и губительном действии революции. Собственно, это была даже не проповедь, не надгробное слово, а чисто политическая речь, как это признал и сам Талейран, являв-

шийся, кстати говоря, ее автором и придававший ей большое значение²⁴.

Между тем борьба вокруг всех острых вопросов шла своим чередом. Уступив в одном вопросе — о допуске Франции, Пруссия немедленно возобновила свои требования относительно Саксонии, а заодно настаивала на передаче ей Байрейта. 13 января Гарденберг подписал секретный план, который предусматривал возможность сохранения за саксонским королем небольшой территории с населением около 840 тыс. человек (из общего числа жителей примерно в 2050 тыс.). При этом он утверждал, что дальнейшие уступки в пользу Саксонии означали бы лишение Пруссии необходимых коммуникаций и военных позиций²⁵.

Но план этот, составленный на случай вынужденного отказа Пруссии от полного поглощения Саксонии, сохранялся в тайне. На заседании же 12 января Гарденберг выступил с подробнейшим планом реконструкции Пруссии; он перечислял все потери Пруссии и доказывал, что возместить их можно, только передав ей целиком требуемые земли; саксонского короля он снова предлагал переместить на левобережье Рейна²⁶. Но против прусских притязаний выступили сообща Англия, Австрия и Франция, которые в течение двух недель разрабатывали встречный проект. В беседе с Александром I Каслри заявил, что Шомонский трактат не дает Англии права распорядиться рейнской территорией и что не следует создавать на Рейне слабое и недовольное государство²⁷.

Особенной резкостью отличались выступления Австрии. Ее военные (Шварценберг) и некоторые политические деятели (в первую очередь Стадион), ссылаясь на стратегические соображения, требовали отторжения от Пруссии Торгау и Эрфурта, которые они рассматривали как ключевые позиции к Верхней Эльбе. Их настроения разделял и император Франц. Однако Англия не оказала в этом вопросе ожидаемой поддержки своему союзнику — Австрии. Каслри заявил Меттерниху, что не соби-

²⁴ См. Correspondance inédite, pp 235—236

²⁵ См. Deutsches Zentralarchiv, Abt Merseburg, AAI, Rep VI, Nr 242 fol 52—53

²⁶ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, pp 602—604

²⁷ См. C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh, p 373

²¹ Correspondance inédite, p 236

²² См. A de la Garde, Gemälde des Wiener Kongresses 1814—1815, Bd I, München 1914 SS 155—162

²³ Der Wiener Kongress nach Aufzeichnungen, S 106

рается обострять положение из-за «частных вопросов». В случае войны, утверждал он, Австрия должна рассчитывать не на крепости, а на поддержку Франции и Англии; Торгау не имеет такого значения, которое ему приписывается австрийскими деятелями²⁸. Эта «уступчивость» Англии по отношению к Пруссии вызывала раздражение австрийских деятелей. Гентц писал, что, хотя Каслри от полной поддержки Пруссии «перешел к курсу, более соответствующему высоким принципам Австрии...», он остановился на полпути... Во всех делах, кроме тех, которые интересовали Англию непосредственно, он проявлял удивительное безразличие (*neutrality*)»²⁹. В холодности и безразличии по отношению к Саксонии упрекал английского министра и Талейран, писавший, что при серьезной поддержке Англии можно было бы добиться более благоприятного решения вопроса³⁰.

Обстановка оставалась сложной; личные трения между Александром I и Меттернихом еще больше обостряли ее³¹. Не спасла положение и особая комиссия, созданная по инициативе Александра из представителей России, Пруссии и Австрии и занимавшаяся делами Польши³².

В конце января Австрия предъявила Пруссии ультиматум относительно Саксонии. Он был весьма лаконичным: Пруссия должна иметь в Саксонии не более 400—500 тыс. душ; остальные должны быть возвращены саксонскому королю. Однако сразу после этого последовало английское заявление, в котором подчеркивалась неизбежность договоров с Пруссией. Австрия взяла ноту

²⁸ Каслри — Ливерпулю 22 января 1815 г., *British Diplomacy*, p. 293

²⁹ Памятная записка Гентца от 12 февраля 1815 г., *Aus Metternich's nachgelassenen Papieren*, T I, Bd 2, S. 479

³⁰ См. *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden*, *Copie d'une lettre du Prince de Talleyrand au Comte de Caraman* 26 Janvier 1815, *Loc 2954*, Bd 2, Bl 124

³¹ «16 января король Вюртемберга Фридрих рассказал мне, что Александр, отклонив приглашение на бал к Меттерниху, добавил, что охотнее стал бы драться с ним на пистолетах. Другие утверждают, будто царь сказал императору Францу, что, пока остается Меттерних, ничего не будет сделано, так как он все портит» (из воспоминаний графини Бернсторф, жены представителя Дании на конгрессе, *Der Wiener Kongress nach Aufzeichnungen*, S. 24)

³² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11786, лл. 3—4

обратно³³. На стороне Пруссии выступает в это время и Вюртемберг: для планов расширения государства, которые вынашивал король Фридрих, было выгоднее, чтобы Пруссия по возможности получила земли на Эльбе, а не на Рейне³⁴.

28 января Меттерних согласился, чтобы Австрия и Пруссия получили «неудовлетворительные польские границы», а Пруссия — часть Саксонии (остальная должна быть возвращена саксонскому королю). На следующий день Англия и Австрия представили Пруссии совместно разработанный ими новый проект. Пруссии предлагали часть Саксонии с населением в 800 тыс. человек и земли на Рейне с 1400 тыс. подданных. В целом население Пруссии должно было составить, таким образом, около 10 млн. человек. Однако прусские деятели не были этим удовлетворены и требовали — если уж нельзя получить всю Саксонию, — чтобы им был передан Лейпциг. В интересах Европы, доказывали они, Лейпциг должен находиться в руках государства, стремящегося поддерживать мир со всеми великими державами, то есть в руках Пруссии³⁵. Но Англия и Австрия предпочитали ослабить этот крупный торговый центр в составе Саксонского королевства. «Теперь, когда речь идет уже не о передаче Пруссии всей Саксонии, а о приемлемом ее разделе, сопротивление требованиям Пруссии возрастает с каждым днем и особенно по вопросу о Лейпциге»³⁶, — писал находившийся при прусской делегации в Вене фон Тиле военному министру Бойсону 6 февраля 1815 г.

Не удалось Гарденбергу настоять и на превращении Лейпцига в вольный город. Снова начался торг, еще бо-

³³ Дневник Ностица 27 января 1815 г., *Der Wiener Kongress nach Aufzeichnungen*, S. 108

³⁴ См. A Pfister, *Aus dem Lager der Verbundeten 1814 und 1815*, Stuttgart — Leipzig, 1897, S. 320

³⁵ Подобного рода аргументация приводилась в печати (в частности, во «*Frankfurter Zeitung*»), что вызвало протесты саксонских деятелей, которые утверждали, что передача Лейпцига Пруссии приведет к изоляции этого важного пункта и нанесет серьезный удар всей европейской торговле (см. *Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden Conjectures sur les arguments persuasifs dont se serviront les ministres des Puissances allies*, *Loc 2645*, Bl 91—92)

³⁶ *Vom Wiener Kongress Briefe des Oberstleutnants v Thile an den Kriegsminister v Boyen während des Kongresses 1814—15*, «*Deutsche Rundschau*», 1914, Okt., S. 88

лее ожесточенный, чем прежде. «Говорят, что Пруссия не уступит в саксонском вопросе. Гарденберг сказал: „Король может вернуться в Берлин не иначе, как с Саксонией в кармане“»³⁷, — доносил Гагеру тайный агент.

Каслри, вызванный в Лондон, спешил не только ввести в курс дела прибывшего ему на смену Веллингтона, но и добиться до своего отъезда решения наиболее сложных вопросов, и в первую очередь польско-саксонского, который он обсуждал в личных беседах с Гарденбергом, Меттернихом и другими руководящими деятелями Конгресса.

Каслри настоял на уступке со стороны Голландии, а также пошел на уменьшение приобретений Ганновера с 300 тыс. до 250 тыс. душ, с тем чтобы Пруссия могла получить 1 млн. человек на левом берегу Рейна. После этого Гарденберг согласился на восстановление власти саксонского короля в части Саксонии³⁸.

Проект договора был разработан специальной комиссией, созданной 8 февраля³⁹. 11 февраля было достигнуто окончательное соглашение.

«Каслри уезжает завтра утром, и это обстоятельство хотят использовать, по крайней мере, для того, чтобы по возможности быстрее и полнее закончить все дела. Вчера вечером мы подписали все, что касается Саксонии и Польши, и сегодня вечером будем продолжать обсуждение остальных спорных вопросов»⁴⁰, — писал 12 февраля Гумбольдт своей жене Каролине.

Пруссия получала почти половину Саксонии (ее северную часть) и две пятых ее населения — 850 тыс. человек; остальная часть Саксонии с Дрезденом и Лейпцигом была возвращена старой династии. В вознаграждение за «несбывшиеся мечты» Пруссии был отдан Торн, а также земли, предназначавшиеся раньше Ганноверу и Нидерландам⁴¹. За ней сохранялась Познань, к ней перешли

земли Вестфалии, как называемая Шведская Померания, значительная часть левобережья Рейна⁴²

«...Пруссия теперь — самая большая немецкая держава, насчитывающая около 8 млн. немцев; это — военная держава с армией в 240 тыс. человек, и первая же война, предстоящая нам, должна увеличить немецкие владения Пруссии там, где у нее еще есть пробелы»⁴³, — писал о достигнутом соглашении Гумбольдт. Меттерних подвергся критике со стороны Стадиона и австрийских эрцгерцогов за то, что допустил такое усиление Пруссии.

Австрия получала Тироль, Зальцбург, Иллирию; подтверждалась ее права на итальянские земли, обещанные ей по Парижскому договору. Ей была снова отдана Галиция. Краков с округом в 1 кв. км и населением в 95 тыс. человек провозглашался вольным городом. Вся остальная территория Великого Герцогства Варшавского (127 тыс. кв. км) была присоединена к России под названием Царства Польского. Его население, насчитывавшее 3200 тыс. человек, получило конституцию, разработанную в основном Адамом Чарторыйским и опубликованную в Вене 25 мая 1815 г.⁴⁴

Пруссия и Россия получили меньше, чем они рассчитывали. В Пруссии по этому поводу выражали бурное негодование «Здесь царят нервозность и раздражение, — писал Стюарту из Берлина английский дипломат Джексон, — тем более, что рассчитывали полностью на приобретение Саксонии... Общественное мнение обвиняет Англию в том, что она принесла Пруссию в жертву своему эгоизму и своим собственным интересам»⁴⁵. Особенно резко высказывался Блюхер, которого Джексон называет главой недовольных «О вы, политики, вы плохие знатоки людей, — восклицал он. — Конгресс похож на ярмарку в

³⁷ M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t II, p 84
³⁸ Каслри — Гарденбергу 7 февраля 1815 г., M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t II, p 161, Памятная записка Гарденберга на заседании пяти 8 февраля 1815 г., Angeberg. Le Congrès de Vienne, t II, pp 707—712

³⁹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, p 706
⁴⁰ Wilhelm und Caroline von Humboldt in ihren Briefen, Bd IV, S 468

⁴¹ Каслри — Ливерпулю 6 февраля 1815 г., British Diplomacy, p 299

⁴² Уже 21 февраля 1815 г. берлинская газета «Berlinische Nachrichten von Staats und gelehrten Sachen» (№ 22) поместила статистический обзор земель, отходивших к Пруссии (см. АВПР, ф. Канцелярия, л. 747, л. 10 — приложение к донесению Алопеуса—Нессельроде от 9(21) февраля 1815 г.)

⁴³ Вильгельм Гумбольдт — Каролине Гумбольдт 23 февраля 1815 г., Wilhelm und Caroline von Humboldt in ihren Briefen, Bd IV, S 482

⁴⁴ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t III, pp 1224—1226

⁴⁵ Джексон — Стюарту 26 февраля 1815 г., M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t II, p 259

маленьком городке, где все теснят и толкают друг друга, стараясь продать или обменять что либо»⁴⁶.

Предупреждая русского посла в Лондоне Ливена о возможности дальнейшего сближения английской и австрийской политики, Александр I отмечал, что «Англия предпочла активно содействовать расчленению Саксонии, а не перемещению Фридриха Августа на левый берег Рейна». Опасаясь, что при обсуждении работы Конгресса в парламенте снова возникнут преувеличенные разговоры «относительно территориального расширения России и распространения ее власти», Александр предписывал Ливену по возможности оказывать влияние на курс английского правительства и оппозиции⁴⁷.

Так была разрешена одна из наиболее сложных проблем — польско-саксонская. Для того чтобы оправдать свои действия в отношении саксонского короля и не нарушать слишком откровенно ими самими провозглашенный принцип «сила не может быть источником права», руководителям великих держав нужно было еще убедить саксонского короля примириться с таким решением вопроса. Задача эта оказалась весьма нелегкой. Сколько бы ни говорили прусские государственные деятели о необходимости установления самых дружественных отношений с Саксонским королевством и о необходимости обеспечения благосостояния новых саксонских подданных Пруссии⁴⁸, в Саксонии сохранялось недоверие к Пруссии и ее политике.

В адрес руководителей Конгресса все еще продолжали поступать протесты из Саксонии, направленные против проектов раздела страны. 21 февраля 1815 г. представители ряда округов Саксонии обратились к Александру I с письмом. В связи со слухами о предстоящем разделе страны они просили сохранить целостность государства под властью Фридриха Августа⁴⁹. В другом письме, адресованном (в начале марта) уже всему Конгрессу, указывалось, что саксонскому королю предпола-

гается оставить более населенную и в то же время более бедную часть страны и что искусственное расчленение единого государства может пагубным образом повлиять на его экономику. В обоих письмах выражалась надежда, что «просвещенный Конгресс» вернет саксонскому королю его права⁵⁰.

В Саксонии возлагали некоторые надежды на поддержку со стороны английского парламента, поскольку раздел Саксонского королевства мог неблагоприятно отразиться и на английских торговых интересах. «Надо полагать, что этот вопрос будет обсуждаться, как только откроются заседания парламента»⁵¹, — писал из Дрездена саксонский политический деятель Фридриху Августу даже советовали апеллировать к «общественному мнению», ибо это «единственная сила, которой большинство держав боится и с которой считается»⁵².

В конечном счете пять великих держав решили направить к Фридриху Августу в Прессбург⁵³ представителя, который «от имени Европы» должен был просить его пойти на некоторые жертвы «во имя общего блага». Выбор пал на Меттерниха⁵⁴, однако император Франц не хотел, чтобы Австрия одна оказывала давление на Саксонию, которая могла бы в будущем явиться для нее опорой в борьбе против Пруссии. Было решено включить в состав делегации также Веллингтона и Талейрана⁵⁵. Талейран, взывавший к международному праву (пока не был допущен к участию в руководстве Конгрессом) и еще недавно заверявший, что Франция делает все возможное для спасения Саксонии⁵⁶, теперь присо-

⁵⁰ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11798, лл. 3—5.

⁵¹ Karl Gruner an Einsiedel am 25. Februar 1815, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 30045, Bd. 1, Bl. 26.

⁵² Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden. Quelques considerations sur la position de la Saxe, Presburg, 8—9 März 1815, Loc. 2645, Bl. 73.

⁵³ После освобождения из заключения Фридрих Август, остававшийся фактически пленником, был отправлен в Прессбург.

⁵⁴ Протокол заседания представителей пяти держав от 6 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 1832, л. 142.

⁵⁵ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. III, pp. 896—897, 899. Меттерних, Веллингтон и Талейран прибыли в Прессбург 7 марта, в день получения известия о бегстве Наполеона с острова Эльбы.

⁵⁶ См. Talleyrand au Comte de Caraman 26 Janvier 1815. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2954, Bd. 2, 1815, Bl. 124.

⁴⁶ Блюхер — Гарденбергу 27 февраля 1815 г., O. Criste, Der Wiener Kongress, S. 106.

⁴⁷ Александр I — Ливену 22 февраля (6 марта) 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6848, л. 4.

⁴⁸ См. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, Nr. 242, fol. 52—53.

⁴⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11798, л. 2.

единился к представителям Англии и Австрии, чтобы заставить саксонского короля пойти на территориальные жертвы, французский дипломат говорил при этом о необходимости поддержания мира между великими державами, в то время как саксонский король, делая отчаянные попытки сохранить свои владения, ссылался на принципы, провозглашенные на Конгрессе Талейраном

Саксонские политические дельцы всячески подчеркивали, что любое решение относительно Саксонии останется незаконным, если король не даст на него своего согласия⁵⁷, и что великие державы не имеют никакого права распоряжаться саксонским престолом. Заявление о том, что от Фридриха Августа требуются лишь некоторые жертвы и что он сохранит свою корону, встретило с их стороны резкую отповедь: не нужно решения Конгресса, чтобы провозгласить Фридриха Августа законным королем Саксонии, и никакой конгресс в мире не может лишить его этого титула⁵⁸. Тогда от имени пяти великих держав королю в ультимативной форме было заявлено, что Пруссия немедленно вступит во владение предназначенной ей частью Саксонии, другая же часть страны будет возвращена королю только после того, как он присоединится к решению Конгресса. И хотя в Саксонии еще продолжали рассуждать о конечном торжестве права над тщеславием, подвергать сомнению право пяти держав подменять собою Конгресс⁵⁹ и обнадеживать короля якобы еще имеющимися шансами на спасение страны, Фридриху Августу и его министрам оставалось только уповать на чудо

Непредвиденная смерть одного из монархов, война между Россией и Турцией, революция в России, Польше или в Италии, разочарование населения Германии — любой из этих факторов мог, по словам Брейдера, еще изменить ход событий⁶⁰. Но все надежды оказались тщетными. Впрочем, и сам Брейдер не слишком верил в подобную возможность «Даст ли король требуемое согласие или откажется, все равно страна будет разделена или же по-

ставлена в положение полной беспомощности»⁶¹, — писал он несколько позднее главе саксонского правительства Эйнзиделю. Увидев полную бесполезность сопротивления, Фридрих Август, наконец, был вынужден уступить. Сначала он отказался от своих прав на бывшее Герцогство Варшавское, раздел которого был утвержден 3 мая 1815 г. договорами России с Австрией⁶² и России с Пруссией⁶³, затем, 18 мая, был заключен договор между Саксонией и Пруссией⁶⁴, по которому король Саксонии уступал Пруссии около половины территории своей страны, вместе с тем он подтверждал и свой отказ от прав на бывшее Герцогство Варшавское.

Вслед за решением польско-саксонской проблемы завершено было обсуждение ряда других вопросов, связанных с разделом и переделом территорий.

Особое место в работе Конгресса занимала Скандинавия. Еще в 1812 году шведское правительство начало делать попытки захватить Норвегию, находящуюся под властью Дании. В этом предприятии Бернадот рассчитывал на помощь России⁶⁵, с которой он поддерживал дружеские отношения, и Англии, соглашения с которой он добивался. Союзный договор между Швецией и Россией, подписанный в апреле 1812 года⁶⁶ и дополненный специальными военными конвенциями в июне⁶⁷, а затем при личном свидании Александра I и Карла Юхана⁶⁸ в августе 1812 года, предусматривал помощь Швеции России против Наполеона, Россия обещала помочь присоединению к Швеции Норвегии. Во время войны 1812 года Швеция занимала позицию благожелательного нейтралитета по отношению к России и перешла к активным

⁶¹ Breuer an Einsiedel, 19. März 1815. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2645, Bl 76—82

⁶² См. Angeberg Le Congrès, de Vienne, t III, p 1146

⁶³ Ibid, p 1154

⁶⁴ Ibid, p 1191

⁶⁵ См. Н. И. Казаков, Внешняя политика России перед войной 1812 г., «К столетию десятилетия Отечественной войны» (Сборник статей), Изд. во АН СССР, 1962

⁶⁶ См. «Внешняя политика России», т VI, стр 318—324

⁶⁷ Там же, стр 428—429

⁶⁸ Карл Юхан (Карл Иоанн) — бывший маршал Франции Бернадот, избранный в августе 1810 года шведским избирательным риксдагом наследником шведского престола и усыновленный бездетным королем Швеции Карлом XIII, с 1811 года — регент, в 1818—1844 годах — шведский король под именем Карла XIV Юхана

⁵⁷ См. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2645, Bl 73

⁵⁸ Ibid Bl 91

⁵⁹ См. Verschiedene auf die politischen Ereignisse den Wiener Kongress, die Landesteilung bezügliche Papiere aus dem Nachlass Breuer, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2645 Bl 91

⁶⁰ См. Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc 2645 Bl 72

действиям против Наполеона лишь в 1813 году⁶⁹. В том же году был заключен союзный договор между Англией (еще в конце 1812 г обещавшей Швеции финансовую помощь для организации военной экспедиции против наполеоновских войск в Германии)⁷⁰ и Швецией (3 марта 1813 г)⁷¹. Заключение англо-шведского союза означало фактическое присоединение Англии к русско-шведскому договору, Англия обещала Швеции дипломатическую помощь, а также в случае отказа Дании уступить Швеции Норвегию поддержку своего флота, за согласие на отказ от работорговли Бернадот получил от Англии Гваделупу (когда впоследствии Гваделупа отошла к Франции, Англия уплатила за нее Швеции компенсацию). Согласие на переход Норвегии к Швеции Англия дала в расчете на то, что шведская Померания отоидет к Пруссии, что будет способствовать ее укреплению. Аналогичных гарантий в отношении Норвегии Швеция добилась и от двух других великих держав — Австрии и Пруссии.

В ходе военной кампании 1813 года войска Дании — союзницы наполеоновской Франции — были разбиты в Гольштейне. 14 января 1814 г. в Киле Дания подписала кильские мирные договоры⁷² со Швецией и Англией. По шведско-датскому договору датский король от имени своего и своих наследников отказался в пользу Швеции от Норвегии и получал взамен шведскую Померанию и остров Рюген (в дальнейшем шведская Померания и Рюген были уступлены Данией Пруссии, за что Дания получила Лауэнбург, а также денежную компенсацию). Вопрос как будто был решен, но осуществление этого решения оказалось делом совсем не легким. Норвежцы отказались подчиниться условиям Кильского договора. Они провозгласили независимость и избрали королем губернатора Норвегии, датского принца Кристиана Фре-

⁶⁹ См «Внешняя политика России», т VI, стр 545—548, 769—770 (примечание 592)

⁷⁰ См Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time Publ under the Superintendance of T C Hansard, vol XXIV, p 84

⁷¹ См British and Foreign State Papers, vol I, P I, L, 1841, pp 296—301

⁷² См Ch Martens, I Cussy, Recueil manuel et pratique de traites, conventions et autres actes diplomatiques, t 2, Leipzig, 1846, pp 402—410

дерика, двоюродного брата датского короля Фредерика VI. 19 января король дал распоряжение Кристиану Фредерику назначить комиссаров для передачи крепостей, банка и других объектов Швеции, но принц отказался выполнить это указание⁷³. Учредительное собрание Норвегии выработало конституцию, которая была принята 17 мая 1814 г. После этого по предложению английского премьер-министра лорда Ливерпуля в Норвегию была направлена специальная миссия для того, чтобы разъяснить норвежцам позицию Англии и убедить Кристиана Фредерика отказаться от норвежского престола. Однако, ознакомившись с настроениями норвежского населения, решительно выступавшего против присоединения Норвегии к Швеции, руководитель миссии Морье дал согласие на поездку делегации только что избранного норвежского стортинга в Англию⁷⁴. 26 марта представитель норвежского стортинга Карстен Анкер был принят Ливерпулем. Английский премьер отказался поддерживать независимость Норвегии, ссылаясь на договор Англии со Швецией и на то, что Норвегия все время была враждебна Англии, а независимость провозгласила только после поражения Дании. Ливерпуль ограничился только заверением, что конституция Норвегии будет сохранена, если она прекратит сопротивление и признает власть Швеции. Анкер от этих условий отказался.

В парламенте политика английского правительства в отношении Норвегии встретила сопротивление оппозиции. В связи с этим Ливерпуль писал Каслри: «В парламенте предстоит обсуждение вопроса о Норвегии. Сопротивление норвежцев здесь популярно. Положение щекотливое, так как авторитетные источники подтверждают, что область, уступленная ее государем, имеет право отказаться признать нового господина. Но мы можем сослаться на особые обстоятельства, поведение принца Кристиана позволяет утверждать, что норвежское сопротивление инспирировано им и поддерживается датскими офицерами. Пока они не будут изгнаны... это не норвежское, а датское сопротивление. Такая точка зрения удов-

⁷³ Фредерик VI — Кристиану Фредерику 20 июня 1814 г., ЦГАОР, ф 1711 (М Ф Орлов), оп 1, ед хр 14, л 13

⁷⁴ См С К Webster, The Foreign Policy of Castlereagh, p 307

летворит в настоящий момент публику, но затруднения все же могут быть...»⁷⁵.

Между тем в Норвегию вторглись шведские войска. Представители союзных держав, направленные в Норвегию и Данию, получили задание: оказать воздействие на Кристиана Фредерика, чтобы заставить его покинуть Норвегию, и на Фредерика VI, побуждая его к более энергичным мерам против непокорного принца.

«Продолжительное сопротивление Норвегии и ее отказ перейти под власть Швеции привели Его Императорское Величество к решению совместно с союзниками потребовать от датского двора принятия более эффективных мер, чтобы заставить эту провинцию подчиниться условиям Кильского договора»⁷⁶, — писал Нессельроде графу Орлову. По распоряжению императора Орлов направлялся в Копенгаген, где ему поручалось действовать вместе с русским послом в Дании Лизакевичем⁷⁷. От имени русского императора он сделал заявление королю и потребовал от него принятия более суровых мер, способных вернуть принца к выполнению долга, от которого он уклонился; после этого ему надлежало немедленно вернуться в Норвегию, вручить Кристиану Фредерику приказ короля и потребовать повиновения.

Орлову указывалось, что в своих действиях он должен исходить из непоколебимого решения императора добиться уступки Норвегии, которую он гарантировал Швеции. В случае, если датский король не прислушается к советам императора, русский представитель был уполномочен заявить, что армия генерала Беннигсена, усиленная прусским корпусом, будет действовать вместе со шведскими войсками⁷⁸. Последняя угроза не могла не возыметь действия, особенно если учесть, что русские войска находились в Гольштейне.

⁷⁵ Ливерпуль — Каслри 3 мая 1814 г., С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, Append B, p. 541

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 1711 (Орлов М. Ф.), оп. 1, ед. хр. 18, л. 63; хранящиеся в ЦГАОР материалы будущего декабриста М. Ф. Орлова, связанные с его дипломатической миссией в Данию, Швецию и Норвегию, не вошли в публикацию М. Ф. Орлова, *Капитуляция Парижа*. Политические сочинения Письма, Изд-во АН СССР, 1963

⁷⁷ О миссии М. Ф. Орлова в Скандинавские страны см. Л. Я. Павлова, *Декабрист М. Ф. Орлов*, Изд-во АН СССР, 1964, стр. 20—24

⁷⁸ См. ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 18, лл. 65—66

20 июня датский король направил в столицу Норвегии Христианию гневное письмо. Он писал Кристиану Фредерику, что союзные державы никогда не признают независимость Норвегии; они требуют выполнения условий Кильского договора; пока не осуществлен союз Норвегии со Швецией, невозможны мирные отношения Дании с этими государствами⁷⁹. Фредерик VI упрекал принца в пренебрежении своими обязанностями по отношению к королю, тогда как ему следовало показывать пример покорности. Письмо заканчивалось требованием, чтобы Кристиан Фредерик в течение 15 дней сложил с себя власть правителя Норвегии и немедленно вернулся в Данию, в противном случае ему грозит суд⁸⁰. Письмо было передано принцу через представителей союзных держав. Но Кристиан Фредерик проявил неожиданное упорство. Он ответил только через три с лишним недели патетическим письмом, в котором заявлял о своей готовности разделить судьбу норвежцев, если Швеция не захочет заключить с ними перемирие на почетных условиях и «если они предпочтут отчаянную защиту»⁸¹. Принять поставленные королем условия значило бы нарушить присягу и долг по отношению к народу, доверившему ему свою судьбу, и быть недостойным когда-либо носить корону, утверждал Кристиан Фредерик. Право устанавливать, должна ли судьба Норвегии быть решена без применения оружия, он признавал только за норвежским парламентом; ему он обещал обрисовать все «выгоды и права», которые принесет норвежскому народу объединение со Швецией. «Я... уничтожил бы все препятствия к союзу со Швецией, я пожертвовал бы своим счастливым положением отца народа, который мне дорог, я вернул бы добровольно корону в руки тех, кто с таким доверием предложил ее мне, так как я надеюсь предотвратить большие бедствия»⁸², — заверял принц и настаивал, чтобы ему было предоставлено не 15 дней, а, по крайней мере, три месяца для осуществления этой задачи — срок, в течение которого возможно, по его мнению, заключение перемирия со Швецией.

⁷⁹ См. ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 14, л. 13

⁸⁰ Там же, л. 14

⁸¹ Кристиан Фредерик — Фредерику VI 16 июля 1814 г.

■ ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 14, л. 17.

⁸² Там же, л. 6

В августе сопротивление Норвегии было сломлено 14 августа 1814 г было подписано соглашение между Швецией и Норвегией Шведский король обязался послать комиссаров для выработки условий личной унии между Швецией и Норвегией Эти комиссары были назначены в начале октября⁸³ «Парламент, созванный в Христиании, откроется 7 октября, и король надеется, что его первым актом будет полное подчинение Швеции, при условии, что король согласится на все возможное, чтобы обеспечить нации ее конституцию и привилегии»⁸⁴, — писал русский дипломат Сухтелен Нессельроде 3 октября

Кристиан Фредерик вынужден был окончательно отказаться от норвежской короны Вскоре он покинул Норвегию «Норвежский парламент развил большую активность Принц, бывший король Норвегии, уже инкогнито покинул сцену»⁸⁵, — писал графу Орлову русский консул в Норвегии После того как Норвегия прекратила сопротивление, датское правительство ожидает обещанного вознаграждения, оно рассчитывает теперь на благо-склонное отношение со стороны русского императора, писал Нессельроде Лизакевич 15 октября 1814 г⁸⁶ 4 ноября норвежский стортинг утвердил образование шведско-норвежской унии В этот же день Государственный совет Норвегии направил шведскому королю письмо с извещением о решении парламента «предложить корону Его Величеству королю Карлу XIII и его законным наследникам»⁸⁷ Бернадот утвердил норвежскую конституцию Но дело еще не было завершено Противники объединения со Швецией пытались продолжать борьбу Карстен Анкер, все еще находившийся в Лондоне, 5 ноября заявил о возможности гражданской войны в Норвегии, поскольку предполагаемый союз «встречается с различным противодействием, даже с оппозицией неко-

⁸³ Сухтелен — Нессельроде 23 сентября (5 октября) 1814 г., ЦГВИА ф 93, д 104, л 6

⁸⁴ ЦГВИА ф 93 д 483 л 2

⁸⁵ ЦГАОР, ф 1711, ед хр 30, л 8

⁸⁶ См АВПР, ф Канцелярия, д 2715 л 103

⁸⁷ Государственный архив Швеции Muskovitica, Beskickningens I Petersburg arkiv 1812—1879 (микрофильм) (в дальнейшем Muskovitica)

рых провинции», и обратился с просьбой о покровительстве к английскому правительству⁸⁸

Потеряв надежду на сохранение независимости Норвегии, что, собственно, и было целью его поездки в Лондон, Анкер пытался добиться хотя бы гарантии сохранения норвежской конституции со стороны тех государств, которые обещали Швеции обеспечить переход к ней Норвегии Но копия письма Анкера английскому правительству и Памятная записка, направленная им в зашифрованном виде Государственному совету в Христиании, попали в руки шведов⁸⁹ Шведское правительство было уже уверено в том, что Норвегия подчинена «Переговоры Анкера не будут иметь желаемого успеха Теперь этот вопрос отпадает, так как в Норвегии все кончено»⁹⁰, — заявил министр иностранных дел Швеции Энгстрем

Сломив сопротивление норвежцев при помощи военной силы и при дипломатической поддержке великих держав, правительство Швеции пыталось изобразить присоединение Норвегии как добровольный акт со стороны ее населения «Из того, что норвежский парламент избрал по своему свободному выбору Его Величество короля Швеции королем Норвегии, очевидно, что объединением с Норвегией мы обязаны не договору в Вене, а доверию норвежской нации»⁹¹, — писал Энгстрем шведскому представителю на Конгрессе Левенгелъму, пересылая ему газету с сообщением о решении норвежского стортинга и поручая предать это сообщение самой широкой гласности Убедившись, что Норвегия приведена к покорности, Бернадот вернулся из Христиании в Стокгольм⁹²

Хотя вопрос о Норвегии был решен, отношения между Данией и Швецией оставались крайне напряженными Бернадот обвинял датское правительство в невыполнении Кильского договора и требовал лишить принца Кри-

⁸⁸ См АВПР, ф Канцелярия д 10846, лл 93—94

⁸⁹ Сухтелен — Нессельроде 2(14) декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия д 10846, л 91

⁹⁰ Государственный архив Швеции Muskovitica (микрофильм)

⁹¹ Энгстрем — Левенгелъму 10 ноября 1814 г., Государственный архив Швеции Muskovitica (микрофильм)

⁹² Энгстрем — Левенгелъму 25 ноября 1814 г., Государственный архив Швеции, Muskovitica (микрофильм)

стиана Фредерика права наследования. Он не желал отдавать Дании обещанные территории, мотивируя это тем, что Фредерик VI и его министры не обеспечили подчинение населения Норвегии новой власти. Представитель Дании на Конгрессе граф Бернсторф тщетно взывал к справедливости и благоразумию великих держав, доказывал законность требований своего государства⁹³. Оперировавшие наиболее часто повторявшимися в это время аргументами, он утверждал, что восстановление Европы невозможно, если Дания останется «ограбленной и оскорбленной» и не получит компенсации за принесенные ею жертвы⁹⁴. В течение ноября — декабря между Копенгагеном и Стокгольмом шел оживленный обмен нотами, в обеих столицах то и дело появлялись курьеры с депешами⁹⁵. Речь шла о том, считать ли выполненными со стороны Дании условия Кильского договора и, следовательно, должна ли Швеция выполнить свои обязательства.

Шведское правительство стремилось доказать, что сопротивление Норвегии, преодоление которого потребовало от Швеции значительных усилий, меняет коренным образом всю обстановку. Эта мысль была высказана еще весной 1814 года шведским генералом Тавастом, заявившим, что судьба шведской Померании и острова Рюген будет зависеть только от одного обстоятельства — исхода борьбы в Норвегии⁹⁶, и затем повторялась на все лады шведскими деятелями. Напрасно датские дипломаты доказывали, что король Дании сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить переход Норвегии к Швеции: освободил норвежцев от присяги, прервал всякую торговлю и все связи между ними и датскими подданными, отдал все необходимые распоряжения⁹⁷; если же король

⁹³ Бернсторф — Нессельроде 19 ноября 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11735, лл 1—2

⁹⁴ См АВПР, ф Канцелярия, д 11735, л 2. Аналогичные ноты были направлены представителям Австрии, Пруссии, Англии и Франции (см Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, pp 449—450)

⁹⁵ Лизакевич — Нессельроде 12(24) декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 2715, л 132

⁹⁶ Датский посол в Стокгольме Крабб — Энгстрему 11 декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11811, л 11

⁹⁷ Там же, л 12

Швеции не сумел сразу вступить во владение своим приобретением — это не вина Дании⁹⁸.

Требования Дании начинают звучать все более решительно. Посол Дании в Стокгольме Крабб настаивает на том, чтобы Швеция приняла необходимые меры и обеспечила датскому королю возможность пользоваться всеми без исключения правами, которые предусматривает в его пользу договор; от имени Фредерика VI он выражал глубокое убеждение в том, что «для укрепления мира, установленного на севере, необходимо выполнение обеими сторонами условий договора, заложившего фундамент этого мира»⁹⁹.

Швеция, однако, стояла на своем. Она не только не спешила с передачей Дании обещанных территорий, но и отказывалась вернуть задержанные ею датские суда и даже собственность самого короля. Не получила Дания и денежной компенсации¹⁰⁰. И Крабб, и Бернсторф, и другие датские дипломаты упорно отстаивали права Дании. Что же касается самого короля Фредерика VI, то его влияние на ход политических переговоров было ничтожным, он сам это хорошо понимал и при случае даже подшучивал над своей незавидной ролью на Конгрессе. По свидетельству очевидцев, его излюбленным занятием в Вене было посещение кафе, куда он отправлялся инкогнито — пешком и в плохой одежде, к великому раздражению лиц, вынужденных его всегда сопровождать¹⁰¹.

Дания, потеряв надежду на то, что ей удастся собственными силами добиться от Швеции выполнения обязательств, рассчитывала теперь лишь на помощь великих держав, и в частности на поддержку российского императора¹⁰². Нессельроде получал одну ноту за другой за подписями барона Розенкранца и графа Бернсторфа. Они жаловались на незаконные действия и несправедливые обвинения, выдвигаемые шведским правительством, оспаривали заявление Энгстрема о том, что, поскольку

⁹⁸ Копия датской ноты от 7 декабря 1814 г., врученной послам Дании в Стокгольме, АВПР, ф Канцелярия, д 1811, л 8

⁹⁹ Там же, л 9

¹⁰⁰ Лизакевич — Нессельроде 12(24) декабря 1814 г., АВПР, ф Канцелярия, д 2715, л 132

¹⁰¹ См O. Criste, Der Wiener Kongress, S 7.

¹⁰² См АВПР, ф Канцелярия, д 2715, л 133.

сопротивление норвежцев вынудило Швецию применить вооруженную силу, она считает Кильский договор аннулированным, а себя — свободной от каких бы то ни было обязательств¹⁰³.

Датские представители снова и снова повторяли, что король, отдав все необходимые распоряжения, не может отвечать за их выполнение в стране, которая вышла из-под его власти¹⁰⁴. Что было бы, если бы шведское правительство настояло на своем и аннулировало Кильский договор?! — восклицают датские дипломаты. Возобновились бы состояние войны между Данией и Швецией, король Дании вступил бы снова в свои права, от которых он отказался только ради этого договора, присяга, которую норвежцы принесли своему новому государю, потеряла бы силу; государства, занятые созданием и укреплением союза Швеции и Норвегии, обнаружили бы, что их труды пропали даром, их гарантиями пренебрегли, их чистосердечие скомпрометировано¹⁰⁵. И, апеллируя к самолюбию Александра I, они намекают, что отказ Швеции выполнить свои обязательства является оскорблением и для русского императора, торжественно гарантировавшего договор¹⁰⁶. Нессельроде были также пересланы ноты, которыми обменялись Крабб и Энгстрем¹⁰⁷.

В разгар переговоров на сцене появилось еще одно действующее лицо. Бывший шведский король Густав IV Адольф¹⁰⁸ решил, что настал удобный момент для предъявления своих прав, и обратился к Конгрессу с нотой, в которой заявил, что отречение его было вынужденным, что оно, во всяком случае, не распространяется на его сына, и выражал надежду, что великие державы восстановят в Швеции законную власть¹⁰⁹. Нота была переда-

¹⁰³ Розенкранц, Бернсторф — Нессельроде 2 января 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11811, л 2

¹⁰⁴ Розенкранц — Нессельроде 7 января 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11811, л 6

¹⁰⁵ См АВПР, ф Канцелярия, д 11811, л 4.

¹⁰⁶ Там же, л 5

¹⁰⁷ Там же, л 6

¹⁰⁸ Густав IV Адольф — король Швеции в 1792—1809 годах, обвиненный в деспотическом образе правления и в военных поражениях, в результате которых Швеция потеряла Финляндию и некоторые другие территории, был низвергнут в результате армейского заговора с престола и изгнан из Швеции

¹⁰⁹ См Angeberg Le Congrès de Vienne, t. II, p. 476.

на через адмирала Сиднея Смита, человека в высшей степени деятельного, с авантюристическим складом характера. После бурной, полной приключений жизни (он был моряком английского, шведского и даже турецкого флота, воевал в Америке и Франции, участвовал в боях под Аккрой и на Средиземном море, сидел в парижской тюрьме и заседал в английском парламенте, командовал флотом и сопровождал семью португальского короля в Бразилию) этот «дьявол Сидней Смит», как назвал его Наполеон, выступил в Вене в роли представителя Густава Адольфа, экс-короля Швеции¹¹⁰.

В своей ноте Густав Адольф старался показать, что он потерял престол лишь в результате произвола Наполеона Бонапарта, с которым он никогда не хотел поддерживать связей; что власть у него была отнята только в силу политической необходимости и в результате угроз со стороны иностранных держав, он не может признать лишения его сына прав на престол и надеется, что принц, по достижении совершеннолетия, вступит достойным образом на трон своих предков. Лично он никаких притязаний на престол не предъявляет.

Момент казался удобным: слова «справедливость», «вознаграждение», «законность» повторялись беспрестанно, и Смит старался использовать их в интересах своего доверителя. Он часто повторял, что, пока в Англии есть парламент, он будет обращаться к нему с вопросами, почему законный король лишен своего скипетра, почему упорнейший враг Наполеона приносится в жертву... Но проходили дни и месяцы, а о том, чтобы вернуть низложенному королю его трон, не было и речи.

Но как пылко ни выступал Сидней Смит в защиту прав «законного короля Швеции», морской офицер, видимо, брал в нем верх над дипломатом, и на Конгрессе он был известен главным образом своими требованиями повести решительную борьбу против пиратов¹¹¹.

В спорах, которые велись вокруг Кильского договора, Россия, а за ней и Пруссия поддерживали Швецию. Александр I был верен своему союзу с Бернадотом, тем более что Норвегия должна была послужить компенса-

¹¹⁰ См. A de la Garde, Gemalde des Wiener Kongresses 1814—1815, Bd II, SS 91—92

¹¹¹ См Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, p. 585

цией Швеции за Финляндию, отошедшую к России в 1809 году по Фридрихсгамскому мирному договору. Пруссия сама рассчитывала на получение шведской Померании и потому не собиралась добиваться ее передачи Дании.

Чем больше затягивались переговоры, тем более твердо доказывало шведское правительство, что Дания не имеет ни малейшего права требовать передачи ей Померании и острова Рюген, поскольку датский король не принял мер, обеспечивающих вступление Швеции во владение Норвегией и ее крепостями, оно сетовало на то, что, хотя почти все великие державы гарантировали Швеции обладание Норвегией, ей пришлось вести за нее войну, словно Кильского договора вообще не существовало. «Было бы несправедливо пытаться сделать Швецию жертвой неповиновения датского принца своему государю»¹¹², — заявлял Энгстрем в своей ноте датскому послу. Шведское правительство обвиняло и представителей великих держав в том, что они проводили в Норвегии антишведскую политику, что двое из комиссаров, направленных четырьмя державами к принцу Кристиану, больше сделали для того, чтобы разжечь войну между Норвегией и Швецией, чем для того, чтобы убедить принца по доброй воле покинуть Норвегию¹¹³. В официальных же речах в Стокгольме присоединение Норвегии к Швеции изображали как событие, счастливое для всех жителей Скандинавии¹¹⁴.

Наконец, 20 апреля 1815 г на совещании представителей пяти держав выступил Кланкарти и от имени английского правительства потребовал, чтобы конференция приняла определенное решение относительно передачи шведской Померании Дании и сообщила о нем представителю Швеции в Вене Левенгелюму¹¹⁵. На заседании 27 апреля Кланкарти снова предложил, чтобы ве-

ликие державы подписали и вручили Левенгелюму официальное решение, с тем чтобы побудить Швецию выполнить условия Кильского договора. Представители России и Пруссии отказались обсуждать этот вопрос до получения указаний своих правительств¹¹⁶. Но этим поддержка Дании со стороны Англии и ограничилась. Правда, шведский король, получив компенсацию за Гваделупу, согласился, наконец, отдать шведскую Померанию, но обмен территориями между Швецией, Данией и Пруссией был проведен таким образом, что досталась она Пруссии. Дания же получила взамен уступленное ей Пруссией герцогство Лауэнбург и отказалась после этого от каких бы то ни было претензий к Швеции¹¹⁷.

По сути дела Дания покинула Конгресс с большими потерями. И на слова Александра I, обращенные им при прощании к датскому королю: «Вы увозите с собой наши сердца», — Фредерик VI имел все основания ответить: «Но, увы, ни одной души!»¹¹⁸. Так волей великих держав Дания была сведена на положение третьестепенной державы¹¹⁹, была подавлена попытка Норвегии добиться независимости, Швеция, превратившаяся в сильное скандинавское государство, своим отказом от немецких владений способствовала усилению Пруссии, что являлось осуществлением давних планов английской дипломатии.

Немало времени в работе Конгресса занимали переговоры относительно будущего положения Голландии. Особно большое значение придавала им Англия. Основной ее позиции было стремление создать Нидерландское королевство, передав Голландии Бельгию. Особенно Англию интересовал вопрос об Антверпене, захват которого любой великой державой создавал, по мнению анг-

¹¹⁶ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t III, p 1120

¹¹⁷ Договор Дании с Пруссией 4 июня 1815 г и договор Швеции с Пруссией 7 июня 1815 г, Angeberg, Le Congrès de Vienne, t III, pp 1338—1340, 1353—1358

¹¹⁸ Der Wiener Kongress nach Aufzeichnungen, S 102

¹¹⁹ Английские историки, в частности Вебстер, утверждают, будто датский король и его министры были благодарны Англии за помощь (см. С. К. Webster The Foreign Policy of Castlereagh, pp 391—392). В действительности именно Англия в первую очередь способствовала отторжению от Дании Норвегии и осуществлению на Конгрессе невыгодного для Дании территориального обмена

¹¹² Энгстрем — Краббу 12 февраля 1815 г. Государственный архив Швеции, Muskovitica (микрофильм)

¹¹³ Государственный архив Швеции, Muskovitica (микрофильм)

¹¹⁴ Речь короля Швеции на открытии Сельскохозяйственной академии в Стокгольме помещенная в газете «Inrikes Tidningar» за 31 января 1815 г, АВПР, ф Канцелярия, л 10849, лл 8—9. Приложена к письму Сухтелена Нессельроде, АВПР, ф Канцелярия, л 10849, л 7

¹¹⁵ См. Angeberg Le Congrès de Vienne, t III, p. 1083

лийских государственных деятелей, угрозу Британским островам¹²⁰.

На протяжении длительного времени Каслри добивался осуществления этой задачи, он настойчиво доказывал союзникам необходимость образования Нидерландского королевства, достаточно сильного, чтобы сохранить свою независимость. То, что Бельгия отнюдь не стремилась оказаться под властью принца Оранского, мало смущало английского министра и лишь заставляло его изыскивать самые различные средства, чтобы склонить главных участников Конгресса к признанию проектируемого государства. В случае присоединения Бельгии к Голландии он готов был пойти на возвращение Франции некоторых колонии. России Каслри обещал поддержать перед английским правительством ее просьбу переложить на Голландию или Англию часть русского долга голландским банкирам¹²¹.

Вопрос о присоединении Бельгии к Голландии был в принципе решен во время парижских переговоров. Договор 30 мая 1814 г. предусматривал создание под властью оранской династии Нидерландского королевства, включающего Голландию, Бельгию и земли по левому берегу Рейна¹²².

Предполагавшийся брак между наследным принцем Оранским и английской принцессой Шарлоттой должен был упрочить англо-голландский союз и английские позиции в Нидерландах. И хотя планы эти сорвались, в Англии усиленно подчеркивали расположение к оранскому дому; принц Оранский был награжден высшим английским орденом, ему было поручено командование ганноверско-голландской армией, которая по соглашению между союзниками должна была находиться во Фландрии и содержаться на английские средства.

Судьба Бельгии должна была окончательно решиться в Вене, однако уже 14 июня 1814 г. в Лондоне представители четырех союзных держав договорились передать временное управление над ней принцу Оранскому. Придя к соглашению по существу вопроса, они обсужда-

ли теперь условия, на которых должно было произойти объединение Бельгии с Голландией¹²³.

Голландское правительство ради приобретения Бельгии готово было согласиться на любые условия, включая отмену работорговли, на чем настаивала Англия, и принятие на себя части русского долга (имеется в виду старая задолженность России Голландии), что могло обеспечить ему поддержку России.

В свою очередь, Каслри, придававший важное значение обеспечению поддержки России в вопросе о присоединении Бельгии к Голландии, договорился с голландским послом о том, что Англия возьмет на себя уплату значительной части русского долга. В июле 1814 года он писал Нессельроде, что, хотя вопрос очень труден, он будет пытаться его решить, если только Россия сделает необходимые шаги навстречу английским планам¹²⁴.

В Вене планы Голландии пришли в столкновение с притязаниями Пруссии на левобережье Рейна. «Голландская делегация настроена враждебно по отношению к Пруссии»¹²⁵, — доносил тайный агент австрийской полиции 30 января 1815 г. Сложная обстановка, возникшая в связи с польско-саксонской проблемой, а главное — стремление усилить Пруссию заставили Каслри в какой-то мере поступиться интересами Голландии и дать согласие на передачу Пруссии левобережье Рейна¹²⁶. Ему тем легче было пойти на это, что наиболее важным для усиления Голландии он считал предоставление ей границы по Маасу — для создания барьера против Франции. Веллингтон, оценивавший этот план со стратегической точки зрения, настаивал на том, чтобы к Нидерландам отошли оба берега Мааса и епископство Льеж.

По настоянию Пруссии принц Оранский отказался от своих наследственных владений в Нассау¹²⁷, получив взамен герцогство Люксембургское. Этому обмену тщетно пытался противиться представитель Голландии в Вене Гагерн. Он ссылаясь на Шомонский трактат, на при-

¹²³ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. I, p. 182.

¹²⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6848, л. 64.

¹²⁵ M. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t. II, p. 113.

¹²⁶ См. British Diplomacy, p. 301.

¹²⁷ Гарденберг еще в июне 1814 года предложил принцу Оранскому обменять его германские владения на значительную часть епископства Льеж (см. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, Nr. 303, fol. 8).

¹²⁰ См. British Diplomacy, pp. 112, 118.

¹²¹ См. C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh, p. 231.

¹²² См. ст. VI и ст. VII (отдельная и секретная), Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. I, pp. 165, 171.

вязанность принца к своим древним владениям и обвинял Англию в пренебрежении к интересам Голландии¹²⁸.

К середине февраля вопрос о границах Нидерландов был в основном решен. «Ставелот и Льеж, Лимбург и Намюр присоединены к Голландии»¹²⁹, — доносил шефу австрийской полиции Гагеру его агент, ссылаясь на сообщение, исходившее из голландского посольства; следует отметить, что против присоединения к Голландии возражали и Льеж, и Ставелот¹³⁰.

Австрия и Франция вынуждены были согласиться на расширение территории Голландии. Австрию Бельгия интересовала несравненно меньше, чем Саксония и Польша, к которым было приковано ее внимание. Талейран же твердо придерживался занятой им позиции: стараться не выставлять требований, которые бы шли вразрез с условиями Парижского договора; Бельгия была для Франции потеряна, и с этим приходилось мириться. Зато русские представители, не выдвигая серьезных возражений против создания Нидерландского королевства, требовали от английского правительства выполнения обещаний. «Россия внесла большой вклад в общее дело и оказала поддержку Англии в создании Нидерландского королевства, — писал Нессельроде в своем меморандуме 13 февраля 1815 г. — Она имеет право рассчитывать на удовлетворение своих требований». Принцу-регенту (английскому) и принцу Оранскому, указывал он, следует взять на себя часть долга России Голландии¹³¹.

Каслри от своего обязательства не отказывался, но, поторговавшись с Россией, договорился, что Англия оплатит не две трети, как Каслри первоначально обещал России, а половину русского долга. Однако от заключения соглашения до его выполнения было весьма далеко, и вопрос этот еще неоднократно являлся предметом обсуждения. 3 марта 1815 г. русский министр финансов писал Нессельроде, что было бы весьма желательным переложить хотя бы половину долга на Англию и Нидер-

ланды. Одобряя меморандум, который Нессельроде направил Каслри, он добавляет, что в случае войны и оккупации Нидерландского королевства соглашение должно оставаться в силе; его действие может быть прекращено лишь в случае отделения Бельгии — с того момента, когда Голландия признает это отделение¹³².

Английский кабинет министров долгое время противился выплате Англией сумм по русскому долгу; но возвращение Наполеона заставило его дать согласие, поскольку в этих условиях было особенно важно обеспечить признание Нидерландского королевства Россией.

Стремясь закрепить свое новое положение, принц Оранский поспешил принять титул короля Нидерландов, о чем его представители на Конгрессе сообщили министрам великих держав¹³³; собственноручные письма принца были направлены монархам, поддержкой которых он хотел заручиться¹³⁴.

Создание Нидерландского королевства и определение его границ означало почти полное завершение территориального переустройства северной Германии¹³⁵. Новое государство — это детище прежде всего английской политики — должно было явиться сильным заслоном против Франции и значительно усилить позиции Англии на европейском континенте. Вместе с тем присоединение к Голландии Бельгии, по мнению Каслри, компенсировало Голландии захваченные у нее Англией Капскую колонию и Цейлон.

Меньше столкновений вызвало обсуждение вопроса о Швейцарии, хотя и оно затянулось на несколько месяцев.

Комиссия по швейцарским делам была создана Советом четырех держав и впервые собралась 14 ноября 1814 г.¹³⁶ В ее состав входили Вессенберг — от Австрии, Гумбольдт — от Пруссии, Стюарт и Стратфорд-Каннинг — от Англии, Каподистрия и Штейн — от России.

Несмотря на то что Меттерних еще 5 ноября обещал Талейрану добиться включения представителя Франции

¹³² См. АВПР, ф Канцелярия, д 6848, л 99

¹³³ Гагерн, Спэн — Нессельроде 28 марта 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11825, л 1

¹³⁴ Принц Оранский — Александру I 17 марта 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11825, л 3

¹³⁵ Каслри — Ливерпулю 13 февраля 1815 г., British Diplomacy, p 303.

¹³⁶ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, p 430.

¹²⁸ Гагерн — Кланкарти 6 февраля 1815, M H Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t II, p 154

¹²⁹ Донесение Гагеру 16 февраля 1815 г., там же, p 217

¹³⁰ Нота представителей Льежа и Ставелота великим державам, АВПР, ф Канцелярия, д 11770, л 3

¹³¹ См. АВПР, ф Канцелярия, д 6848, лл 60, 61

в состав комиссии, Франция не была допущена к ее первым совещаниям. Только 30 ноября представитель Франции Дальберг был приглашен к участию в обсуждении швейцарских дел. Впрочем, еще до создания швейцарской комиссии Талейран поручил Дальбергу начать переговоры непосредственно с главой швейцарской делегации Рейнгардтом¹³⁷. В дальнейшем Дальберг все время поддерживал связь с представителями Швейцарии, и прежде всего аристократических кантонов¹³⁸.

Парижским договором 1814 года (ст. VI) предусматривались независимость и самостоятельное управление Швейцарии¹³⁹. Теперь на Конгрессе встал вопрос о ее государственном устройстве и обеспечении ее нейтралитета. Дело осложнялось тем, что между 19 швейцарскими кантонами, каждый из которых направил на Конгресс своего представителя, возникли серьезные трения из-за распределения территории; кантоны различались по своему экономическому развитию, языку (в восточных кантонах преобладал немецкий язык, в западных — французский), вероисповеданию (на севере большинство составляли лютеране и кальвинисты, в центре и на юге — католики). Акт о медиатизации, изданный Наполеоном в 1803 году, признавал суверенитет кантонов, в том числе кантонов Ваадт (Во) и Ааргау, на которые ранее распространялась власть Берна.

В декабре 1813 года в Швейцарию вступили войска союзников (это было сделано вопреки требованию Александра I соблюдать нейтралитет Швейцарии). Вскоре после этого, 3 января 1814 г., кантонам было предложено разработать проект конституции; при этом условия союзники выражали согласие допустить представителей Швейцарии на Конгресс и обещали поддерживать объединение 19 кантонов. Начиная с весны 1814 года в Швейцарии шла напряженная борьба между кантонами аристократическими (среди них ведущее место занимал Берн) и либерально-демократическими. Борьба эта привела к созыву двух сеймов: один собрался в Цюрихе по

инициативе либерально-демократических кантонов, другой — «законный», в противовес первому был созван в Люцерне. Наконец, в сентябре 1814 года сейм принял в конфедерацию новые кантоны: Ваадт (Во), Невшатель и Женева и одобрил новый федеральный пакт, который должен был стать основой для устройства Швейцарии.

Комиссии по швейцарским делам пришлось сразу же заняться рассмотрением претензий Берна, который настаивал на возвращении ему Ааргау и части кантона Ваадт и грозил выходом из конфедерации. Ссылаясь на международное право, представители Берна указывали, что территория Ваадта и Ааргау была отобрана у них силой (после вступления в 1798 г. в Швейцарию французских войск и провозглашения Гельветической республики); Берн никогда не признавал законность этого отторжения, а так как сила не может быть источником права, то, следовательно, Ваадт и Ааргау юридически не перестали принадлежать Берну.

Поддерживая принцип, на который опирался Берн, союзники, тем не менее, не были расположены признать его требования, для удовлетворения которых пришлось бы применить силу. Но и просто отмахнуться от этих требований они тоже не могли. Проблема оказалась настолько существенной, что и Вессенберг и Гумбольдт пришли на первое же заседание комиссии с письменными заявлениями. Австрийское заявление указывало, что, поскольку великие державы признали необходимым сохранить целостность и единство 19 кантонов и еще в мае 1814 года заявили об этом своем намерении, они должны выполнять свое обязательство.

Территориальные притязания Берна заслуживают всяческого внимания, и заинтересованные державы стремятся найти способ удовлетворить их, не задевая интересы других кантонов; но согласиться на передачу Берну как Ааргау, так и части Ваадта они не могут. Следует предложить Берну взамен этих земель часть епископства Базель (эта территория была в 1798 г. присоединена к Франции), которое можно рассматривать как завоеванную территорию. Если все заинтересованные державы выступят сообща, Берн, надо полагать, согласится с их предложением¹⁴⁰. С аналогичным, но более развернутым

¹³⁷ Талейран — Рейнгардту 26 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11776, л. 5

¹³⁸ Один из осведомителей Гагера доносил своему шефу, что он часто видит с Дальбергом Церледера (представителя Берна) (см. H. Weil, Les dessous du Congrès de Vienne, t. II, p. 257)

¹³⁹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. I, p. 165.

¹⁴⁰ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. II, pp. 430—431

заявлением выступил и Гумбольдт¹⁴¹. Представители Англии и России выразили желание также сделать письменное заявление. Было решено пригласить на следующее заседание представителей Швейцарии.

15 ноября на втором заседании комиссии зачитал свое заявление Стюарт. Указывая на необходимость поддерживать значение Берна и предоставить ему существенную компенсацию, он в то же время подчеркивал, что союзные державы, вступившие в Швейцарию как друзья, должны свести к минимуму свое вмешательство в ее дела. Поэтому возвращение Берну Ааргау или даже части его совершенно невозможно¹⁴². Поскольку Каподистрия отложил представление своего заявления, после выступления Стюарта была приглашена швейцарская делегация. Ее глава Рейнгард произнес речь, в которой указывал, что делегации поручено потребовать торжественного признания свободы, независимости и нейтралитета Швейцарии, а также установления твердых границ государства, предварительно исправленных и улучшенных. Рейнгард высказал мысль о том, что вопросы устройства Швейцарии могут быть разрешены лишь с помощью великих держав; без их вмешательства в Швейцарии неизбежно вспыхнет гражданская война. Последнее утверждение вызвало сразу же протест других членов делегации, заявивших, что Швейцария может и должна разрешать внутренние проблемы самостоятельно, без чьего бы то ни было вмешательства. В качестве средства разрешения споров он предложил использовать издавна применявшийся в Швейцарии третейский суд¹⁴³. Таким образом, уже в самом начале обсуждения выявились расхождения во взглядах среди представителей швейцарских кантонов.

После ухода швейцарской делегации Стратфорд-Каннинг и Каподистрия зачитали составленный ими проект обращения к швейцарскому сейму с призывом поддерживать в стране мир, пока в Вене будут решаться ее дела. Проект был одобрен; на следующем заседании решили заслушать представителя Берна¹⁴⁴. Однако заседание это

¹⁴¹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. II, pp. 431—432.

¹⁴² Ibid., pp. 434—435.

¹⁴³ См. Angeberg, op. cit., t. II, pp. 432—433.

¹⁴⁴ Протокол заседания швейцарского комитета от 15 ноября 1814 г., ibid., t. II, pp. 432—533.

вместо 17 ноября состоялось лишь 30 ноября, так как внимание держав было отвлечено острым конфликтом, возникшим в связи с германским вопросом. По предложению Каслри в комиссии был введен Дальберг. На заседаниях 30 ноября и 2 декабря выступали представители швейцарских кантонов. Делегат Берна Церледер зачитал обстоятельное заявление о территориальных и финансовых требованиях Берна; ссылаясь на международное право, он настаивал на возвращении Берну Ааргау. Эти домогательства были категорически отвергнуты Лагарпом и Ренгером, выступавшими от имени кантонов Ваадт и Ааргау, а также кантонов Тесина и Сен-Галлен, поручивших им защиту своих интересов¹⁴⁵. Представители Сен-Галлена еще в сентябре пытались получить поддержку России в восстановлении самостоятельного управления¹⁴⁶.

В приложенной к письму ноте доказывались права Сен-Галлена, которых он был лишен «не по праву войны, не по мирному договору, не ради вознаграждения, а исключительно в результате насилия»¹⁴⁷. Нота заканчивалась выражением надежды, что в Сен-Галлене будет восстановлено прежнее управление¹⁴⁸. Это была далеко не единственная попытка некоторых швейцарских деятелей заручиться поддержкой России. Швейцарские деятели, быть может отчасти рассчитывая на влияние Лагарпа (в прошлом воспитателя юного Александра) на русского императора, обратились к нему 6 декабря 1814 г. с просьбой поручить Каподистрии (он был русским посланником в Швейцарии), Лагарпу, Ренгеру и некоторым другим швейцарским деятелям разработать план реконструкции Швейцарии¹⁴⁹.

10 декабря швейцарской комиссией были приняты первые определенные решения. В соответствии с нотой России от 16 ноября¹⁵⁰ комиссия признавала необходимым для реконструкции Швейцарии объединение 19 кантонов, указанных в акте о медиатизации 1803 года. Требования Берна были, таким образом, отклонены; в их

¹⁴⁵ Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. II, pp. 468—472, 492.

¹⁴⁶ Представители Сен-Галлена — Нессельроде 30 сентября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11776, л. 4.

¹⁴⁷ Там же, л. 1.

¹⁴⁸ Там же, л. 2.

¹⁴⁹ Там же, л. 7.

¹⁵⁰ Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. II, pp. 435—438.

защиту выступал только Дальберг. После того как Вессенберг заявил, что Австрия отказывается от Вальтеллины и готова признать ее вхождение в Швейцарию, представителям нескольких швейцарских кантонов предложили дать свои соображения о форме включения Вальтеллины в Швейцарскую конфедерацию¹⁵¹.

Обсуждение продолжалось до конца декабря. Речь шла не столько о конституции Швейцарии, сколько о границах кантонов, о требованиях Берна и компенсациях, которые могут быть ему предоставлены, а также о положении Женевы. Как предусматривала ст. IV Парижского договора, дорога, связывающая Женеву со Швейцарией, должна была использоваться ею и Францией сообща. Теперь Франция ставила вопрос об обмене части территории Женевы (Женева в 1798 г. была присоединена к Франции) на область, принадлежащую кантону Ваадт; это в свою очередь должно было повлечь за собой новые территориальные изменения¹⁵². Предложение это было выгодно для Франции и в то же время рассчитано, как это отмечает русская нота, на то, чтобы продемонстрировать дружеское расположение к Швейцарии¹⁵³.

После нескольких недель перерыва, 16 января 1815 г., комиссия заслушала и подписала общий доклад по Швейцарии. В докладе была дана подробная картина внутреннего положения Швейцарии; перечислялись территориальные и финансовые требования кантонов; к докладу был приложен проект декларации, которую великие державы предлагали швейцарскому сейму. Основой для реконструкции Швейцарии признавалась необходимость создания объединения 19 кантонов, к которым присоединялись три новых — Женева, Валлис, Невшатель. Берну предлагалась часть епископства Базельского в качестве компенсации за понесенные им потери¹⁵⁴. Против этого последнего пункта возражала Россия.

В инструкции по швейцарскому вопросу от 30 января 1815 г.¹⁵⁵ Александр выражал удовлетворение принципа-

ми, на которых строилась декларация комиссии, как ответственными цели умиротворения Швейцарии и обеспечения ее независимости и нейтралитета. В то же время Александр указывал, что бернцы, поддержанные французским правительством и с величайшим терпением выслушанные представителями Англии, настаивают на такой редакции, при которой признание необходимости единства кантонов не совпадало бы со статьей о политической системе Швейцарии. Они рассчитывают, говорилось в инструкции, что это даст им возможность с большим успехом осуществить свои планы¹⁵⁶.

Основная задача, продолжает император, — обязать старые правительства навсегда отказаться от надежды на успех своих претензий; идентификация признания единства 19 кантонов с признанием политической системы Швейцарии обеспечивает гарантию со стороны всех держав, принимающих участие в решении ее судьбы. Поэтому никакое изменение внутренних границ не может быть произведено соседними державами¹⁵⁷. Исходя из этих соображений, русские представители не согласятся ни на какие изменения декларации, которые дадут возможность старым кантонам рассчитывать в будущем на осуществление своих территориальных претензий.

Касаясь финансовых вопросов, Александр I подвергал критике французское предложение о значительном увеличении суммы, вносимой новыми кантонами, как слишком обременительное и могущее привести к отказу новых кантонов от соглашения. Кроме того, этот вопрос не может быть передан для решения арбитра, так как в Швейцарии «нет арбитра, то есть власти, которая пользовалась бы доверием оппозиционной партии». В крайнем случае Россия может согласиться лишь на арбитраж иностранных государств¹⁵⁸. Наконец, инструкция предписывала русским представителям возражать против попыток Франции, поддерживавшей Берн, усилить этот кантон, с тем чтобы в дальнейшем получить возможность вмешиваться через него во все территориальные вопросы в Швейцарии¹⁵⁹. А эти попытки вмешательства были весьма активными. «Бернцы очень раздражены, — за-

¹⁵¹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t II, pp 511—516

¹⁵² Ibid., p. 513

¹⁵³ Проект ноты Нессельроде Талейрану 13 (25) декабря 1814 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11741, л. 2

¹⁵⁴ См. Angeberg, op. cit., t. II, p. 630.

¹⁵⁵ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11836, лл. 25—29

¹⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11 836, л. 25.

¹⁵⁷ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11836, л. 26

¹⁵⁸ Там же, л. 27.

¹⁵⁹ Там же, лл. 28—29

явил Талейран при встрече с Александром I. — Они больше всех потеряли, у них самые большие требования. Им предложили вознаграждение совершенно неудовлетворительное...»¹⁶⁰.

К концу января казалось, что работа швейцарской комиссии близится к завершению. Как доносил 31 января тайный агент Гагеру¹⁶¹, король Вюртембергский, князь Саксен-Кобургские, Бюлов, Штейн, Чарторыйский, Радзивилл, генералы Грольман и Кнезбек обедали у Гарденберга; там говорили, что швейцарские дела закончены.

20 февраля Австрия представила контрпроект декларации. И в этот день, и на следующем заседании, 5 марта, комиссия еще дважды занималась этим вопросом; затем декларация (в редакции Дальберга и Стратфорд-Каннинга), наконец, была представлена совещанию представителей восьми держав.

Новые осложнения в решении швейцарского вопроса возникли в связи с тем, что Австрия, объявив об изменении своей позиции в отношении Вальтеллины, потребовала ее присоединения к Ломбардии. В поддержку Австрии в этом вопросе выступила Франция, в то время как Россия поддерживала требования Швейцарии. 15 февраля Талейран писал Людовику XVIII, что Швейцария требует себе Вальтеллину и русский император считает, что она должна эту территорию получить¹⁶². В беседе с Александром французский министр указывал, что Вальтеллина в течение 18 лет существовала отдельно от Швейцарии и не имеет смысла объединять их¹⁶³.

Новая обстановка, сложившаяся на континенте в связи с возвращением Наполеона, заставила представителей великих держав поторопиться с решением швейцарского вопроса. Опасаясь вспышки недовольства в новых кантонах, Александр I дал указание русскому посланнику в Швейцарии употребить все свое влияние, чтобы не допустить там волнений.

Талейран потребовал от правительства кантона Ваадт удаления Жозефа Бонапарта «от границ Франции и

от того места, где у него есть возможности для интриг¹⁶⁴, и предложил русскому императору совместные действия¹⁶⁵. Предложение было принято. На следующий же день Нессельроде сообщил Талейрану, что в кантон Ваадт направлен адъютант императора с требованием принять меры против находившегося в Швейцарии Жозефа Бонапарта¹⁶⁶. В письме, переданном Совету кантона Ваадт, указывалось, что в связи с появлением Наполеона во Франции становится совершенно нетерпимым пребывание в Швейцарии Жозефа Бонапарта¹⁶⁷. Одновременно Совету кантона было направлено письмо Лагарпа, рекомендовавшего немедленно принять энергичные меры, чтобы избежать потрясений, оправдать доверие союзных держав и спасти свою родину¹⁶⁸. 20 марта совещание представителей восьми держав одобрило представленные ему швейцарским комитетом резолюции. Берн получил Бьенн и часть епископства Базельского. Связь между Женевой и остальной Швейцарией устанавливалась через Версуа, как это и было предусмотрено Парижским трактатом. Было признано необходимым создать объединение 22 кантонов (19 и 3 новых: Женева, Валлис, Невшатель), однако создававшееся объединение не представляло собой единого целого — это был по существу непрочный союз отдельных кантонов. В декларации подчеркивалось, что, как только швейцарский сейм утвердит настоящее соглашение, все державы признают и гарантируют нейтралитет Швейцарии в ее новых границах¹⁶⁹.

Разрешение споров между кантонами заняло так много времени главным образом потому, что в Швейцарии сталкивались интересы различных держав, которые прикрывали свои политические цели заявлениями о легитимизме, праве древнего владения, праве завоевания. Урегулирование внутреннего устройства Швейцарии было связано с определением ее международного статуса,

¹⁶⁴ Талейран — Нессельроде 13 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11812, л. 2.

¹⁶⁵ Там же, л. 3.

¹⁶⁶ Нессельроде — Талейрану 2 (14) марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11813, л. 1.

¹⁶⁷ Нессельроде — малому совету кантона Ваадт 1(13) марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11830, л. 2.

¹⁶⁸ Лагарп — Совету кантона 13 марта 1815 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11830, л. 5.

¹⁶⁹ См. Ang e b e r g, Le Congrès de Vienne., t. III, pp. 934—939.

¹⁶⁰ Талейран — Людовику XVIII 15 февраля 1815 г., *Correspondance inédite.*, p. 283.

¹⁶¹ M. H. Weil, *Les dessous du Congrès de Vienne.*, t. II, p. 114.

¹⁶² *Correspondance inédite.*, p. 275.

¹⁶³ *Ibid.*, pp. 283—284.

который приобретал важное значение. Нейтралитет Швейцарии по разным причинам казался приемлемым всем ведущим державам, хотя, конечно, вовсе не потому, что, как утверждает Вебстер, «великие державы признали, что их интересам больше всего соответствует исключение малых государств из участия в будущих конфликтах»¹⁷⁰.

К середине февраля был разрешен еще один вопрос, вокруг обсуждения которого разгорелись страсти. Речь идет о выдвинутом Англией требовании запретить работу торговлю.

В XVI—XVIII веках Англия огромные прибыли получала от работорговли. Но по мере развития капитализма малопроизводительный труд рабов становился все более невыгодным. После потери Англией 13 североамериканских колоний она потеряла главный рынок поставки рабов. Работорговля стала обогащать главным образом ее соперников. Усилилось также сопротивление рабов и общественное движение против рабства¹⁷¹. В этих условиях английский парламент принял в 1807 году закон о запрете работорговли. Предложение запретить всем странам торговлю неграми было выдвинуто Англией еще во время парижских переговоров 1814 года. Англия была в высшей степени заинтересована в том, чтобы все державы отказались от работорговли. Таким путем она рассчитывала значительно усилить свои позиции в конкурентной борьбе. Задача эта представлялась англичанскому правительству настолько важной, что оно готово было добиваться ее разрешения любой ценой, включая уплату крупных денежных сумм и отказ от некоторых колониальных приобретений.

В Париже Каслри настойчиво добивался включения соответствующей статьи в мирный договор, но натолкнулся на упорное сопротивление колониальных держав Талейран, с которым он вел переговоры, ссылаясь на общественное мнение Франции, на распространенное представление, что без работорговли само владение колониями является иллюзорным, и даже на то, что подобное требование воспринимается как удар по националь-

ной гордости французов¹⁷². Все же в результате длительных переговоров английскому министру удалось добиться определенных результатов. Правительство Людовика XVIII заверило, что Франция в течение пяти лет прекратит работорговлю в своих колониях и на Венском конгрессе поддержит Англию в этом вопросе¹⁷³.

Соглашению с Францией Каслри придавал большое значение, так как считал, что без ее поддержки едва ли удастся сломить сопротивление Испании и Португалии. Настаивать на большем он не решался, полагая, что излишним нажимом можно только испортить дело¹⁷⁴.

В дальнейшем согласились на запрещение работорговли Дания, Голландия и Швеция. Австрия, Пруссия и Россия, не заинтересованные в работорговле, поддержали Англию. Александр I во время пребывания в Лондоне летом 1814 года даже упрекал Каслри в недостаточной настойчивости в этом вопросе¹⁷⁵.

В Вене Каслри пытался создать специальную комиссию по вопросу о работорговле, но противодействие Испании и Португалии заставило его отказаться от этой идеи¹⁷⁶.

Если в некоторых случаях политика Каслри вызывала недоумение, а то и прямое недовольство общественного мнения в Англии, то в данном вопросе оно было на его стороне. За отмену работорговли выступало также общественное мнение многих других стран.

В инструкции по вопросу о запрете работорговли, составленной в соответствии с указаниями Каслри, высказывается мысль о том, что никто не решится открыто возражать против отмены бесчеловечной и аморальной торговли людьми, от Конгресса требуется не обсуждение, а торжественное признание этого положения. Вопрос может идти лишь о сроках полной ликвидации работорговли¹⁷⁷.

Но Англии нужно было еще найти способ воздействовать на Францию, с тем чтобы заставить ее сократить

¹⁷² Каслри — Ливерпулю 19 мая 1814 г., *British Diplomacy*, p 183

¹⁷³ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t I, p 173

¹⁷⁴ См. *British Diplomacy*, pp 184—185

¹⁷⁵ См. C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*,

p 414

¹⁷⁶ См. H. Nicolson, *The Congress of Vienna* p 146

¹⁷⁷ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11835 л. 3

¹⁷⁰ C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh* p 134
¹⁷¹ См. Э. Вильямс, *Капитализм и рабство*, ИЛ, 1950, стр. 169—175

намеченный срок легальной торговли рабами, а также на Испанию и Португалию, которые вообще не хотели обсуждать этот вопрос. Расчеты английского правительства строились на том, что Франция нуждалась в поддержке Англии на Конгрессе по целому ряду вопросов, а Испанию, стоящую на грани банкротства, можно было склонить к уступкам обещанием денежной помощи.

Некоторую надежду Каслри возлагал также на поддержку Рима, так как папский легат Консальви заверял, что сразу после восстановления на престоле папа выступит с торжественным осуждением работорговли. После того как сорвалась попытка создать Комиссию по отмене работорговли, Каслри продолжил переговоры с представителями заинтересованных стран, прежде всего Франции, начатые в Париже Веллингтоном еще в июле—августе. Англию особенно беспокоили слухи о подготовке во Франции новых экспедиций за рабами, о ее намерении захватить Сан-Доминго и создать там невольничий рынок. Каслри пытался убедить Талейрана установить предельное «совершенно необходимое» количество рабов, которое Франция может иметь в своих колониях. Но если бы даже такая договоренность и была достигнута, не могло быть уверенности в том, что Франция будет выполнять свои обязательства. Ввиду этого английские дипломаты даже пытались добиться для английского флота права патрулирования в североафриканских водах и осуществления контроля над северным побережьем Африки.

8 октября 1814 г. Каслри направил Талейрану письмо, в котором предлагал передать Франции один из островов Вест-Индии или же определенную денежную сумму, если она немедленно прекратит торговлю рабами¹⁷⁸. Ответ последовал лишь через месяц, 5 ноября 1814 г. Ссылаясь на сложность вопроса и необходимость его тщательного изучения, французский министр отклонил предложение Англии, точно так же как в свое время было отклонено аналогичное предложение, сделанное Ливерпулем через Веллингтона¹⁷⁹.

Тем не менее Каслри не оставлял попыток повлиять на Францию и добиться от нее немедленного упразднения

работорговли, — если не полного, то хотя бы только у северного побережья Африки. Он рассчитывал, что шаги, предпринятые в этом отношении Францией, помогут воздействовать на Испанию и Португалию¹⁸⁰, с которыми в это время также велись переговоры. Каслри полагал, что в отношениях с этими странами не следует проявлять слишком откровенно готовность идти на любые жертвы с английской стороны, так как это лишь побудит заинтересованные страны относиться к английским проектам с большей настороженностью¹⁸¹. Но уговоры не помогали, и Каслри решил прибегнуть к более убедительному аргументу — золоту.

По его поручению английский посол в Мадриде Уэлсли предложил Испании крупный заем при условии немедленного отказа от работорговли. Испанское правительство отказалось под предлогом, что такого рода уступка вызовет недовольство в ее американских колониях (особенно на Кубе), которые своей «непоколебимой верностью» заслужили право на «всевозможную заботу» со стороны Испании¹⁸². Не увенчалась успехом и предпринятая еще раньше попытка английского посла включить условия, касающиеся отмены работорговли, в торговый договор между Англией и Испанией¹⁸³. Единственное, чего он сумел добиться, это включить в договор дополнительную статью, которая признавала бесчеловечность работорговли и утверждала, что король со всем вниманием обдумает вопрос об отмене работорговли и что испанские корабли будут поставлять рабов только в испанские колонии.

В свою очередь, Англия обязалась препятствовать своим подданным снабжать оружием мятежные колонии¹⁸⁴. Позиция Испании в вопросе о работорговле оказалась твердой, и Уэлсли, зная, насколько опустошена ее казна, предлагал оказать Испании помощь независимо от решения этого вопроса, так как опасался, что в противном случае испанское правительство будет вынуждено

¹⁸⁰ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11835, л. 5

¹⁸¹ См. British Diplomacy, pp. 215—216

¹⁸² Донесение русского посла в Мадриде Татищева от 30 сентября (12 октября) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7539, л. 100

¹⁸³ Татищев — Александру I 30 сентября (12 октября) 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7539, л. 109

¹⁸⁴ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. I, p. 205

¹⁷⁸ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne, t. II, p. 273

¹⁷⁹ См. British Diplomacy, pp. 215, 233

обратиться за займом к другим государствам, что отнюдь не входило в планы Англии¹⁸⁵. Переговоры продолжались до ноября 1814 года, но не дали результатов.

В Вене Каслри начал переговоры с Лабрадором и Палмеллой — представителями Испании и Португалии, предлагая денежную компенсацию, а Португалии, кроме того, и заключение нового, более выгодного для нее торгового соглашения¹⁸⁶. Но эти переговоры были лишь подготовкой к официальной постановке вопроса на Конгрессе. Каслри разработал программу, которая была изложена в специальном меморандуме¹⁸⁷.

Для нажима на Францию, Испанию и Португалию он хотел использовать объединенные усилия стран, не заинтересованных в работоторговле или уже отменивших ее под давлением Англии. К таким странам он относил Россию, Австрию, Пруссию, Голландию, Швецию и Данию. Каслри ставит также вопрос о формах контроля над флотом стран, ведущих работоторговлю. Более обстоятельно его позиция изложена в Памятной записке по вопросу об отмене работоторговли¹⁸⁸, где выражается уверенность в том, что державы, представленные на Конгрессе, торжественно и единодушно признают необходимость ликвидировать позорную систему торговли людьми и использовать все средства, чтобы приблизить момент полного запрещения работоторговли¹⁸⁹.

В указанном документе предлагалось также установить предельный срок запрещения торговли рабами; поскольку Франция уже взяла на себя обязательства такого рода, нужно лишь обязать Испанию и Португалию последовать ее примеру. Если же министры этих стран откажутся дать немедленный ответ, необходимо продлить переговоры, с тем чтобы дать им возможность получить указания своих правительств; следует добиваться установления трехлетнего или, в крайнем случае, пятилетнего срока для издания закона об отмене работоторговли¹⁹⁰. Но, по мнению Каслри, этого еще было недостаточно,

¹⁸⁵ См. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh...*, р. 416

¹⁸⁶ См. *British Diplomacy*, р. 233.

¹⁸⁷ *Ibid.*, р. 234.

¹⁸⁸ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11835, лл. 3—10.

¹⁸⁹ Там же, л. 4—5.

¹⁹⁰ Там же, лл. 7—8.

Он давно уже помышлял о более эффективных мерах воздействия на страны, не желающие отказаться от работоторговли. К таким мерам он относил экономический бойкот (Веллингтону в Париже было даже поручено выяснить, как относится Талейран к такой возможности).

В Вене Каслри снова возвращается к этому вопросу. Он считал, что, в случае отказа колониальных держав установить срок отмены работоторговли или если этот срок будет неприемлем для остальных государств, следует договориться о прекращении импорта из этих стран. «Право держав объединиться для подобного акта ясно и неоспоримо», — говорится в Памятной записке. Зачем покупать товары, производство которых основано на всеми осужденной системе, если эти же товары могут быть произведены в колониях на основе других принципов?¹⁹¹ Наконец, для того чтобы гарантировать выполнение всеми государствами принятых обязательств, предлагалось образовать в Париже и Лондоне своего рода комитеты из послов, аккредитованных в этих столицах, с тем чтобы они постоянно занимались рассмотрением всего вопроса в целом, выясняли и по возможности устраняли возникающие трудности¹⁹². Этим мерам Каслри придавал большое значение¹⁹³.

Свет на истинный смысл английских деклараций о гуманизме и морали проливает донесение Татищева. Еще в сентябре 1814 года Татищев писал из Мадрида о намерении английских представителей в Вене предложить державам, не занимающимся работоторговлей, закрыть свои порты для товаров, доставляемых из колоний стран, ведущих такого рода торговлю. Если это предложение будет принято, заключает Татищев, то Англия получит двойную выгоду: завоеует уважение как страна, выступающая в защиту угнетенных, и в то же время обеспечит себе ничем не стесненную торговлю колониальными товарами, так как ни Франция, ни Испания, ни Португалия не смогут более принимать в ней участие¹⁹⁴.

10 декабря вопрос об отмене работоторговли впервые был поставлен на заседании представителей восьми дер-

¹⁹¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, лл. 8, 9

¹⁹² Там же, л. 7.

¹⁹³ См. *British Diplomacy*, р. 233.

¹⁹⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 7539, л. 101

жав¹⁹⁵. Лабрадор и Палмелла выступили против предложения Талейрана создать комиссию по упразднению работорговли. Они утверждали, что вопрос этот касается только держав, владеющих колониями, и не должен быть предметом широкого обсуждения¹⁹⁶.

Убедившись, что ни совещания, ни ноты, обращенные к Испании и Португалии, не дают желаемого результата, Каслри обратился за поддержкой к союзным державам. В конце декабря он был принят Александром I, изложил ему свои соображения и заручился обещанием царя оказать содействие в ликвидации работорговли¹⁹⁷. Действительно, по указанию Александра I русский посол в Мадриде начал переговоры с испанским министром иностранных дел Севаллосом о запрещении Испании работорговли, «столь же незаконной в своей основе, как и возмутительной в деталях»¹⁹⁸. От имени российского императора он выражал надежду, что испанский король сумеет преодолеть трудности, которые представляет для Испании этот шаг¹⁹⁹.

16 января 1815 г. на совещании восьми держав Каслри предложил обсудить вопрос об отмене работорговли на частном совещании, в котором примут участие назначенные восемью державами представители²⁰⁰. Против этого предложения немедленно выступили Палмелла и Лабрадор, заявившие, что вопрос этот касается только колониальных держав, привлекать к его обсуждению других и несправедливо, и бесполезно. При этом Лабрадор снова ссылался на необходимость обеспечить интересы владельцев собственности в колониях, особенно на Кубе и в Пуэрто-Рико, и утверждал, что при всем желании Испания не может отменить работорговлю раньше чем через восемь лет²⁰¹. Представители России, Австрии, Пруссии и Швеции поддержали заявление Каслри о том, что, хотя страны, не занимающиеся работорговлей, далеки от намерения навязывать свою точку зрения заинтере-

сованным державам, все же их мнение может быть полезно и они должны быть привлечены к обсуждению вопроса²⁰². Голосами Англии, России, Пруссии, Австрии, Швеции и Франции (против были Испания и Португалия) было решено рассмотреть вопрос на частном совещании представителей восьми держав. Палмелла потребовал занести в протокол его мнение, что запрещение работорговли не является вопросом международного права²⁰³. На следующий день на квартире Каслри состоялось предварительное совещание с участием представителей Австрии, Пруссии, России, Англии и Швеции²⁰⁴.

На последующих заседаниях Каслри пытался добиться решения о создании постоянного комитета министров по вопросу об отмене работорговли и о применении экономического бойкота к странам, продолжающим работорговлю. Это вызвало бурный протест представителей Испании и Португалии. Палмелла заявил, что бойкот — это вмешательство в дела независимого государства, а Лабрадор от имени своего короля грозил ответными мерами против страны, которая прибегнет к бойкоту²⁰⁵.

Наконец, в результате длительных обсуждений и споров 8 февраля 1815 г. была принята резолюция, осуждавшая работорговлю, но предоставлявшая каждой державе решать, в какие сроки она ее ликвидирует²⁰⁶.

Таким образом, немедленных конкретных результатов Англия не добилась; Каслри продолжал вести частные переговоры — и во время Конгресса, и в течение ряда лет после его окончания. Правда, Талейран неоднократно выступал в поддержку английской позиции и выражал готовность выполнить обязательства, взятые Францией по условиям Парижского договора, надеясь таким образом обеспечить помощь Англии в борьбе против Мюрата²⁰⁷. Но заставить его согласиться на сокращение срока отмены работорговли с пяти до трех лет Каслри так и не сумел.

¹⁹⁵ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. II, p. 527.

¹⁹⁶ Ibid., pp. 503—504.

¹⁹⁷ См. British Diplomacy..., p. 274.

¹⁹⁸ Татищев — Севаллосу 25 февраля (9 марта) 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7542, л. 42.

¹⁹⁹ Там же, л. 43.

²⁰⁰ Протокол совещания 16 января 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 12544, л. 1.

²⁰¹ Там же, лл. 2, 3.

²⁰² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12544, лл. 3—4.

²⁰³ Там же, лл. 5—6.

²⁰⁴ См. J. K. Mayer, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses... «Archivalische Zeitschrift», fol. 3, Bd. 12, SS. 102—103

²⁰⁵ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne..., t. II, pp. 684—687, 697—703.

²⁰⁶ Ibid., pp. 726—727.

²⁰⁷ См. Correspondance inédite..., p. 289.

С Португалией Англии удалось заключить соглашение, по которому та должна была прекратить работорговлю в северном полушарии по истечении восьми лет; за это Англия выплачивала Португалии 300 тыс. фунтов стерлингов, освобождала от уплаты долга и соглашалась на частичное изменение договора 1810 года, вызывавшего постоянное недовольство Португалии²⁰⁸.

Наиболее неподатливой оказалась Испания. В дополнительной статье к англо-испанскому договору, принятой 28 августа 1814 г.²⁰⁹, испанский король заявил, что, как и другие, признает несправедливость и бесчеловечность торговли рабами, обещает запретить своим подданным заниматься работорговлей во владениях других государств, а также не предоставлять испанские корабли иностранцам, ведущим торговлю неграми. Однако дальше этого дело не шло. И в этом договоре, и во всей последующей переписке, и в переговорах испанское правительство ссылалось на необходимость обеспечить интересы своих подданных и на опасение вызвать их недовольство, а также подчеркивало, что в испанских колониях один негр приходится на двух белых, в то время как в английских — соотношение негров и белых составляет 8 : 1. Прекратить работорговлю, заявляли испанские дипломаты, — это значит поставить под угрозу экономику испанских колоний; в результате Англия торговала бы без конкуренции, диктовала бы свои законы на рынках, нанося ущерб другим странам, и установила бы свою монополию в торговле колониальными товарами²¹⁰. Испанское правительство заверяло, что, поскольку оно руководствуется принципами христианской морали, положение негров в испанских колониях даже лучше положения обычных слуг. Испания пыталась вопрос об отмене работорговли подменить другим — о борьбе с пиратством, в поддержке которого она обвиняла Англию²¹¹. Не решаясь выступить против осуждения работорговли, Испания всячески старалась уклониться от обсуждения вопроса о сроках и конкретных мерах ее ликвидации. «Де Севаллос не может избежать признания принципа, но пытается увильнуть от

его применения, — справедливо замечал Татищев. — Если ему это удастся, Испания будет продолжать торговлю до бесконечности»²¹². «До бесконечности» продолжались и переговоры Англии с Испанией, далеко выйдя за хронологические рамки Конгресса. Лишь в сентябре 1817 года было подписано соглашение, по которому Испания обязалась немедленно отменить работорговлю к северу от экватора и отказаться от нее полностью к 30 мая 1820 г. Англия выплачивала ей за это 400 тыс. фунтов стерлингов. Английское правительство, так неохотно предоставлявшее фунты стерлингов, когда речь шла о военных субсидиях союзникам, не скупилось на значительные выплаты там, где затрагивались кровные интересы самой Англии.

Так постепенно продвигалась работа Конгресса. Наряду с Советом пяти держав заседал и Комитет представителей восьми держав, взявший на себя официальное руководство Конгрессом, но занимавшийся по существу только теми вопросами, разрешение которых было предоставлено ему Советом пяти²¹³. Действовали и многочисленные комитеты: и созданные Советом пяти комитеты по вопросам навигации и дипломатического этикета, и образованная еще Советом четырех швейцарская комиссия, и возникший без чьей-либо санкции комитет по германским делам. Хотя функции Совета пяти и Совета восьми не были, да и не могли быть разграничены (поскольку оба созданы без каких-либо полномочий со стороны других держав, т. е. самого Конгресса), а полномочия отдельных комитетов не всегда были четко очерчены, совсем не правомерно утверждение, встречающееся в ряде буржуазных работ, будто зимой 1815 года Конгресс бездействовал и пробудился от летаргии лишь при известии о возвращении Наполеона.

К марту 1815 года основные решения были уже подготовлены. Появление же Наполеона на континенте заставило собравшихся в Вене дипломатов ускорить их принятие и окончание работы Конгресса.

²¹² Татищев — Нессельроде 28 февраля (12 марта) 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7542, л. 51.

²¹³ Показательно, что за все время работы Конгресса Совет восьми заседал лишь девять раз, в то время как Совет пяти провел 41 заседание

²⁰⁸ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., pp. 670—672

²⁰⁹ Ibid., t. I, p. 205.

²¹⁰ Севаллос — Татищеву 10 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7542, л. 54.

²¹¹ Там же, лл. 53—55

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАКЦИИ

Руководители Конгресса в известном смысле были детьми XVIII века. Тесно связанные со старым режимом своим воспитанием и средой, в которой формировались их убеждения и взгляды, они видели свой долг прежде всего в том, чтобы освободить мир от наполеоновского господства, а заодно и от «дурных идей», порождением которых были, по их мнению, и революция, и детище революции — Бонапарт. В соответствии с этим цели антинаполеоновской коалиции определялись как «восстановление спокойствия и законного порядка в Европе», «восстановление равновесия, нарушенного Наполеоном», «реконструкция Европы на основе принципа легитимизма». Легитимизм был провозглашен руководителями Конгресса в качестве первого и основного принципа их деятельности. А если так, то естественно было бы ожидать, что Конгресс полностью восстановит, или хотя бы попытается восстановить, дореволюционные порядки, отметая все, что было сделано после 1792 года, перечеркивая годы

революции и наполеоновского господства. Попытаемся, однако, проследить, что в действительности понималось в Вене под легитимизмом и как осуществлялся этот принцип на практике, в его конкретном приложении к проблемам, решавшимся на Конгрессе.

С точки зрения наиболее последовательных идеологов феодальной реакции, подлинно легитимная власть была властью божественного происхождения, полученной государем либо непосредственно от бога, либо через его посредника — папу. Всякая власть, не носившая следов божественного происхождения, объявлялась незаконной. На «священном праве» монархов настаивали и такие наиболее видные представители теократической школы, как Жозеф де Местр, де Бональд и высоко ценивший ее идеи Людовик XVIII. «Священное право — следствие религиозной догмы... Без священного права — я лишь немощный старец, давно изгнанный, вынужденный просить убежища. Но по этому праву изгнанник является королем Франции»¹, — говорил Людовик XVIII императору Александру.

С позиций легитимизма было закономерно возвращение на престол всех династий, свергнутых революцией, и в первую очередь Бурбонов — французских, испанских, итальянских. Тем не менее вопрос о престоле во Франции был решен далеко не сразу; выдвигались различные кандидатуры, в том числе и бывшего наполеоновского генерала шведского короля Бернадота, пользовавшегося поддержкой Александра I, несмотря на явно нелегитимное, с точки зрения теоретиков Реставрации, происхождение его власти.

Любопытен в этом отношении и тот факт, что «король божьей милостью» Людовик XVIII не только не считал себя оскорбленным «приглашением» на престол, которое было направлено ему наполеоновским сенатом, но охотно принял его. Конституционный акт сената от 6 апреля 1814 г. гласил: «Французский народ свободно призывает на престол Франции Луи Станислава Ксаверия французского, брата последнего короля, и после него — других членов династии Бурбонов в соответствии с древним порядком»². Так «священное право» было подменено неким

¹ Correspondance inédite, pp 227—228

² «Monteurs», 8 avr., 1814, Angéberger, Le Congrès de Vienne, t I, p. XXIX.

подобием естественного права, причем от имени «французского народа» выступил сенат — орган, созданный «нелегитимным» императором. Последним королем в конституционном акте сената назван Людовик XVI; тем самым признавался перерыв в династии, который должен был быть скрыт именем Людовика XVIII. Наличие перерыва — а как раз в нем многие усматривали слабость Бурбонов — подтверждалось и тем, что король «призывался» на престол. Показательно также, что Талейран, выступавший за восстановление власти законных монархов, уже не говорил о «священном праве» и «божьей милости», а лишь утверждал, что единственно легитимной властью может считаться та, которая существует в течение долгих лет, — критерий довольно неопределенный.

В связи с этим возникал вопрос о закреплении и легализации власти нового государя (независимо от того, каким образом была приобретена эта власть) в результате длительного правления — вопрос, имевший практическое значение при определении взаимоотношений с Наполеоном. С точки зрения «чистого легитимизма», происхождение власти не имеет решающего значения; всякая власть в какой-то мере является узурпацией, ибо она принадлежит богу; важно не то, как она получена, а длительность ее существования. «Ни одна власть не имеет иного оправдания, как обладание властью»³, — утверждал де Местр. На королевском троне написано: «Я владею, потому что я владею»⁴. В политической жизни такое толкование имело большое значение, так как едва ли хотя бы одна династия могла доказать, что власть получена ею (или ее предшественниками) не в результате насилия. Однако в ряде случаев этот тезис переставал работать на легитимистов, и тогда выдвигались соображения иного порядка. Так, в ответ на протесты Саксонии против ее присоединения к Пруссии прусские дипломаты доказывали, что веттинская династия получила Саксонию в результате завоевания и потому ее возражения безосновательны⁵. А Гентц доказывал, что

даже по истечении длительного срока узурпатор не обретает законной власти по отношению к индивидууму, не признающему законного монарха. Даже международное признание нового государя, по его мысли, не связывает эмигрантов, поскольку они сами его не признали.

Фактически же наряду со «старым», «историческим» легитимизмом существовал и получил признание «новый», «юридический» легитимизм, возникший в результате международных договоров, заключенных с новыми династиями. Еще во время переговоров в Шатильоне Стадион говорил о Наполеоне как о «шефе» Франции. Как ни мало удачно само по себе это выражение, уже одно оно свидетельствует о признании Наполеона и непризнании Людовика или любого другого претендента на французский престол, ибо «шеф» государства мог быть только один. Вообще же во время переговоров кандидатура Бонапарта не подвергалась сомнению, хотя сам он всегда помнил о недостаточной легитимности своей власти и видел одно из средств ее укрепления в том, чтобы постоянно приносить Франции все новые успехи⁶.

И в рассуждениях Стадиона, и в возражениях, которые выдвигал Коленкур, представлявший в Шатильоне интересы французского императора, легко проследить следующее соображение: благодаря победе над революцией Наполеон фактически легализовал свое положение; признание его другими государями означало легализацию де-юре; наконец, брак с Марией Луизой устранял еще лежавшее на Наполеоне «клеймо революции» и окончательно придавал его власти исторически-легитимный характер, приобщив его к числу древних династий⁷.

⁶ Эта мысль неоднократно повторяется в переписке Наполеона (см. «Correspondance de Napoléon I-er», vol. 27—28, P., 1868—1870), относящейся к периоду Венского конгресса.

⁷ Впоследствии Франц I заявлял, что принятие Наполеона в круг легитимных монархов, благодаря браку с австрийской эрцгерцогиней, было жертвой, принесенной для восстановления мира, и что, хотя жертва оказалась напрасной, он не жалеет, что выполнил свой долг (Франц I — французскому сенату, апрель 1814 г., R. Rie, *Der Wiener Kongress und das Völkerrecht*, Bonn, 1957, S. 29). Зато после свержения Наполеона, когда «жертва» оказалась ненужной, Франц I сделал все возможное, чтобы оторвать Марию Луизу от «узурпатора». За экс-императрицей было установлено неусыпное наблюдение, и генерал-Фейперу было дано разрешение заходить в отношениях с эрцгерцогиней так далеко, как это потребуется, чтобы заставить ее забыть Бонапарта.

³ J. de Maistre, *Du Pape*. Œuvres., vol. II, Lyon, 1892, p. 259.

⁴ J. de Maistre, *Correspondance*, Œuvres., vol. XIII, Lyon, 1886, p. 124.

⁵ Гарденберг — Меттерниху 2 декабря 1814 г., Angeberg, *Le Congrès de Vienne.*, t. I, p. 489.

О том же свидетельствуют и многочисленные договоры, заключенные в разное время европейскими державами с наполеоновской Францией. Обращает на себя внимание и тот факт, что королевский титул, приобретенный германскими герцогами (Баварским, Саксонским, Вюртембергским) во время господства Наполеона и благодаря Наполеону, никогда союзниками не оспаривался, следовательно был молчаливо сочтен законным. Долгое время на Конгрессе обсуждался вопрос о короле Неаполя — Мюрате. Если одни поборники легитимизма — Людовик XVIII и Талейран — с самого начала добивались изгнания Мюрата и восстановления в Неаполе власти Бурбонов, то другие — австрийский император и Меттерних — проявили в этом вопросе серьезные колебания. С Мюратом и его представителями велись переговоры, что также означало его фактическое признание. Конгресс занялся и вопросом о вознаграждении семьи Бонапарта и Богарнэ, хотя австрийские деятели склонны были считать отрекшихся от власти членов семьи Наполеона частными лицами, а не легитимными экс-государями. Противоречия здесь так же очевидны, как и то, что решались все эти вопросы с точки зрения государственных интересов великих держав и меньше всего — на основе принципа легитимизма. Так же обстояло дело и с завоеваниями Французской республики и Наполеона, которые (все!) были признаны международными договорами и, следовательно, должны были считаться законными.

Союзники с течением времени начинали рассматривать как законное то, что раньше считали сомнительным с точки зрения легитимизма. При всех разговорах о стремлении вернуться к порядку и условиям, существовавшим до 1792 года, за Францией по Парижскому мирному договору 1814 года были сохранены некоторые земли, приобретенные ею после этого рубежа, что также имеет весьма отдаленное отношение к легитимизму в его чистом виде. Так поиски наиболее приемлемых условий мирного договора с Францией заставили руководителей Конгресса придать иное толкование принципу легитимизма.

Но в какую форму должна быть облечена легитимная власть? Теоретики Реставрации отвечают на этот вопрос вполне определенно. По их мнению, монархическое государство — самое совершенное. Оно лучше всего преодо-

левает технические трудности управления. При этом чем крупнее страна, тем важнее для нее сильное управление, то есть монархия. Разделение властей совершенно недопустимо, власть монарха не должна быть подчинена никакому контролю, ее границы могут определяться лишь совестью государя и справедливостью бога. Осуждая «чистый деспотизм», как «непрактичный», идеологи феодальной реакции признавали «разумный деспотизм» как условие свободы, ибо для безопасности целого необходимо господство одного. При этом легитимность государю дает не решение народа, но власть и воля людей, даже не наследование, а его религиозно-нравственный облик. Только там, где господствуют такие, рядом с богом стоящие и близкие к божественному прообразу, лица, положение государства может быть обеспечено⁸. Государь не должен искать себе руководителей в других, ибо в нем одном — источник власти, которая управляет его государством⁹.

Но опыт революции и последующего периода не мог пройти бесследно. Если наиболее реакционные феодальные круги и высшее духовенство и мечтали о безоговорочном возвращении к старому режиму, то большинство политических деятелей отдавало себе отчет в необходимости приспособления к новым условиям; абсолютная монархия уже не отвечала интересам ни широких слоев дворянства, ни, тем более, буржуазии. Союзники согласились, что на французский престол следует возвести того, чьи претензии основаны на исторически-легитимном праве. Принцип легитимизма, казалось, восторжествовал. Но те же союзники считали существенным условием реставрации Бурбонов установление своеобразного компромисса между старым и новым порядком, нашедшим свое выражение в конституции 1814 года.

---

⁸ См. J. de Maistre, *Considérations sur la France*, Œuvres..., vol. I, Lyon, 1891, pp. 41, 50; L. G. de Bonald, *Théorie du pouvoir politique*, Œuvres, vol. I, P., 1854, p. 141.

⁹ См. L.-C. de Saint-Martin, *Lettre à un ami ou Considérations politiques, philosophiques et religieuses sur la Révolution Française*, P. 1795, Ср. K. Löwenstein, *Die Monarchie in Modernen Heilige Allianz Osteuropäische Forschungen*, Bd. 16, Berlin, 1934, S. 50. Книга Шайдера переиздана в ФРГ (см. H. Schaefer, *Autokratie und Heilige Allianz*, Darmstadt, 1963).

Людовик XVIII, видевший идеального выразителя чувств роялистов в де Местре, тем не менее вынужден был ознаменовать свое восшествие на престол «дарованием» французскому народу хартии, в которой получили отражение такие положения, как «равенство перед законом», несменяемость судей, свобода культа и др. Точно так же в § 3 ст. I конституционного акта, который «свободно» призывал короля на престол, утверждалось новое дворянство; наполеоновский орден Почетного легиона принимался отныне как королевский институт, и право награждения им предоставлялось королю. Людовик XVIII не возражал против признания, хотя бы формально, принципа либерализма и представительства¹⁰. На деле, уступая силе обстоятельств, он старался изобразить конституцию как продуманный, заранее подготовленный акт, исходивший от его воли (в действительности хартия была написана с величайшей поспешностью)¹¹. Конституция содержала целый ряд противоречий. Право короля назначать министров в силу власти по «священному праву» (а это право делало его ответственным только перед богом) плохо согласовывалось с ответственностью министров перед палатой.

Но какова бы ни была внутренняя слабость этого компромисса, он был заключен, и подтверждение его необходимости нашло свое отражение в теоретических положениях ряда представителей теократической школы, идеологов Реставрации, хотя и не столь прямолинейных, как де Местр или Бональд. Так, близкий к королевской семье барон де Витроль признавал представительное государство, наилучшей формой которого он считал наличие монархии и двух палат; разделение властей, по его мнению, являлось надежной гарантией прочности королевской власти¹². Принятие роялизма и одновременно конституционных идей характерно для многих деятелей начала Реставрации. Роялист Фьеве, выступавший против абсолютизма, выдвинул теорию государства, в котором должно быть равновесие трех властей: королев-

ской, аристократической и демократической¹³. Представительство он считал гарантией свободы, конституцию — средством регулирования монархии, хотя реальное значение он придавал только исполнительной власти. Для многих теоретиков роялизма характерно это стремление усилить исполнительную власть. Оно проистекало не столько из желаний установить неконтролируемую королевскую власть, сколько из представления о том, что сильная исполнительная власть необходима Франции для укрепления ее положения среди других государств и является необходимым фактором при новой государственной системе, установленной в стране¹⁴.

И Фьеве, и Витроль, будучи горячими сторонниками роялизма, тем не менее понимали невозможность возвращения к условиям, существовавшим до 1789 года, и невозможность осуждения всего, что было позднее. Французский писатель и политический деятель периода Реставрации Шатобриан признавал хартию как воплощение старых христианских учреждений¹⁵, хорошо понимая при этом, что прежнее устройство, каким бы прекрасным оно ни представлялось ему, ушло навсегда и что революция — это сила, с которой нельзя не считаться. Монархию он рассматривал как старое дерево, к которому могут быть привиты новые плоды. Непримируемая позиция крайних реакционеров типа де Местра и нежелание понимать, что наступают новые времена, подвергались критике и со стороны таких теократов, как Балланш, который называл работы де Местра лебединой песней умирающего общества¹⁶. Более умеренные — «доктринеры» пытались соединить свободу и легитимность, найти философию «золотой середины». Наиболее яркий их представитель Роже-Коллар считал неприемлемым как абсолютизм короля, так и абсолютную власть народа, поскольку, как он считал, она основана на силе. Принимая конституционную монархию, он относился отрицательно к вмешательству короля в политику, отмечая в то же вре-

¹³ См. G. Flévéé, *Histoire de la session de 1816*, P., 1817.

¹⁴ См. N. E. Hudson, *Ultra-Royalism and the French Restoration*, Cambridge, 1936, p. 27.

¹⁵ См. F. R. Chateaubriand, *Réflexions politiques sur quelques écrits du jour...*, P., 1814.

¹⁶ См. P. S. Ballanche, *Essais de palingénésie sociale*, vol. I, *Prolégomènes*, P., 1827.

¹⁰ Cp. M. Hackenbroch, *Gesellschaft und Recht bei Joseph de Maistre*. Schriften zur Rechtslehre und Politik, Bd. 43, Bonn, 1964.

¹¹ См. E. F. A. Vitrolles, *Mémoires*, t II, P., 1952, pp 48—77.

¹² Cp. E. F. A. Vitrolles, *Du Ministère dans le gouvernement représentatif*, P., 1815.

мя и право палат диктовать политику правительству. Однако в 1815 году, считая, что порядок важнее свободы, они склонялись к активной королевской власти, при которой король должен не только царствовать, но и управлять¹⁷. И даже де Местр, при всей своей ненависти к ограничению власти суверена, пытается примирить принцип разделения властей со своей теорией. Повсюду, где имеется разделение властей, рассуждает он, эти власти выступают от лица одного государя, разум которого взвешивает все «за» и «против». Отсюда делается вывод, что разделение властей никогда не затрагивает суверенитета в собственном смысле слова. В конце концов, он приходит даже к признанию республики, объявляя ее «монархией с вакантным престолом», а власть в ней — регентством¹⁸ и оправдывая таким образом теоретически то, что было создано практикой и не могло быть им опровергнуто. Соответственно определяется и сущность государства. Согласно теории теократов, государства существуют столько же, сколько человечество. Человечество не существует без общества и без государства; пока не было политического общества, государство и, следовательно, человек находились еще в зародыше: небольшое количество людей было разбросано по большой территории. Имелись лишь семьи, которые, объединяясь, составляли зародыш народа, — народы-дети.

Теократы считают, что естественное состояние человека — государственность, а также цивилизация и культура. Бог — первопричина всего сущего — является и создателем отдельных государств. Положение это направлено непосредственно против идеи общественного договора: если общество и государство — результат божественных действий, то народы не имеют выбора и, следовательно, государи менее всего зависят от их воли. Первопричина власти — за пределами возможностей человека. Государство соотносится не с индивидуумом (который находится не рядом, а внутри государства), а только с богом, который обуславливает политические законы. Что касается различных форм государства, то здесь различаются монархия — суверенитет, доверенный одному

¹⁷ См. E. Faguet, *Politiques et moralistes du XIX siècle*, 1 série, P., 1891, p. 287.

¹⁸ См. J. de Maistre, *Etude sur la souveraineté*, Œuvres., vol. I, p. 452.

лицу, и республика. В европейской монархии государственную власть, по видимости, разделяет дворянство — «кровь монархии», «централизованная аристократия»; в действительности оно является лишь элементом, уравновешивающим власть подлинного государя¹⁹. Разделение республик на аристократические и демократические, по мнению теократов, — предрассудок. Демократия предполагает народный суверенитет, а это — понятие метафизическое, рассуждают они, так как ни один народ не может обладать силой принуждения против себя самого. Если же в каком-либо государстве существовала бы демократия в чистом виде, в нем не было бы вообще никакой власти²⁰, следовательно, демократическое государство — вообще не государство. То же, что обычно называют представительной демократией, является в действительности представительной, или избирательной, аристократией. Из этого делается вывод: все немонархические государственные формы являются аристократическими.

Путем таких рассуждений утверждалось особое положение аристократии в любом государстве. Да и сами понятия «монархия» и «республика» приобрели в эпоху Реставрации новый смысл, которого они не имели до революции. Республика стала символом новой идеологии, в то время как наиболее непримиримые противники революции выступали ревностными монархистами²¹. Действия, воля, мысли, само существование суверена, утверждают теоретики Реставрации, являются проявлением действий, воли и мысли общества. Его власть абсолютна, она не обусловлена волей или действиями людей. Поэтому только государь может быть законодателем. Закон — «не слепая, продажная, капризная и переходящая воля людей», но ясная, твердая и бесстрастная воля государя, объявленная его подданным, чтобы регулировать их поведение. Чем сильнее государь, тем меньше нужды в письменном законе, в идеале — достаточно

¹⁹ M. Neyron, *Joseph de Maistre et l'absolutisme*, «Etudes publiées par des Pères de la compagnie de Jésus», vol. 116, P., 1908, p. 543.

²⁰ См. J. de Maistre, *Etude sur la souveraineté*, Œuvres., vol. I, p. 466.

²¹ «Восстановление монархии... это противоположность революции», — заявлял Жозеф де Местр (J. de Maistre, *Considérations sur la France*, Œuvres., vol I, p. 157).

устного выражения закона. Необходимость власти государя, по мнению де Местра, обусловлена природой человека: он — существо общественное и притом по своей сути дурное; сильнейшие его наклонности направлены на разрушение порядка и общества, а потому он должен всегда находиться в ярме, иначе человечество все время пребывало бы в состоянии войны²². Особое неотъемлемое свойство суверена — его непогрешимость. Он может и заблуждаться в своих решениях, но не существует такой инстанции, перед которой эти ошибки могут быть доказаны. Поэтому в решения государя следует верить, как в догмы; они авторитетны, ибо являются орудием общественного разума, который превосходит разум отдельных лиц, и попытка индивидуума проникнуть в рассуждения государя — величайшее зло. Никто не может судить о поступках суверена; всякий, кто заденет его, будет судим — и он сам, и весь его род. Для государя же необходима возможность творить правосудие и наказанием подавлять существующее на земле зло.

Что касается народа, то он, считает де Местр, не обладает никакими правами, так как неспособен к их активному использованию. По отношению к государю он имеет только обязанности, и первая из них — верность монарху и беспрекословное повиновение его воле, вера в безусловную справедливость его решений. Человек должен верить, а не стремиться познать. Ошибка французских просветителей и революционеров в том, что они пытались познать сами и открывали взглядам множества людей то, что должно быть скрыто от их взора, ибо есть вещи, которые разрушаются, когда пытаются проникнуть в их тайну. Там, где господствует индивидуальный разум, не может быть ничего великого, он порождает лишь разрушительный скептицизм. На политической вере подданных покоится величие и могущество государства²³. Поскольку человек живет в обществе, ему необходима дисциплина; он не может выбирать себе правительства.

²² См. J. de Maistre, Examen d'un écrit de J.-J. Rousseau sur l'inégalité des conditions parmi les hommes, Œuvres., vol. VII. Lyon, 1893, p. 563.

²³ См. J. de Maistre, Etude sur la souveraineté, Œuvres., vol. I, pp. 375, 408.

Обрушиваясь на идеи Руссо, идеологи феодальной реакции подчеркивают, что нет и не может быть прав человека — есть лишь права бога и того, кому вручена власть. Личность должна быть подчинена обществу. Все, что полезно для сохранения общества, необходимо и, следовательно, является истиной. Философию индивидуума, философию «de moi» нужно заменить философией человека общественного «du nous»²⁴. Принципиально недопустимы какие бы то ни было выступления против государственной власти, активное противодействие лично государю, а также оппозиция (если она не ограничивается предостережением от возможных ошибок) и любое, даже пассивное, сопротивление. Государственная власть не должна допускать, чтобы индивидуальные интересы препятствовали ей. В глазах теоретиков Реставрации самое большое политическое преступление — заговор против государственной власти и нападки на национальные догмы, которые каждый должен воспринимать с колыбели. Суверенитет должен быть незыблем, его устойчивость необходима для общества. Политические преступления заслуживают смертной казни, и ее отмена свидетельствует лишь о слабости государства. Наказание необходимо для искоренения зла.

Так как человек по своей природе дурен, то и всякая попытка созидательной деятельности с его стороны — тоже зло и несправедливость; человек может лишь исправлять, изменять же — дело бога, ибо всякое подлинное изменение — творчество, человек же сам ничего не творит; как только он начинает действовать сам, его действия приводят к разрушению. Поэтому одно из самых страшных бедствий — дух новизны. Всякая власть должна противиться нововведениям и с величайшей подозрительностью относиться к слову «реформа», так как история показывает, что попытки реформ приводят к революциям. «Когда несчастье открывает границы для дерзких реформ, нация теряет то, что она имела, не достигая того, что она хочет. Поэтому необходимо вводить новое, только очень редко и всегда с осторожностью»²⁵.

²⁴ Cp. H. Moulinié, De Bonald. La vie, la carrière politique, la doctrine, P., 1916.

²⁵ J. de Maistre, Considérations sur la France, Œuvres., vol. I, p. 70.

Не обладая способностью к созиданию, человек не должен пытаться конструировать общество — это прерогатива бога — и создавать конституцию. Конституции уходят своими корнями в далекое прошлое, любой закон может быть только развитием или проявлением ранее существовавшего неписаного права. Конституция — создание времени, а не человека. Конституционализм для реакционных идеологов — величайшее ослепление, безумие века. Нельзя создать конституцию, как создают машину, и «конструировать нации при помощи чернил», «строить государство из людей, как строят дома из камня». Всякая попытка «априорного мышления» бесплодна и означает пренебрежение к опыту и к праву, которое, в свою очередь, познается только опытом. Опыт же человек черпает из истории, этого «собрания фактов», в которых проявляется божественная воля. Опыт веков показывает намерения творца — в прошлом и будущем; все, что должно существовать, существует, и невозможно создание того, чего никогда ранее не было²⁶.

Итак, идеям просвещения, воле и разуму человека, его правам феодальной реакция противопоставила слепую покорность воле провидения, веру в непогрешимость государя, отказ от всякой творческой, созидательной деятельности. Но никакие реакционные теории не могли перечеркнуть того, что было создано годами исторического развития, и в особенности Великой французской революцией, о которой с такой ненавистью говорили апологеты реакции, называя ее не иначе, как «сатанинской». Общественное мнение после революции превратилось в фактор, с которым нельзя было не считаться, пропаганда стала необходимой частью управления. Сознание людей в 1815 году было уже не то, что до революции. Они хотели, чтобы их считали гражданами там, где раньше видели лишь подданных.

В 1815 году выступавшие наряду с ультрароялистами «доктринеры» пытались примирить Францию старую и

²⁶ Cp. P. R. Rohden, Joseph de Maistre als politischer Theoretiker. Ein Beitrag zur Geschichte des konservativen Staatsgedankens in Frankreich, München, 1929; J. J. Oechslin, Le mouvement ultraroyaliste sous la Restauration. Son idéologie et son action politique (1814—1830), Bibliothèque d'histoire du Droit et Droit Romain, P., 1960

новую, осуществить своеобразный компромисс между легитимностью и народным суверенитетом²⁷.

Французская революция дала толчок развитию конституционного движения в Европе, и наступившая реакция не могла его задушить. Хартия Людовика XVIII, конституции в Нидерландах, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Королевстве Польском, конституции, «дарованные» своим подданным в 1817—1819 годах королями Баварии, Бадена, Вюртемберга, при всей своей ограниченности подтверждали невозможность полной реставрации старого режима. Не только во Франции, но и в некоторых других странах сохранялись институты наполеоновского времени. Во Франции продолжал действовать Государственный совет (более или менее сходные органы были созданы в Нидерландах, Польше, в России); в ряде стран сохранялся наполеоновский гражданский кодекс; многие государи заимствовали наполеоновскую организацию полиции и придавали судебной системе в своих странах централизацию, характерную для империи Наполеона²⁸. Ни широкие слои дворянства, ни, тем более, буржуазия не были заинтересованы в восстановлении абсолютной монархии и старых порядков, к которым стремились ультрароялисты. Отбрасывая представление о «божественном промысле» и бессилии человека, они охотнее обращались теперь к таким понятиям, как «благо народа», «права народа», — понятиям, которые гораздо успешнее, чем «чистый легитимизм», могли служить прикрытием их эгоистических интересов.

Однако не все положения, выдвинутые представителями крайней феодальной реакции, отбрасывались государственными деятелями 1814—1815 годов. В документах Венского конгресса неоднократно фигурирует тезис о непогрешимости государя и недопустимости его осуждения — тезис, к которому апеллировали защитники интересов саксонского короля. Если даже оставить в стороне теорию о том, что монарх ответствен только перед богом и что в конституционных монархиях ответствен-

²⁷ Cp. D. B a g g e, Les idées politiques en France sous la Restauration, P., 1950; N. E. Hudson, Ultra-Royalism and the French Restoration, Cambridge, 1936.

²⁸ См. J. G o d e c h o t, Bilan politique et institutionnel, XII Congrès International des Sciences Historiques. Rapports, vol. I, Grands Thèmes, Wien, 1965, pp. 501—506

ность за его действия несут министры, все равно сам принцип легитимизма должен был исключить всякую возможность обсуждения вопроса о суде над королем (в какой бы форме он ни был осуществлен).

Совершенно определенную позицию в этом отношении занимал Франц I. До конца своей жизни он отвергал какую бы то ни было возможность участия народа в обсуждении вопросов, касающихся его монархии. Подобным же образом представительница «нового легитимизма» сестра Наполеона Элиза заявила, что никогда не опустится до того, чтобы позволить своим подданным судить о ней²⁹. Касаясь судьбы саксонского короля, Франц I и Людовик XVIII говорили о недопустимости лишать власти древнюю династию, о том, что король может лишь уступить часть своих владений, может и отречься от престола сам, но это никому не дает права лишать престола его наследников и уж, во всяком случае, никто не может судить короля. Сам Фридрих Август, отстаивая свои интересы, ссылался на то, что великой целью войны являлось сохранение и укрепление легитимных династий, ссылаясь на неприкосновенность своих прав, равно как и прав всей династии, но при этом не забывал он и о таком аргументе, как воля саксонского народа³⁰. Саксонский дипломат Брейер, обосновывая отказ своего короля добровольно отречься от престола (как это предлагали сделать некоторые участники Конгресса), подчеркивает, что предложения относительно присоединения Саксонии к Пруссии противоречат праву³¹. Саксонский король, пытаясь защититься, опирался и на древность своего трона. Его друзья и защитники отмечали, что, например, король Ганноверский или Вюртембергский не обладают таким древним стажем. Апелляция к «древности» была последним козырем саксонского короля. Формальным предлогом для лишения саксонского короля престола и присоединения его владений к Пруссии было обвинение его в приверженности к Наполеону. Однако государственные деятели стран, заинтересованных в сохранении Саксон-

ского королевства, повторяли, что подобный подход создает опасный прецедент и угрожает самой идее легитимизма. Меттерних обвинил прусское правительство в том, что оно пытается восстановить против саксонского короля его собственных подданных и, обращаясь к общественному мнению, тем самым открывает дверь, по меньшей мере, одному из принципов революции. Возражая, Пруссия ссылаясь на право завоевания³².

Разумеется, никто не мог оспаривать тот факт, что Саксония была завоевана; спор шел о том, какие последствия из этого вытекали. Чтобы обосновать прусскую позицию, Гарденберг выразил сомнения в легитимности прав саксонской династии, так как она сама получила престол на основе права завоевания. Отсюда выводилось два типа легитимной власти: 1) лучшая в правовом отношении — основанная на договоре о наследовании, на пожаловании; 2) более слабая в правовом отношении — основанная на завоевании³³. На это можно было возразить, что лишь очень немногие государства и династии встали у власти де-юре не в результате завоевания.

Право завоевания выдвигалось как антипод международного права. Не случайно на одном из первых совещаний в Вене Гарденберг и Гумбольдт так бурно возражали против предложения Талейрана о включении в протокол положения о международном праве³⁴. Но и международное право можно было толковать по-разному. Для Талейрана оно служило доказательством прав короля на сохранение престола при любых обстоятельствах и недопустимости суда над ним. Каслри же в начале деятельности Конгресса обвинял Фридриха Августа в нарушении международного права, считая, что в связи с этим саксонский король может быть лишен всех своих прав в соответствии с законами общественного удобства и общественной пользы³⁵. Но система доказательств Каслри содержит целый ряд противоречий. В качестве основного обвинения против саксонского короля выдви-

²⁹ См. A. Fournier, Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress, Wien—Leipzig, 1913, S. 104.

³⁰ Памятная записка Фридриха Августа от 4 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11698, лл 5, 6.

³¹ См. Breuer an Einsiedel, 19 März 1815, Sächsisches Landeshauptarchiv Dresden, Loc. 2645, Bl 76

³² Гарденберг — Меттерниху 3 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл 48—49.

³³ Гарденберг — Меттерниху 2 декабря 1814 г., Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. 11, p 489.

³⁴ См. Correspondance inédite., p. 35.

³⁵ Каслри — Гарденбергу 11 октября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11772, лл. 60—61.

гался тот факт, что он не примкнул сам к союзникам, а уступил лишь внешнему нажиму. Не говоря уже о том, что едва ли столь слабое государство могло до битвы при Лейпциге само, без помощи извне, порвать с Францией, следует иметь в виду, что саксонский король был связан с Наполеоном договором, по которому должен был участвовать в войне, а договорные обязательства рассматривались союзниками как нерушимые. Следовало решить: заплатился ли саксонский король в соответствии с нормами международного права своим правом на престол из-за верности договору, то есть союзу с Наполеоном? Из обвинения в нарушении международного права делался вывод о том, что король оказался в своего рода «правовом вакууме», то есть что к нему может быть применен закон общественной целесообразности и необходимости, что он не имеет оснований выдвигать какие-либо притязания на возмещение ущерба и только может, в лучшем случае, обратиться к милости держав-победительниц. В то же время союзники признали право Наполеона и его семьи на компенсацию. Если Англия и не была связана условием о возмещении, так как никогда не признавала Наполеона государем и не подписывала договор в Фонтенебло, то остальные союзники официально признали право бывшего французского императора на возмещение и взяли на себя гарантию выполнения договора. Оставалось неясным, почему в правах, признанных за Наполеоном, следовало отказать его союзнику. Наконец, обходился молчанием вопрос о том, может ли король де-юре быть взят в плен; говорили только о личности саксонского короля, а не о его династии, права которой никем, кроме Пруссии, не ставились под сомнение.

Поборники легитимизма, к которым относился и Каслри, считали, что нельзя осудить короля, так как нельзя привлечь его к суду и вынести приговор, но в то же время были готовы наложить на него наказание, вытекающее из международного права и равносильное вынесению приговора. Австрийский император говорил о том, что смещение монарха может послужить дурным примером, однако, если Пруссия займет Саксонию, он вынужден будет наложить руку на часть Саксонии, а именно на Дрезден. В глазах же прусских деятелей саксонский король в ходе дипломатической борьбы превратился из государя,

полностью бесправного, в государя, заслуживающего возмещения. Фридрих Вильгельм и Гарденберг неоднократно выражали готовность предоставить саксонскому королю возмещение, что дало повод французскому дипломату Жокуру заявить, что они служат интересам саксонского короля³⁶.

Так принцип легитимизма с его признанием непогрешимости и неподсудности суверена был оттеснен на второй план соображениями государственной выгоды. И лишь после того, как судьба Саксонии была окончательно решена, великим державам снова понадобился легитимистский покров — добровольный отказ Фридриха Августа от части своей территории. Обсуждение саксонской проблемы показало, таким образом, недостаточно твердую легитимистскую позицию самих легитимистов. Но если, защищая саксонского короля и его трон, легитимисты все же утверждали, что король стоит над законом и никакие международные соглашения не могут нарушить этот принцип, то совсем иная аргументация приводилась, когда речь шла о Наполеоне.

Декларация союзников от 25 марта 1815 г. объявляла его вне закона, несмотря на то что по условиям отречения он был признанным государем острова Эльбы и, следовательно, его вторжение во Францию не могло считаться достаточным основанием для лишения его покровительства закона. Обладая императорским титулом и являясь государем Эльбы, Наполеон столь же мало подлежал юрисдикции Конгресса, как любой представленный там государь. Союзные державы не рассматривали Наполеона как француза, нарушившего закон (в этом случае он должен был бы предстать перед французским судом), так как, с точки зрения международного права, он длительное время был легитимным государем; во время «ста дней» Наполеон рассматривался как государь Эльбы, не подчиняющийся французским законам. Объявление вне закона предстает как новая правовая норма, которая может быть применена к государю, нарушившему международное право; как и саксонский король, он не мог предстать перед судом, ибо не существовало су-

³⁶ Жокуру — Талейрану 15 января 1815 г., Correspondance inédite, p. 227

да, полномочного выносить приговор государю, но пожизненная ссылка была тем же приговором, только оформленным как международное соглашение.

Легитимизм искажил свою собственную сущность, поставив под сомнение ранее заключенные договоры, которые до тех пор рассматривались как законные.

В ходе работы Конгресса перед его руководителями встал вопрос о судьбе многих государств: о разделе или единстве Саксонии, Польши, об образовании Германского союза и Швейцарской конфедерации, о судьбе Бельгии и Норвегии, не говоря уже о передаче из рук в руки многих мелких княжеств. Иными словами, решался вопрос о судьбе народов, и государственные деятели, собравшиеся в Вене, должны были определить свое отношение к таким проблемам, как национальное единство и государственная независимость.

«Чистая легитимистская» теория исходит из того, что каждая нация (как всякое общество — государство, церковная организация и т. д.) представляет собой единый политический организм, имеющий свою собственную душу, свою жизнь. «Нации рождаются и умирают в буквальном смысле слова»³⁷, они переживают период расцвета и старости, подъема и упадка. Человек всегда принадлежит к какой-либо нации, и его нельзя рассматривать вне этой принадлежности. «Я видел за свою жизнь французов, итальянцев, русских и т. д. Я даже знаю благодаря Монтескье о существовании персов; но, что касается «человека», я заявляю, что никогда в жизни не встречал его. Если он существует, то вне моего знания»³⁸. В нации воля, разум индивидуумов сливаются воедино. Нации обладают единой моралью (именно эта единая мораль и конституирует нации в то, чем они являются), своими хорошими и дурными свойствами. Следовательно, население государства может иметь свои общие заслуги и провинности. Так, казнь Людовика XVI рассматривалась как коллективная вина всего французского народа, который должен нести за нее ответствен-

³⁷ J. de Maistre, Etude sur la souveraineté, Œuvres..., vol. I, p. 325.

³⁸ J. de Maistre, Considérations sur la France, Œuvres..., vol. I, p. 74.

ность³⁹. Каждый народ, по мнению легитимистов, имеет свой национальный характер, который дан ему богом и является его неотъемлемым свойством. Народы различаются по своим моральным и физическим качествам, по географическому и хозяйственному положению. Точно так же обладают они и своими особыми способностями, как, например, «способностью к свободе», причем одни народы проявляют ее в полной мере, другим она совершенно чужда. Соответственно способностям и характеру народа провидение определяет и его миссию, его социальный порядок и ту или иную форму государственной власти.

Каждый народ получает то управление, какое он заслуживает; есть нации, которые должны плохо управляться, так как к лучшему способу управления они не восприимчивы. Отсюда делается вывод, что деспотизм для одних народов — такое же естественное состояние, как демократия для других, и представление о том, что деспотизм унижает души людей, — ошибка. Он плох в той стране, которая предназначена для другого способа господства, но не лучше, когда он изгоняется из страны, в которой он уместен. Подобно тому как невозможно равенство людей, принадлежащих по своему рождению и божьей воле к различным сословиям и занимающих в обществе различное положение, невозможна и свобода.

Безумно утверждать, что человек рожден для свободы. Напротив, для человека, который по своей природе является существом общественным и в то же время так дурен, что не может обходиться без узды, гражданская свобода опасна, она уничтожит возможность управлять людьми. Человек в принципе не способен к такой свободе, он для нее слишком плох. Правда, христианские народы, по утверждению теократов, свободны, но эту свободу следует понимать как «свободу желать», а не «свободу действовать». Но даже способность к такой свободе отрицается ими у нехристианских народов, для которых

³⁹ Вразрез с этим тезисом английская парламентская оппозиция, выступая против захвата Саксонии Пруссией, доказывала, что нельзя наказывать весь народ, если даже и сочтен виновным его государь. Газета «Таймс» утверждала в одной из своих статей, что «если даже король саксонский заслужил лишения трона за свою приверженность к корсиканскому обманщику, то это не дает никаких оснований лишать независимости саксонскую нацию», «Times», Nov. 2. 1814.

нормальное состояние, их миссия — находиться в рабстве⁴⁰.

Между тем развивающаяся экономика, колониальная торговля и конкуренция заставили английскую буржуазию добиваться отказа всех колониальных держав от работорговли. В обоснование своих требований сторонники запрещения работорговли обратились к естественному праву, добиваясь в то же время, чтобы вопрос этот рассматривался как международноправовой. О торговле неграми говорили как о деле позорном, бесчеловечном, аморальном, несовместимом с веком просвещения и с волей всех цивилизованных государств⁴¹, порожденном беспринципной жадностью наживы, погоней за золотом⁴².

Сидней Смит, доказывая право африканских негров на защиту со стороны международного права, говорил о их трудолюбии, восприимчивости к цивилизации, хорошем характере⁴³. Английская делегация все время подчеркивала, что работорговля противоречит международному праву.

Представители же стран, заинтересованных в торговле рабами, не возражали против ее осуждения с позиций общечеловеческой и христианской морали, но утверждали, что вопрос этот не международноправовой, а национальный, касающийся только колониальных держав, поэтому Конгресс не полномочен решать его⁴⁴. При этом принципиальное осуждение работорговли не мешало им всячески оттягивать срок ее отмены и обсуждать вопрос о том, какое количество рабов им еще потребуется для «укомплектования колоний».

Признавая на словах необходимость гуманного отношения к неграм и все так же оперируя понятиями равенства и общего блага, они ссылаются на государственные интересы и интересы своих многочисленных подданных, под которыми имеются в виду плантаторы и работорговцы. Декларация, принятая в Вене 8 февраля 1815 г., так-

⁴⁰ См. J. de Maistre, *Du Pape*. Œuvres..., vol. II, pp. 170, 339—342.

⁴¹ Памятная записка английской делегации в Вене, АВПР, ф. Канцелярия, д. 11835, л. 3.

⁴² См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12539, л. 14.

⁴³ Памятная записка Сиднея Смита от 8 августа 1814 г., R. Rie, *Der Wiener Kongress...*, S. 126.

⁴⁴ Протокол совещания представителей восьми держав от 16 января 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 12544, лл. 1—6.

же опиралась на положения естественного права и указывала, что торговля, «известная под названием торговли неграми Африки, во все времена рассматривалась просвещенными людьми как противная принципам гуманности и всеобщей морали»⁴⁵. Естественное право, философия Просвещения в данном случае служили одним для отстаивания, другим — для прикрытия своих целей.

По определению теоретиков Реставрации, совершенно необходимое условие существования нации — ее единство; все, что может его нарушить, будь то права личности или отдельных слоев общества, письменная конституция или даже эмигрантское движение, должно отменяться. Единство это проявляется в языке, а единая воля — в воле ее государя. Однако все эти теоретические построения мало помогали практическому решению вопросов, вставших перед Конгрессом.

Гораздо больше государственным деятелям приходилось считаться с вновь возникшими обстоятельствами: ростом национального самосознания и стремлением — пусть еще слабым и неоформленным — к национальному единству в ряде стран. Эти факторы отражали прежде всего стремление национальной буржуазии к созданию и укреплению единого рынка. В этом отношении показательны многочисленные письма и обращения саксонских и польских деятелей, в которых они возражают главным образом против расчленения страны и гораздо меньше заботятся о сохранении ее независимости.

Представители великих держав также используют такой аргумент, как необходимость сохранения единства страны. Каслри неоднократно заявлял о якобы постоянном желании Англии видеть Польшу независимым государством, для чего необходимо сохранение ее единства. Он ссылался на то, что ни благополучие поляков, ни спокойствие в восточной части Европы не могут быть обеспечены, если разрушены национальные обычаи и привычки⁴⁶, для гарантии спокойствия нужно сохранение национального государства. Оперируя тем же понятием единства и спекулируя на стремлении Саксонии к его сохранению, Гарденберг и другие прусские деятели дока-

⁴⁵ Angeberg, *Le Congrès re Vienne...*, t. 11, p. 726.

⁴⁶ Циркулярная нота Каслри от 12 января 1815 г., *British Diplomacy...*, pp. 287—288.

звали необходимость включения в состав Пруссии всего Саксонского королевства «с тем, чтобы избежать его расчленения»⁴⁷.

Руководители Конгресса часто прибегали к положениям естественного права о равенстве наций, о благе народа и его правах. Различные интерпретации теории естественного права были характерны для идеологической и политической борьбы в Англии в конце XVIII века. Теперь же они использовались дипломатией европейских держав для обоснования своей политики и оправдания своих требований.

На Конгрессе неоднократно поднимался вопрос о том, имеет ли право население территории, от которой монарх отрекся, отказаться признать другого государя⁴⁸. Без всяких колебаний Конгресс санкционировал присоединение Бельгии к Голландии, Норвегии — к Швеции вопреки интересам и стремлениям бельгийцев и норвежцев. Признавая право нации самостоятельно решить вопрос о престоле⁴⁹, руководители Конгресса делали оговорку, что «свобода нации изменять свою систему управления должна иметь справедливые границы» и, если иностранные державы не имеют права предписывать народу практическое применение его свободы, они, с другой стороны, имеют право протестовать против идущего им во вред использования свободы. Положение это высказано по вполне конкретному поводу, но оно довольно точно выражает общие взгляды руководящих деятелей Конгресса по данному вопросу.

Наконец, следует отметить, что, провозгласив, в соответствии с естественным правом, равенство наций, равенство больших и малых государств, руководители Конгресса на практике сразу отбросили его, сосредоточив решение всех дел в руках великих держав. В различных случаях руководители Конгресса обращались то к естественному праву и к философии Просвещения, то к принципам легитимизма — в зависимости от того, что больше соответствовало в данный момент поставленным целям. Легитимизм понимался на Конгрессе как принцип меж-

дународного права в противовес «беззаконию» революции и Наполеоновской империи. Нередко он отождествлялся со спокойствием, достижение которого союзники выдвигали в качестве одной из целей войны; нарушение спокойствия рассматривалось как нарушение законности. Но ни в одном вопросе принцип легитимизма не являлся решающим, сколько бы ни апеллировали к нему участники Конгресса.

Многие буржуазные историки склонны принимать за легитимистский дух Конгресса то, что было лишь тактикой Франции и некоторых других держав⁵⁰. Говоря о восстановлении старой Европы, руководящие деятели Конгресса в действительности стремились к созданию новой расстановки и группировки сил, отвечающих интересам их государств.

Пожалуй, с наибольшей наглядностью это проявилось в другом принципе, на котором строил свою работу Венский конгресс — в принципе «равновесия сил». Союзники говорили о восстановлении «равновесия сил» в Европе как о важнейшей цели войны против Наполеона. В Парижском мирном договоре 1814 года⁵¹ подчеркивалось, что договор должен создать систему реального и длительного «равновесия сил» в Европе.

Родиною теории «равновесия сил» была Англия. До тех пор, пока великие державы на континенте взаимно держали друг друга в страхе, Англия могла спокойно осуществлять колониальную экспансию. Но едва одной из них удавалось добиться превосходства над другими, спокойствию Англии приходил конец. Каслри еще в 1813—1814 годах говорил о необходимости «равновесия сил» и давал соответствующие указания английским представителям.

Одним из условий этого равновесия, с точки зрения английского правительства, было ослабление Франции и одновременно сохранение ее в числе великих держав. Этим объясняется «политика умеренности» по отношению к Франции, которой Каслри придерживался при заключении Парижского мира⁵². Парижский мирный договор носил, по утверждению Меттерниха, печать уме-

⁴⁷ Гарденберг — Меттерниху 2 декабря 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, л. 11772, лл 34—36.

⁴⁸ Ливерпуль — Каслри 3 мая 1814 г., С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh...*, p. 542, *Append. B*.

⁴⁹ Речь идет о правящей династии во Франции.

⁵⁰ Ср. M. Bourquin, предисловие к книге: J.-H. Pirenne, *La Sainte-Alliance...*, pp. X—XI.

⁵¹ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. I, pp. 161—178.

⁵² См. *British Diplomacy...*, pp. 1, 8, 101.

ренности монархов и их правительств, вызванной их твердым намерением обеспечить Европе длительный мир. «Мир, который предстояло заключить с Францией, можно было рассматривать с двух точек зрения: он мог быть продиктован либо чувством мести по отношению к Франции, либо стремлением установить самое совершенное политическое равновесие между державами»⁵³.

Осенью в Вене Каслри продолжал утверждать, что установление справедливого равновесия — его первая цель и ей должны быть подчинены менее важные задачи. Он заявлял о своем намерении поддерживать державы, которые способствовали спасению Европы, в их справедливом стремлении к восстановлению, не допуская в то же время применения мер, которые могли бы нанести ущерб другим⁵⁴. И действительно, все планы реконструкции Европы, с которыми Каслри выступал в Вене (создание системы барьеров вокруг Франции, усиление Пруссии и Австрии против Франции и России), обосновывались принципом политического «равновесия сил»⁵⁵. Отстаивая теорию равновесия с позиций великой державы, Каслри считал невозможным ради достижения равновесия жертвовать интересами малых государств. Создание сильных государств на границах Франции представлялось ему делом несравненно более важным, чем интересы населения Нидерландов или Рейнской области. Каслри мечтал об «идеальном равновесии», рассчитанном с почти математической точностью. Для его определения требовался точный учет территорий, населения, силы каждого государства; этой цели должна была служить статистическая комиссия, созданная по предложению Каслри⁵⁶.

Не менее горячими поборниками «равновесия сил» были Талейран и Меттерних. Но, в отличие от Каслри, Та-

⁵³ Metternich, Mémoires, documents et écrits divers., P. I, vol. I, p. 200.

⁵⁴ Каслри — Ливерпулю 11 ноября 1814 г., British Diplomacy., p. 229.

⁵⁵ См. С. К. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh., p. 493.

⁵⁶ Примером такого «математического» подхода может служить план реконструкции Пруссии, составленный Гарденбергом в январе 1815 года и содержащий подробные данные о потерях и приобретениях Пруссии (см. Deutsches Zentralarchiv, Abt. Merseburg, AAI, Rep. VI, Wiener Kongress, Nr. 242, fol. 52—55).

лейран считал невозможным и ненужным абсолютное равенство сил отдельных государств (даже если принимать в расчет только великие державы). По мысли Талейрана равновесие может быть лишь системой отдельных равновесий, состоит оно в соотношении сил нападения и сопротивления. Настоящее равновесие могло быть достигнуто, если бы минимальная сила сопротивления малых государств была равна максимальной силе крупных. Но так как этого нет, то равновесие может поддерживаться только искусственно, если державы сами будут стремиться к умеренности и справедливости и по взаимному соглашению будут поддерживать равенство сил нападения и сопротивления в различных политических организациях. С этих позиций он выступал против присоединения Саксонии к Пруссии, требовал, чтобы свободные территории были распределены соответственно принципам политического равновесия⁵⁷. Установлению длительного равновесия может способствовать сохранение пропорций, на которых оно основано, а для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы порядок наследования в каждом государстве устанавливался с учетом интересов равновесия. Таким образом, равновесие должно быть общей политикой, общей концепцией всех европейских государств, легитимность должна быть использована для упрочения единства внутри равновесия. Само «равновесие сил» Талейран определяет как комбинацию прав, интересов и силы, посредством которых устанавливается, что ни отдельная держава, ни какое-либо объединение держав не может преобладать в Европе⁵⁸. Это определение направлено своим острием против возможных попыток союзников свести Францию к положению второстепенной державы.

Одним из столпов теории равновесия по праву считался Меттерних, который в 1812—1815 годах многократно выступал в ее защиту⁵⁹. На Венском конгрессе Меттерних, как Каслри и Талейран, неоднократно обращался к аргументам, связанным с политикой «равновесия сил». Если Талейран еще пытался каким-то образом совместить «равновесие сил» с легитимизмом, то в высказыва-

⁵⁷ Талейран — Меттерниху 19 декабря 1814 г., Metternich, Mémoires., P. I, vol. II, p. 510.

⁵⁸ См. Talleyrand, Mémoires., vol II, pp. 224—226.

⁵⁹ Cp. E. L. Woodward, Three Studies in European Conservatism, L., 1929, pp. 37—40.

ниях остальных деятелей Конгресса нет и намек на подобную попытку, и это не случайно. Сама теория «равновесия сил» — отнюдь не легитимистская, не только ничего общего с легитимизмом не имеющая, но в ряде случаев, как, например, в саксонском вопросе, противоречащая ему. Равновесие, которое пытались установить, не было равновесием старого режима. Если и говорили о возвращении к традиционному принципу, то с намерением внести в него серьезные изменения. Созданию нового равновесия, нового соотношения сил и служила перековка карты Европы, произведенная в Вене.

Обращает на себя внимание любопытный факт: как и принцип легитимизма, теория «равновесия сил» толковалась заинтересованными сторонами самым различным образом. В письмах и меморандумах, которыми обменивались Англия и Россия по вопросу о Польше, обе стороны аргументировали свои позиции терминологией «равновесия сил». При ее помощи с равным успехом обосновывали необходимость сохранения независимой Саксонии и целесообразность передачи ее Пруссии; отнесение России на восток и передачу ей Герцогства Варшавского. Точно так же при обсуждении условий второго Парижского мира Александр I говорил о необходимости умеренности, а Гумбольдт требовал применения к Франции самых крутых мер. Все они при этом обосновывали свои планы концепцией «равновесия сил».

Эта «многозначность» теории равновесия заставляет задуматься над ее реальной ценностью и способствует пониманию ее истинной сущности. Из теории «равновесия сил» естественно вытекает, что неприкосновенности территории одной страны должна соответствовать неприкосновенность другой.

Однако после разгрома Наполеона при Ватерлоо союзники стали подчеркивать, что требование неприкосновенности французской территории нарушает идею равенства и взаимности между державами⁶⁰. Неожиданно употребленный термин «взаимность» снова возвращает нас к философии Просвещения — естественного права, — используемой в совершенно новых условиях. В применении к «равновесию сил» этот термин означает противопо-

ложные, но уравновешивающие друг друга изменения с обеих сторон. Сторонники «равновесия сил» связывали обычно его осуществление с миром, спокойствием Европы. В действительности его следствием может явиться война, к которой заинтересованные стороны могут прибегать для обуздания могущественного (или пытающегося усилиться) соседа.

И сохранение мира, и поддержание статус-кво были не целью «равновесия сил», а лишь его своего рода «побочным продуктом», хотя предполагалось, что цель равновесия — сохранение независимых государств. Так, по поводу последнего раздела Польши одни заявляли, что уничтожение независимого Польского государства есть нарушение «равновесия сил», другие же объявляли его величайшим достижением равновесия. Вопрос, очевидно, в том, как понимать требование сохранения независимых государств. Если распространять его на все государства, то необходимо сохранить статус-кво, если же считать, как это и делали руководители Конгресса, что речь идет лишь о главных государствах, то статус-кво теряет значение⁶¹. Теория «равновесия сил» диаметрально противоположна идее национализма. По сути дела в работе и решениях Конгресса идея национализма была полностью подчинена стратегии «равновесия сил»; интересы «малых народов» без каких-либо колебаний приносились в жертву интересам и политическим комбинациям великих держав.

⁶¹ Ср. E. V. Gulick, *Europe Classical Balance of Power*, N. Y., 1955, pp. 37—38.

⁶⁰ Нота от 22 сентября 1815 г., Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. IV, p. 1537.

НОВАЯ ВОЙНА С НАПОЛЕОНОМ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Известие о бегстве Наполеона с острова Эльбы пришло в Вену рано утром 7 марта. Первым получил его Меттерних. Он лег поздно после совещаний и запретил себя будить. По одной из нескольких версий около 6 часов слуга принес депешу от австрийского консула в Генуе, которую Меттерних сразу даже не распечатал. Однако около 7 час 30 мин. Меттерних, так и не заснувший, вскрыл конверт. Донесение содержало всего несколько строк: «Английский комиссар Кэмпбелл только что появился в порту с целью осведомиться, не видели ли в Генуе Наполеона, так как он исчез с острова Эльбы. Кэмпбелл получил отрицательный ответ; после этого английский фрегат без промедления снова вышел в море»¹. В 10 часов у Меттерниха собрались министры четырех держав. На совещании был и Талейран. Он предположил, что Наполеон высадится где-нибудь в Италии, а от-

¹ Metternich, Mémoires, P. I, vol I, p 205

туда направится в Швейцарию. Меттерних считал, что Наполеон двинется на Париж. Решение начать войну было принято на совещании менее чем за один час. А в это время адъютанты уже мчались в различных направлениях, везя армии, возвращавшимся из Франции, приказ остановиться.

Высадившись во Франции, Наполеон произнес: «Конгресс распущен»². Это было ошибкой. Наоборот, против Наполеона Конгресс стал действовать с неожиданной энергией.

Возникшая в связи с возвращением Наполеона опасность способствовала новому сближению великих держав. Попытка восстановить четверной союз была принята Александром I еще в феврале 1815 года, когда он предложил Каслри и Меттерниху подтвердить Шомонский договор³. Разумеется, это предложение находилось в прямом противоречии с планами Каслри и Меттерниха, которые стремились к совместным действиям Англии, Австрии и Франции против России. Не возражая в принципе против идеи восстановления союза, в котором он видел одну из возможностей поддержания европейского «равновесия сил», Каслри, однако, считал предложение царя несвоевременным. По его мнению, было бы ошибкой подчеркивать существование группировки, направленной своим острием против Франции, в то время как та дала убедительные доказательства своей умеренности и оказала Англии столь полезную поддержку в Вене⁴. Вместо этого Каслри предлагал по окончании работы Конгресса опубликовать от имени страп — участниц Парижского договора декларацию, провозглашающую их твердое намерение поддерживать установленный порядок и употребить «все свое влияние, а в случае необходимости и оружие против державы, которая попытается его нарушить»⁵. Идея была принята, казалось, благожелательно, и Гентцу было поручено составить в этом духе проект⁶. Возможно, Каслри рассчитывал, что это заявление будет сопровождаться заключением договора об

² Talleyrand, Mémoires, vol. IV, p 11.

³ См British Diplomacy, p 304

⁴ Каслри — Ливерпулю 13 февраля 1815 г., British Diplomacy, pp. 303—305

⁵ Ibid, p 305

⁶ См Angeberg, Le Congrès de Vienne, t II, p. 864

установлении общей гарантии границ, хотя он знал, что среди многих английских политиков идеи Питта о взаимосвязи интересов Англии со странами континентальной Европы, враждебными Франции, уже не пользуются прежней безоговорочной поддержкой. Стабилизировав свое положение на континенте, обеспечив создание антифранцузского барьера, добившись значительного расширения своей колониальной империи, Англия не имела намерения брать на себя дополнительных обязательств, не суливших к тому же особых выгод.

Вскоре, однако, известие о возвращении Наполеона придало развитию событий другое направление. 12 марта Каслри писал Веллингтону, что союзные государи должны издать общую декларацию против Наполеона⁷. Того же мнения придерживались и дипломаты других стран. «Декларация такого рода, без сомнения, может быть очень полезна»⁸, — писал 9 марта Каподистрия Александру I. 13 марта была опубликована составленная Талейраном декларация⁹, которую подписали Австрия, Англия, Пруссия, Россия, Франция, Испания, Португалия и Швеция. Восемь держав обещали помощь «королю Франции и французской нации», указывали, что Наполеон поставил себя «вне гражданских и социальных отношений» и «как враг и нарушитель спокойствия во всем мире» заслуживает общественного возмездия¹⁰. При этом в декларации выражалась уверенность, что «вся Франция сплотится вокруг своего законного суверена».

18 марта был разработан договор, восстанавливающий шомонскую коалицию. Подписание его затянулось, так как державы рассчитывали, как и в 1813—1814 годах, получить субсидии от Англии, для которой финансирование союзников являлось важнейшей формой участия в войне¹¹. 25 марта его подписали Австрия, Россия, Англия и Пруссия¹². Франция, Испания, Португалия, Голландия, Сардиния, Бавария, Ганновер, Вюртемберг, Ба-

ден, Гессен и Брауншвейг получили приглашение присоединиться. Повторяя в основном Шомонский трактат, договор, однако, содержал утверждение о необходимости пополнить положения Парижского мирного договора 1814 года В дополнительной статье Англия обязалась предоставить союзникам 5 млн. фунтов стерлингов. Статья III договора гласила, что никто из его участников не сложит оружия, пока Наполеон не будет лишен всякой возможности принести дальнейшее беспокойство или пытаться захватить власть во Франции.

Договор 25 марта показал тщетность попыток Наполеона, использовав разногласия между союзниками, предотвратить восстановление антифранцузской коалиции¹³. Особые надежды Наполеон возлагал на возможность разъединения России с Англией и Австрией. После возвращения в Париж он нашел в Тюильри среди бумаг, забытых при поспешном бегстве, копию секретного договора от 3 января 1815 г. С русским поверенным в делах в Париже Бутягиным Наполеон переслал ее императору Александру (Наполеон не знал, что о факте существования договора Александр уже был осведомлен гораздо раньше). Царь был, естественно, разгневан, однако ограничился только ироническим замечанием о «слабости, легкомыслии и честолюбии, господствующих в собрании государей». Каслри писал, что после всего того, что Александр наблюдал на Конгрессе, ознакомление с договором 3 января не должно произвести на него тяжело впечатление¹⁴. Окончились неудачей и попытки Наполеона через своих агентов (Флао, барона Стассара и др.) завязать сношения с Австрией.

Однако за кажущимся единством и решительностью участников Конгресса скрывались сомнения и беспокойство. Напрасно Поццо ди Борго провозглашал, что Наполеон будет в течение нескольких дней схвачен и повешен; напрасно Меттерних сохранял свою скептическую улыбку. Не могла скрыть опасений Талейрана его бесстрастная маска. Однако следует отметить, что в период событий, так близко его затрагивавших, Талейран с боль-

⁷ См. *British Diplomacy*, p. 309

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 11782, л. 3

⁹ См. *Correspondance inedite*, p. 329

¹⁰ См. *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. III, p. 912

¹¹ См. Л. А. Зак, Английские субсидии Пруссии, Австрии и Швеции в 1813 году, «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950 г., № 1, стр. 59—68

¹² См. *Angeberg, op cit*, t. III, p. 969

¹³ Cp. F. Dietrich, *Napoleon und der Wiener Kongreß*, «Die Europaer und ihre Geschichte», München, 1961, SS. 135—154

¹⁴ Каслри — Веллингтону 27 марта 1815 г., *British Diplomacy*, p. 318

шим искусством демонстрировал «абсолютное хладнокровие», стараясь, чтобы об этом стало известно возможно более широкому кругу участников Конгресса.

Письмо Меттерниха с извещением о высадке Наполеона застало французского министра в постели, беседующим со своей племянницей мадам де Перигор о предстоящей репетиции спектакля с ее участием. Думая, что в письме содержится сообщение о том, в котором часу соберется Конгресс, Талейран попросил племянницу собрать конверт. Сделав это, она воскликнула: «Бонапарт покинул Эльбу! — о, дядя, а моя репетиция?!» «Ваша репетиция, мадам, состоится все равно», — спокойно ответил Талейран и занялся обычным приготовлением к своему туалету¹⁵. Тот же Талейран сказал Фридриху Вильгельму III, что его мало заботит бегство Наполеона с Эльбы, так как это только дает возможность его повесить. Прусский король озабоченно ответил на это, что Наполеона надо сначала схватить¹⁶.

«Нетрудно было понять, — писал лорд Кланкарти, заменивший Веллингтона, который уехал в Бельгию, чтобы принять командование армией, — что все императорские и королевские особы охвачены страхом»¹⁷. Опасались широкого размаха народного движения во Франции, возможности возникновения там гражданской войны; высказывалось мнение, что недовольство в ряде стран, «вызванное годами бесполезных страданий и напрасных надежд», может быть использовано Наполеоном, причем народы Бельгии, Испании, Италии, Германии, Польши заранее обвинялись в «непредусмотрительности, предубеждениях, эгоизме», которые делают их «очень восприимчивыми к этому страшному влиянию»¹⁸.

Возвращение Наполеона в Париж приводило некоторых европейских государей и дипломатов в ярость, которая распространялась и на французский народ в целом. Говорили о политическом и моральном разложении французской нации, сравнивали Францию с Римом эпохи императоров, негодовали по поводу той легкости, с

которой Наполеон снова утвердился в стране «Либо Наполеон не такой тиран, каким его считали, либо нация гораздо более рабоподобна и развращена, чем предполагали», — заявлял русский дипломат Головкин и высказывал «страшную мысль», что французская нация создана для такого государя и Наполеон — как раз такой человек, какой ей нужен¹⁹. Но в целом высказывания русских дипломатов были сравнительно умеренными.

Иную позицию заняла Пруссия. Как полагали прусские политики, восстановление власти Наполеона во Франции дает прекрасный повод для того, чтобы пересмотреть Парижский трактат 1814 года, который прусское правительство всегда рассматривало как слишком мягкий в отношении Франции²⁰.

Для прусского правительства вопрос о кардинальном пересмотре Парижского договора был основным, независимо от особы будущего французского монарха, так как главная задача состояла в том, чтобы добиться новых значительных территориальных уступок со стороны Франции и ее ослабления на многие десятилетия²¹. А некоторые прусские политические деятели и публицисты требовали даже раздела территории Франции, с тем чтобы навсегда вычеркнуть ее из списка великих держав. В апреле 1815 года «Rheinische Merkur» писал: «Нужно объявить войну всей нации и поставить вне закона весь этот бестолковый народ, для которого война является насущной потребностью... Весь свет не будет пользоваться миром до тех пор, пока будет существовать французский народ; пусть его превратят в бургундов, невстрийцев, ак-

¹⁹ Головкин — Нессельроде 18 (30) марта 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 10933, л 36

²⁰ Прусский юнкер Мартвиц даже объявил возвращение Наполеона «помощью, ниспосланной богом» (см W Kayser, Margwitz, Hamburg, 1936, S 394) Мнение Мартвица в Пруссии разделяли многие, 8 марта 1815 г (т.е. сразу после получения в Вене известия о том, что Наполеон покинул Эльбу) Тиле писал Бойену, что пруссаки, находившиеся на Конгрессе, восприняли это сообщение с истинной радостью, в то время как другие его участники ходили с удрученными физиономиями (см Vom Wiener Kongress Briefe des Oberstleutnants v Thille an den Kriegsminister v Boyen, «Deutsche Rundschau», 1914, Nov., S 206)

²¹ После поражения наполеоновской армии под Ватерлоо прусские военные деятели предлагали разместить на территории Франции армию союзников минимум в 300 тыс человек, которая содержалась бы за французский счет

¹⁵ См D Couper, Talleyrand, L, 1935, pp 258—259

¹⁶ См O Criste, Der Wiener Kongress, S 114

¹⁷ H Nicolson, The Congress of Vienna, p 230

¹⁸ Памятная записка Каподистрии 10 (22) марта 1815 г., АВПР, ф Канцелярия, д 11782, лл 5, 6

витанов и т. п.; они передерутся между собой, но зато мир будет спокоен навеки»²²

Только общий страх перед Наполеоном сплачивал коалицию, между членами которой сохранялись глубокие противоречия. Об этом свидетельствовала, в частности, борьба вокруг проекта декларации, который был подготовлен Гентцем в качестве ответа на заявление Государственного совета Франции от 2 апреля 1815 г.²³ (в этом заявлении, составленном по указанию Наполеона, стремившегося продемонстрировать миролюбие, говорилось, что Франция готова соблюдать условия Парижского договора и не совершит нападения ни на одну из европейских держав). Английский представитель Кланкарти, позицию которого разделял Меттерних, настоятельно просил включить в проект Декларации слова о благодетельности власти законного короля²⁴. Александр высказался против, мотивируя это тем, что, судя по событиям во Франции, трудно рассчитывать, что правительство Людовика XVIII будет более прочным, чем прежде. Царь считал, что подходящим кандидатом на французский престол мог бы оказаться и герцог Орлеанский, который был готов объединить все партии, и что до свержения Наполеона вообще нецелесообразно предрешать вопрос о кандидате на французский престол. Кабинеты придут к соглашению относительно лица и семьи, которую можно будет призвать к царствованию во Франции. Если это будут Бурбоны, то следует решить, на котором из них остановиться²⁵.

Подчеркивая свое нежелание навязывать французской нации решение вопроса о монархе — вопроса, который

²² Цит. по А. Дебидур, *Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878)*, т. I, ИЛ, 1947, стр. 80.

²³ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t. III, p. 1004.

²⁴ См. Талейран — Людовику XVIII 23 апреля 1815 г., *Correspondance inédite*, pp. 397—414. Следует отметить, что публично английское правительство не считало возможным высказываться в таком плане ввиду крайней непопулярности Людовика XVIII во Франции. Тот же Кланкарти заявил, что не считает возможным поддерживать какую-либо определенную кандидатуру на французский престол и отказался бы подписать обязательство добиваться восстановления власти Людовика XVIII (см. Кланкарти — Каслри 15 апреля 1815 г., *British Diplomacy*, p. 327).

²⁵ См. C. A. Pozzo di Borgo, *Correspondance diplomatique 1814—1818*, vol. I, P., 1890, pp. 128—134.

для них самих являлся спорным, — великие державы сходились на том, что недопустимо сохранение власти за Наполеоном²⁶. В этом плане Меттерних по поручению государей коалиции вел переговоры с Фуше (герцогом Отрантским).

В апреле 1815 года в Базель был направлен с особой миссией агент Меттерниха барон Оттенфельс. Инструкция Меттерниха предписывала ему остановиться на постоялом дворе «Три короля» (под вымышленным именем Анри Вернера) и ожидать представителя герцога Отрантского, который в качестве удостоверения должен был представить копию записки Меттерниха следующего содержания: «Державы не хотят Наполеона Бонапарта. Они поведут с ним войну не на жизнь, а на смерть, но не хотят вести эту войну с Францией. Они не намерены вмешиваться в дела нации и в ее желания относительно своего правительства, но они ни в коем случае не потерпят Бонапарта на французском престоле. Направьте человека, пользующегося Вашим исключительным доверием, в пункт, который Вы укажете подателю записки. Там он встретит моего представителя». Оттенфельсу поручалось передать представителю герцога Отрантского²⁷, что державы хотят знать, кого предпочитает Франция: Людовика XVIII, герцога Орлеанского или установление регентства. Если выбор падет на Людовика XVIII, державы помогут его утверждению, заключив с ним новый пакт; если предпочтение будет оказано герцогу Орлеанскому, они выступят посредниками, чтобы убедить короля отказаться от своих притязаний, в крайнем случае они согласны и на регентство, но Австрия хотела бы избежать его. Мнение герцога Отрантского Оттенфельс должен был передать Меттерниху²⁸.

В конечном счете в проекте декларации, составленном

²⁶ Вопросы, связанные с реставрацией Бурбонов, неоднократно вызывали полемику во французской историографии (см. А. И. Молок, *Борьба направлений во французской историографии по вопросам реставрации Бурбонов и июльской революции*, «Французский ежегодник 1959», Изд-во АН СССР, 1961).

²⁷ Любопытно, что прибывший на свидание и представившийся агентом Фуше Флери де Шабулон в действительности был эмиссаром Наполеона.

²⁸ См. Metternich, *Mémoires*, P. I, vol. II, pp. 514—516.

Гентцем²⁹, было отмечено, что державы, не считая себя вправе навязывать Франции правительство, готовы предоставить ей свободу выбора, «поскольку она не грозит их безопасности и общему спокойствию Европы». Вместе с тем подчеркивалось, что «не может быть и речи о сохранении трактата 1814 года». В общем, как считал Талейран, Декларация была благоприятна Людовику XVIII.

В первые дни после высадки Наполеона на территории Франции деятельность Конгресса несколько замедлилась. Однако необходимость противопоставить Бонапарту «объединенную Европу» и стремление попытаться ликвидировать разногласия перед лицом общей опасности заставили представителей великих держав уже с конца марта 1815 года форсировать работу Конгресса и различных его комиссий.

Особенно широко развернулась работа военной комиссии, которая была сформирована в составе: Шварценберг (Австрия), Кнезебек (Пруссия), Веллингтон (Англия) и Волконский (Россия). В дальнейшем состав комиссии неоднократно менялся. В ее работе принимали участие император Александр, барон Штейн, а также Бойен (от Пруссии), Вреде (от Баварии), Радецкий (от Австрии) и др.

Первое заседание проходило без участия Веллингтона (он выезжал в Прессбург к саксонскому королю), второе (17 марта) — в его присутствии и у него на квартире³⁰.

27 марта было заключено соглашение Австрии с Баварией о содержании австрийских войск на баварской территории. Два последующих соглашения (от 2 и 5 апреля) регулировали вопрос об участии баварской армии в войне против Наполеона и о прохождении австрийских войск через Вюртемберг³¹. На заседании комиссии обсуждались вопросы, связанные с заключением договора о союзе и субсидиях с Англией. Договор был заключен 30 апреля³².

²⁹ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. III, p. 1181. Этот документ, подписанный Россией, Англией, Австрией, Пруссией, Швецией, Испанией, Португалией и Францией, не был опубликован.

³⁰ См. A. W. Wellington, Supplementary Despatches, vol. XII, p. 272.

³¹ См. Angeberg, op. cit., pp. 1021, 1023.

³² Ibid., p. 1129.

В период с 22 по 30 мая был решен ряд вопросов, связанных с расчетами по военным поставкам, снабжением войск, борьбе с дезертирством и др.³³

По решению военной комиссии 31 марта была создана специальная комиссия по германским делам. Она была образована главным образом по настоянию Австрии и Пруссии из тех представителей германских князей и городов, которые 16 ноября 1814 г. обратились к Меттерниху и Гарденбергу с пожеланием возобновить совещания германского комитета в расширенном составе. Была создана комиссия германских государей для ведения переговоров, в которую входили представители Гессен-Касселя, Саксен-Готы, Мекленбург-Шверина, Шаумбург-Липпе; комиссия должна была составить доклад на основании предложений великих держав³⁴.

12 апреля комиссия впервые встретилась с Меттернихом, Вессенбергом, Гарденбергом и Гумбольдтом, причем обсуждалась форма, в которую могло быть облечено соглашение о вступлении германских князей в новую антинаполеоновскую коалицию³⁵. 24 апреля состоялось совещание комиссии по германским делам с представителями великих держав, и соглашение было, наконец, парафировано (27 апреля). После учета некоторых изменений, внесенных военной комиссией, соглашение было подписано представителями всех держав и германских государств³⁶.

27 и 30 марта и 8 апреля к договору 25 марта присоединились и остальные державы, подписавшие Парижский договор 1814 года, за исключением Швеции. Бернадот выразил готовность присоединиться к договору лишь в мае 1815 года, поставив условием участия Швеции в антинаполеоновской коалиции предоставление ей денежных субсидий, необходимых для оплаты транспорта и содержания шведских войск в течение всей кампании до их возвращения на родину³⁷.

³³ См. J. K. Maug, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses., «Archivalische Zeitschrift», fol. 3, Bd. 12, S. 111.

³⁴ См. Angeberg, Le Congrès de Vienne., t. III, p. 993.

³⁵ Ibid., p. 1063.

³⁶ Ibid., pp. 1109, 1121.

³⁷ Левенгельм — Нессельроде 20 мая 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11827, л. 2.

В течение апреля — мая к договору 25 марта присоединились Бавария, Вюртемберг (6 апреля), Ганновер (8 апреля), Сардиния (9 апреля), Нидерланды (25 апреля), Баден (12 мая), Саксония (18 мая), Швейцария (20 мая), Гессен-Дармштадт (23 мая). В заключение 1 июня был подписан австро-сардинский договор³⁸.

За согласие германских князей, опиравшихся на поддержку Австрии, предоставить военные соединения для участия в войне против Наполеона Пруссии пришлось обещать, что союзная конституция ни в какой мере не затронет их суверенных прав.

Союзники стремились до начала военных действий с Наполеоном закончить работу Конгресса, разрешить так или иначе спорные вопросы. Комиссии, действовавшие в Вене, получили указание закончить возможно скорее свои заседания и выработать необходимые решения.

В марте 1815 года закончила свою работу навигационная комиссия, созданная еще в декабре 1814 года, для обсуждения вопроса о свободе судоходства по международным рекам (в соответствии с условиями Парижского договора 1814 г.). В эту комиссию были включены только представители непосредственно заинтересованных государств; остальные должны были приглашаться по мере надобности. В связи с этим комиссия состояла всего из четырех представителей: Вессенберга (Австрия), Гумбольдта (Пруссия), Дальберга (Франция) и Кланкарти (Англия). Первое заседание комиссии состоялось 2 февраля 1815 г. В ее работе в разное время принимали участие представители Голландии, Баварии, Бадена, Гессен-Дармштадта, Нассау, Майнца, Франкфурта. В основу переговоров была положена Памятная записка Дальберга о судоходстве по Рейну³⁹.

Кроме того, были созданы специальные подкомиссии для обсуждения режима рек Майна и Неккара⁴⁰. Первая из них уже 28 февраля представила комиссии свой доклад⁴¹, который был обсужден и принят накануне на совещании, проходившем на квартире у Вреде. Суть предложений комиссии сводилась к установлению по Майну

³⁸ Ст. V основная и ст. III (отдельная, секретная), *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. I, pp. 164, 171.

³⁹ См. *Angeberg, Le Congrès de Vienne*., t. II, p. 693.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 814.

⁴¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11837, л. 91.

свободной навигации, как это намечалось для Рейна⁴². Труднее проходила работа подкомиссии по Неккару, так как Вюртемберг выдвинул ряд возражений⁴³. Против свободы навигации выступал и Мюнстер, жаловавшийся на то, что интересы Ганновера приносятся в жертву «неясным идеям о свободе торговли»⁴⁴.

Наконец, 20 марта было достигнуто соглашение о свободе судоходства по Рейну; 24 марта были приняты и подписаны как общие статьи, так и специальные, касающиеся Рейна и его притоков (Майна, Неккара, Мозеля, Мааса и Шельды)⁴⁵. 29 марта были утверждены Советом восьми. Этими соглашениями устанавливалось, что реки, связывающие несколько государств, должны быть открыты для судоходства; был урегулирован вопрос о взимании таможенных сборов и ряд других. Соглашение о торговле по Висле было заключено позднее. Решения навигационной комиссии послужили основой для многих аналогичных международных соглашений в будущем.

Без особых трений прошла также и работа Комиссии по определению старшинства дипломатических агентов. Вопрос этот издавна привлекал внимание политических деятелей, ибо с ним связывали престиж государства и его монарха. Французская революция смела прежний дипломатический этикет; простое возрождение его было неприемлемо, так как существовавшая ранее иерархия, в которой первое место занимал германский император (т. е. император так называемой Священной Римской империи), а английский король следовал за королем Португалии, давно уже не соответствовала реально сложившемуся соотношению сил между европейскими державами. Устаревшие правила дипломатического этикета неоднократно служили причиной бурных столкновений, дуэлей, уличных стычек и чуть ли не разрыва дипломатических отношений между государствами. Особенно большие недоразумения возникали из-за порядка подписания международных договоров.

Комиссия, созданная по предложению Талейрана 10 декабря 1814 г. на заседании представителей восьми

⁴² См. *Angeberg, Le Congrès de Vienne*, t. II, p. 851.

⁴³ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11837, л. 91.

⁴⁴ Н. Nicolson, *The Congress of Vienna*., p. 217.

⁴⁵ См. *Angeberg, op. cit.*, t. III, pp. 942—948, 955—956, 957—969.

держав [в нее вошли Штакельберг (Россия), Вессенберг (Австрия), Гумбольдт (Пруссия), Латур-Дюпен (Франция), Каткарт (Англия), Палмелла (Португалия), Лабрадор (Испания) и Лёвенгельм (Швеция)⁴⁶], работала в течение двух месяцев. По ее предложению было принято деление государей на три ранга: первый составляли императоры и короли, независимо от размера их владений, а также Римский папа; второй — князья и великие герцоги (сюда же были причислены главы правительств США и Швейцарии); к третьему относились герцоги. Дипломатические представители также составляли три группы: послы и папские легаты; посланники и другие лица, аккредитованные при государях; поверенные в делах, аккредитованные при министрах иностранных дел. Старшинство внутри каждой группы определялось датой вручения верительных грамот.

Последнее положение вызвало отчаянное противодействие папского легата Консальви, который пытался вернуть святому престолу его привилегии (раньше папским легатам всегда принадлежало первенство). Консальви получил поддержку представителей так называемых католических стран — Австрии, Франции, Испании, Португалии. Однако Каслри решительно отклонил притязания Рима, заявив, что Англия, страна протестантская, не может признать старшинство представителя папы. В конечном счете требование Консальви было отвергнуто. В свою очередь, английские делегаты были крайне обеспокоены тем, чтобы сохранился порядок, согласно которому морской флот Англии приветствовал салютом береговой артиллерии (в знак его превосходства на морях)⁴⁷. Наконец, 19 марта совещание восьми приняло по докладу Латур-Дюпена семь статей, регулирующих дипломатический этикет.

Работа Конгресса была завершена подписанием 9 июня 1815 г. Заключительного (генерального) акта⁴⁸, состоявшего из 121 статьи.

Венский трактат, подготовленный в основном Гентцем, включал в себя важнейшие соглашения, подписанные во время работы Венского конгресса. Этот акт был

первоначально заключен представителями держав — участниц Парижского договора — Австрии, Англии, Португалии, Пруссии, России, Франции, Швеции (представитель Испании Лабрадор еще 3 апреля, а затем повторно 5 июня заявил, что не сможет подписать трактат ввиду того, что сыну Марии Луизы (бывшей королевы Этрурской) не была возвращена ни Тоскана, ни даже Парма, Пьяченца и Гвасталла)⁴⁹, все другие государства приглашались присоединиться к Заключительному акту.

Содержание Заключительного акта в главных чертах сводилось к следующему.

Границы Франции были определены в соответствии с Парижским мирным договором 1814 года. Дополнительные изменения, которые намеревались внести союзники, в Заключительном акте (подписанном еще до нового поражения Наполеона при Ватерлоо) отражения не получили⁵⁰.

России передавалось бывшее Великое Герцогство Варшавское, кроме Торна и Познани — Великого Герцогства Познанского (с территорией, которая должна была обеспечить сообщение старой Пруссии с Силезией) и переданной Австрии Восточной Галиции, а также Кракова с округом, превращенного в свободный и нейтральный город под защитой Австрии, России и Пруссии, которые гарантировали его статус.

Австрия отказывалась от своих прав на Бельгию, от своих последних владений в юго-восточной Германии и от части своих бывших земель в Польше⁵¹. Она получала Восточную Галицию (вместе с ней к Австрии отошли соляные копи Велички и четыре округа: Тарнополь, Злочев, Бережаны, Залещик). В Италии к Австрии отошли

⁴⁹ Испания присоединилась к Венскому трактату только в 1817 году.

⁵⁰ Эти изменения были зафиксированы во втором Парижском мирном договоре, подписанном 20 ноября 1815 г. (см. Ф. Ф. Мартенс (составитель), Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами, т. XIV, СПб., 1905, стр. 283—290).

⁵¹ Потеряв некоторые земли в Польше, Австрия немедленно потребовала от России выплаты долга, который причитался ей с части территории Варшавского Герцогства, отошедшей к России (см. Хьюделист — Поццо ди Борго, 4 марта 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11810, л. 2).

⁴⁶ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne..*, t. II, pp. 503—504.

⁴⁷ См. H. Nicolson, *The Congress of Vienna..*, p. 217

⁴⁸ Angeberg, *op. cit.*, pp. 1386—1433.

Ломбардия, Венеция, территория бывшей республики Рагузы, к Австрии отошла также Вальтеллина. Владея Северной Италией и подчинив своему контролю все остальные итальянские государства, кроме Пьемонта, Австрия утвердила свою гегемонию на Апеннинском полуострове. Всего по решению Конгресса Австрия приобрела 28 тыс. кв. км с населением в 4 млн. человек, что привело к еще большему расширению конгломерата угнетенных народов габсбургской монархии⁵². Территориальные приобретения Австрии были сделаны вне Германии. В итоге наполеоновских войн, как признавали австрийские государственные деятели, габсбургская монархия перестала быть германской державой.

В соответствии со ст. LI Заключительного акта еще не распределенные по решениям Конгресса земли на левом берегу Рейна были предназначены Австрии. Это решение было подтверждено совещанием представителей Австрии, Пруссии и России и австро-прусским секретным договором от 12 июня 1815 г.⁵³ Вопрос же о том, останутся ли эти земли в составе Австрийской империи или будут использованы как объект обмена при решении австро-баварских территориальных споров, тесно связанный с положением Австрии в Германском союзе⁵⁴, оставался открытым. По-видимому, Меттерних с самого начала был склонен рассматривать эти территории в качестве обменной единицы⁵⁵. В 1816 году часть этих земель была передана Баварии в обмен на Зальцбург, Иннфиртель и Хаусрюкфиртель; эта сделка завершила длительный австро-баварский территориальный конфликт.

В Италии Пьемонт получал обратно все свои владения, потерянные в период революционных и наполеонов-

ских войн, и присоединял к своей территории Геную с ее землями; часть Савойи и часть Швейцарии уступалась Франции; в случае прекращения рода короля Пьемонта Виктора Эммануила I престолонаследие (вопреки желанию Австрии) утверждалось за савойско-кариньянской ветвью.

Эрцгерцогу Фердинанду — брату австрийского императора возвращалась Тоскана; он получал также остров Эльбу и Пьомбино.

Мария Луиза (бывшая императрица Франции) сохраняла в пожизненном владении Парму, Пьяченцу, Гвасталлу, дальнейшая судьба которых на Конгрессе определена не была; только 10 июня 1817 г. в соответствии с договором, заключенным между Австрией, Испанией, Англией, Россией, Пруссией и Францией⁵⁶, было определено, что после смерти Марии Луизы (бывшей императрицы Франции) эти земли отойдут к Марии Луизе (бывшей королеве Этрурии) и ее детям. Бывшей королеве Этрурской предоставлялось герцогство Лукка (после ее смерти Лукка должна была отойти к великому герцогу Тосканскому); Модена, Реджио переходили к эрцгерцогу Францу Эсте.

Папа Римский приобретал легатства — Равенну, Болонью, Феррару; Австрия сохраняла право держать в легатствах свои гарнизоны. В Неаполе восстанавливалась власть короля Фердинанда IV.

Пруссия получила почти половину территории Саксонии (20 тыс. кв. км) и две пятых ее населения (800 тыс. человек). В Польше к Пруссии отошли, как уже упоминалось выше, Торн и Познань. На левом берегу Рейна она приобрела обширные территории с населением в 110 тыс. жителей. Она получила также большую часть Вестфалии. В результате Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами. В соответствии с договором от 4 июня 1815 г.⁵⁷ Пруссия получала от Дании шведскую Померанию и остров Рюген и уступала ей Лауэнбург. В итоге территория Пруссии оказалась разделенной на две части, что давало дополнительные аргументы сторонникам экспансионистской политики. Вместе с тем позиции Пруссии, составившей важнейшую часть «анти-

⁵² А И Герцен в 1859 г писал «Австрия не народ, Австрия — полицейская мера, сводная администрация, величайший исторический призрак, который когда либо существовал когда ее отменяют, тогда только люди настоящим образом удивятся — как могла существовать такая нелепость, сшитая из лоскутов конгрессами и упрощенная глубокими дипломатическими соображениями» (А И Герцен, Соч., т XIV, Изд-во АН СССР, 1958, стр 19).

⁵³ См Angeberg, Le Congrès de Vienne, t IV, p 1447

⁵⁴ См H R. von Srbik, Metternich, der Staatsmann und der Mensch, Bd I, S 193

⁵⁵ См Hardenberg an Friedrich — Wilhelm III den 18 October 1815 Deutsches Zentralarchiv, Abt Merseburg, Rep 92, Bd. VI, Bl 53—56

⁵⁶ См Angeberg, Le Congrès de Vienne, t IV, p 1727

⁵⁷ Ibid, t III, p 1338

французского барьера», значительно укрепились. Ее приобретения (по сравнению с границами 1806 г.) были гораздо важнее, чем потери в Польше. Решения Конгресса практически утвердили ее гегемонию в северной Германии. Своим усилением Пруссия была обязана в значительной степени английской политике. Стремясь использовать Пруссию против Франции в качестве «стража на Рейне», а затем и против России, Англия поощряла усиление Пруссии как милитаристской державы; без нажима со стороны Англии Австрия и Франция (как это признает и Вебстер⁵⁸) ни в коем случае не согласились бы на такое расширение Пруссии с востока на запад. Постановления Конгресса о расширении Пруссии относились к числу самых важных его решений, имевших наибольшие последствия для исторического развития Европы.

Королевство Саксонское сохранялось, но в очень урезанных пределах; при этом, однако, два крупнейших города Саксонии — Дрезден и Лейпциг — остались в его составе. Бавария приобретала Великое Герцогство Вюрцбург и княжество Ашаффенбург. Но окончательно границы Баварии определились только после заключения в 1816 году австро-баварского договора⁵⁹. Вюртемберг и Баден сохраняли свои приобретения, сделанные в период наполеоновских войн. Ганновер был превращен в королевство, причем английский король принял королевский титул и для Ганновера. К Ганноверу отошли епископство Гильдесгейм, город Гослар с прилегающей территорией, ряд округов Вестфалии и Гессена, вместе с тем от него к Пруссии отошел Лауэнбург (который, как уже отмечалось, был передан ею Дании в обмен на шведскую Померанию)⁶⁰. Каслри, несмотря на протесты Мюнстера, вынудил Ганновер пойти на эту уступку во имя усиления Пруссии. Прежний великий герцог Франкфуртский терял свои владения (получив взамен денежную компенсацию). Герцогства Веймарское, Альтенбургское и Мекленбургское становились Великими герцогствами.

Великий герцог Гессен-Дармштадтский взамен территорий, уступленных Пруссии, получал территорию на ле-

⁵⁸ См. С. К. Webster, *The Congress of Vienna...*, p. 122; С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh...*, p. 386

⁵⁹ См. Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. IV, p. 1688.

⁶⁰ *Ibid.*, t. III, p. 1402.

вом берегу Рейна с населением в 140 тыс. человек, включая город Майнц.

В Заключительный акт Конгресса (ст. ст. LIII—LXII) вошли также 11 первых и наиболее важных статей акта 8 июня 1815 г. о создании Германского союза, которые таким образом в соответствии с желанием Австрии, стремившейся помешать попыткам Пруссии создать под своим главенством группировку государств в северной Германии, были превращены в составную часть общего переустройства Европы. Договор, заключенный государями и вольными городами, учреждал союз «для сохранения целостности, внутренней и внешней безопасности Германии, независимости и неприкосновенности союзных государств»⁶¹. В союзном сейме председательство предоставлялось австрийскому уполномоченному. Все члены союза должны были пользоваться одинаковыми правами, никакой центральной власти не предусматривалось. Члены Германского союза сохраняли право проводить самостоятельную внешнюю политику и вступать в любые союзы, кроме военных союзов, направленных против его участников. Итальянские и транслейтанские земли Австрии, а также часть территории Пруссии (главным образом Познань) оставались вне союза. В то же время участие в союзе Ганновера, Люксембурга и Гольштейна открывало прямой путь для вмешательства в германские дела Англии, Нидерландам и Дании.

Было провозглашено, что различие христианских религиозных вероисповеданий не может служить основанием для умаления гражданских и политических прав.

Бельгия присоединялась к Голландии. Резко усиленные Нидерланды стали составной частью «антифранцузского барьера». Лично к Вильгельму Оранскому, еще 14 марта 1815 г. принявшему титул короля Нидерландов, переходила (взамен его владений в Германии) часть Великого Герцогства Люксембург, столица которого становилась крепостью Германского союза; небольшая полоса территории герцогства по реке Эйфель отходила к Пруссии.

В соответствии с решением восьми держав — участников Парижского мирного договора 1814 года, принятым 20 марта 1815 г., Швейцария должна была состоять из

⁶¹ Angeberg, *Le Congrès de Vienne...*, t. III, p. 1377.

22 союзных кантонов, «свободных, независимых и нейтральных». Державы гарантировали независимость и «вечный нейтралитет» Швейцарии. Была гарантирована также будущая конституция Швейцарии; она была принята в августе 1815 года. В соответствии с этой конституцией, имевшей аристократический и клерикальный характер, каждый кантон сохранял полную независимость, имел свое правительство и армию. Кантоны должны были координировать свои действия только по вопросам сохранения внутреннего мира и внешней политики.

В Заключительный акт вошли декларация о свободе речных путей (ст. ст. CVIII—CXVII), устав о ранге дипломатических агентов и декларация об отмене работорговли.

К Заключительному акту были приложены отдельные договоры и соглашения, заключенные во время работы Конгресса. На них в случае необходимости делались ссылки. Статья CXVIII указывала, что все эти документы должны рассматриваться как составная часть Заключительного акта. Но далеко не все вопросы, привлекавшие к себе внимание великих держав и служившие предметом длительных обсуждений, нашли отражение в Заключительном акте. Так, в нем был обойден молчаливым вопросом о судьбе бывших французских и голландских колоний, захваченных во время войны Англией. Всячески подчеркивая свое «бескорыстие», английское правительство, тем не менее, недвусмысленно заявило притязания на часть этих владений, другие же оно пыталось использовать в качестве разменной монеты при заключении разнообразных сделок.

Еще до окончания войны Каслри получил указание использовать колониальные завоевания для нажима на союзников и на Францию при определении судьбы Бельгии; Англия предлагала Франции «взятку» в виде колонии за отмену работорговли и т. д. При этом с самого начала был намечен ряд колоний, которые Англия решила во чтобы то ни стало сохранить за собой. Это были французская колония Тобаго и голландские Эссекибо, Бербис в Гвиане; вскоре к этому списку были добавлены остров Мальта, Капская колония (в южной Африке), острова Маврикия, Бурбон, Сент, Гваделупа⁶². Однако

⁶² См. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, pp. 194, 196.

английские дипломаты не переставали твердить о своей готовности пожертвовать (правда, с некоторыми исключениями) своими завоеваниями ради общего блага; при этом всемерно подчеркивалось, будто колонии нужны Англии не ради получения каких-либо выгод, а исключительно для обеспечения «собственной безопасности»⁶³.

В Париже Каслри вел переговоры о колониях непосредственно с Талейраном. Он настаивал на передаче Англии острова Мальты, Капской колонии, островов Маврикия и Тобаго, хотя и убеждал свое правительство, чтобы не осложнять обстановку, отказаться от островов Сент и заменить их островом Сент-Люсия⁶⁴. Но английский кабинет ссылался на необходимость иметь удобные гавани в этой части Вест-Индии. Ливерпуль указывал на нужды английского морского флота, на то, что Франция владеет первоклассными гаванями на островах Мартиника и Сент-Люсия, на то, что Англия, наконец, не пытается отнять у Франции ничего, имеющего для французов реальную ценность, и что требования ее как нельзя более умеренны⁶⁵. Каслри пришел в негодование, когда Талейран попытался требовать для Франции Тобаго, а особенно, когда он, несмотря на «уступчивость» Англии в отношении других колоний, проявил колебания по поводу декларации об отмене работорговли. Он пригрозил перенести переговоры в Лондон, и Талейран уступил⁶⁶. В конце концов, Англия согласилась отдать Франции острова Сент, получив взамен островов Сент-Люсия. Тобаго она удержала в своих руках.

Характерны методы, которыми действовала Англия. За Капскую землю и территории в Гвиане она обещала Голландии взять на себя выплату части «русского долга», а также уплатить компенсацию в 2 млн. фунтов стерлингов, с тем чтобы эти средства были использова-

⁶³ См. *British Diplomacy*, p. 126.

⁶⁴ Каслри — Ливерпулю 19 мая 1814 г., *British Diplomacy*, p. 183.

⁶⁵ Ливерпулю — Каслри 19 мая 1814 г., С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 270, A. W. Wellington, *Supplementary Despatches Correspondence and Memoranda*, vol. IX, p. 89. В свою очередь, сторонники колониальной политики во Франции также указывали на стратегическое значение ряда колоний, таких как, например, Мартиника, и ссылались при этом на опыт Англии (Памятная записка французского комитета по вопросам колониальной торговли, АВПР, ф. Канцелярия, д. 9055, л. 22).

⁶⁶ См. Н. Nicolson, *The Congress of Vienna*, p. 98.

ны на строительство крепостей на новой границе между Нидерландами и Францией⁶⁷, то есть выплачивала компенсацию Нидерландам на проведение мер, в которых в высшей степени была заинтересована сама Англия. «Великодушные» Англии никогда не шло вразрез с ее интересами.

Во время парижских переговоров Каслри добился также, чтобы Франция уступила Испании часть Санто-Доминго⁶⁸ (где, как опасались в Англии, французы собирались создать новый невольничий рынок⁶⁹).

Зато там, где это никак не затрагивало английские интересы, Каслри (конечно, в обмен на соответствующие уступки и услуги) выступал в роли защитника прав Франции, например активно помогал улаживанию ее споров с Португалией относительно владений в Гвиане — споров, продолжавшихся и после Венского конгресса.

Ссылаясь, как это делали, впрочем, и все остальные, на заслуги в борьбе против Наполеона, представитель Португалии на Конгрессе заявлял, что ст. X Парижского договора, требующая возвращения французскому королю Гвианы, оскорбляет достоинство государя Португалии, который никогда не вступал в какое-либо соглашение относительно Гвианы; что же касается представителя Португалии в Париже, то он не был уполномочен делать такого рода уступки. Отказавшись от ратификации Парижского договора, принц-регент Португалии, тем не менее, готов начать новые переговоры с Францией при посредничестве русского императора⁷⁰.

Заявляя свои права на Гвиану, Португалия подчеркивала, что она рассматривает эту колонию не только как завоеванную территорию, но и как возмещение за принесенные португальским народом жертвы⁷¹.

Стремление Португалии заручиться посредничеством русского императора не помешало, однако, ее представи-

телю испытывать серьезную тревогу в связи со слухами о том, что между Россией и Испанией якобы ведутся переговоры о передаче последней всей португальской территории⁷². Впрочем, это беспокойство было, видимо, вызвано не столько недоверием к России или к Испании, с которой Португалия вела длительные территориальные споры, сколько той обстановкой неуверенности и неопределенности, которая царил в Вене, создавая условия для возникновения любых, самых невероятных слухов.

Попытка Португалии удержать всю Гвиану успеха не имела; к концу работы Конгресса она вынуждена была согласиться вернуть так называемую французскую Гвиану Людовику XVIII и тем самым «дать доказательство своей умеренности, преданности общему делу и особого уважения к высоким державам», подписавшим Парижский договор⁷³.

Граница между французской и португальской частью Гвианы была установлена в соответствии с Утрехтским договором 1713 года — по реке Ояпок, «устье которой расположено между 4-м и 5-м градусами северной широты». Срок передачи французской Гвианы не был установлен. Его должны были определить оба государства особым соглашением⁷⁴. В Заключительный акт Конгресса вошло указание на то, что Португалия обязана передать Франции территорию Гвианы до Ояпока, между 4-м и 5-м градусами северной широты. Неточность в установлении границы привела к тому, что спор затянулся на долгие годы и продолжался даже после того, как в 1817 году колония была передана Франции.

Разумеется, не только вопрос о Гвиане интересовал французское правительство. В ноябре 1814 года русский поверенный в делах в Париже переслал Нессельроде Памятную записку Комитета, созданного французским правительством специально для обсуждения вопросов, касающихся торговли с колониями «Французское правительство придает большое значение их приобрете-

⁶⁷ См. Н. Nicolson, *The Congress of Vienna*, p. 209.
⁶⁸ См. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh*, p. 312.

⁶⁹ Следует «в будущем принять все меры к тому чтобы вернуть в наше владение Санто-Доминго, который является для Франции источником богатств», — указывал в своей Памятной записке французский комитет по колониальной торговле (АВПР, ф. Канцелярия, д. 9055, л. 30).

⁷⁰ Салдана да Гама — Нессельроде 6 ноября 1814 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11771, л. 3.

⁷¹ Там же, л. 4.

⁷² Татищев — Нессельроде 14 (26) апреля 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 7542, л. 104.

⁷³ Салдана да Гама — Нессельроде 13 мая 1815 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 11826, л. 18.

⁷⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11826, л. 20. Копия соглашения между представителями Франции и Португалии от 11 мая 1815 г., Angeberg, *Le Congrès de Vienne*, t. III, p. 1179.

нию»⁷⁵, — замечает в своем письме Бутягин. Действительно, сделав оговорку о том, что им приходится доказывать совершенно очевидные истины⁷⁶, авторы записки обстоятельно разбирают вопрос о пользе торговли и о значении колоний для ее развития, о необходимости иметь опорные пункты на других континентах. «Трудно понять, как мы могли бы даже в мирное время, не говоря уже о военном, совершать экспедиции в Азию, Африку и Америку, не имея в морях, омывающих эти континенты, ни одного порта, ни одного пункта в своем владении»⁷⁷, — восклицают они. Заключает этот любопытный документ вывод о том, что правительство должно стремиться иметь флот, «соответствующий политическому и географическому положению Франции», и что для развития колоний необходимо также иметь рабов⁷⁸. Очевидно, определенные круги во Франции еще надеялись на пересмотр в Вене условий Парижского мира (во всяком случае, в отношении колоний и работорговли, чего Талейран, как известно, не добивался).

Вся эта борьба — и до, и во время Конгресса — осталась за рамками Заключительного акта; не нашли в нем отражения и значительные колониальные приобретения, сделанные Англией⁷⁹.

Во вступительной части Заключительного акта указывается, что он является общим документом, который охватывает решение всех вопросов, представляющих значительный и длительный интерес.

К решению о подписании такого «общего документа» пришли не сразу. Каслри не исключал возможности заключения договора, который предусматривал бы взаимные гарантии великих держав. Но в конечном счете английское правительство предпочло воздержаться от при-

ятия сколько-нибудь определенных обязательств в отношении европейского континента.

Александр I и его министры готовы были обойтись без общего договора и ограничиться подписанием отдельных соглашений. Однако желание закончить как можно скорее переговоры, с тем чтобы объединить все усилия в борьбе против Наполеона, побудило их пойти на заключение общего акта.

Кланкарти полагал, что русские дипломаты не хотят ставить свои подписи под различными спорными документами, особенно касающимися Италии⁸⁰. Не была полностью удовлетворена и Австрия, которая хотела, чтобы участниками договора были даны формальные гарантии владений всех держав. Что касается Франции, то Талейран, одобряя в принципе идею гарантийного договора, опасался, что это может оттянуть подписание Заключительного акта, что было бы весьма невыгодно для династии Бурбонов⁸¹.

Чрезвычайно благоприятным Заклучительный акт был для Англии. Хотя общие гарантии в нем не были провозглашены, все же сам факт, что под ним стояли подписи представителей всех великих держав, указывал на их причастность ко всем перечисленным в акте соглашениям. Наряду с четверным союзом, в котором Англия играла видную роль, Заклучительный акт после его ратификации давал ей фактически право вмешиваться во все споры, которые могли возникнуть в Европе. Закрепив свое господство на морях и в колониях, Англия стремилась, используя Венский трактат, помешать усилению политического влияния России в Европе⁸².

Попытка установить общую гарантию границ натолкнулась еще на одну трудность. Хотя в повестке дня Конгресса не фигурировал восточный вопрос, положение на Ближнем Востоке интересовало все великие державы. «Турецкая Порта не принимала никакого участия в последней войне, но она является европейской державой, сохранение которой важно для поддержания равновесия сил в Европе. Поэтому полезно, чтобы ее существование

⁷⁵ Бутягин — Нессельроде 22 октября (3 ноября) 1814 г., АВПР. ф. Канцелярия, д. 9055, л. 15

⁷⁶ Там же, л. 16.

⁷⁷ Там же, л. 21.

⁷⁸ Там же, л. 31.

⁷⁹ Англия получила Капскую колонию, остров Цейлон — бывшие голландские колонии, захваченные ею во время войны, и французские — Тобаго, Сент-Люсия, Сейшильские острова, остров Родригес, остров Маврикия; в Средиземном море Англия сохранила за собой остров Мальту, превращенный затем в первоклассную военную базу, и Ионические острова.

⁸⁰ См. С. К. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh...* p. 432.

⁸¹ См. *Correspondance inédite...* pp. 428—429, 457—459.

⁸² Ср. J.-H. Pirenne, *La Sainte-Alliance, Organisation européenne de la Paix mondiale*, vol. I. *Les traités de paix 1814—1815*, p. 210

также было гарантировано»⁸³, — говорилось в «Инструкциях» Талейрана.

Австрия опасалась, что продвижение России на запад даст ей возможность укрепить свое влияние на Балканах. Венский двор поручил Гентцу установить связь с господарем Валахии, чтобы оказать противодействие растущему влиянию России на юго-востоке Европы⁸⁴. Англия также была заинтересована в том, чтобы не допустить усиления России на Балканах, и стремилась противодействовать ей в этом районе Австрию⁸⁵. Неудивительно поэтому, что постоянные просьбы о поддержке против России, с которыми представитель Османской империи в Вене обращался к Австрии и Англии, встречали у них самый живой отклик. С такими же просьбами обращалось турецкое правительство к австрийскому и английскому послам в Константинополе. Эти обращения были связаны и с опасениями турецкого правительства, что Россия может оказать помощь повстанцам в Сербии, против которых турецкие власти развернули военные действия.

Позиция западных держав в восточном вопросе была известна России. В ноябре 1814 года Нессельроде писал Александру I, что Австрия никогда не переставала завидовать успехам России в ее отношениях с Портой, Франция Людовика XVIII продолжает ту же политику противодействия России в Константинополе, которую проводил Наполеон Бонапарт, а Англия на протяжении многих лет разжигает недоверие Турции к России и на этом строит свою политику в отношении Греции⁸⁶. Порта же, продолжает он, не перестает жаловаться европейским дворам на невыполнение Бухарестского договора⁸⁷ в отношении азиатского побережья и на то, что сербам предоставляется убежище в России⁸⁸.

⁸³ Talleyrand, Mémoires, vol II, p 231

⁸⁴ См F. Gentz, Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne (1813 a 1828), vol 1, P., 1876, pp V—VI

⁸⁵ Ср J. N. Pignone, La Sainte Alliance, vol I, p 171

⁸⁶ См АВПР, ф Канцелярия, д 11686, л 61

⁸⁷ Бухарестский русско-турецкий мирный договор был подписан 16 (28) мая 1812 г. Его заключение за месяц до вторжения армии Наполеона в Россию явилось крупным успехом русской дипломатии (текст договора см «Внешняя политика России», т VI, стр 406—412)

⁸⁸ См АВПР, ф Канцелярия, д 11686, л 62

Сразу же после заключения секретного договора 3 января 1815 г Талейран предложил Меттерниху и Каслри установить совместные действия трех держав и в отношении Османской империи, побудить Порту к действиям, которые бы отвлекли Россию от Центральной Европы. Три министра решили согласовать между собой инструкции представителям своих правительств в Константинополе⁸⁹.

В феврале Каслри предложил царю распространить систему гарантий на Турцию. Александр I, не выдвинув по тактическим соображениям никаких принципиальных возражений, предложил рассмотреть сначала все вопросы, из-за которых еще шли споры между Россией и Турцией. Он даже согласился на участие в обсуждении этих вопросов Англии, Австрии и Франции⁹⁰. Но турецкое правительство наотрез отказалось от участия в предполагавшемся гарантийном договоре, хотя Англия, Австрия и Франция пытались убедить султана, что гарантия европейских владений Турции стоит даже некоторых уступок с его стороны⁹¹.

Возвращение Наполеона, изменив обстановку, придало иной характер и отношениям великих держав с Турцией. Их усилия были направлены теперь прежде всего на то, чтобы предупредить всякое сближение между Османской империей и Наполеоном. Тем не менее русская миссия в Вене получила в мае указание «обратить особое внимание на отношения между европейскими правительствами и Портой»⁹².

Русский посол в Константинополе Италинский должен был в соответствии с инструкцией императора Александра постараться убедить Порту в мирных намерениях России⁹³. Однако теперь царь решительно отклонял всякое посредничество иностранных держав в вопросах, касающихся азиатского побережья, островов на Дунае, а также положения в Валахии, Молдавии и Сербии⁹⁴, на-

⁸⁹ Correspondance inédite, pp 217—218

⁹⁰ Каслри — Роберту Листону (английскому послу в Константинополе) 14 февраля 1815 г, British Diplomacy, p 305

⁹¹ Ср M. Bourquin, Histoire de la Sainte Alliance, Genève, 1954, p 154

⁹² Штакельберг — Нессельроде, АВПР, ф Канцелярия, д 11651, л 13

⁹³ См АВПР, ф Канцелярия, д 11651, л 14

⁹⁴ Там же, л 13

селение которых должно было по-прежнему пользоваться покровительством России. Это покровительство, указывал Александр I, должно рассматриваться как моральная сила, парализующая враждебные действия Турции. Нессельроде предлагалось инструктировать русских консулов в Молдавии и Валахии «в соответствии с этой точкой зрения»⁹⁵. Русская миссия в Вене должна была стать центром, стягивающим к себе все нити дипломатических отношений России с Ближним Востоком⁹⁶.

Противоречия на Ближнем Востоке и особенно между Россией и Англией⁹⁷ оказались весьма серьезными. К тому же с момента возвращения Наполеона снова нависла общая опасность над главными участниками Конгресса. В итоге обсуждение проблем, связанных с Ближним Востоком, ограничилось частными разговорами и перепиской и не нашло отражения ни в одном протоколе совещаний держав. Таким образом, Турция оказалась вне системы договоров, заключенных в Вене: Заключительный акт Конгресса ни словом не упоминает о ней.

Не рассматривался на Конгрессе и вопрос о Латинской Америке, где с 1810 года развернулась война испанских колоний за независимость от Испании. Требовать его обсуждения могли в первую очередь Испания или Англия. Ко времени, предшествовавшему началу Венского конгресса, повстанцы добились крупных успехов. В июле 1814 года, вскоре после своего назначения послом в Париже, Поццо ди Борго писал Нессельроде, что при дворе Людовика XVIII опасаются разрушения всей испанской колониальной системы в Америке, что будет использовано в своих интересах Англией⁹⁸. Русский посланник в Мадриде Татищев и в США — Дашков также рассматривали возможность подчинения Испанией своих

колоний в Америке как маловероятную⁹⁹. Но весной и летом 1815 года испанским войскам удалось нанести восставшим тяжелые поражения. Это было одной из причин, по которым Испания не считала целесообразным обращение к Конгрессу. Англия, хотя и заинтересованная в латиноамериканском рынке, также не считала возможным выступить против Испании на Конгрессе.

У Меттерниха уже во время Конгресса возникали планы подавления южноамериканского восстания. Однако ему пришлось их отложить¹⁰⁰. Россия в период 1812—1816 годов придерживалась в отношении восставших испанских колоний беспристрастного нейтралитета¹⁰¹.

После того как договор был подписан, послы начали покидать Вену. Продолжали работу лишь канцелярии стран — участниц Парижского договора, занятые перепиской, сверкой и выправлением текста. В день окончательного разгрома войск Наполеона при Ватерлоо (18 июня) работа была завершена. Началось подписание и скрепление печатью отдельных экземпляров акта (были подготовлены экземпляры для каждой страны, подписавшей договор, и еще один, который должен был храниться в Вене).

До конца 1815 года Заключительный акт был подписан всеми монархами стран — участниц Парижского договора, кроме принца-регента Португалии, которому его экземпляр был доставлен в Рио-де-Жанейро лишь в марте 1816 года. Испания присоединилась к Венскому трактату только в июне 1817 года. Из остальных государств первым заявил о своем присоединении к Заключительному акту Пьемонт (20 июля 1815 г.); в течение пяти лет к нему присоединились еще 33 других государства. Последней присоединилась Бавария — в мае 1820 года.

Это произошло уже в канун революции в Испании и Неаполе, впервые бросивших вызов всей политической системе, установленной Венским конгрессом.

⁹⁹ См. Л. Ю. Слезкин, Война Испанской Америки за независимость в оценке русских дипломатов, «Латинская Америка в прошлом и настоящем», Соцэкгиз, 1960, стр. 376—377, 387—388.

¹⁰⁰ W. S. Robertson, Metternich's Attitude toward Revolution in Latin America, «The Hispanic American Historical Review», 1941, vol. 21, No 4.

¹⁰¹ См. Л. Ю. Слезкин, Россия и война за независимость в Испанской Америке, изд-во «Наука», 1964, стр. 76—121

⁹⁵ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 11 651, л. 15.

⁹⁶ Там же, л. 12.

⁹⁷ Характер и причины русско-английских противоречий на Ближнем Востоке в годы наполеоновских войн вскрыты в работе: А. М. Станиславский, Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798—1807, Изд-во АН СССР, 1962.

⁹⁸ См. «Дочесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1830)», под ред. А. А. Половцева, т. 1, СПб., 1901 («Сборник Русского исторического общества», т. 112), стр. 39.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Руководящие деятели Венского конгресса решали судьбы Европы, не считаясь с мнением и интересами народов. Однако общественная атмосфера в различных странах оказывала заметное воздействие на позиции и планы правительств великих держав, накладывала отпечаток на дипломатическую борьбу в Вене. Влияние общественного мнения на ход событий в период Конгресса принадлежит к числу наименее изученных сторон истории этого времени. Не имея возможности всесторонне рассмотреть эту тему, которая может быть детально изучена только в рамках специальной работы, остановимся на оценке Конгресса русским обществом, прежде всего в той мере, в какой она нашла отражение в тогдашней периодической печати.

В истории многих государств бывали примеры, когда то или иное отношение к событиям международной жизни, даже как будто бы непосредственно не затрагивавшим данную страну, способствовало проявлению обществен-

ных тенденций, размежеванию идеологических течений, формированию политических направлений. Осмысление исторического опыта других государств нередко становилось одной из форм развития общественной мысли и подступа к решению актуальных проблем собственной страны. Конечно, внутренние условия каждого государства во многом определяли то, как осмыслялся этот опыт, что привлекало в нем особое внимание и что оставалось незамеченным. В то же время изучение этого процесса объясняет многое в подходе к решению внутренних проблем. Подобный путь движения общественной мысли определялся — в том числе и в России — отнюдь не только цензурными рогатками, но и внутренними особенностями идеологического развития. Прежде чем открыто атаковать реакционные силы в политической области, передовая общественная мысль нередко начинала наступление в сфере философии и литературы, критикуя отдельные институты, неразрывно связанные со старым строем. В этом плане рассматривались также общественные порядки и общественное развитие в других странах, что являлось своеобразной формой критики социально-политических учреждений и устройства собственной страны. Этот характер развития общественной мысли, недостаточно привлекавший внимание исследователей, свидетельствует о том, насколько важно изучение представлений, складывавшихся у различных общественных течений данной страны, о процессах, происходящих в жизни других стран и, тем более, о важнейших событиях международного масштаба.

Венский конгресс несомненно принадлежал к числу таких событий. Поэтому изучение отношения к нему русских газет и журналов не может быть сведено к выявлению проникших в прессу тех или иных подробностей о ходе Конгресса или к установлению, насколько линия печати соответствовала позиции правительства по тем или иным вопросам, всплывавшим на поверхность дипломатической борьбы. Эти стороны темы далеко не исчерпывают ее. Значительно важнее проследить отношение русского общества к узловым проблемам послевоенного устройства Европы, решавшимся на Конгрессе, и тесно связанным с ними главным вопросом общественного развития в начинавшуюся эпоху Реставрации.

В конце XVIII — начале XIX века в России происхо-

дил процесс формирования передового лагеря, образования ранних преддекабристских организаций. В идеологической области этот процесс сопровождался интенсивным усвоением и осмыслением общих тенденций эпохи, уроков Великой французской революции. Передовой лагерь внимательно изучал уроки войн революционной и наполеоновской Франции, опыт освободительных движений против Наполеона¹. Но в этот период даже передовому лагерю была неясна, да и не могла быть ясной внутренняя противоречивость национально-освободительных движений против наполеоновского господства, сочетавших, по известному выражению К. Маркса, дух возрождения с духом реакционности². Однако эти противоречивые тенденции не только существовали, но и находили отражение на страницах печати, проявляясь, в частности, в оценках событий международной жизни уже во время войны 1813 года за освобождение Германии от владычества Наполеона³. Однако еще более отчетливо проявились две тенденции в оценке Венского конгресса, отношение к которому в значительной мере способствовало дальнейшему выяснению идейных позиций передового и крепостнического лагеря.

Конечно, в подцензурной печати идеи передового лагеря могли получить лишь очень неполное отражение, тем более что некоторые его представители не считали свои взгляды противоположными воззрениям сторонников крепостнической реакции. Вместе с тем и среди последних еще только возникало сознание опасности, которую создавал для крепостнических устоев формировавшийся передовой лагерь. Немалое число людей, в целом являвшихся защитниками старых порядков, испытали влияние общенародного патриотического подъема во время Отечественной войны и освободительного похода 1813 года, что придавало их взглядам известную непоследовательность, приводило к восприятию отдельных элементов чуждого им передового мировоззрения.

¹ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, Изд-во АН СССР, 1955, гл. III; С. С. Волк, Исторические взгляды декабристов, Изд-во АН СССР, 1958, стр. 251.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 436.

³ См. Н. М. Дружинин, Освободительная война 1813 г и русское общество, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965, стр. 54—73.

Следует отметить, что такая расстановка сил, несмотря на все своеобразие условий в России, имела сходные черты с положением, сложившимся в некоторых европейских странах, только что освободившихся от наполеоновского гнета. И там далеко зашедшее размежевание передового и реакционного лагерей еще не было в полной мере осознано современниками. В результате в печати этих стран публиковались статьи, в которых порой совмещались, казалось бы, несоединимые взгляды, глубоко противоречивые оценки и выводы. Часть таких материалов перепечатывалась русской прессой, и это было далеко не случайно. Воспроизведение материалов иностранной печати в серьезных русских изданиях проводилось не только с целью заполнения журнальных и газетных страниц информацией, полученной из вторых рук (впрочем, другого пути ее получения, при отсутствии собственных корреспондентов, практически не было). Публикация статей из зарубежной прессы давно уже стала средством обхода цензурных рогов (а также затруднений, возникавших в связи с отсутствием собственных авторов по вопросам, интересовавшим данное издание).

Отбор материалов определялся общественно-политической позицией журнала или газеты и часто в меньшей степени, чем оригинальные статьи, характеризовал эту позицию.

Еще далеко не оформившаяся в сознании современников дифференциация двух лагерей в столь же большой мере, как и цензурные условия, определяла освещение в русской печати проблем, связанных с Венским конгрессом. В то же время само обсуждение в печати этих проблем существенно продвинуло процесс размежевания. Не только цензурные условия, но и общая обстановка определяли положительную оценку Венского конгресса всеми органами современной русской печати, тем более что смысл его деятельности выявился далеко не сразу. Различие идейных позиций проявлялось в том, что именно подчеркивалось и выдвигалось на передний план в работах Конгресса, какие надежды, какие перспективы послевоенного развития связывались с Конгрессом и с его решениями.

Венский конгресс собрался после длительного периода войн, растянувшихся с небольшим перерывом более чем на два десятилетия. Стремление народов к миру бы-

ло важным фактором, который не могло игнорировать ни одно правительство. Более того, все политические течения и дипломатия всех европейских государств пытались представить осуществление целей, к которым они стремились, необходимым условием обеспечения общеевропейского мира. Поэтому размежевание шло не по вопросу о формальном признании или отрицании необходимости и неотложности создания условий для прочного мира, а по вопросу о том, какие конкретно предпосылки и меры необходимы для достижения этой задачи.

Современники считали, что главным является обеспечение согласия между европейскими странами, что окажет воздействие на положение во всем мире. Оценивая быстро изменявшуюся на протяжении 1814 года обстановку, журнал «Сын отечества» писал: «Перемены Европы не могли не иметь значительного влияния на прочие части нашей планеты, соединение всех народов земного шара в одно большое целое становилось явственнее и живее,—и Европа в отношении к сему целому была как голова в отношении к членам...»⁴.

В этой связи в канун открытия Венского конгресса журнал и подчеркивал роль, которую последний был призван сыграть во всемирном масштабе: «Предстоящий конгресс будет одним из важнейших в новой истории, ибо должен основать постоянный порядок вещей в Европе»⁵.

Ту же мысль развивал «Исторический журнал»⁶, сравнивавший Венский конгресс с Вестфальским миром 1648 года, завершившим тридцатилетнюю войну. Венский конгресс был призван, по мнению журнала, «основать новую систему политики, дипломатии и права общественного»⁷.

«Сын отечества», склонный в годы освободительной войны 1813 года подчеркивать значение для достижения победы над Наполеоном усилий самих европейских народов, делал ударение на объективное историческое значение Конгресса. Напротив, «Вестник Европы», еще не-

⁴ «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 20, № 7, стр. 29

⁵ «Сын отечества», 1814 г., октябрь, ч. 17, № 43, стр. 204.

⁶ Полное название «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света»

⁷ «Исторический журнал», 1815 г., январь, ч. 1, кн. 1, стр. 59

давно близкий к «Сыну отечества», но принявший к этому времени (редактором в 1814 г. был В. В. Измайлов) более консервативную окраску, переносил акцент на прославление монархического начала, мудрого решения государями судеб Европы и мира. Журнал называл Венский конгресс «советом сильнейших царей, на котором первые умы Европы обеспечат благоприятную развязку дел для блага народов и для славы века»⁸.

«Исторический журнал» говорил об этом же внешне в нейтральной, а по существу в критической форме (правда, этот критический элемент подан достаточно осторожно и двусмысленно).

«Как к прорицалищам древних времен притекли в Вене в XIX столетии владыки, князья и представители народов,— писал «Исторический журнал».— Но подобно таинствам оракула, сокрыта от непосвященного взора внутренняя история производимых в Вене переговоров о будущем жребии миллионов людей»⁹.

В целом в печати в отношении Конгресса и его предстоявших решений преобладал оптимизм, хотя он и подвергался тяжелым испытаниям по мере того, как всплывали острые разногласия между участниками совещаний в Вене. Этот оптимизм выразился и в перепечатке несколькими русскими журналами летом 1815 года статьи из «Oesterreichische Beobachter», подводившей итоги работы Конгресса.

«Немаловажный был труд,— отмечалось в статье,— согласовать многообразные, одно с другим сталкивающиеся, и во многих пунктах совершенно противоположные требования столь многих сторон..., удовлетворяя в то же время и требования справедливости и требования политики, и не теряя из виду при общих выгодах частные, а при частных выгодах общие выгоды». Далее в статье говорится, что, если бы не бегство Наполеона с Эльбы, последним плодом переговоров была бы «связная, многообъемлющая политическая система, которая утверждена быв простых основаниях, обеспечивала бы будущее существование всех государств взаимным поручительством, способствовала бы существенно внутреннему каждому из них благосостоянию, и упрочила бы на многие годы

⁸ «Вестник Европы», 1814 г., сентябрь, № 18, стр. 150.

⁹ «Исторический журнал», 1815 г., март, ч. 1, кн. 3, стр. 244.

мир вселенной»¹⁰. Однако и эта статья признавала, что Конгресс не оправдал, по крайней мере, части возлагавшихся на него надежд.

Не менее характерным было то, что материалы о работе Конгресса нередко помещались в русских журналах рядом со статьями, в которых на основании исторического опыта выдвигались проекты утверждения вечного мира между европейскими странами. К их числу принадлежала переведенная из иностранной печати статья «Семнадцатое и девятнадцатое столетие. Европейская Республика Генриха IV». Она была почти одновременно опубликована в «Сыне отечества» (ч. 20, № 10, 1815 г., март), в «Духе журналов» (1815 г., ч. 2, кн. II, стр. 177(579)—184(586) под заголовком «О вечном мире или союзе европейских государств»), а также в «Историческом журнале» (1815 г., апрель, ч. 2, кн. I, стр. 52—60).

Перепечатка этой статьи в различных изданиях свидетельствует о большом интересе русской общественности к проблемам, связанным с установлением и обеспечением прочного мира.

«Едиственным способом утвердить в нашей части света непрерывно продолжающийся мир,— говорилось в статье,— было бы составление союза всех государств, коих внутренние раздоры решались бы не силой оружия, а властью, изыскующей общую волю всех членов сего большого союза. Сколь желательно было бы, чтоб мудрые государи и представители наций, собравшиеся ныне в Вене, решились привести в исполнение эту мысль... Венский конгресс, окончивший двадцатилетнюю войну, сделался бы тогда счастливейшим из всех периодов в истории».

Указывая, что мысль о подобном союзе государств была выдвинута еще в начале XVII века французским королем Генрихом IV, автор статьи замечал, что установление общего права, исключаящего всякое военное действие, может быть достигнуто только путем, предложенным Генрихом IV, а именно объединением всех го-

сударств в один союз, который представлял бы все споры на разрешение общего совета¹¹.

Обращает на себя внимание, что план союза государств, пропагандировавшийся в этой статье, совершенно лишен легитимистских, охранительно-монархических черт, а также той мистической оболочки, в которую впоследствии пытались облачить Священный союз его основатели. Конечно, осуществление такого плана в тогдашней Европе было мыслимо только на реакционной основе. Это, однако, не исключает того, что его сторонниками выступали люди, не осознавшие той формы, которую могла приобрести их идея на практике, и видевшие в своем плане продолжение и конкретизацию идеи вечного мира, к которой неоднократно обращалась мысль просветителей XVIII века.

В целом, если издания в той или иной степени отражавшие настроения передового лагеря, считали центральной задачей обеспечения мира для блага всех народов, то более консервативные журналы и газеты стремились прежде всего подчеркнуть, что мир может быть основан лишь на принципах монархического легитимизма.

Наряду с идеей союза европейских государств широко обсуждался другой путь к миру — поддержание «равновесия сил». И опять в этом обсуждении, пусть в зародышевом или аморфном виде, проявляются две концепции.

Еще в годы войны, соглашаясь с мнением передового лагеря, что борьба идет не против Франции, некоторые консервативные публицисты утверждали, что врагом является дух, обуявший эту страну. С. Глинка в «Русском вестнике» в 1813 году писал, что Россия «воюет не против Франции, но против разврата, наглости и буйства французского»¹². Прогрессивный же лагерь стремился подчеркнуть, что борьба идет не против французского народа, а против Наполеона. Для реакционеров Наполеон был порождением духа французской революции, для передовых русских людей — тираном, попирающим права граждан (хотя оба лагеря, используя официальную фра-

¹⁰ «Русский инвалид», 1815 г., 26 июня. Статья была напечатана также в журнале «Сын отечества», 1815 г., июнь, ч. 22, № 25—26, стр. 260—262 (и в некоторых других изданиях)

¹¹ См. «Сын отечества», 1815 г., март, ч. 20, № 10, стр. 169.

¹² Цит. по Н. М. Дружинин, Освободительная война 1813 г. и русское общество, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 63.

зеологию правительств антинаполеоновской коалиции, клеймили Бонапарта как деспота и душителя свободы).

В вопросе о «равновесии сил» реакционная легитимистская концепция тоже тесно связывала в одно целое уничтожение «революционного духа» и восстановление нарушенного им европейского порядка.

«Хотя дела Конгресса покрыты завесой глубокой тайны, однако ж носящиеся слухи и газетные известия подают основательную надежду, что политическое равновесие в Европе есть главный предмет общих усилий союзников, разрушивших исключительное первенство одной державы», — писал «Вестник Европы» и призывал к принятию действенных мер «против духа безначалия, самовластия и завоевания, которые могут снова возмутить Европу, ниспровергнуть царства и поработить народы»¹³.

«Исторический журнал» пытался возложить ответственность за развал «европейского равновесия» в результате завоевательных войн Наполеона на революцию, он также считал необходимым восстановить это равновесие путем уничтожения революционного духа. Журнал писал, что состояние революции непрерывно продолжалось под видом Французской империи и народы Европы должны были постоянно опасаться возрастающих сил исполинского французского государства, соединенных под железным скипетром Наполеона. Наполеоновская империя сокрушена, но «спокойствие мира требовало не только уничтожения политического существования Бонапарта; оно требовало также и прекращения французской революции. А посему Франция возвращена под державу фамилии Бурбонов»¹⁴. Журнал, правда, именовал все это «восстановлением свободы в Европе», основанием «политического равновесия, которым на долгие времена обеспечено будет спокойствие Европы»¹⁵, но это нисколько не меняло подлинного смысла реакционной концепции.

Передовая мысль еще не выступала прямо против этой монархически-легитимистской трактовки идеи европейского равновесия. Это и понятно, ведь даже самые последовательные из дворян-революционеров весьма нерешительно подходили к одобрению принципов французской

буржуазной революции. Так, будущий декабрист И. Д. Якушкин в 1814 году, после возвращения из Франции, составил «План статьи о французской революции и Наполеоне», в котором не проявилось сочувственное отношение к революции¹⁶. В высказываниях другого будущего участника революционного движения, М. Ф. Орлова, видна даже прямая враждебность революции, в окончании которой, по его мнению, «видна рука божия»¹⁷. Отношение к революции со стороны декабристов стало меняться лишь в последующие годы, по мере дальнейшего размежевания передового и реакционного лагерей¹⁸. Н. И. Тургенев считал основой европейского равновесия ликвидацию угрозы французских завоеваний. Еще во время войны 1813 года он записывал 5(17) декабря в своем дневнике: «Размышлял я об основании твердого мира в Европе. Первое что представляется, есть обезопасение Европы от Франции. Какое влияние имела Франция на судьбу Европы не только в политическом, но даже в нравственном отношении! Итак надобно, так сказать, обложить Францию сколь возможно более непреодолимыми границами»¹⁹.

Не выступая еще прямо против легитимистско-монархической концепции равновесия, соглашаясь даже с некоторыми ее положениями, передовые деятели русского общества вместе с тем исключали именно те элементы этой концепции, которые составляли ее реакционную основу. Передовой лагерь воспринимал идею равновесия как идею, направленную против наполеоновских завоеваний, а не против революции. Он отождествлял ее прежде всего с утверждением мира, а не с торжеством легитимистских принципов.

Впрочем, при еще далеко не закончившейся дифференциации двух лагерей, эта, по существу весьма отличная от реакционной концепции, трактовка идеи равновесия порой проникала и на страницы изданий, занимавших консервативную позицию. Так, «Исторический журнал» печатал статьи, в которых идея равновесия не

¹⁶ См «Очерки из истории движения декабристов», изд-во «Наука», 1954, стр 562

¹⁷ С. С. Волк, Исторические взгляды декабристов, стр 253

¹⁸ Там же

¹⁹ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып 3 (т II), СПб, 1913, стр 231.

¹³ «Вестник Европы», 1814 г, декабрь, № 24, стр 350—351.

¹⁴ «Исторический журнал», 1815 г, март, ч 1, кн 3, стр 196—197.

¹⁵ «Исторический журнал», 1815 г, январь, ч 1, кн 1, стр 78.

связывалась непосредственно ни с ниспровержением «духа безначалия», ни с утверждением реакционных феодально-монархических порядков. Оценивая в своем обозрении политических событий 1814 года перспективы Венского конгресса, журнал писал: «Сколь бы счастливым могло сделаться человечество посредством сего достопамятного Конгресса, когда бы он произвел в действо идеал всецелого состава народного, в котором бы все силы находились во взаимной гармонии, и общим равновесием поддерживалось бы спокойствие каждого государства»²⁰.

В русских журналах была перепечатана статья немецкого писателя Коцебу (еще не ставшего в то время известным защитником реакции). В ней идея европейского равновесия трактовалась исключительно как практическая задача установления мира в Европе вне связи с идеями утверждения легитимистского порядка. «Но что должно разуметь под словом политического равновесия в Европе? — задавался вопрос в статье. — Соразмерность в общих силах, обеспечивающая каждое государство, так чтобы никакая держава не могла самовольно предписывать ему уставы... Всякая война, предпринятая для завоевания области, и самой малейшей, должна почитаться неприязненным действием против всех держав»²¹.

Существование двух лагерей и их еще слабая дифференциация ясно прослеживаются и в освещении русской печатью политики России. Высокая оценка позиции России, даже идеализация деятельности Александра I и его дипломатов, отнюдь не была просто подлаживанием к требованиям цензуры или проявлением не критического одобрения любых действий собственного правительства, хотя и эти факторы нельзя сбрасывать со счетов. Эта оценка отражала влияние на умы людей патриотического подвига русского народа, совершенного при защите своей родины в 1812 году, освободительного похода русской армии в Европу, той объективно освободительной роли, которую сыграли победы России в эти годы вопреки реакционным планам и действиям царизма. В положительном отношении к великим свершениям русского народа и армии сходились все органы русской печати; статьи, выражавшие взгляды прогрессивного лагеря,

отличались только особым подчеркиванием этого исторического подвига, патриотической восторженностью и уверенностью в великом будущем родины.

Во время освободительного похода 1813 года и в 1814 году появляются лишь первые симптомы разочарования передовой русской молодежи в Александре I. Присваивая себе заслуги народа, армии и ее полководцев, царь рядился в тогу «освободителя Европы» и еще не успел превратиться в одного из столпов европейской реакции, каким стал в годы Священного союза²².

«Исполинская борьба с Наполеоном была окончена, — писал в своих воспоминаниях декабрист Н. В. Басаргин. — Европейские государи, чтобы с успехом противостоять его могуществу и его военному гению, должны были обратиться к инстинктам народным и, если не обещать положительно, то по крайней мере породить в массе надежды на будущие улучшения в ее общественном быте. Император Александр, по заключению мира, в Париже, в Лондоне, на Венском конгрессе, говорил и действовал согласно этим правилам и тем подавал надежду в самой России на будущие преобразования в пользу народа»²³. Именно это создавало почву для той идеализации Александра I, которая в эти годы характерна и для многих представителей передового лагеря.

«Заметим только, что Венский конгресс может иметь для России и Европы одни благие последствия, ибо при нем присутствует Александр, спаситель Европы!» — писал «Сын отечества», утверждая, будто российский император имеет «одну цель — благо человечества, для достижения которой готов он употребить силы величайшего из земных государств»²⁴.

Единодушно высокая оценка роли России не исключала существенных отличий в освещении этой роли в изданиях, отражавших настроения формировавшихся лагерей русского общества. Так, «Исторический журнал» решал эту тему, отождествляя роль России, которая одна встала против Бонапарта во время величайшего его могущества и, победив его, продолжила военные действия за

²² См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 1, стр. 114—115.

²³ Н. В. Басаргин, Записки, Пг., 1917, стр. 6.

²⁴ «Сын отечества», 1815 г., ч. 19, № 1, второе прибавление (8 января), стр. 8.

²⁰ «Исторический журнал», 1815 г., март, ч. 1, кн. 3, стр. 183—184.

²¹ «Вестник Европы», 1814 г., ноябрь, № 19, стр. 226.

своими пределами, и царя, поспешившего «на помощь к страждущим чужим народам»²⁵.

Более того, этот консервативный журнал стремился, смещая понятия, представить борьбу русского народа за свою независимость и за освобождение народов Европы от наполеоновского господства как победу над принципами революции: «Париж — Москва — Вена пребудут в летописях мира по многим отношениям вечно достопамятными. Если бы в Париже не затеяна была революция: не подлежала бы Европа бедствию; если бы Москва не принесла себя в жертву: погибла бы вся Европа; если в Вене не заключен будет мир: возгореться может война снова»²⁶.

Представители же передового лагеря были склонны по иному расшифровывать понятие отечества, за которым в устах царя и его приближенных часто скрывалось игнорирование роли народа и презрение к нему. Роль России для представителей передового лагеря — это великая освободительная миссия, осуществленная русским народом. В этой связи они отвергали версию о «генерале Зиме», будто бы победившем Наполеона: «Что сделала Россия, — записывал 6 (18) июля 1814 г. в своем дневнике Н. И. Тургенев. — Опровержение общего мнения, что зима выгнала французов из России. Армия и народ, а не холод выгнала французов. Бородино, Красное и проч...»²⁷.

Это было широко распространенным убеждением. «Не нужно напоминать нашим читателям, как вел себя в последнюю войну великий духом народ Российский, — писал «Сын Отечества». — Не только в сердцах своих соотечественников, но в целой Европе, во всех странах земного шара, на отдаленнейших островах океана, воздвиг он себе вечный памятник»²⁸.

Патриотическая гордость подвигом русского народа

²⁵ «Исторический журнал», 1815 г., сентябрь, ч 3, кн 1, стр 231

²⁶ «Исторический журнал», 1815 г., январь, ч 1, кн 1, стр 91
Консервативные авторы по прежнему отождествляли борьбу против галломании с ненавистью ко всему французскому (см например, «Вестник Европы», 1815 г., май, № 9, стр 77—84) «Сын отечества», помещая несколько писем читателей, прямо полемицировал с этими взглядами (см «Сын отечества», 1815 г., апрель, ч 21, № 14, стр. 66—71).

²⁷ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып 3 (т II), стр 257—258

²⁸ «Сын отечества», 1815 г., январь, ч 19, № 2, стр 72.

побуждала представителей передового лагеря решительно отвергать попытки умалить роль России в освобождении Европы. «Каких союзников имела Россия в начале войны 1812 года, кроме бога...? — писал будущий декабрист Ф. Ф. Вигель. — Она одна встретила напор десятиязык, или вернее сказать, по крайней мере десяти народов, изнемогала под ударами их, но не пала... шести месяцев было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переворот в судьбах целого мира»²⁹.

Н. И. Тургенев 6 (18) июля 1814 г. писал в своем дневнике, что Гарденберг и другие несправедливы, говоря, что Англия подобна морской скале, о которую разбивались все варварские замыслы Наполеона, они забывают, кто ниспровергнул Наполеона. «Справедливее и лучше бы сказать: что Англия более всех, так сказать подкапывалась под Колосса для низвержения его и конечно ослабила основание его, но что Россия низвергнула его...»³⁰.

Некоторые русские газеты и журналы отмечали, что лишь усилия самих народов привели к свержению наполеоновского ига. Сравнивая положение в 1805—1806 годах и во время войн 1813—1814 годов, «Вестник Европы» писал, что «тогда правительства не предвидели, какие чудеса они могут сделать своими народами. Надлежало переменить самый способ вести войну; но об этом способе начали рассуждать уже после»³¹. Неоднократно подчеркивалось, что свержение Наполеона — справедливый акт, раз в 1814 году французский народ не поднялся на защиту Бонапарта против наступавших армий союзников. Латышский публицист Г. Меркель писал, что, учитывая сопротивление, которое оказали французам испанцы, можно было ожидать огромного сопротивления со стороны гораздо более многочисленной французской нации. А отечественная война 24 млн. французов, привыкших к войне, была бы гораздо опаснее сопротивления десяти миллионов неопытных в военном деле испанцев. Однако французский народ не поддержал Наполеона, и тот был низвергнут с престола»³².

²⁹ Ф. Ф. Вигель, Записки, ч 3, М., 1892, стр 85

³⁰ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып 3 (т II), стр 256.

³¹ «Вестник Европы», 1815 г., март, № 5—6, стр 125—126

³² См. «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 20, № 8, стр. 86.

Значительный интерес представляет позиция русской прессы в отношении национального вопроса в Западной и Центральной Европе — вопроса, в котором с особой отчетливостью проявился реакционный характер Венского конгресса.

Как уже отмечалось выше, правительство России, исходя из собственных интересов, противилось наиболее реакционным поползновениям Австрии при решении итальянского, а также германского вопросов; ее позиция находила определенный отклик и в русской печати. Однако именно здесь особенно очевидно сказывалась незавершенность процесса размежевания двух лагерей в русском обществе. Различные органы печати часто занимали в национальном вопросе по существу противоположную позицию. Более того, иногда непоследовательной и противоречивой была линия того или иного из этих изданий. Как уже отмечалось, петербургские и московские издания воспроизвели на своих страницах статью Коцебу, в которой национальный вопрос объявлялся подчиненным задаче утверждения международного права и европейского равновесия. В этой статье прямо указывалось, что «согласие жителей столь многих перемещенных владений не входило и не может входить в условие новых перемен, когда из хаоса рождается новый порядок. Кто разводит дубовые деревья на многие столетия, тот не смотрит на цветы, хотят ли, или не хотят они расти под тенью сих дубов»³³.

При оценке положения в Италии мнения расходились. Консервативный «Дух журналов» с удовлетворением писал, что Ломбардия «опять покорилась, вместе с Венециею и Иллириею, кроткому скипетру Австрии, под отеческим правлением которой она столько лет блаженствовала»³⁴.

«Сын отечества», наоборот, печатал известия о терроре австрийцев в Италии. Но они были так отредактированы, что оставалось неясным, кому следует сочувствовать — итальянцам или австрийским властям, отдававшим распоряжения о массовых расстрелах зачинщиков»³⁵. Правда, подобная линия не проводилась

³³ «Вестник Европы», 1814 г., ноябрь, № 19, стр. 232—233

³⁴ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 7, стр. 26 (66)

³⁵ Например, «Сын отечества», 1814 г., № 45, ч. 17, второе при-
бавление (13 ноября), стр. 4.

сколь-нибудь последовательно. Через несколько месяцев журнал осудил попытки достигнуть независимости Италии революционным путем. Это осуждение было сформулировано таким образом, чтобы создать впечатление у читателя, будто революционеры стремились на деле не к независимости Италии, а, наоборот, к «противной совершенно цели», собираясь посадить на итальянский престол короля Неаполя³⁶.

Впрочем, вскоре и «Дух журналов» изменил свою позицию «Северная часть Италии...» — отмечалось в нем, — подвержена величайшим смятениям. Число недовольных австрийским правительством в Ломбардии и Венеции умножается с каждым днем»³⁷.

Разность оценок отчасти порождалась спорами о будущих судьбах Неаполя, точнее о борьбе за престол между Мюратом и неаполитанскими Бурбонами³⁸. Эти споры сводились к вопросу о наилучших способах создания противовеса Франции (Мюрат будет противником французских Бурбонов; усиление Пьемонта «отгородит» Италию от французского влияния)³⁹.

Весной 1815 года «Сын отечества» перепечатал статью из немецкого журнала «Die Zeiten», в которой констатировалось: «Вообще кажется, что итальянские дела более запутываются нежели приходят в порядок»⁴⁰.

Интересно отметить, что даже русская консервативная публицистика, подталкиваемая объективной обстановкой и развитием борьбы на Конгрессе, подходила к мысли о целесообразности объединения Италии, хотя эта идея и облачалась в сугубо легитимистскую и монархическую оболочку. «Вестник Европы» хвалил итальянцев за то, что они якобы мирно ожидают решения своей участи в Вене: «Народ итальянский, спокойно покоряясь новым властям, в ожидании решительного приговора европейской политики, поступает гораздо благоразумнее норвежцев и соседей своих испанцев»⁴¹. Однако вместе с тем

³⁶ См. «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 19, № 16, стр. 250—251

³⁷ «Дух журналов» 1815 г., ч. 2, кн. 14, стр. 258 (762)

³⁸ См., например, «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 19, № 5, стр. 198—205 1815 г., март, ч. 20, № 10, стр. 163

³⁹ См. «Дух журналов» 1815 г., ч. 2, кн. 14, стр. 298 (802)

⁴⁰ «Сын отечества», 1815 г., март, ч. 20, № 10, стр. 163

⁴¹ «Вестник Европы», 1814 г., сентябрь, № 17, стр. 75

журнал приходил к важному выводу: «Кажется, что сама Италия ожидает от сего конгресса некоторых перемен в своей участи. Рижская Немецкая газета говорит, что итальянцы изъявляют желание без всякого раздробления их владений составлять один народ, чтобы тем скорее удержать перевес против силы Франции»⁴².

Впрочем, «Вестник Европы» не смог удержаться на уровне сделанного им вывода. Он считал приближением к объединению Италии меры, по существу направленные на увековечение раздробленности этой страны. В начале 1815 года, комментируя перспективы разрешения итальянского вопроса и касаясь предположения, что владения австрийской монархии в Италии будут превращены в особое королевство, по образцу бывшего Итальянского, «Вестник Европы» писал, что «сим средством конечно успокоятся многие обитатели верхней Италии, которые теперь бунтуют от того, что хотят жить не в княжестве или в графстве, а в королевстве»⁴³.

Вместе с тем следует отметить, что вывод о желательности объединения Италии не был случайным в журнале. Этот вывод, так же как и следование просветительской традиции, определял отрицательное отношение ко многим реакционным мероприятиям вернувшихся легитимных правителей различных итальянских государств. Характерен пример с оценкой восстановления папой Пием VII Ордена иезуитов.

«Дух журналов», безоговорочно одобрявший эту меру, писал, что папа «торжественно возобновил Орден иезуитов, с уничтожением которого, казалось, все бедствия обрушились на человечество» (журнал одновременно возносил хвалу русским царям, «принявшим в безопасную свою гавань малый челнок из сего великого флота, спасшийся от общего кораблекрушения»)⁴⁴.

Совершенно другую позицию занял «Вестник Европы»: «Папа не только восстановил в Риме инквизиционный суд, но прибавил к нему еще два лишних совета,— отмечал журнал,— многие оправдывают сие учреждение тем, что никогда инквизиция не действовала в Риме с великой строгостью. Но подлинно ли так, говорит Г. Мер-

кель в своей газете? Не инквизиция ли в Риме заключила Галилея в темницу за то, что он научал истине, и говорил, что земля обращается вокруг солнца?... Так рассуждает Г. Меркель: и кто умеет благоговеть перед священной пользой человечества, тот согласится, конечно, с его мнением»⁴⁵.

Н. И. Тургенев, ссылаясь на необходимость европейского равновесия, прямо призывал к созданию сильного итальянского государства. «Для сего королевство там уже готово, а именно: итальянское королевство (т. е. итальянское королевство Наполеона.— Л. З.)»⁴⁶.

А уже вскоре после окончания Конгресса передовые русские люди выражали свое глубоко отрицательное отношение к принятым в Вене решениям об Италии. «Ломбардо-Венецианское королевство есть уродливое произведение, посредством коего догадливые австрийцы хотели утешить северных итальянцев сохранением их национальности...,— писал в феврале 1816 года тот же Н. И. Тургенев.— Каково итальянцам видеть свое отечество и своих единоплеменников во власти австрийцев и при сем думать, что власть сия утвердилась вследствие не побед, но поражений австрийцев...»⁴⁷.

В германском вопросе русская печать очень благожелательно относилась к идее создания учреждений, которые служили бы в какой-то мере объединяющим началом в раздробленной стране (о большой степени единства тогда вообще трудно было говорить, поскольку дело касалось вопросов практической политики). В консервативных изданиях это нередко диктовалось заботой о защите Германии против французского революционного духа.

Объясняя введение в Пруссии и некоторых других германских государствах всеобщей воинской повинности бедствиями, которым была подвержена Германия в последние годы, «Дух журналов» восклицает: «И вот последствия французской революции! Целые народы принуждены стоять в ружье!»⁴⁸.

⁴⁵ «Вестник Европы», 1814 г., сентябрь, № 18, стр. 158.

⁴⁶ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып. 3 (т. II), стр. 231.

⁴⁷ Там же, стр. 317.

⁴⁸ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн 7, стр. 36 (76). Через 150 лет реакционный заагногерманский историк Г. Ритгер сделает

⁴² «Вестник Европы», 1814 г., сентябрь, № 17, стр. 75.

⁴³ «Вестник Европы», 1815 г., февраль, № 4, стр. 313.

⁴⁴ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн 7, стр. 28 (68)

В других изданиях потребность в общегерманских учреждениях мотивировалась требованиями сохранения европейского равновесия, причем некоторые журналы даже соглашались с доводами немецких публицистов о том, что, если будет создана сильная Германия, она без опасений сможет согласиться на усиление России. «Вестник Европы» воспроизводил в этой связи соображения Коцебу: «...Если Германия, как мы надеемся, с помощью бога, не разлучит детей своих под различными именами; если австрийцы, пруссаки, баварцы, саксонцы и т. д., как немецкие братья забудут вражду и ссору, чтобы жить только в братском согласии: то немецкая земля не может бояться и сильной России...»⁴⁹.

Русская пресса (тоже в согласии с немецкой публицистикой) считала, что решение германских дел должно быть достигнуто как в результате усилий самих немцев, так и с помощью главных государств Европы: «Нельзя отклонить чужеземное содействие,— сообщали «Санкт-Петербургские (СПб) ведомости» мнение немецкой печати,— если немцы сами беспрестанно требуют оно, и, наконец, должно будет представить решение германских дел великим державам Европы»⁵⁰.

Путем к германскому единству иногда считалась реставрация отдельных учреждений Священной Римской империи, ликвидированной менее чем за десятилетие до Венского конгресса.

«Владельцы небольших земель и вольные германские города,— сообщал «Сын отечества»,— вновь подали Ганноверскому министру графу Мюнстеру ноту, в которой стараются доказать, что единственное средство к поддержке Германии есть восстановление императорского достоинства и дарование ей приличной конституции...»⁵¹.

О том же осведомляли своих читателей «СПб ведомости», полагавшие даже, будто «сие восстановление

есть самое действительное и даже единственное средство к утверждению продолжительного мира и спокойствия в Германии»⁵².

Интересно отметить, что одобрение планов восстановления некоторых институтов Священной Римской империи не сопровождалось предложениями о полной реставрации старого порядка. Даже журналы, занимавшие консервативно-легитимистские позиции, в целом одобрительно отзывались о планах введения в германских государствах конституционно-монархического строя. Так, «Дух журналов» писал, что «все немецкие государи высшие и низшие изъявляют желание ввести в своих владениях представительный образ правления. Ожидают также, что и прусский король даст народам своим сей величайший залог отеческого о благе их попечения — свободную конституцию»⁵³.

Объективно это являлось одобрением того принципа, что реставрация должна была проводиться в определенных пределах, не затрагивая многих установлений и порядков, возникших в эпоху французской революции и наполеоновских войн. Это было и признанием невозможности полной реставрации старого режима, и согласием с той формой реставрации, которая, как уже отмечалось нами, была по существу не столько феодальной, сколько феодально-буржуазной.

Проект создания Германского союза в этих условиях должен был получить и получил весьма положительную оценку в русской печати. «Германия посредством сей Конституции (имеется в виду конституция Германского союза.— Л. З.),— писали «Московские ведомости»,— сделается паки особым политическим телом, и, таким образом, получит твердое основание, сообразное со внутренними и внешними отношениями, а по географическому своему положению среди просвещенного мира послужит надежным укреплением политического здания, которое обещает всем европейским государствам безопасность и продолжительное спокойствие»⁵⁴. В русской печати было воспроизведено мнение австрийской газеты «Der Oesterreichische Beobachter» о том, что, по «предла-

то же «открытие», будто милитаризм в Пруссии и Германии был порожден французской революцией! (см. G. Ritter, Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd. 1, München, 1954, SS. 61—62).

⁴⁹ «Вестник Европы», 1814 г., ноябрь, № 21, стр. 56

⁵⁰ «СПб ведомости», 1814 г., 4 декабря

⁵¹ «Сын отечества», 1815 г., ч. 19, № 1, третье прибавление (11 января), стр. 1.

⁵² «СПб ведомости», 1815 г., 19 марта.

⁵³ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 7, стр. 132 (384).

⁵⁴ «Московские ведомости», 1814 г., 19 декабря.

гаемой ныне для Германии конституции, она будет составлять опять единое политическое целое»⁵⁵.

Полное одобрение вызвало введение принципа равенства католического и протестантского вероисповедания. «Возобновленное на Конгрессе утверждение неограниченной свободы и совершенного уравнивания обоих вероисповеданий в Германии, — писал «Русский инвалид», — столь же прилично обстоятельствам нашего времени, как и важно и спасительно для потомства»⁵⁶.

Однако уже весной 1815 года в общий оптимистический тон печати в оценке будущего германского единства (конечно, в том смысле, который вкладывался тогда в это понятие) стали вплетаться ноты разочарования. «Ныне видно, — делал вывод «Сын отечества», — что тесный союз всех германских владений невозможен»⁵⁷. Этот вывод отражал мнение, получившее преобладание в широких общественных кругах Германии. Реакционность решения Венским конгрессом германского вопроса очень скоро стала очевидной передовым русским людям.

Еще в дни работы Венского конгресса Н. И. Тургенев с чрезвычайным одобрением отзывался о Штейне, который считался глашатаем германских национальных интересов. 10 февраля 1815 г. Тургенев записывал в дневнике: «...Деяния Штейна, споспешествуя ко достижению главнейшей и ближайшей цели германцев, не оставались без важнейшего и непосредственного влияния на Германию. Мысли, возникшие прежде всего в его голове., распространились по всем странам немецкой земли и делались символом народа. Такие деяния могут равняться с самыми блистательнейшими, коим свет всего более удивляется, и коими отечество наиболее, по-видимому, гордится. Столь важное влияние на дух времени и на перемену обстоятельств принадлежит вероятно одному Штейну из всех тех особ, кои находились не на военной сцене в последние времена»⁵⁸.

В следующем, 1816 году, разбирая книгу Герена (Heeren, *Der Deutsche Bund und seine Verhältnisse zu dem Europäischen Staatensystem*), Тургенев отмечал:

⁵⁵ «Северная почта», 1814 г., 5 декабря.

⁵⁶ «Русский инвалид», 1814 г., 21 ноября.

⁵⁷ «Сын отечества», 1815 г., март, ч. 20, № 10, стр. 163.

⁵⁸ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып. 3 (т. II), стр. 280—281.

«Одной из целей книги Heeren считает показать, что немецкий союз не может в полной мере удовлетворять желаниям немецких патриотов, как потому, что и самое сотворение в венском конгр. акте для сего недостаточно; так в особености и потому, что немецкие правительства не показывают большой охоты хотя из сего малого количества способов к благосостоянию Германии извлечь возможную пользу».

Однако Тургенев был очень критически настроен в отношении выводов Герена именно потому, что тот многое в решениях Венского конгресса по германскому вопросу считал удовлетворительным. Полемизируя с Гереном, Тургенев подчеркивал, что «условием *sine qua non* всякого гражданского благополучия является общая независимость народная». Но, продолжает Тургенев, эта независимость для Германии обеспечивается «конечно не немецким союзом. — И если надобно выбирать из мечтаний Герена или Арндта и Герреса, то, конечно, немецкие патриоты должны согласиться мнением сих последних»⁵⁹.

В освещении польского вопроса русская печать была более скована — и очевидными цензурными рогатками, и, главное, тем, что это был вопрос, в котором неизбежная историческая ограниченность мысли даже передового слоя русского дворянства должна была проявиться с особой отчетливостью (тем более что, как было известно современникам, этот вопрос Александр I уже решил в смысле создания Польского Королевства под скипетром Российской империи). Появлявшиеся в русской прессе многочисленные статьи (обычно перепечатки из иностранных газет и журналов) представляли в лестном виде политику Александра I в польском вопросе. Однако следует отметить, что в этих материалах подчеркивались не только стратегические и политические соображения, якобы требовавшие включения Польши в состав Российской империи, но и (действительные или мнимые) выгоды, проистекавшие от этого для польской экономики⁶⁰. Было бы неправильно объяснять эти выступления

⁵⁹ «Архив братьев Тургеневых за 1811—1816 годы», вып. 5 (т. III), Пг., 1921, стр. 67.

⁶⁰ См., например, статью «Размышления польского патриота», «Сын отечества», 1815 г., январь, ч. 19, № 4, стр. 152—154; «Письмо к приятелю», «Вестник Европы», 1815 г., июнь, № 11, стр. 217—223.

русской печати только стремлением попасть в тон официальной политики. В сознании русских современников выбор шел не между независимостью Польши или ее подчинением России, а между новым разделом польских земель или объединением их в Польском Королевстве под главенством царя. Русская дворянская публицистика объявляла предпочтительным второй выход, не только исходя из по-своему понимаемых ею государственных интересов России, но и из воззрений, разделявшихся и большинством представителей передового лагеря. Передовая мысль, как это было видно и на примере освещения итальянского вопроса, поднимаясь до понимания необходимости единства страны, не связывала его с идеей национальной независимости. А сохранявшийся монархический образ мышления вставлял требование единства в рамки легитимистской идеологии. Конституционные обещания Александра I Польше создавали представление, будто польский вопрос решается в полном соответствии с интересами Польши и польского народа.

Защита идеи единства в отрыве от национальной независимости вовсе не была порождением кабинетной мысли или, тем более, демагогическим приемом, оправдывающим политику завоеваний. Объективно подобное единство страны вполне устраивало определенные и влиятельные круги крупной буржуазии, не только опасавшиеся любых форм борьбы народных масс за национальную независимость, но извлекавшие до поры до времени серьезные экономические выгоды от союза с силами старого порядка. Более того, капиталистическое развитие, которому препятствовало и сохранение крепостнических порядков, и отсутствие национальной независимости, тем не менее получало все же известный стимул в результате достижения единства страны. Этот стимул был особенно действенным, когда вследствие объективных экономических условий поднимавшаяся национальная буржуазия и при отсутствии национальной независимости могла захватить преобладающее положение (или, по крайней мере, очень крепкие позиции) на национальном рынке. Именно поэтому защита идеи единства страны, даже в легитимистско-монархическом обличии, отнюдь не принадлежала к проявлениям феодально-абсолютистской реакции в области идеологии.

Было бы даже неточным отнести ее к тому сплаву феодальной и раннебуржуазной реакции, который преобладал в идеологическом обосновании решений Венского конгресса. Объективно эта идея отражала интересы значительной части буржуазии, искавшей компромисса с силами феодальной реакции.

Интересно отметить, что в подавляющем большинстве случаев осуждение французской революции не сопровождалось осуждением созданного ею буржуазного правопорядка. Революцию, в отличие от прежних лет, не очень-то усердно обличали и за свержение «законной» монархии. Как видно из вышесказанного, главное обвинение, которое выдвигалось против революции, по существу относилось к действиям Директории и Наполеона, то есть к нарушению «равновесия сил» в Европе, попыткам утвердить французскую гегемонию на континенте и даже (если следовать демагогической фразеологии правительств антинаполеоновской коалиции) к ликвидации «свободы» и утверждению военного деспотизма.

«Французская революция в начале своем грозила превратить все европейские государства в республики, — писали «Московские ведомости», — но в последствии времени Франция поставила над собой такого властителя, который уничтожил все республики, кроме одной (имеется в виду Швейцария. — Л. З.), но и та была таковою не на самом деле, но по одному токмо названию»⁶¹.

Даже самые консервативные органы русской печати, пропагандируя легитимистски-монархические взгляды, иногда в довольно неожиданном контексте высказывали мнение, что реставрация в Европе может затронуть только политическую область, точнее представлять собой смену «незаконного» носителя власти «законным». «Многосложные политические машины имеют то важное неудобство, что если они один раз расстроятся, то уже трудно опять привести их в порядок, — писал «Дух журналов», — противное тому представляет Франция: здесь стоило только переменить одну пружину — и машина начала опять действовать в стройном движении. Вот преимущество единодержавия»⁶².

⁶¹ «Московские ведомости», 1814 г., 19 декабря

⁶² «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 8 — «Обозрение политических происшествий в январе месяце 1815 года», стр. 135 (425).

В связи с этим уместно вернуться к уже отмеченному выше явлению — открыто выраженному сочувствию принципам конституционного монархизма. Например, «Исторический журнал», суммируя итоги 1814 года, писал: «Не приветствуют ли многие германские и другие земли владетелей своих из любимых царских поколений по прежнему как государей своих, не распространяется ли идея о представителях народных и постановлении земских чинов отчасу более и повсеместнее?»⁶³

В чем причина этого, на первый взгляд странного, единодушия русской прессы, включая и ее наиболее реакционные органы. Отчасти здесь опять-таки сказывалось влияние официальной позиции Александра I, пытавшегося превратить идею свободы (понимаемой в смысле освобождения от наполеоновского господства и установления конституционно-монархического строя) в орудие борьбы против Наполеона. Сознвая неосуществимость и обреченность планов полной реставрации дореволюционных порядков, царь сохранял эту позицию и после крушения империи Наполеона. Эта точка зрения Александра I получила широкое распространение в образованных дворянских кругах, но не она определяла единодушие в положительной оценке конституционных учреждений, которые начали вводиться в ряде европейских государств сразу же после падения Наполеона.

Оно вызывалось тем, что, в то время как реакционный лагерь рассматривал конституционализм как необходимую уступку для сохранения легитимистских «устоев», передовая часть русского общества видела в конституционных реформах свидетельство необходимости прогрессивных преобразований государственного строя в интересах развития и процветания народа. Такое единодушие не могло не быть сугубо временным явлением; последующие годы привели к четкому разделению лагерей в этом вопросе. Крепостнический лагерь взял назад свое вынужденное признание конституционализма, сделанное в годы борьбы против Наполеона. А передовой лагерь быстро пошел дальше в развитии своих взглядов на роль и значение конституционализма в прогрессивном развитии общества.

Однако в 1814—1815 годах единомыслие русской печати в одобрении монархического конституционализма еще сохранялось и ярко проявилось в резком осуждении (по существу всеми органами прессы) репрессий против сторонников кортесов в Испании и белого террора⁶⁴. По существу это была решительная критика наиболее очевидной (в период деятельности Венского конгресса) попытки осуществления феодально-абсолютистской реставрации в ее чистом виде.

«Новейшая история не представляет ничего возвышеннее достославных подвигов благородной испанской нации, коей напряжениям геркулесовых сил против чуждого господства Наполеон Бонапарте в первый раз уступил с изумлением», — писал «Исторический журнал», причем это признание высокого мужества испанского народа служило лишь введением к крайне отрицательной характеристике правления Фердинанда VII: «О если бы начало правления его (испанского короля Фердинанда VII. — Л. З.), если бы сей новый период Испании не сопровождался введением прежних злоупотреблений... Инквизиция восстановлена по прежнему, свобода книгопечатания стеснена, личная безопасность угрожаема была мятежными поступками, и все, кои, хотя и поневоле следовали прежней системе, гонимы были без всякой пощады»⁶⁵.

Русская печать даже критиковала отдельные органы западноевропейской прессы, которые по тем или иным мотивам одобряли действия испанского короля. К числу таких органов относились английские торийские газеты. «Вестник Европы» напечатал статью Меркеля, опровергавшую доводы этих газет и отстаивавшую заслуги века просвещения от нападок крайних мракобесов.

«Английская газета «The Courier» (официоз правительства Ливерпуля. — Л. З.), которая сначала защищала дело кортесов с великим жаром, — говорилось в статье, — сообщает недавно письмо, в котором утверждается решительно, что падение кортесов полезно для английской торговли и что они состояли только из купцов и философов; но теперь церковь и народ победили.

⁶⁴ См. Л. Ю. Слезкин, Россия и война за независимость в Испанской Америке, стр. 90—91.

⁶⁵ «Исторический журнал», 1815 г., апрель, ч. 2, кн. 1, стр. 3—21

⁶³ «Исторический журнал», 1815 г., ч. 1, кн. 3, стр. 184.

И так король и церковь стояли против купцов и философов: так представляется дело. Из этого надобно заключить, что в Испании есть великое число философов... Но со времени двух сот лет философы в Испании были весьма редки»⁶⁶. Надо отметить, что даже восстание в Испании генерала Мины побудило русскую печать не к обличению бунтовщика, а к доказательству необходимости для этой страны конституции, уничтоженной королем⁶⁷.

В этой же связи находилась и критика русскими газетами и журналами выступлений Испании и Португалии против отмены работорговли⁶⁸. Единодушное одобрение русской печатью решений Венского конгресса против работорговли заслуживает внимания. «Возвратить около 50 миллионов народа к законам человечества, общежития, религии и добродетели, — отмечал «Дух журналов», — есть без сомнения одно из важнейших происшествий в истории света»⁶⁹. Однако важны, разумеется, не эти декларации, а также не ссылки на то, что Россия единственная из европейских держав никогда не принимала участия в вывозе рабов из Африки (хотя подобные горделивые заявления делались даже журналами, издававшимися заведомыми крепостниками)⁷⁰; дело даже не в воспроизведении в русской печати наряду с сентиментальными рассуждениями филантропов трезвых экономических доводов английской газеты «Times» против работорговли⁷¹. Интересен самый факт безоговорочного одобрения всей русской печатью того аспекта в решениях Венского конгресса, который никак не был проявлением феодально-абсолютистской реакции, а, наоборот, выражал потребности нового буржуазного строя.

Мы рассмотрели позицию русской прессы в некоторых важнейших вопросах, которые решались на Венском конгрессе и имели большое значение для выяснения позиций различных органов печати и представляемых ими идейных направлений в русском обществе. Обратимся

⁶⁶ «Вестник Европы», 1815 г., сентябрь, № 17, стр. 71.

⁶⁷ См. «Московские ведомости», 1814 г., 7 ноября.

⁶⁸ См., например, «Исторический журнал», 1815 г., май, ч. 2, кн. 2, стр. 157. Аналогичные материалы помещались также в «Сыне отечества», «Вестнике Европы» и других изданиях.

⁶⁹ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 8, стр. 166 (456); ср. «Вестник Европы», 1815 г., февраль, № 4, стр. 312.

⁷⁰ См. «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 8, стр. 163 (453).

⁷¹ См. «Вестник Европы», 1814 г., № 21, ноябрь, стр. 60–62.

теперь к тому, как освещалась русской печатью сама работа Конгресса, главные перипетии дипломатической борьбы, формирование антирусской коалиции, события «ста дней», как оценивалась позиция главных западных держав.

Прежде всего надо напомнить, что Венский конгресс, один из классических образчиков «секретной дипломатии», проводил свои совещания за закрытыми дверями. Обильная информация, печатавшаяся в западноевропейских газетах (и воспроизводившаяся русской прессой), в большой степени основывалась на вымысле, нередко тенденциозного характера, на случайных фразах, брошенных тем или иным дипломатом, на догадках, связанных с вольным толкованием тех или иных скудных официальных сведений. Наряду с этим потоком недостоверных сообщений помещались статьи, инспирировавшиеся различными правительствами и нередко преследовавшие скорее цель дезинформации, чем осведомления о подлинном положении дел.

Характеризуя сложившуюся практику, «Вестник Европы» писал об «удивительной поспешности, с каковою сочинители газетных известий предлагают любопытным своим читателям различные новости и потом опять опровергают слухи, ими самими выпущенные для наполнения листков своих и для того, чтобы отличиться искусством сообщать публике самые свежие вести»⁷². В другом случае, касаясь этой же темы, журнал отмечал: «По нынешнему порядку вещей, журналист, предлагающий своим читателям известия о важнейших происшествиях, должен прежде всего уведомить их о состоянии дел на Венском конгрессе и сказать что-нибудь новое»⁷³.

Об одном из таких «источников» информации «Исторический журнал» иронически рассказывал: «В одном публичном месте замечено, что Хроника Венского конгресса, издаваемая в Франкентале, приняла на себя самую трудную работу, каковую себе только представить можно, а именно сообщать оттуда новости, откуда нельзя узнать ничего нового, и обнародовать то, что ей самой не известно»⁷⁴.

⁷² «Вестник Европы», 1815 г., март, № 5—6, стр. 166.

⁷³ «Вестник Европы», 1815 г., февраль, № 2, стр. 150.

⁷⁴ «Исторический журнал», 1815 г., январь, ч. 1, кн. 1, стр. 89.

Аналогичную историю поведал своим читателям и «Русский инвалид», сообщив, что в «Нюрнбергских ведомостях», которые распускали много пустых слухов, пишут ныне: «Должно следовать в скромности Сократу, который говорил: я знаю точно только то, что я ничего не знаю!»⁷⁵.

Впрочем, «Русский инвалид» высказывал даже удовлетворение отсутствием сообщений с Конгресса, считая необходимым, чтобы содержание переговоров, «на которых основывается благо целой части света, и может быть целого человечества, до тех пор останется в тайне, пока не получит надлежащей зрелости»⁷⁶. И если, как вспоминает Ф. Ф. Вигель, «беззаботное тогда петербургское общество нимало не дивилось продолжительности нескончаемого Венского конгресса, повторяя чужие слова, он не идет, говорило оно, оттого, что пляшет. Немногим, однакоже,— продолжает он,— привыкшим рассуждать казалось странно, что дело, по-видимому решенное торжеством Александра и падением Наполеона, может встречать какие-либо препятствия... Терялись в догадках и не могли совершенно проникнуть в тайну, которая прикрывала совещания»⁷⁷.

Тем не менее русская печать в целом воссоздавала для своих читателей подробную и — в общем и целом — довольно верную картину дипломатической борьбы на Конгрессе. Правда, в первые недели после открытия Конгресса русские газеты и журналы выражали надежду, что он, в отличие от всех предшествовавших дипломатических совещаний, будет проходить в обстановке единства держав, в равной мере заботящихся об упрочении мира, что право, а не сила будет решать вопросы будущего устройства Европы и т. д.⁷⁸ Самую затыжку работы Конгресса порой объясняли тем, что союзные державы не хотят решать спорные вопросы правом сильного, а стремятся удовлетворить справедливые претензии больших и малых стран⁷⁹. Однако представление

⁷⁵ «Сын отечества», 1814 г., ч. 18, № 52, первое прибавление (25 декабря), стр. 1.

⁷⁶ «Русский инвалид», 1814 г., 9 декабря

⁷⁷ Ф. Ф. Вигель, Записки, ч. 3, стр. 149.

⁷⁸ См., например, «Сын отечества», 1814 г., ч. 18, № 49, первое прибавление (4 декабря), стр. 1—3

⁷⁹ См. «Сын отечества», 1814 г., ч. 18, № 50, второе прибавление (15 декабря), стр. 1.

об «исключительности» Венского конгресса довольно скоро уступило место более реалистическому взгляду на вещи. В начале 1815 года «Исторический журнал» писал, что прошло время, когда думали, что на Венском конгрессе «судьба столь многих государств с такою же легкостью, как баталия, решена будет. Но из последствий видно, что Конгресс в Вене относительно к переговорам ни в чем не отличается от всеобщих конгрессов прежних и подобно им представляет зрелище жарких споров, протестов и узлов политических»⁸⁰.

Русская печать, перепечатывая материалы зарубежных изданий, уже в первые месяцы правильно рисовала расстановку сил на Конгрессе: «Из больших союзных держав, с одной стороны, более согласны между собой Россия и Пруссия, а с другой — Англия и Австрия. В прениях о Польше и Саксонии, Франция более склоняется на сторону Англии и Австрии»⁸¹.

Бросается в глаза, что русская пресса сразу же разобралась в попытках использовать идею легитимизма и восстановления дореволюционного статус-кво против дипломатических интересов и планов России. Это определило несколько сдержанное отношение к легитимистской пропаганде даже у более консервативной части русских изданий. Что же касается «Сына отечества», то он специально цитировал высказывание одной английской газеты (вероятно, вигской), что «отнодь не должно восстанавливать европейских государств в том виде, в котором они были при начале революционной войны, ибо от того произошли бы вторично все бедствия, терзавшие Европу в течение 25 лет. Цель Венского конгресса состоит в отклонении сих бедствий»⁸².

Русская печать в целом поддерживала позицию Пруссии в саксонском вопросе, выступая здесь в унисон с дипломатией Александра I. В журналах и газетах нередко помещались доводы в защиту притязаний Пруссии, заимствованные из прусской прессы. Однако в отборе этой аргументации также отчетливо проявлялось различие идейных позиций этих изданий.

⁸⁰ «Исторический журнал», 1815 г., январь, ч. 1, кн. 1, стр. 90.

⁸¹ «Сын отечества», 1814 г., ч. 18, № 52, первое прибавление (25 декабря), стр. 1.

⁸² Там же, стр. 2.

Саксонский вопрос принадлежал к числу тех проблем, при обсуждении которых Талейран и Меттерних использовали легитимистскую фразеологию как оружие в дипломатической борьбе против своих противников и для формирования антирусской коалиции.

Вместе с тем легитимистская аргументация оказалась совершенно непригодной для отстаивания требований Пруссии, предусматривавших лишение трона законного монарха — саксонского короля Фридриха Августа. Поэтому в тех русских изданиях, в которых доводы с позиций легитимизма использовались вообще редко, саксонский вопрос трактовался исключительно под углом зрения европейского равновесия. «Всякий благоразумный германец, — писал «Сын отечества», — должен желать соединения Саксонии с Пруссией, ибо оно необходимо для безопасности Германии... Для утверждения нового равновесия в Европе, Пруссия должна... быть увеличена так, чтобы получила внутреннюю силу и могла употреблять ее, чтобы была в состоянии без замедления вступать в сообщение с Австрией, Голландией и Бельгией, управлять всеми силами северной Германии и сообщаться посредством Майнца с Баварией, которая делается оплотом южной части немецкой земли»⁸³.

«Сын отечества» воспроизводил выступление одной из немецких газет, направленное против официального органа французского правительства «Moniteur», в котором практически отбрасывались доводы о невозможности лишить престола законного короля. Если бы все монархи поступали подобно Фридриху Августу, то Людовик XVIII все еще оставался бы королем только по титулу. Если же Франция вообще стремится проявить свое великодушие, то ей можно назвать несколько человек, находящихся в стесненных обстоятельствах, например Наполеона, Иосифа и Жерома Бонапарта⁸⁴. В том же журнале пересказывалось содержание брошюр и памфлетов (вроде памфлета «Preussen und

Sachsen»), инспирированных берлинским кабинетом и доказывавших, что Саксония — законное завоевание Пруссии⁸⁵.

Воспроизведение этой аргументации отражало распространенную тогда концепцию восстановления «равновесия сил» в Европе. Любопытно отметить, что аналогичным образом обосновывалась и целесообразность создания союза германских государств.

В конституции Германского союза «особенное приложится попечение об утверждении защиты общего германского отечества, — писали «СПб ведомости». — Небольшие владельцы присоединятся к сильным державам, и таким образом сила Пруссии еще более умножится соединением с государями, кои найдут в ней величайшую и положению их соответственную независимость в соединении с собственной безопасностью»⁸⁶.

Приводились доводы и экономического характера, в частности подчеркивалось, что с присоединением Лейпцига к Пруссии значительно увеличились бы торговые связи этого города⁸⁷.

Надо отметить, что в вопросе о Саксонии также проводилась уже знакомая нам точка зрения, отрывавшая вопрос о единстве страны от вопроса национальной независимости. Даже после того, как на Венском конгрессе было принято решение о сохранении Саксонии при уступке значительной части ее территории Пруссии, «Дух журналов» писал: «Хотя и желательно было для блага саксонской нации, чтобы вся Саксония нераздельно принадлежала одному государю: однако не оставалось иного средства, кроме сего раздела, чтобы требования Пруссии, столь справедливые, соединить с участием высоких держав в судьбе королевского Саксонского дома»⁸⁸.

Сходные мысли высказывались и в журнале «Сын отечества», делавшего такой вывод: «Если, несмотря на все сие, многие из ревностнейших приверженцев Пруссии питали желания, простиравшиеся далеко за упомянутые пределы, то пусть они усмотрят, сколь важно для безопасности уважаемого ими государства то, что оно

⁸³ «Сын отечества», 1814 г., октябрь, ч. 17, № 43, стр. 208—209.

⁸⁴ См. «Сын отечества», 1814 г., ч. 18, № 52, второе прибавление (31 декабря), стр. 2. Приводились и сообщения о единодушной поддержке прусских притязаний саксонским населением (например, «Вестник Европы», 1815 г., январь, № 1, стр. 80; «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 19, № 6, стр. 250); эти известия, почерпнутые из прусских источников, не соответствовали действительности.

⁸⁵ См. «Сын отечества», 1815 г., январь, ч. 19, № 3, стр. 110—113.

⁸⁶ «СПб ведомости», 1815 г., 23 февраля.

⁸⁷ См. «Русский инвалид», 1814 г., 18 ноября.

⁸⁸ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 8, стр. 159 (449)

не обладает ни одной деревней без согласия и поручительства величайших держав Европы»⁸⁹.

На протяжении всего времени обсуждения саксонского вопроса в русских газетах и журналах сквозило желание доказать, что споры на Конгрессе не должны привести к распаду союзов военного времени. «Очевидно, что одни саксонские дела особенно причиняют сию медленность Конгресса,— писал «Русский инвалид». — Впрочем дружественное отношение союзных государей всем должно ручаться за счастливый успех». В качестве доказательства того, насколько везде уверены в мирном окончании Конгресса, газета приводила сообщения о происходившем в Голландии повышении цен на государственные бумаги, особенно на русские, испанские и голландские⁹⁰.

В связи с саксонским вопросом печать упорно возвращалась к мысли о том, что Англия заинтересована в укреплении Пруссии для поддержания «равновесия сил» на Севере Европы. «Бельгия и занятый пруссаками левый берег Рейна, — сообщали «СПб ведомости», — находятся в одинаковом военном отношении к Франции, и существование их само по себе без взаимной помощи не безопасно. Французы не могут забыть потерю Бельгии, и со временем станут домогаться возвращения оной. Следовательно Англия и Пруссия, в каком бы они ни находились политическом отношении, по сему обстоятельству всегда будут соединены теснейшими узами взаимной пользы»⁹¹.

Ту же идею развивал «Дух журналов»: «...Из совокупления сил Пруссии, Ганновера и Бельгии составится на западной границе Германии твердая опора противу Франции с сей стороны. Меру сию приписывают герцогу Веллингтону, который военными доводами доказал, что Бельгия, коей потерю не скоро забудет Франция, находится с уступленными ныне Пруссии землями левого Рейнского берега, в одном воинском положении в расуждении Франции, так что одна, без подкрепления другой, не может быть обеспечена в существовании своем: обе же вместе, быв сверх того подкреплены Ганновером,

в состоянии будут содержать сильную армию, для отражения всякого нападения со стороны Франции»⁹².

Интересно отметить, что русская печать с удовлетворением встретила решение саксонского вопроса, достигнутое на Конгрессе. «В сем случае каждая держава сделала пожертвование для ускорения всеобщего мира»⁹³, — писал «Дух журналов». Однако теперь даже этот журнал с легитимистских позиций объявил целесообразным сохранение Саксонии, хотя и потерявшей значительную часть своей территории, в качестве самостоятельного королевства, так как «в деле политики не то важно, будет ли иметь король Саксонский несколькими тысячами более или менее подданных; но то есть дело величайшей важности, чтобы основание законных прав государей не было совершенно нарушено: ибо на оном утверждается существование государств и благо народов»⁹⁴.

А экономическая аргументация была поставлена на службу нового тезиса, доказывавшегося журналом: «Союзные державы явили опыт мудрости своей и умеренности, оставивши город Лейпциг под скипетром прежнего его государя. Выгоды всей Европы требовали, чтобы город сей — центр обширнейшей торговли всех европейских государств — состоял во владении государя, коего пользы требуют, быть всегда в мире с великими державами». Более того, выражалась тревога в связи с прусской угрозой для независимости Саксонии: «Впрочем бытие Саксонии никогда не будет совершенно благонадежно: будучи со всех сторон окружена Пруссией, она легко может сделаться добычею властолюбия нового Фридриха Великого, ежели существование ее не будет обеспечено твердостью германской конституции и споручительством других сильнейших держав»⁹⁵.

Этот поворот в позиции журнала отражал, несомненно, известное разочарование в политике «прусского союза», распространившееся в правительственных и общественных кругах России весной 1815 года. На обсуждение саксонского вопроса постоянно бросала тень маячившая за ним угроза войны между недавними союзниками.

⁸⁹ «Сын отечества», 1815 г., февраль, ч. 20, № 7, стр. 37.

⁹⁰ См. «Русский инвалид», 1815 г., 17 февраля.

⁹¹ «СПб ведомости», 1814 г., 5 февраля.

⁹² «Дух журналов», 1815 г., ч. 2, кн. 13, стр. 230 (696), 231 (697).

⁹³ Там же, стр. 224 (690).

⁹⁴ Там же, стр. 226—227 (692—693).

⁹⁵ Там же, стр. 227 (693).

Не посвященная в тайны дипломатических переговоров русская печать, хотя и сохраняла, как уже отмечалось, общую оптимистическую оценку перспектив Конгресса, все же не раз обращала внимание на реальную опасность военного конфликта между великими державами. «Многочисленные корпуса войск собираются на Маасе, — писал «Вестник Европы», — в соседстве Гамбурга находится Российская армия; Баварская остается на военной ноге, Австрийская в Италии усиливается. Одни твердые меры могут обеспечить заключение общего мира»⁹⁶.

Особенно широко обсуждалась опасность войны в январе 1815 года. «Сын отечества» перепечатал из западной печати статью, поданную в форме «письма русского офицера», в которой доказывалась бесперспективность для Англии войны против России: «Россия не выиграет ничего от войны с Англией, но... Англия от того потеряет более, нежели Россия»⁹⁷. Вслед за тем журнал сообщил: «На сих днях разнеслись в публике слухи о возобновлении войны, и начали уже говорить о движениях войск»⁹⁸.

Однако уже через несколько дней в «прибавлении» к очередному номеру журнала с удовлетворением отмечалось: «Слухи о возобновлении войны совершенно рассеялись»⁹⁹.

Если в отношении большинства международных проблем, о которых шла речь выше, различие идейных позиций русских органов печати проявлялось более в расстановке акцентов, в той или иной системе аргументации при единстве главных оценок, то другой становилась картина при характеристике политики отдельных европейских держав. Особенно отчетливо это сказалось при освещении политики Англии. В отличие от последующих десятилетий, когда англофильство было характерно преимущественно для либеральных кругов, в рассматриваемый период оно было распространено главным образом среди наиболее консервативных слоев русского дворян-

ства. Эти симпатии к Англии и к политике фритреда, которую та стала вскоре проводить во все больших масштабах, имели глубокую экономическую основу, а именно заинтересованность русского помещичьего хозяйства в сбыте сельскохозяйственных изделий на английском рынке и в получении из Англии относительно дешевых промышленных товаров (которые в этих целях не должны были облагаться высокими пошлинами в интересах отечественной промышленности).

Выразителем всех этих тенденций был «Дух журналов», быстро превратившийся в главный орган русских сторонников фритреда и не раз дававший крайне апологетическую трактовку внешнеполитического курса британского кабинета. «Дух журналов» изображал эту политику как проникнутую филантропическими мотивами и, во всяком случае, благодетельную для Европы. «Англия, соревнуясь в великодушии Александру Благословенному... — заявлял журнал, — возвратила Франции и Голландии почти все завоеванные ею колонии и тем отдала главнейшее препятствие к миру»¹⁰⁰.

«Дух журналов» относил к заслугам Англии даже решение польско-саксонского вопроса. По мнению журнала, этот вопрос смог получить разрешение только после того, как 14 декабря 1814 г. был заключен Гентский мир (между Великобританией и США) и Лондон смог более активно заняться делами Европы. «Вождевленное сие событие (т. е. мир с США. — Л. З.) дало переговорам на Конгрессе другой оборот и, к счастью человечества, опасения разрыва ныне совсем миновали»¹⁰¹.

Иную тенденцию отражала линия некоторых других русских журналов, которые, несмотря на то что и им импонировала быстрота промышленного развития Англии и отдельные стороны ее государственного устройства, давали вполне реалистическую и резко критическую оценку политики английского правительства¹⁰². Показательна в этом отношении статья, помещенная в марте

⁹⁶ «Вестник Европы», 1814 г., октябрь, № 20, стр. 311.

⁹⁷ «Сын отечества», 1815 г., январь, ч. 19, № 1, стр. 46.

⁹⁸ «Сын отечества», 1815 г., ч. 19, № 2, второе прибавление (18 января), стр. 1.

⁹⁹ «Сын отечества», 1815 г., ч. 19, № 3, первое прибавление (22 января), стр. 1; ср. «Вестник Европы», 1815 г., январь, № 1, стр. 78.

¹⁰⁰ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 2, стр. 25—48 (65—88).

¹⁰¹ «Дух журналов», 1815 г., ч. 1, кн. 7, стр. 123 (375).

¹⁰² Отнюдь не случайно это сопровождалось и прямой полемикой против фритредерской пропаганды «Духа журналов» и его призывов покупать английские товары, что могло нанести ущерб российским мануфактурам (см., например, «Вестник Европы», 1815 г., февраль, № 3, стр. 213—217).

1815 года в журнале «Вестник Европы». Из осторожности — чтобы прямо не критиковать позицию Англии в 1814—1815 годах — статье была придана форма исторического обзора, смысл которого был, впрочем, совершенно ясен для читателя. «Англия, — указывалось в статье, — смотрела на всю войну сию (речь формально шла о войне 1805—1807 гг. — Л. З.) с гордым равнодушием, а когда и подкрепляла сухопутные державы, воевавшие с Францией, то, если не для явных, по крайней мере для скрытых своих выгод, притом пособия столь нерадиво были доставляемы, что ни мало не способствовали они к достижению общей цели. Тогдашняя политика сего королевства состояла в том, чтобы занять Наполеона войной на твердой земле, не заботясь о могущих от сего произойти следствиях»¹⁰³.

В этом же номере журнала был опубликован перевод статьи из немецкого журнала «Die Zeiten», в котором развивались аналогичные мысли. В этой статье после осуждения Наполеона за введение континентальной блокады говорилось: «Справедливый наблюдатель не оставит без замечания и того, что английское правительство почти столько же как и французское, содействовало вреду, наносимому Европе континентальною системою. Хотя Наполеон деспотизмом на твердой земле произвел деспотизм на море, но англичане довели оный до высочайшей степени». Журнал далее подчеркивал, что многие упреки, сделанные в этом плане английскому правительству Наполеоном, признаются беспристрастными людьми справедливыми. В статье резко критиковались действия английского правительства: «Англия содействовала преобразованию войны в новый вид и превращению оной в систему морского разбойничества, устремляемого более против тех, которые вовсе в оном не участвуют... Франция хотела распространить владычество свое на твердой земле; а Англия равномерно помышляла о владычестве на морях и над колониями, и об удержании за собой монополии»¹⁰⁴.

¹⁰³ «Вестник Европы», 1815 г., март, № 5—6, стр. 126—127.

¹⁰⁴ Там же, стр. 138—139. Сходные суждения высказывались в современных немецких памфлетах; анонимный автор изданного в 1814 году в Лейпциге памфлета «О прежнем и будущем влиянии Англии на Европу» («Ueber den bisherigen und künftigen Einfluß Englands auf Europa») писал, что «равновесие сил» в Европе, нару-

Вместе с тем от внимания русской печати не ускользнули серьезные споры в самой Англии по вопросам, обсуждавшимся на Венском конгрессе. «Английские ведомости» еще менее были согласны между собой о цели Британской политики, нежели уполномоченные в Вене, — сообщал «Исторический журнал». — Половина оных писала, что лорд Кастлериг упорно противится министрам Российскому и Прусскому касательно Саксонии, и утверждала, что он даже угрожал блокадой гаваней Балтийского моря. Напротив того ведомости «The Times» чинили ежедневные вылазки против саксонского короля, а в «The Courier» помещены многие доводы о необходимости увеличить могущество Пруссии. В «The Star» писали, что положено основание будущему равновесию и спокойствию Европы, что соединение Саксонии с Пруссией образovalo бы непреодолимый оплот против Франции»¹⁰⁵.

Очень противоречивыми были тенденции, определявшие отношение русской прессы к политике Франции. Ненависть дворян-крепостников к стране революции сложно переплеталась с сохранившимися в широких кругах народа воспоминаниями о недавнем наполеоновском нашествии, о незаживших ранах, причиненных кровопролитной войной. Гарантии от новых французских притязаний на гегемонию считались основной предпосылкой мира и европейского равновесия. А антирусская позиция в Вене Талейрана, служившего Бурбонам, как некогда Наполеону, как бы олицетворяла для значительной части русской общественности неизменность этой французской враждебности в отношении России, враждебности, которая, по мнению некоторых, сохранялась несмотря на то, что именно Россия в 1814 году воспротивилась планам отторжения от Франции собственно французских областей. В дворянском мышлении, правда, это оформлялось в рассуждениях об «отеческом правлении» Бурбонов и «разрушении» страны. Однако вместе с тем критика была направлена только против опре-

шенное Наполеоном, вряд ли может считаться восстановленным, пока сохраняется безраздельное господство Англии на морях, эта английская монополия обременительна не менее, чем гнет одного владыки на суше.

¹⁰⁵ «Исторический журнал», 1815 г., март, ч. 1, кн. 3, стр. 249.

деленной линии внешней политики Франции, а именно против французской угрозы «спокойствию Европы»¹⁰⁶, и никогда не превращалась в характерную для германской печати кампанию против территориальной целостности французского государства («распахать Париж так, чтобы не остался в нем камень на камне, разделить Францию по примеру других бунтовавших наций»¹⁰⁷, — призывал, например, издававшийся в Гамбурге «*Politisches Journal*».

Возвращение Наполеона — «сто дней» — резко изменило картину. Расхождение во взглядах разных органов печати не исчезло, но стало менее заметным, по крайней мере на поверхности. Центральное место в прессе заняли доказательства необходимости единства держав в новой борьбе против Бонапарта; другие темы отступили на задний план. «Вестник Европы» отмечал, «что пустые слухи о мнимом несогласии великих дворов послужили главным поводом безрассудного Бонапартова покушения»¹⁰⁸.

В другой статье журнал развивал ту же мысль: «К счастью, что главные предметы совещаний Венского конгресса приведены к окончанию прежде, нежели Наполеон Бонапарте вышел на берег, что согласие союзных государей о важнейших уступках и обмене земель, равно и о восстановлении политического равновесия образовало непреодолимый оплот для Германии и прочих государств нашей части света»¹⁰⁹.

Вновь возникает тема «развращенности» французского народа, покорившегося «корсиканскому узурпатору». «Парижские тунеядцы хотели иметь новое зрелище: им наскучило единообразие спокойствия и счастья, — восклицал «Сын отечества». — Дорого станет им новый спектакль»¹¹⁰.

В другой статье, перепечатанной «Сыном отечества» из «*Journal de Leyde*», говорилось: «Кто бы подумал, что

¹⁰⁶ См. «Российский музей или журнал европейских новостей», 1815 г., июль, ч. 3, № 7, стр. 118—119.

¹⁰⁷ Цит. по «Исторический журнал», 1815 г., январь, ч. 1, кн. 1, стр. 1—2.

¹⁰⁸ «Вестник Европы», 1815 г., апрель, № 7, стр. 242.

¹⁰⁹ «Исторический журнал», 1815 г., апрель, ч. 2, кн. 1, стр. 61.

¹¹⁰ «Сын отечества», 1815 г., ч. 21, № 13, второе прибавление (6 апреля), стр. 2.

более 20 миллионов человек, столь долго томившихся под железным игом клятвопреступнейшего изверга без малейшего почти сопротивления вновь подвергнуться сему игу при содействии немногих их соотечичей! Несчастное отечество! Какая судьба тебя ожидает?».

Тезис об «испорченности» французов смягчался в этой статье только ссылкой на мнимую приверженность значительной их части к монархии Бурбонов: «Не подлежит никакому сомнению, что большая часть жителей Франции истинно предана королю и утвержденной им конституции»¹¹¹.

Неблагожелательно комментировались даже меры, ранее всецело одобрявшиеся русской печатью, если они теперь проводились правительством Наполеона. Их не без основания рассматривали как попытку Бонапарта укрепить свое положение и вызвать раскол среди союзников. Такой мерой было, в частности, запрещение правительством «ста дней» работорговли. Это, видимо, была попытка сделать шаг в сторону Англии (Бурбоны отказались немедленно отменить торговлю черными невольниками). После получения известий об этом мероприятии Наполеона «Сын отечества» писал: «...Бонапарте 14 марта издал декрет, которым уничтожается торговля неграми..! Известно, что в его владении нет ни одной колонии, и что французы на море вновь блокированы со всех сторон. С таким же успехом мог бы он запретить ловлю крокодилов в реке Сене»¹¹².

В «Сыне отечества» был опубликован текст «Обращения («Письма») Бонапарта к государям Европы» с полемическими комментариями к каждому из 21 пункта «Обращения»¹¹³.

В русской прессе перепечатывались статьи из иностранных газет (например, из английского официоза «*The Courier*»¹¹⁴), призывавшие к сплочению союзников и отка-

¹¹¹ «Сын отечества», 1815 г., ч. 21, № 13, второе прибавление (6 апреля), стр. 5. Журнал напечатал и перевод письма Шатобриана Людовику XVIII, доказывавшего, будто временное торжество Наполеона нисколько не опровергает факта преданности французской нации своему «законному монарху» (см. «Сын отечества», 1815 г., июнь, ч. 22, № 22, стр. 120—122).

¹¹² «Сын отечества», 1815 г., ч. 21, № 14, второе прибавление (12 апреля), стр. 2.

¹¹³ «Сын отечества», 1815 г., апрель, ч. 21, № 17, стр. 194—196.

¹¹⁴ «Сын отечества», 1815 г., май, ч. 21, № 18, стр. 231.

зу от переговоров с Наполеоном, который стремится лишь выиграть время для подготовки новых завоевательных походов, к решительной борьбе с Бонапартом.

Не следует думать, что задача объединения сил против Наполеона побудила русскую печать на время вовсе отказаться от трезвого анализа и оценки позиции каждой из союзных держав. Просто такого рода материалы заняли более скромное и подчиненное место. Любопытно, что русская печать обратила внимание на высказанное информированными современниками предположение, которое и поныне время от времени в качестве гипотезы появляется в исторической литературе. Речь идет о предположении, будто английское правительство само способствовало побегу Наполеона с Эльбы. «Исторический журнал» приводил ряд доводов в пользу этой версии: и непонятную беспечность английского представителя на Эльбе полковника Кэмпбелла, и другие не менее подозрительные действия англичан. Подчеркивая, «что политика Англии со времен министерства отца Питтова¹¹⁵ основана на свокорыстии, никогда не заботится о более общем и все относит только к себе одной», автор статьи высказывал догадку, что лондонский кабинет позволил Бонапарту бежать с Эльбы, чтобы дать разгореться пламени новой войны и таким путем попытаться чужими руками удушить опасного конкурента — французские мануфактуры, весьма усовершенствовавшиеся за время континентальной блокады¹¹⁶.

После Ватерлоо русская печать продолжала решительно выступать против планов отторжения от Франции собственно французских земель. Делая неизбежные оговорки о дружбе царя с монархами Пруссии и Австрии, о единстве союзных держав, о том, что все союзные монархи имеют общую цель — утверждение мира, «Сын отечества» (его статью перепечатал и «Исторический журнал») подчеркивал различие позиций и интересов союзников. Австрия и Пруссия, различные германские князья стремятся к отторжению у Франции ряда территорий. «Россия же, для самой себя, не только не имеет причины желать сего уменьшения, но должна еще тому

¹¹⁵ Имеется в виду отец У. Питта (младшего) — Уильям Питт (старший).

¹¹⁶ См. «Исторический журнал», 1815 г., апрель, ч. 2, кн. 1, стр. 75—78

противиться... Россия получает великую выгоду от того, что Франция, в нынешнем виде, принуждает Австрию, Пруссию и Германию стоять под ружьем, обратив на нее взоры... Россия желает сохранить целостность Франции, Англия нерешительно тому противится, а только Пруссия и Австрия требуют ее умаления»¹¹⁷.

Рассмотренным выше далеко не исчерпывается круг вопросов, обсуждавшихся в русской печати в связи с Венским конгрессом. К их числу, например, принадлежат такие вопросы, как создание Нидерландского королевства в качестве противовеса Франции на севере Европы; присоединение Норвегии к Швеции; устройство Швейцарского Союза; детали территориального разграничения в Германии; Гентский мир между США и Англией и его воздействие на европейскую политику. Немало внимания уделялось возможному влиянию дипломатической борьбы на Венском конгрессе и его решений на взаимоотношения различных европейских держав с Турцией, на их позиции в восточном вопросе.

Однако и сказанное выше выявляет позицию русской печати по узловым вопросам будущего устройства Европы. Русская пресса в целом не одобряла планов и действия крайней феодальной реакции, защищала такие решения европейских проблем, которые удовлетворяли часть буржуазных кругов европейских стран и объективно создавали известные возможности для капиталистического развития. Русские газеты и журналы давали в общем трезвую оценку главным явлениям политики европейских держав.

Значительные разногласия между различными органами печати в оценке событий международной жизни были связаны с происходившим размежеванием передового и крепостнического лагерей русского общества и свидетельствовали вместе с тем о том, что этот процесс еще только начал разворачиваться. В то же время обсуждение международных проблем в период Венского конгресса само способствовало дальнейшей дифференциации двух лагерей и являлось немаловажной вехой в идеологическом развитии передовых сил русского общества.

¹¹⁷ «Исторический журнал», 1815 г., октябрь, ч. 4, кн. 1, стр. 73.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До наших дней не смолкают в исторической литературе и публицистике споры о Венском конгрессе. Опыт «классической дипломатии» Талейрана и Меттерниха по-прежнему находится на вооружении дипломатической службы империалистических держав. Это уже само по себе свидетельствует о том, что Конгресс не стал лишь достоянием истории, а многими крепкими нитями связан с важными проблемами современности.

Характерной чертой тенденциозной оценки Конгресса в современной западной буржуазной историографии является защита тезиса о том, что в Вене были будто бы заложены прочные основы европейского мира и что этому Европа обязана принципам консерватизма (или легитимизма, если использовать терминологию начала XIX в). Либеральная историография всегда выступала против этой в общем не новой, а лишь модернизированной концепции, которую ранее отстаивали крайне монархические историки. Однако в работах либерального направления этой реакционной фальсификации обычно противопоставлялось только утверждение, что Венский конгресс в сущности строил на песке, что его решения, являвшиеся международноправовым оформлением воли победившей феодальной реакции, были почти сразу же сметены буржуазными революциями и национально-освободительными движениями. Эта концепция содержит значительную долю истины, но далеко не всю истину. Как каждое упрощение, оно обнажает суть проблемы, но — если забыть о том, что это все же лишь упрощение, — суть вопроса может быть искажена

Современный уровень разработки истории международных отношений первой половины XIX века и социально-политической истории эпохи промышленного капитализма позволяет более всесторонне подойти к вопросу об историческом месте Венского конгресса.

Говоря о классовых основах политики великих держав на Конгрессе, нельзя игнорировать фактически установившегося в некоторых странах союза феодально-помещичьих элементов с консервативной частью буржуазии (прежде всего с теми ее слоями, которые могли еще долгое время ужиться с частично модернизированным «старым» порядком). Поскольку речь идет о втором десятилетии XIX века, то такую позицию занимали не только ведущие слои финансовой и крупной торговой буржуазии, но и часть нарождавшейся промышленной буржуазии, особенно чувствительной к опасности слева, со стороны народных масс (подобная позиция характерна, например, для значительной части английской промышленной буржуазии). Разделяя в целом политические устремления дворянства, эти фракции буржуазии были в то же время заинтересованы в сохранении и обеспечении возможностей для дальнейшего капиталистического развития. Опора реставрированных монархий в ряде стран именно на эти буржуазные слои сказалась на всей политике и идеологии европейской реставрации.

Необходимо полностью учитывать то, насколько сложным социально-политическим и идеологическим явлением была феодально-абсолютистская реакция. Нельзя правильно оценить смысл решений Венского конгресса, рассматривая их как международный вариант политики, проводившейся реставрированными испанскими или неаполитанскими Бурбонами. Трудно понять сущность этих решений, не учитывая, насколько общеевропейская реакция после крушения наполеоновской империи была переплетением реакции феодальной и раннебуржуазной, в какой мере совмещались в ней стремление к реставрации «старого» режима и боязнь покушений на новую буржуазную собственность, желание обеспечить привилегии феодального и полуфеодального дворянства и стремление гарантировать «спокойное» буржуазное развитие, без революционных потрясений (если даже дело шло о революционной расправе с остатками феодализма).

Каждая из держав — участниц антинаполеоновской коалиции преследовала в войне свои цели, заботилась не только о победе над общим врагом — Францией, но и об ослаблении своих соперников среди союзников. Решение ряда вопросов, прежде всего касавшихся границ Франции, было определено в ходе дипломатических переговоров конца 1813 — начала 1814 года и закреплено Парижским мирным договором 1814 года. Парижский договор сохранял за Францией всю ее национальную территорию — решение, принятое в значительной мере по настоянию России. Эта благоприятная для Франции позиция русского правительства, остававшаяся неизменной во время Конгресса, а также после поражения Наполеона при Ватерлоо, во многом определялась стремлением иметь противовес Австрии и Пруссии и обострением англо-русских противоречий.

Парижский мир разрешил, однако, лишь часть вопросов, возникших в связи с окончанием наполеоновских войн. Важнейшие проблемы, связанные с территориальным переустройством Европы, были отложены до Венского конгресса. Еще до его официального открытия происходили совещания представителей великих держав-победительниц, которые намеревались решить все важные дела в своем кругу. Однако эти планы натолкнулись на сопротивление Талейрана, сумевшего привлечь на свою сторону ряд мелких государств и умело использовать противоречия между союзниками. Талейрану, выдвинувшему выгодный для Франции принцип легитимизма, удалось превратить ее в фактически равноправного партнера главных участников Конгресса; комитет четырех — Англии, России, Австрии, Пруссии — превратился в комитет пяти.

Одной из центральных проблем послевоенного переустройства Европы явился польско-саксонский вопрос. Этот вопрос, хотя и не самый важный, был наиболее спорным, он вызывал самые острые расхождения между великими державами и подрывал согласие даже по тем проблемам, по которым стороны уже пришли к соглашению. Это был вопрос, определявший, по мнению дипломатов, собравшихся в Вене, судьбы «европейского равновесия», а поэтому и возможность успешного окончания работы Конгресса.

Связь между польской и саксонской сторонами проб-

лемы была далеко не случайна. Александр I в соответствии с подготовленным Чарторыйским и другими польскими деятелями планом воссоздания единой Польши под властью русского императора собирался добиться компенсации для Пруссии за потерю ею польских владений присоединением к последней Саксонии (материалы саксонского и русского архивов характеризуют как борьбу за Саксонию, так и попытки самой Саксонии использовать в своих интересах противоречия между великими державами).

Усиления России чрезвычайно опасалась Англия. Англия пыталась в максимальной степени использовать то обстоятельство, что ее территориальные притязания не относились к европейскому континенту и поэтому не обсуждались на Конгрессе. Это позволяло Каслри, а затем Веллингтону с особым лицемерием прикрывать английские требования ссылками на интересы мира в Европе, гуманности, европейского правопорядка. Англия и выступавшая вместе с ней Австрия пытались склонить на свою сторону Пруссию. С целью оторвать Пруссию от России, Меттерних и Каслри первоначально даже изъявили готовность поддержать прусские притязания на Саксонию. Однако, в отличие от Каслри, который стремился к усилению Пруссии, для того чтобы использовать ее в борьбе как против Франции, так и против России, Меттерних рассчитывал в дальнейшем отказаться от своего обещания; на значительный рост мощи своей соперницы Пруссии Австрия в конечном счете согласиться не могла. Пруссия в не меньшей мере, чем Австрия, стремилась вернуть свои прежние владения в Польше и в начале работы Конгресса сама рассчитывала на поддержку Англии и Австрии с целью занять твердую позицию в отношении России.

Лишь по мере того, как обострялись австро-пруссские противоречия и становилась все более очевидной невозможность сговориться с западными союзниками о разделе территорий, прусское правительство волей-неволей начало уступать свои позиции в Польше. Поэтому совсем неправомерно принимать на веру заявления прусских политиков о целесообразности отступления с востока ради консолидации владений в центре. Только в конце 1814 года, когда государственные деятели Пруссии отчетливо поняли, что дальнейшие попытки противодейст-

вия России чреватые окончательной потерей ее поддержки в саксонском вопросе и, следовательно, надежды на приобретение Саксонии, они заговорили о необходимости отказаться от «языка угроз» в отношении России ради «сохранения мира».

Острая дипломатическая борьба, в результате которой Конгресс оказался в состоянии тяжелого кризиса, завершилась распадом союза военного времени и подписанием секретного договора (3 января 1815 г.), оформившего коалицию Англии, Австрии и Франции против России и Пруссии. Однако в отношении Пруссии целью этого договора, как показывают архивные документы, было не столько ущемление ее интересов, сколько отрыв ее от России. (Изучение материалов русских и немецких архивов вскрывает также тенденциозность трактовки польско-саксонского вопроса многими современными реакционными историками, которые изображают борьбу западноевропейских государств против России как продиктованную «интересами всей Европы», а позицию Пруссии на Конгрессе характеризуют в плане идеализации прусского государства и его милитаристской политики.)

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на Конгрессе, был германский вопрос. Германская проблема, которая включала взаимоотношения германских государств, их отношения с иностранными державами, вопросы, связанные с послевоенным переустройством Германии и объединением германских государств в союз, являлась составной частью общей реконструкции Европы после крушения Наполеоновской империи. Противоречия, существовавшие по германской проблеме, нашли свое отражение и в деятельности образованного на Конгрессе так называемого германского комитета.

Прусское правительство предлагало создать в Германии федерацию, в которой руководящая роль предназначалась Пруссии и Австрии, а также ограничить суверенитет германских князей. Прусские политики готовы были пойти и на раздел Германии на сферы влияния между Пруссией и Австрией.

При всех условиях прусский канцлер Гарденберг стремился воспрепятствовать созданию германской федерации под эгидой Австрии. Позиция Австрии определялась прежде всего страхом перед возможностью ново-

го подъема народного движения в Германии и стремлением воспрепятствовать усилению Пруссии. Меттерних ставил своей задачей обеспечить ведущую роль габсбургской монархии в будущей германской федерации, которая, по мнению австрийского министра, должна была представлять союз слабо связанных между собой государств. Австрийскую позицию поддерживали Бавария (несмотря на острый конфликт с Австрией по территориальным вопросам), Вюртемберг, Баден и большинство небольших государств Германии. Между мелкими и средними германскими государствами происходили непрерывные споры по территориальным вопросам, с которыми они обращались к Конгрессу и к его руководящим деятелям, особенно часто — к Александру I.

Позицию Австрии и германских князей подвергал резкой критике Штейн, считавший, что решение германской проблемы должно базироваться на принципах национальной независимости и единства Германии и гражданской свободы внутри страны. Он предлагал передать германской федерации право объявления войны и заключения мира, решение споров между князьями, принятие законов, которые затрагивают интересы всего немецкого народа.

Англия в своем отношении к германским делам исходила в большей мере из принципа «равновесия сил» в Европе (конечно, в его, английского понимании). Существенно усиленные Пруссия и Австрия вместе с Нидерландами, к которым следовало присоединить Бельгию, должны были по мысли английских политиков образовать антифранцузский барьер. Пруссию и Австрию Англия стремилась также направить против России. При этом особо важной задачей английский министр иностранных дел Каслри считал укрепление и значительное территориальное расширение Пруссии, которая с помощью Англии утвердилась на Рейне. Усилению мощи Пруссии как военной державы весьма способствовали противоречия между Англией и Францией, Англией и Россией. Значительное влияние на позицию Англии оказывала ее экономическая заинтересованность в германском рынке.

Россия, поддерживая Пруссию и ее притязания на Саксонию, выступала против укрепления в Германии австрийского влияния. Благоприятная позиция Алек-

сандра I в отношении Вюртемберга, Бадена и некоторых мелких германских государств определялась в значительной мере его родственными связями.

Франция более всего опасалась возникновения сильной германской империи. Своей важнейшей задачей Талейран считал противодействие усилению прусских позиций в Германии и передаче ей Саксонии. Выступая против Пруссии, Талейран оказывал всяческую поддержку Австрии.

В результате длительной дипломатической борьбы был учрежден Германский союз, состоявший из независимых государств, которые пользовались почти неограниченным суверенитетом. Преобладающее влияние в Германском союзе получила Австрия.

Но для Италии не было создано даже такой ступени на пути единства, как Германский союз. Ведущие деятели Венского конгресса считали, как это указывалось в Парижском мирном договоре 1814 года, что «Италия, за исключением земель, которые должны быть возвращены Австрии, будет образована из суверенных государств». Для великих держав итальянский вопрос сводился, таким образом, к распределению и перераспределению земель между итальянскими и чужеземными династиями. Особую заинтересованность в итальянских делах проявляла Австрия, стремившаяся установить свое господство в Италии и подавить в ней всякие тенденции к объединению. Австрию активно поддерживала Англия.

Усилению австрийского влияния в Италии противилась Франция, но заинтересованность французского королевского двора в поддержке со стороны Австрии против неаполитанского короля Мюрата побуждала ее согласиться с австрийскими притязаниями в Северной Италии.

Россия в условиях обострения англо-русских и австро-русских противоречий оказывала, правда часто подспудное, противодействие политике Австрии и Англии. Материалы русских архивов подтверждают и дополняют сделанный известным итальянским историком Берти вывод о том, что политика России объективно была направлена на защиту интересов Италии.

Пьемонт, первоначально выступавший совместно с Австрией в расчете на ее содействие в расширении своей

территории (присоединение Генуи и др.), в дальнейшем, надеясь, в частности, на поддержку России, «вышел из повиновения».

Включение в Австрийскую империю Ломбардии и Венеции, закрепление Модены и Тосканы за австрийским эрцгерцогом, а Пармы — за Марией Луизой обеспечивало австрийской монархии господствующее положение на Апеннинском полуострове.

Одним из наименее изученных аспектов деятельности Венского конгресса является его позиция в отношении ряда малых государств Европы, в частности Скандинавских стран. Материалы государственного архива Швеции и русские архивные источники позволяют внести поправки в наше представление о политике великих держав в отношении Скандинавии.

Система, созданная Венским конгрессом, была шире вопросов, непосредственно охваченных его решениями. Противоречия между главными участниками Конгресса были настолько острыми, что по ряду вопросов соглашения достигнуть не удалось; в обстановке, созданной «стаканом», было решено уклониться от обсуждения этих проблем. К их числу относился восточный вопрос и вопрос о Латинской Америке. Однако политика отдельных заинтересованных держав в этих вопросах наложила свой отпечаток на общую систему, созданную в 1815 году в Вене.

Хотя колониальный вопрос был также отодвинут с политической авансены, это менее всего означало, что он не имел существенного значения, как это пытается доказать новейшая реакционная историография колониализма. Этот вопрос находился в тени вследствие сознательной тактики британской дипломатии, стремившейся таким путем избежать каких-либо компенсаций другим участникам Венского конгресса за английские колониальные захваты. Тем не менее именно колониальные интересы определяли многое в позиции британского кабинета в европейских делах.

Основные решения Венского конгресса были приняты еще до бегства Наполеона с острова Эльбы и вступления его на территорию Франции. Высказывавшаяся во многих исторических работах мысль, что только «сто дней» побудили державы принять эти согласованные решения, опровергается материалами русских архивов. Новая

опасность со стороны Франции привела к временному сплочению бывших союзников, хотя противоречия со всей их остротой сохранились. В условиях восстановления власти Наполеона во Франции и подготовки союзников к войне деятельность Конгресса была завершена в сравнительно короткий срок.

Венский конгресс закрепил новое соотношение сил, сложившееся к концу наполеоновских войн, а также положение России и Англии как двух ведущих мировых держав, сохранявшееся затем несколько десятилетий. Венский конгресс реставрировал или санкционировал реставрацию многого из дореволюционного порядка вещей, правда преимущественно в политической области. Он полностью игнорировал национальный принцип, в особенности права малых народов и стран. «Всеобщая война народов против Наполеона, — писал Ф. Энгельс, — была ответной реакцией национального чувства, которое Наполеон попирал ногами у всех народов. В благодарность за это государи и дипломаты Венского конгресса еще более грубо попрали это национальное чувство»¹.

Крушение империи Наполеона было следствием освободительной борьбы европейских народов, решающий вклад в которую внес русский народ, разгромивший в Отечественной войне 1812 года огромную армию завоевателя. Однако освободительный порыв народных масс находился в совершенном противоречии с реакционными целями правящих классов держав, составлявших антинаполеоновскую коалицию.

Вследствие противоположности устремлений народов и монархических правительств «всем войнам за независимость, которые велись против Франции, — писал К. Маркс, — свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»². Если в 1813 году война против наполеоновской Франции в главных чертах имела освободительный характер, то в 1814 году, после того как все европейские страны, поработанные Наполеоном, были освобождены и участники антинаполеоновской коалиции перенесли войну на территорию Франции, ставя своей целью восстановление феодальных порядков и династии Бурбонов, реакционные черты резко усилились. Реакци-

онные правительства государств, ведших с Наполеоном «отнюдь не освободительную, а империалистическую войну»³, стремились использовать поражение наполеоновской Франции для осуществления планов территориальных захватов и укрепления своего влияния на международные дела.

На Венском конгрессе политика русского царизма, буржуазно-аристократической Англии, габсбургской монархии и других главных его участников имела реакционный, захватнический характер. Священный союз европейских монархов превратился в орудие подавления национальных и освободительных движений.

Конгресс в целом был воплощением консервативного начала в международных отношениях и уже в период своей работы подвергался критике со стороны сил, олицетворявших прогрессивные общественные тенденции.

Однако несомненная общая реакционность Венского конгресса не снимает вопроса о классовом содержании этой реакционности. Это в полной мере относится и к области идеологии. Идеология европейской Реставрации, являющаяся по существу идейной основой Конгресса, принадлежит к числу наименее исследованных проблем. В литературе не раз делались попытки формального изучения идеологии легитимизма, теорий «европейского равновесия» и их использования в процессе дипломатической борьбы на Конгрессе. Однако эти вопросы изучались либо в отрыве от исследования классового содержания Реставрации, либо при упрощенно-схематическом представлении об их содержании. В результате осталась нераскрытой сложность и противоречивость взглядов, подвидившихся под формулу легитимизма и служивших различным по своей природе классовым силам (не говоря уже об использовании этой идеологии в эгоистических интересах той или иной державой или группировкой держав). Анализ показывает, что так называемая идеология легитимизма была по существу сложным конгломератом противоречивых идей; она представляла собой эклектическую мешанину из собственно легитимистских построений и попыток консервативной интерпретации теории естественного права, что было характерно для ранней буржуазной реакции в ряде стран (в Англии в эпоху Ве-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 421.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 436.

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 382.

ликой французской революции, в наполеоновской Франции и др.).

Еще менее изученным является вопрос об отношении к Венскому конгрессу общественного мнения, которое, вопреки распространенной в исторической литературе точке зрения, оказало свое воздействие на его ход и результаты. Автор пытался показать это отношение на примере России (прежде всего на основе рассмотрения позиции русской прессы). Произведенный анализ позволяет отметить, что в отношении к Конгрессу уже выявилось происходившее в России размежевание передового и крепостнического лагерей и что обсуждение связанных с Конгрессом проблем способствовало процессу дальнейшей поляризации этих двух противостоящих сил русского общества.

Сложность природы общеевропейской реставрации определила сложность и противоречивость объективного исторического значения решений Венского конгресса по различным вопросам послевоенного устройства Европы, а также различных аспектов каждого или большинства из этих вопросов в отдельности. Конгресс фактически закрепил в различных областях многое из сделанного в период революции и наполеоновских войн, прежде всего в экономике, политическом строе, гражданском праве и административном устройстве, в торговой политике, в международном праве, в территориальных вопросах и даже в идеологии. Следует отметить, что и противоречия между великими державами не раз приводили к тому, что решения Конгресса сохраняли возможность для буржуазного развития или в некоторых случаях даже объективно ему способствовали. Эти противоречия иногда препятствовали осуществлению планов, направленных к усилению угнетения народов. Так, царская Россия в условиях обострившихся на Венском конгрессе противоречий с габсбургской монархией противостояла планам австрийского правительства по ряду проблем послевоенного устройства Италии и Германии; царское правительство пошло на введение конституции в Польше, поддерживало конституционные проекты во Франции и Германии. Это, разумеется, несколько не меняло общих реакционных устремлений царизма.

Система, созданная Конгрессом, в течение определенного времени сохраняла известную устойчивость. Это от-

части определялось зафиксированной Венским трактатом расстановкой сил на международной арене (которую многие буржуазные историки совсем неправильно характеризуют как «равновесие сил»). В меньшей степени это было следствием того, что реакционное дворянство, заинтересованное в сохранении «порядка» 1815 года, продолжало длительное время господствовать в большинстве стран Европы, а буржуазно-реакционные движения были еще слишком слабыми, чтобы ликвидировать это господство.

Реакционный вымысел о том, будто принципы легитимизма, якобы предусматривавшие мир в отношениях между европейскими государствами, обеспечили стабильность созданного в Вене международного правопорядка и период относительно мирного развития в течение чуть ли не столетия (вплоть до первой мировой войны), рассыпается при первом же соприкосновении с историческими фактами. Принципы легитимизма находились в обратном соотношении со «стабильностью» решений Конгресса. В решениях Венского конгресса относительно прочным оказалось как раз то, что находилось в открытом или скрытом противоречии с легитимизмом. Принципы легитимизма не только не обеспечили мирных отношений между государствами, а, наоборот, послужили идеологическим обоснованием отказа от сохранения мира во имя утверждения реакционного «порядка». Мир приносился в жертву настойчивым попыткам «экспорта контрреволюции», который обосновывался лживыми ссылками на «интересы Европы» и на необходимость предотвращения мнимой угрозы со стороны стран, переживавших период буржуазно-революционных преобразований.

Отрицающая по существу необходимость сохранения мира между различными феодальными, полуфеодальными и буржуазными государствами, легитимизм был фактически направлен против укрепления мирных тенденций в отношениях между европейскими державами и в практике европейской дипломатии.

Развитию этих тенденций могли способствовать лишь те аспекты в решениях Венского конгресса, которые находились в противоречии с этими решениями хотя бы и в скрытом виде. К этим аспектам прежде всего относятся те, которые объективно создавали или до определенных

пределов не мешали возможностям буржуазного развития. Поэтому некоторые моменты в решениях Конгресса положительно оценивались значительной частью буржуазии (особенно ее наиболее консервативными, торговыми и финансовыми слоями), готовой во имя сохранения перспектив для капиталистического развития примириться со своим политически подчиненным положением и даже (поскольку дело касалось стран, лишенных самостоятельного государственного существования) временно отказаться от требований национальной независимости. Наконец, решения Венского конгресса, отражавшие интересы господствующих классов ведущих европейских стран, оформлялись в сознании части современников в качестве национальных интересов. В этой связи обращает на себя внимание неравномерность крушения отдельных элементов системы, созданной решениями Венского конгресса. Часть из них оказалась подорванной уже в первое десятилетие после Конгресса (победа народов Латинской Америки, восстание в Греции). Другие были уничтожены революциями и лишь временно восстановлены в результате интервенции Священного союза (в Испании, Неаполе, Пьемонте). Временное торжество контрреволюции в отдельных странах лишь расшатывало реакционный «порядок». Вместе с тем усиливались противоречия между державами, игравшими главную роль на Конгрессе.

Через 15 лет после Конгресса в Вене попытки встать на путь «чистой» феодальной реакции и легитимизма ускорили революцию 1830 года во Франции и привели к краху системы, созданной Реставрацией, в самом чувствительном для нее месте — во Франции. Вслед за тем была провозглашена независимость Бельгии. Парламентская реформа 1832 года в Англии также внесла изменения в картину Европы, созданную Реставрацией. Затем последовала революция и национально-освободительные движения 1848—1849 годов, объединение Германии и объединение Италии. «Порядок», созданный Венским конгрессом, распался, за исключением тех его элементов, которые, соответствуя внешнеполитическим интересам крупных европейских держав, не противоречили требованиям буржуазно-национального развития.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф., Положение в Германии Письмо первое, Соч, т 2
 Энгельс Ф., Положение в Германии Письмо второе, Соч, т 2
 Маркс К и Энгельс Ф., Русская нота, Соч, т 5
 Маркс К и Энгельс Ф., Подвиги Гогенцоллернов, Соч, т 6,
 Маркс К., Революционная Испания, Соч, т 10
 Маркс К., Божественное право Гогенцоллернов, Соч, т 12
 Энгельс Ф., Роль насилия в истории, Соч, т 21
 Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма, Соч, т 22
 Ленин В. И., Принципиальные вопросы избирательной кампании,
 Полное собрание сочинений, т 21
 Ленин В. И., О праве наций на самоопределение, Полное собрание сочинений, т 25
 Ленин В. И., О брошюре Юниуса, Полное собрание сочинений, т 30
 Ленин В. И., Несчастный мир, Полное собрание сочинений, т 35
 Ленин В. И., Главная задача наших дней Полное собрание сочинений, т 36
 Ленин В. И., Заметки из истории войн Наполеона I с Германией, Ленинский сборник XI

Архивные источники

Архив внешней политики России (АВПР) Министерства иностранных дел СССР, фонд Канцелярия (инструкции и различные распоряжения министерства, донесения послов, посланников, специальных представителей, материалы русских уполномоченных на Венском конгрессе и другие документы)

1813 год

Дела 6829, 6830, 6836, 11635—11638,

1814—1815 годы

Дела 208, 747, 752, 2715—2717, 3043, 4359, 6843—6845, 6847, 6848, 7539, 7542, 7543, 7737, 8039, 8300, 8303, 9052, 9055, 9056, 9256, 9453, 9464, 9466, 10846, 10849, 10850, 10933, 10936, 11288, 11290, 11291, 11650, 11651, 11654, 11686, 11687, 11689—11694,

Фонд коллекция «Мусковитика», «Muscovitica 9», Petersburg arkiv 1812—1879 (микрофильмы)

Переписка М Ф Орлова со Штейном (микрофильм, оригинал в Архиве Штейна — Steinisches Archiv — в ФРГ)

Сборники официальных материалов, публикации документов

«Внешняя политика России XIX и начала XX века Документы Российской Министерств иностранных дел», серия первая, 1801—1815 гг, тт I—IV, VI, отв ред А Л Нарочинский т I, март 1801 — апрель 1804 гг, Госполитиздат, 1960, т II, апрель 1804 — декабрь 1805 гг, Госполитиздат, 1961, т III, январь 1806 — июль 1807 гг, Госполитиздат, 1963, т IV, июль 1807 — март 1809 гг, Госполитиздат, 1965, т VI, 1811—1812 гг, Госполитиздат, 1962

Архив братьев Тургеневых, вып 3, Дневники Н И Тургенева за 1811—1816 годы, СПб, 1913

Бумаги А И Чернышева за царствование императора Александра I, «Сборник Русского исторического общества», тт 121—122, СПб, 1905—1906

«Восстание декабристов, Материалы», т VII, М—Л, 1958, т VIII, М—Л, 1925

«Дипломатические сношения России и Франции (1808—1812)» т VII, изд Николай Михайлович, вел князь, Пг, 1914

«Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году», т I, СПб, 1823

«Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1816)», под ред А А Половцева, т I, СПб, 1901 («Сборник Русского исторического общества», т 112)

Переписка императора Александра I с сестрой вел кн Екатериной Павловной, СПб, 1910

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии Сборник документов», изд-во «Навка», 1964

«Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами», сост Ф Ф Мартенс, т III, СПб, 1876, т IV, ч I, СПб, 1878, т VII, СПб, 1885, т XI, СПб, 1895, т XIV, СПб, 1905

Akten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815, hrsg von J L Kluber, Bd 1—9, Eilangen, 1833—1835

Angenberg (Chodzko L), Le Congres de Vienne et les Traités de Vienne, precedes et suivis des Actes diplomatiques, vol 1—4, P, 1864

Bittner L, Chronologisches Verzeichnis des osterreichischen Staatsvertrage, Bd II, Die osterreichischen Staatsvertrage von 1763 bis 1847, Wien, 1909

«1813 — Briefe August Neithardts von Gneisenau» Leipzig, 1963
British and Foreign State Papers, vol I—III, L, 1838—1841

11696—11699 11701 11704, 11706 11710 11714 11718 11719
11721, 11724, 11733—11737, 11741, 11750 11752, 11755,
11758—11761, 11765—11768, 11770—11774, 11776, 11778—11782,
11785—11787 11789—11794, 11796, 11798—11804, 11807, 11810—
11813, 11815, 11819, 11820 11824—11828, 11830—11832,
11835—11838, 12539, 12543, 12544, 12549, 12581, 12582, 12849—
12852

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), 1814—1815 гг

Фонд 679 (Александр I), опись № 1, единицы хранения 33, 45, 47, 69, 88, 101

Фонд 174, опись № 1, единица хранения 21

Фонд 1126 (Бенкендорф), опись № 1, единицы хранения 364, 461 505, 510, 582, 849, 1007, 1097

Фонд 1165, опись № 1, единицы хранения 139, 146, 147

Фонд 1711 (Орлов М Ф), опись № 1, единицы хранения 14, 16 17 18, 20, 21, 24, 26 29—34, 36, 38, 39, 41, 146

Центральный государственный военно исторический архив (ЦГВИА), 1813—1815 гг

Фонд ВУА (коллекция Военно ученого архива), дела 578 587, 593, 3384, 3385 3393 4215

Фонд 93 (П К Сухтелен), дела 102, 104, 483, 608

Deutsches Zentralarchiv, Merseburg

(Немецкий центральный архив, отделение Мерзебург)

1813 год

AA I, Rep I, Nr 1272

1814—1815 годы

AA I, Rep VI, Wiener Kongreß, Nr 242

AA I, Rep VI, Wiener Kongreß, Nr 264

AA I, Rep VI, Wiener Kongreß, Nr 301

AA I, Rep VI, Wiener Kongreß Nr 303

Rep 92, Friedrich Wilhelm III, B VI

Rep 92, Hardenberg L 37

Rep XI 89, Fasz 473

Rep XI 89, Fasz 474

Sachsiches Landeshauptarchiv Dresden

(Главный государственный архив Саксонии в Дрездене)

1814—1815 годы

Loc 2645, Verschiedene auf die politischen Ereignisse den Wiener Kongreß die Landesteilung bezugliche Papiere aus dem Nachlaß Breuer

Loc 2954, Bd I, Acta die Korrespondenz des Bevollmächtigten S M des Königs bei dem Wiener Kongreß vom 2 Juli bis 31 Dezember 1814

Loc 2954, Bd II, Acta die Korrespondenz des Bevollmächtigten S M des Königs bei dem Wiener Kongreß vom 1 Januar bis 31 April 1815

Loc 30045 Varia, Bd I

- Stein H F K, Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen
Hrsg von E Botzenhart, Bd III—V, B, 1932—1934
- Stein H F K, Briefe und amtliche Schriften Bearbeitet von E Botzenhart, neu hrsg von W Hubatsch, Bd IV, V, Stuttgart, 1963—1964
- Vom Wiener Kongreß Briefe des Oberstleutnants v Thule an den Kriegsminister v Boyen während des Kongreßes 1814/1815 Nach den Originalen hrsg von B Schwertfeger,— «Deutsche Rundschau», November—Oktober, 1914
- Wellington A W, Supplementary Despatches, Correspondence and Memoranda, vol 9—12, L, 1862—1865
- Wilhelm und Caroline von Humboldt in ihren Briefen Hrsg v Anna v Sydow, Bd IV—V, B, 1910—1912
- «British Diplomacy 1813—1815 Select Documents dealing with the Reconstruction of Europe», ed by C K Webster, L, 1921
- Chodzko L, Recueil de traites, conventions et actes diplomatiques concernant l'Autriche et l'Italie, P, 1859
- Correspondance de Napoleon I, t XXVII—XXVIII, P, 1869—1870
- Correspondance du comte de Jaucourt avec le prince de Talleyrand pendant le Congres de Vienne, P, 1905
- Correspondance medite du prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le Congres de Vienne, publiee par M G Pallain, P, 1881
- Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, hrsg, L v Ranke, Bd III—V, Leipzig, 1877
- «Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902)», ed by H Temperley and L M Penson, Cambridge, 1938
- Gentz F, Dépêches medites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir a l'histoire de la politique europeenne (1813 a 1828), vol 1, P, 1876
- Gesandtschaftsberichte aus Munchen 1814—1848, Munchen, 1939
- Gneisenau A Neithardt, Schriften von und uber Gneisenau, hrsg von F Lange, B, 1954
- «Kampf um Freiheit Dokumente zur Zeit der nationalen Erhebung 1789—1815» Hrsg von F Donath und W Markov, B, 1954
- «Marie Louise und Napoleon 1813—1815», Munchen, 1960
- Nesselrode, Ch R, Lettres et papiers 1760—1850, Extraits de ses archives, t V, P, 1907
- Parliamentary Debats from the Year 1803 to the Present Time, Publ under the Superintendence of T C Hansard, vol 24, 28—30
- Pozzo di Borgo C A, Correspondance diplomatique (1814—1818), vol I—II, P, 1890—1897
- Rinieri I, Corrispondenza medita dei Cardinali Consalvi e Pacca nel tempo del Congresso di Vienna (1814—1815), Torino 1903
- «Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy, 1763—1917», ed by A B Keith, L, 1948
- Имп Александр I и король прусский в Англии в 1814 г, Выдержки Юрия Васильевича Толстого из английских газет, «Русская старина», 1892 г, № 8
- Норов В С, Записки о походах 1812—1813 гг, ч 1, СПб, 1834
- Орлов М Ф, Капитуляция Парижа Политические сочинения Письма, Изд-во АН СССР, 1963
- Талейран, Мемуары, редакция и вступительная статья Е В Тарле, Изд-во ИМО, 1959
- Фонвизин М А, Обзорение проявлений политической жизни в России «Общественные движения в России в первую половину XIX в», т I, СПб, 1905
- Чарторыйский А, Мемуары и переписка с имп Александром I, тт 1—2, М, 1912—1913
- Шатобриан Ф Р, Замогильные записки, тт V—VI, СПб, 1851
- Des Bourbons de Naples et reflexions d'un napolitain, P, 1814
- Castlereagh R S, Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh, vol 1—12, L, 1848—1853
- Chateaubriand F R, de De Buonaparte, des Bourbons, P, 1814
- Chateaubriand F R, de Reflexions politiques sur quelques ecrits du jour, P, 1814
- Eichhorn J A F, An die Widersacher der Vereinigung Sachsens mit Preußen, Frankfurt—Leipzig, 1815
- Eichhorn J A F, Die Centralverwaltung der Verbundeten unter dem Freiherrn vom Stein, B, 1814
- Eynard J G, Journal au congrès de Vienne, vol 1—2, 2 éd, Paris—Genève, 1914—1924
- Fleury de Chaboulon P A E, Mémoires, vol 1—2, L, 1819—1820
- Fournier A, Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongreß, Eine Auswahl aus ihren Papieren, Wien, 1913
- Fournier A, Gentz und Wessenberg, Briefe Wien und Leipzig, 1907
- Gagern H C E, Mein Antheil an der Politik, Bd 2, Stuttgart—Tubingen, 1826
- Garde A, de le, Gemalde des Wiener Kongresses, 1814—1815, Bd 1—2, Munchen, 1914
- Gentz F von, Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa, Leipzig, 1806
- Gentz F, Osterreichs Teilnahme an den Befreiungskriegen Hrsg von Richard Furst Metternich—Wineburg, Wien, 1887
- Gentz F, Schriften, Bd 1—5, Mannheim, 1838—1840
- Gorres J, Reden gegen Napoleon Aufsätze und Berichte des Rheinischen Merkur, 1814—1815 Hrsg von B Ihringer, Munchen, 1914
- Heeren A H L, Der Deutsche Bund und seine Verhältnissen zu dem Europäischen Staatensystem, Gottingen, 1817
- Humboldt W, Gesammelte Schriften, Bd XI—XII, B, 1903—1904
- Kluber J L, Übersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Kongresses, Frankfurt, 1816
- Leckie G F, An Historical Research into the Nature of the Balance of Power in Europe, L, 1817
- Lloyd H E, Hamburg in 1813, With a View of its Conditon in 1806—1812, L, 1813
- Marwitz F A L von, Ein markischer Edelmann im Zeitalter

Мемуары, дневники, памфлеты и другие материалы современников изучаемой эпохи

- Басаргин Н В, Записки, Пг, 1917
- Вигель Ф, Записки, М, 1892

- der Befreiungskriege Hrsg von F Meusel, Bd 1—3, B, 1908—1913
- Metternich C W L, Memoires, documents, écrits divers, P I, vol 1—2, P, 1880
- Aus Metternich's nachgelassenen Papieren Hrsg von Richard Metternich Wineburg Geordnet und Zusammengestellt von A Klunckowstrom, T I, Bd 1—2 Wien, 1880
- Munster G H, Political sketches of the State of Europe 1814—1867, Edinburgh, 1868
- Niebuhr B G Preußens Recht gegen den Sachsischen Hof, Frankfurt, 1814
- «Oesterreich und Deutschland», Gotha, 1814
- Pradt D, Du Congrès de Vienne, vol 1—2, P, 1815
- Talleyrand Ch M, Memoires du prince de Talleyrand, publ par le duc de Broglie, t 1—5, P, 1891—1892
- Über den bisherigen und künftigen Einfluß Englands auf Europa, Leipzig, 1814
- Vitrolles E F A, Mémoires, t I—II, P, 1950—1952
- Vitrolles E F A, Du Ministère dans le gouvernement representatif, P, 1815
- Der Wiener Kongreß in Augenzeugenberichten, Dusseldorf, 1965
- Der Wiener Kongreß nach Aufzeichnungen von Teilnehmern und Mitarbeitern Hrsg von F Freksa, Stuttgart, 1914
- Wilson R T, General Wilson Journal 1812—1814 ed by A Brett-James, L, 1964.

Периодические издания

- «Вестник Европы», М, 1814—1815
- «Дух журналов», СПб, 1815
- «Исторический, статистический и географический журнал или современная история света» («Исторический журнал»), 1814—1815
- «Московские ведомости», М, 1814—1815
- «Российский музей или журнал европейских новостей», М, 1815
- «Русский инвалид», СПб, 1814—1815
- «Санкт Петербургские ведомости», СПб, 1814—1815
- «Северная почта», СПб, 1814—1815
- «Сын отечества», СПб, 1814—1815
- «Allgemeine Zeitung», Augsburg, 1814—1815
- «The Annual Register, or a View of the History, Politics and Literature», L, 1814—1815
- «Berlinsche Nachrichten von Staat und gelehrten Sachen», B, 1814—1815*
- «Chronik des allgemeinen Wiener Kongresses», Wien 1814—1815
- «Deutsche Blätter», Leipzig — Altenburg, 1814—1815*
- «Politisches Journal nebst Anzeige von Gelehrten und andern Sachen», Hamburg, 1814—1815*
- «Journal des débats politiques et littéraires», P, 1814—1815*.
- «Leipziger Zeitung», Leipzig, 1814—1815*
- «The London Gazette», L, 1814—1815*

* Просмотрены отдельные номера

- «Le Moniteur universel», P, 1814—1815
- «The Pamphleteer», L, 1814—1815
- «La Quotidienne», P, 1814—1815*
- «Der Rheinische Merkur», Koblenz, 1814—1815*
- «The Times», L, 1813—1815

Исторические исследования

- Берти Дж, Россия и итальянские государства в период Рисорджименто, ред и предисл акад С Д Сказкина, ИЛ, 1959
- Бескровный Л Г, Отечественная война 1812 года, Соцэкгиз, 1962
- Болховитинов Н Н, Доктрина Монро (происхождение и характер), Изд во ИМО, 1959
- Болховитинов Н Н, К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку (из предыстории доктрины Монро), «Новая и новейшая история», 1957 г, № 3
- Бугенко В А, Венский конгресс, «Отечественная война и русское общество», 1912 г, т VII
- Бутурлин С, Столетие окончания наполеоновских войн, «Московские ведомости», 6 июня 1915 г
- Вандаль А, Наполеон и Александр I, тт I—III, СПб, 1910—1913
- Васильчиков А А, Семейство Разумовских, т IV, ч 2, СПб, 1887
- Вильямс Э, Капитализм и рабство, ИЛ, 1950
- Виппер Р, Государственные идеи Штейна, «Русская мысль», 1891 г, кн 81
- Волк С С, Исторические взгляды декабристов, Изд во АН СССР, 1958
- Герцен А И, Россия и Польша Письмо второе, Собр соч в 30 томах, т XIV, Изд-во АН СССР, 1958
- Дебидур А, Дипломатическая история Европы, вступительная статья А Л Нарочницкого, т I, ИЛ, 1947
- Дружинин Н М, Освободительная война 1813 г и русское общество, «Вопросы истории», 1963 г, № 11
- Жилин П А, Историческое значение битвы под Лейпцигом в 1813 году, «Новая и новейшая история», 1963 г, № 4
- Зак Л А, Английские субсидии Пруссии, Австрии и Швеции в 1813 году, «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950 г, № 1
- Зак Л А, Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн), Изд-во ИМО, 1963
- Зак Л А, Англо австрийские отношения во время войны за освобождение Германии от господства Наполеона, «Новая и новейшая история», 1963 г, № 4
- Зак Л А, Новые работы историков ГДР о войне за освобождение Германии от наполеоновского господства, «Новая и новейшая история», 1964 г, № 5
- Казачков Н И, Внешняя политика России перед войной 1812 года, «К столетию Отечественной войны», Изд во АН СССР, 1962

* Просмотрены отдельные номера.

- Кан С. Б., Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе, «Вопросы истории», 1955 г., № 2.
- Канделоро Дж., История современной Италии, ред. и предисл. акад. С. Д. Сказкина, тт. 1—2, ИЛ, 1958—1961.
- Майский И. М., Испания 1808—1917, Изд-во АН СССР, 1957.
- Майский И. М., Наполеон и Испания, «Из истории общественных движений и международных отношений», Изд-во АН СССР, 1957.
- Манфред А. З., Очерки по истории Франции, Изд-во АН СССР, 1961.
- Манфред А. З., Общественно-политические идеи в 1815 г., «Вопросы истории», 1966 г., № 5.
- Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 годов, Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1850.
- Михайловский-Данилевский А. И., Представители России на Венском конгрессе. «Русская старина», 1899 г., т. 98.
- Молок А. И. Борьба направлений во французской историографии по вопросам реставрации Бурбонов и июльской революции, «Французский ежегодник. 1959», Изд-во АН СССР, 1961.
- Надлер В. К., Император Александр I и идея Священного союза, тт. 1—5, Рига, 1886—1892.
- Нарочницкий А. Л., Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии, «Вопросы истории», 1964 г., № 3.
- Нарочницкий А. Л., Об историческом значении континентальной блокады, «Новая и новейшая история», 1965 г., № 6.
- Нечкина М. В., Движение декабристов, тт. 1—2, Изд-во АН СССР, 1955.
- Николай Михайлович, вел. кн., Император Александр I, тт. 1—2, СПб., 1912.
- Новые документы из истории Венского конгресса, «Русский вестник», 1881 г., № 7.
- «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965.
- «Очерки из истории движения декабристов», Госполитиздат, 1954.
- Павлова Л. Я., Декабрист М. Ф. Орлов, Изд-во АН СССР, 1964.
- Попов Н., Варшавское Герцогство, «Русский вестник», 1866 г., т. 61, № 1.
- Слезкин Л. Ю., Россия и война за независимость в Испанской Америке, изд-во «Наука», 1964.
- Соловьев С. М., Венский конгресс, «Русский вестник», 1865 г., т. 55.
- Соловьев С. М., Император Александр Первый. Политика — дипломатия, СПб., 1877.
- Соловьев С. М., Эпоха конгрессов, «Вестник Европы», 1866 г., тт. III, IV; 1867, тт. I—IV.
- Сорель А., Европа и французская революция, т VIII, СПб., 1908.
- Станиславская А. М., Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807, Изд-во АН СССР, 1962.
- Тарле Е. В., Континентальная блокада, Соч. в 12-ти томах, т III. Изд-во АН СССР, 1958.
- Тарле Е. В., Наполеон. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат, Соч., т. VII, Изд-во АН СССР, 1959.
- Тарле Е. В., Талейран, Соч., т. XI, Изд-во АН СССР, 1961.
- Тимошук В., Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе. По документам Венской тайной полиции, «Русская старина», 1914 г., февраль, кн. 2.
- Тимошук В., Тайная полиция на Венском конгрессе, «Русская старина», 1913 г., декабрь, кн. 12.
- Типпельскирх К., История второй мировой войны, ИЛ, 1956.
- Хвостов В. М., Казаков Н. И., Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества, «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», изд-во «Наука», 1965.
- Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. Н., Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции, «Исторический архив», 1959 г., № 6.
- Черняк Е. Б., Демократическое движение в Англии 1816—1820, Изд-во АН СССР, 1957.
- Черняк Е. Б., Историография против истории, Изд-во ИМО, 1962.
- Шильдер Н. К., Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 3, СПб., 1905.
- Andreas W., Das Zeitalter Napoleons und die Erhebung der Völker, Heidelberg, 1955.
- Andreas W., Napoleon, 10 Aufsätze, Konstanz, 1962.
- Baader F., Sämtliche Werke, Bd. VI. Über das durch die französische Revolution herbeigeführte Bedürfnis einer neuen und innigeren Verbindung der Religion mit der Politik, Leipzig, 1854.
- Bagge D., Les idées politiques en France sous la Restauration, P., 1952.
- Baha J., Friedrich von Gentz, Wien, 1965.
- Baldensperger F., Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789—1815), vol. 1—2, P., 1924.
- Ballanche P. S., Œuvres, vol. III, Essais de palingénésie sociale, vol. I, Prologomènes, P., 1827.
- Bayle F., Les idées politiques de Joseph de Maistre, 1945.
- Bertier de Sauvigny G., Metternich et son temps, P., 1959.
- Bertier de Sauvigny G., Sainte-Alliance et Alliance dans les conceptions de Metternich, «Revue Historique», 1960, avril-juin, t. 223, N° 2.
- Bianchi N., Storia documentata della diplomazia europea in Bilan du Monde en 1815, «XIIe Congrès International des Sciences Historiques. Vienne, 29 août—5 septembre 1965. Rapports», vol. Wien, 1965.
- Bock H., 1789 und 1813. Das Zeitalter der Französischen Revolution in der reaktionären deutschen Geschichtsschreibung, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, Nr. 8.
- Bonald L. G. A., Œuvres, t. 1—2; P., 1854, all'anno, 1861, vol. I, Anni 1814—1820, Torino, 1865.
- Born K. E., Hardenbergs Pläne und Versuche zur Neuordnung Europas und Deutschlands, 1813—1815, «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1957, Jahrg. 8.
- Bourquin M., Histoire de la Sainte-Alliance, Genève, 1954.
- Brendel F., Die Pläne einer Wiedergewinnung Elsaß—Lothringens in den Jahren 1814 und 1815, Straßburg, 1914.
- Bryant A., The Age of Elegance, 1812—1822, L., 1958.

- Burke E, Reflections on the Revolution in France, N Y, 1959
- «The Cambridge History of British Foreign Policy 1783—1919» vol I, 1783—1815, Cambridge, 1922
- Capefigue J B H, Le congrès de Vienne, vol 1—2, P, 1863
- Cecil A, Metternich, N Y, 1933
- Chodzko L, La Pologne et le congrès de Vienne en 1815, P, 1831
- «Le Congrès de Vienne et l'Europe», Paris—Bruxelles, 1964
- Couper D, Talleyrand, L, 1935
- Corti E C, Metternich und die Frauen, Nach meist bisher unveröffentlichten Dokumenten, Bd 1—2, Zurich, 1948—1949
- Criste O, Der Wiener Kongreß, «1813—1815, Österreich in den Befreiungskriegen», Bd 8, Wien, 1914
- Crouzet F, L'conomie britannique et le Blocus continental (1806—1813), t 1—2, P, 1958
- Crouzet F, Wars, Blockade and Economic Change in Europe, 1792—1815, «Journal of Economic History», 1964, vol 24, Nr 4
- Czygan P, Zur Geschichte der Tagesliteratur während der Befreiungskriege, Bd 1—2, Leipzig, 1911
- «Das Jahr 1813 Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege», B, 1963
- Delbruck H, Friedrich Wilhelm III und Hardenberg auf dem Wiener Kongreß «Historische Zeitschrift», Bd 63, 1889
- Dietsch R, Napoleon und der Wiener Kongreß, «Die Europäer und ihre Geschichte», München, 1961
- Droz J, L'Europe centrale Evolution historique de l'idée de «Mittel-europa», P, 1960
- Dupuis Ch, Le ministère de Talleyrand en 1814, t 1—2, P, 1919—1920
- Dupuis Ch, Le principe de l'équilibre et le concert européen, P, 1909
- Egloffstein H F, Karl August auf dem Wiener Kongreß, Jena, 1915
- Elbe J, Die Wiederherstellung der Gleichgewichtsordnung in Europa durch den Wiener Kongreß, «Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht», 1934, Bd 4, Nr 2
- Engelberg E, NATO Politik und Westdeutsche Historiographie über die Probleme des 19 Jahrhunderts», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, Nr 3
- Faguët E, Politiques et moralistes du dix neuvième Siècle, I serie, P, 1891
- Ferrero G, The Reconstruction of Europe, N Y, 1941
- Fievue G, Histoire de la session de 1816, P, 1817
- Flassan G, Histoire du Congrès de Vienne, vol 1—3, P, 1829
- Fournier A, Der Kongreß von Chatillon Die Politik im Kriege von 1814, Wien—Prage, 1900
- Fournier A, Londoner Praludien zum Wiener Kongreß (Geheime Berichte Metternichs an Kaiser Franz), «Deutsche Revue», 1918, Febr, März, Jahrg 43, Bd 1
- Fournier A, Zur Vorgeschichte des Wiener Kongreßes «Historische Studien und Skizzen», 2 Reihe, Wien—Leipzig, 1908
- Fraundinst W, Preußisch Deutsche Polenpolitik, 1815 bis 1839, «Das ostliche Deutschland» Ein Handbuch aus dem Göttinger Arbeitskreis, Würzburg, 1959
- Garnier J P, Murat, roi de Naples, P, 1959
- Gayer A D, Rostow W W, Schwartz A J, The Growth and Fluctuation of the British Economy 1790—1850, vol 1—2, Oxford, 1953
- Gembruch W, Freiherr vom Stein im Zeitalter der Restauration, Wiesbaden, 1960
- Goerlitz W, Stein, Staatsmann und Reformator, Frankfurt, 1949
- Griewank K, Der Wiener Kongreß und die Europäische Restauration, 1814—1815, Leipzig, 1954
- Grosjean G, La politique extérieure de la Restauration et l'Allemagne, P, 1930
- Grossmann K, Metternichs Plan eines italienischen Bundes, «Historische Blätter», H 4, Wien, 1931
- Grunwald C, Napoleon's Nemesis, the Life of Baron Stein, N Y, 1936
- Gulick E V, Europe classical Balance of Power A case History of one of the Great Concepts of European Staatscraft, N Y, 1955
- Haas A G, Kaiser Franz Metternich und die Stellung Illyriens, «Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs», XI, 1958
- Haas A G, Metternich, Reorganisation and Nationality 1813—1818, «Veröffentlichungen des Institutes für Europäische Geschichte», Bd 28, Wiesbaden, 1963
- Hackenbroch M, Gesellschaft und Recht bei Joseph de Maistre, Bonn, 1964
- Hammer K, Die französische Diplomatie der Restauration und Deutschland, 1814—1830, «Pariser Historischen Studien» VIII, Bd 2, Stuttgart, 1963
- Haussherr H, Rußland und Europa in der Epoche des Wiener Kongresses, «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», Bd 8, H 1, München, 1960
- Heitzer H, Arbeiten über die Geschichte der Befreiungskriege (1806—1813), «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» Sonderheft, 1960
- Hubatsch W, Deutsche Grenzprobleme 1813—1815, «Die Welt als Geschichte», 1956, Jahrg 16, H 3/4
- Huber E R, Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789, Bd 1, Reform und Restauration 1789 bis 1830, Stuttgart, 1957
- Hudson N E, Ultra Royalism and the French Restoration, Cambridge, 1936
- Ilse F, Geschichte der deutschen Bundesversammlung, Bd 1—3, Marburg, 1861—1862
- Influence des cabinets de l'Europe sur les affaires de la Pologne au congrès de Vienne de 1815, Varsovie, 1831
- Jettel F, Die polnische Frage auf dem Wiener Kongreß, «Deutsche Revue», 1917, Jahrg 42, Bd I
- Johnston R M, Lord William Bentinck and Murat, «English Historical Review», vol XIX, 1904
- Kamnitzer H, Wider die Fremdherrschaft, B, 1962
- Kann R A, Metternich, a Reappraisal of his Impact on International Relations, «Journal of Modern History», vol 32, Ch1, 1960
- Kayser W, Marwitz, Hamburg, 1936
- Kielmansegg P G, Stein und die Zentralverwaltung 1813—1814, Stuttgart, 1964
- Kissinger H A, The Congress of Vienna, a Reappraisal, «World Politics», 1956, Jan.

- Kissinger H A, A World Restored Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812—1822, L, 1957
- Klingenburg E M, Die Entstehung der deutsch-niederländischen Grenze, 1813—1815 Leipzig, 1940
- Kossok M, Im Schatten der Heiligen Allianz Deutschland und Lateinamerika 1815—1830, B, 1964
- Kraehe E E, Metternich's German Policy, vol 1 The Contest with Napoleon 1799—1814, Princeton, 1963
- Kraft J, Prinzipien Talleyrands in der Inner- und Aussenpolitik, «Schriften zur Rechtslehre und Politik», Bonn, 1958
- Lackland H M, The Failure of the Constitutional Experiment in Sicily, 1813—1814, «English Historical Review», 1926, vol 41 Nr 162
- Lacour Gayet G, Talleyrand 1754—1838, t II (1799—1815), P, 1946
- Lange B, Die öffentliche Meinung in Sachsen 1813—1815 Gottha, 1912
- Lauber E, Metternichs Kampf um die Behauptung der Europäischen Mitte, Wien, 1939
- Lozek G, Syrbe H, Geschichtsschreibung contra Geschichte, B, 1964
- Lowenstein K, Die Monarchie in modernen Staat, Frankfurt, 1952
- Maistre J, Œuvres completes vol I—XIV, Lyon, 1884—1893
- Mann G, Friedrich von Gentz, Geschichte eines europäischen Staatsmannes, Zürich — Wien, 1947
- Maturi W, Il Congresso di Vienna e la restaurazione dei Borboni a Napoli, «Rivista Storica Italiana», 1938, Serie 5, vol 3, fasc 3
- May A J, The Age of Metternich 1814—1848, N Y, 1965
- Mayr J K, Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses, «Archiv für die Geschichte der Philosophie», Bd 12, 1939
- Mehring F, 1813 bis 1819 Von Kalisch nach Karlsbad, in Krieg und Politik, Bd 2 B, 1961
- Meinecke F, Das Zeitalter der deutschen Erhebung 1795—1815, B, 1906
- Meinecke F, Weltbürgertum und Nationalstaat, München, 1919
- Missolfe M, Metternich 1773—1859, P, 1959
- Mottke H, Wirtschaftsgeschichte Deutschlands, Bd 2, R 1964
- Moulinie H, De Bonald La vie, la carrière politique, la doctrine 1916
- Mousnier R, Labrousse E, Le XVIII siècle Revolution in intellectuelle, technique et politique (1715—1815), P, 1953
- Neyron M, Joseph de Maistre et l'absolutisme Etudes publiées par des Peres de la compagnie de Jesus, vol 116, P, 1908
- Nicolson H, The Congress of Vienna A Study in Allied Unity 1812—1822, L, 1946
- Norden A, Das Banner von 1813, B, 1962
- Obermann K, Bemerkungen über die bürgerliche Metternich—Forschung, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, H 6
- Obermann K, Über den Anteil des Freiherrn vom Stein an der Vorbereitung der Erhebung von 1813, «Wissenschaftliche Annalen», H 10 B 1957
- Obermann K, Der Wiener Kongreß 1814/1815, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, H 3
- Öechslin J J Le Mouvement Ultra royaliste sous la Restauration Son ideologie et son action politique (1814—1830) Bibliotheque d'histoire du Droit et Droit Romain, P, 1960
- Oncken W, Lord Castlereagh und die Ministerkonferenz zu Langres, «Historisches Taschenbuch» 1885, fol. 6, Jahrg 2
- Oncken W, Österreich und Preußen in Befreiungskriege, Bd 1—2, B, 1876—1879
- Pertz G H, Das Leben des Ministers Freiherr vom Stein, Bd 1—6, B, 1850—1855
- Pertz G H, Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau, Bd 2—4, B, 1865—1880
- Pfister A, Aus dem Lager der Verbündeten 1814 und 1815, Stuttgart—Leipzig, 1897.
- Phillips W A The Confederation of Europe A Study of the European Alliance 1813—1823, as an Experiment in the International Organization of Peace, L, 1913
- Pirenne J H, La Sainte Alliance Organisation europeenne de la paix mondiale, vol 1 — Les Traites de paix 1814—1815 vol 2— La Rivalite anglo russe et le compromis autrichien 1815—1818, Neuchatel, P, 1946, 1949
- Raumer K, Freiherr vom Stein, Munster, 1961
- Renier G J, Great Britain and the Establishment of the Kingdom of the Netherlands 1813—1818, Hague, 1930
- Rheindorf K, Englische Rhenpolitik 1813—1815, Elsaß — Lothr, Jahrbuch, Bd VII, 1928
- Rie R, Das Legitimitätsprinzip des Wiener Kongresses, «Archiv des Völkerrechts», 1955, Bd V H 3
- Rie R, Der Wiener Kongreß und das Völkerrecht, Bonn, 1957
- Ritter G, Staatskunst und Kriegshandwerk Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd 1, Die altpreußische Tradition (1740—1890), München, 1954
- Ritter G, Stein 3 neugest Aufl, Stuttgart, 1958
- Robertson W S, Metternich's Attitude toward Revolution in Latin America, «The Hispanic American Historical Review», 1941, vol 21, No 4
- Rohden P R, Joseph de Maistre als politischer Theoretiker Ein Beitrag zur Geschichte des konservativen Staatsgedankens in Frankreich, München, 1929
- Rosenberg H, Bureaucracy Aristocracy and Autocracy The Prussian Experience, 1660—1815, Cambridge (Mass), 1958
- Rosselli J, Lord William Bentinck and the British Occupation of Sicily 1811—1814, Cambridge, 1956
- Rosler H, Österreichs Kampf um Deutschlands Befreiung Die deutsche Politik der nationalen Führer Österreichs 1805—1815, Bd 1—2, Hamburg, 1940
- Rosler H, Reichsfreiherr vom Stein, B, 1957
- Rothfels H, Geschichtliche Betrachtungen zum Problem der Wiedervereinigung, «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1958, H 4
- Saint-Martin L C, Des erreurs et de la verite, Edimbourg, 1775
- Saint-Martin L C, Lettre a un ami ou Considerations politiques, philosophiques et religieuses sur la Revolution française, P, 1795
- Schaeder H, Autokratie und Heilige Allianz, Darmstadt, 1963

- Schenk H G The aftermath of the Napoleonic Wars The Concert of Europe, an Experiment, L, 1947
- Schieder T, Idee und Gestalt des ubernationalen Staats seit dem 19 Jahrhundert, «Historische Zeitschrift» 1957 Bd 184
- Schmidt W A, Geschichte der deutschen Verfassungsfrage, 1812—1815, Stuttgart, 1890
- Schmitt H A, 1812 Stein, Alexander I and the Crusade against Napoleon, «Journal of Modern History» 1959 vol 31 No 4
- Schroeder P W, Metternich Studies since 1925, — «Journal of Modern History» vol 33, Ch1, 1961
- Schwarzenberg K, Furst, Feldmarschall Furst Schwarzenberg, der Sieger von Leipzig, Wien, 1964
- Sorel A Talleyrand au Congres de Vienne, «Nouveaux Essais», P, 1898
- Srbik H R, Metternich, der Staatsmann und der Mensch, Bd 1 Wien, 1925 (2 Aufl. Munchen, 1957)
- Strakowsky L I, Alexander I of Russia, the Man who defeated Napoleon, N Y, 1947
- Straus H A, The Attitude of the Congress of Vienna toward Nationalism in Germany, Italy and Poland, N Y 1949
- Sweet P R, Friedrich von Gentz, Defender of the Old Order, Madison, Wisconsin, 1941
- Thiers L A, Congres de Vienne, P 1863
- Tiedemann H, Der deutsche Kaisergedanke vor und nach dem Wiener Kongreß, Breslau, 1932
- Tonnele J, Bentinck et Murat 1813—1815, «Revue Historique de L'Armee», 1959 No 1
- Treitschke H, von, Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert, vol I, Leipzig, 1891
- Treitschke H, von Preußen auf dem Wiener Kongresse «Preußische Jahrbucher», 1875, Bd XXXVI, H 6 1876, Bd XXXVII, H 2
- Troska F, Die Publizistik zur Sächsischen Frage auf dem Wiener Kongress, Halle, 1891
- Valente A, Gioacchino Murat e l'Italia meridionale Torino, 1941
- Viereck P, Conservatism Revisted, N Y, 1949
- Vierhaus R, Uberstaat und Staatenbund Wirklichkeit und Ideen internationaler Ordnung im Zeitalter der Franzosischen Revolution und Napoleons, «Archiv fur Kulturgeschichte», Bd 43, H 3, Koln—Graz 1961
- Wandruszka A, Der Kutscher Europas Furst Metternich im Urteil der Historiker von Heute, «Wort und Wahrheit», XIV, 1959
- Webster C K The Congress of Vienna 1814—1815 L, 1963
- Webster C K, England and the Polish Saxony Problem of the Congress of Vienna, «Transactions of the Royal Historical Society», 3 Serie, vol VII, 1913
- Webster C K, The Foreign Policy of Gastlereagh 1812—1815 Britain and the Reconstruction of Europe, L 1931
- Webster C K, The Foreign Policy of Gastlereagh 1815—1822 Britain and the European Alliance, L, 1925
- Webster C K and Temperley H W V, The Congress of Vienna, 1814—1815 and the Conference of Paris, 1919, L 1923
- Weil M H, Les dessous du Congres de Vienne d'apres les documents originaux des archives du ministere imperial et royal de l'interieur a Vienne t 1—2 P, 1917
- Weil M H Joachim Murat Roi de Naples La derniere annee de regne (mai 1814 — mai 1815) vol 1—5 P, 1909—1910
- Weil M H Le Revirement de la politique autrichienne a l'egard de Joachim Murat et les negociations secretes entre Paris et Vienne «Biblioteca di Storia Italiana Recente 1800—1870», vol 11 1909
- Der Wiener Kongreß Kulturgeschichte die bildenden Kunste und das Kunstgewerbe, Theater Musik in der Zeit von 1800 bis 1825, Wien 1898
- Wiener Kongreß «Deutsche Revue», 1914, Okt Jahrg 39
- Woodward E L, Three Studies in European Conservatism, L, 1929
- Zywczyński M Metternich w swietle nowszej historiografii, «Kwartalnik Historyczny», 1961, R 68, Nr 2

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александр I — 9, 20, 34, 36, 38, 40—43, 45—47, 56, 67—80, 83—90, 92, 93, 95, 100, 102, 107, 108, 120—122, 125, 137, 138, 140, 146, 151, 160, 168, 179, 180, 192—194, 199—201, 203, 204, 208, 211, 220, 221, 223, 228, 231—234, 237, 242, 247, 275—277, 280, 282, 297—300, 312, 313, 323, 324, 326, 330, 331, 337, 347, 349
 Александр Вюртембергский — 138, 139
 Анкер, Карстен — 213, 216, 217
 Анштетт, Иван Осипович — 106
 Арндт, Эрнст Мориц — 150, 323
 Артуа, Шарль д', граф — 38, 54
 Балланш, Пьер Симон — 253
 Баррас, Поль — 182
 Басаргин, Николай Васильевич — 313
 Бенардьер, Жан Батист — 54, 63
 Беннингсен, Леонтий Леонтьевич — 214
 Бентинк, Уильям — 163, 173, 174, 179
 Бернадот, Жан Батист Жюль — 36, 211, 212, 216, 217, 221, 247, 283
 Бернсторф, Христиан Гюнтер — 218, 219
 Берги, Джузеппе — 159
 Бисмарк, Отто фон Шёнхаузен — 5, 6
 Блака, Пьер Луи — 91, 178, 192
 Блюхер, Gebхард Лебрехт — 40, 207
 Богарне, Евгений — 115, 195, 250
 Бойен, Герман Леопольд Людвиг — 58, 115, 205, 279, 282
 Бомбель — 178

Бональд, Луи Габриель Амбруз де — 247, 252
 Бонапарт, Жером — см Жером Бонапарт
 Бонапарт, Жозеф — см Жозеф Бонапарт.
 Брейер, Фридрих Людвиг — 142, 210, 260
 Бриньоль, Антуан — 165, 171
 Бурбоны — 33, 36, 187, 247, 248, 250, 251, 280, 281, 297, 310, 317, 339, 341, 345, 353
 Бутягин, Павел Степанович — 277, 296
 Булов, Фридрих Вильгельм — 93, 234
 Ванситгарт, Николас — 76
 Вебстер, Чарлз Кингсли — 10, 21, 22, 127, 236, 290
 Веллингтон, Артур Уэлсли — 43, 91, 179, 183, 184, 186, 206, 209, 238, 241, 276, 278, 282, 334, 347
 Вера, Людовик — 196
 Вернер, Анри — см Оттенфельс
 Вессенберг, Иоганн Филипп — 48, 61, 84, 87, 106, 107, 110, 227, 229, 232, 283, 284, 286
 Вигель, Филипп Филиппович — 315, 330
 Виктор Эммануил I — 167, 170, 289
 Вильгельм I Фредерик — 225, 291
 Вильсон, Роберт — 46
 Винцингероде, Георг Эрнст — 131—134, 145
 Витроль, Эжен Франсуа Огюст — 252, 253
 Волконский, Петр Михайлович — 94, 282
 Вреде, Карл Филипп — 63, 87,

107, 110, 128, 129, 133, 134, 144, 282, 284
 Габсбурги — 117, 190
 Гагер, Франц — 45, 206, 226, 228, 234
 Гагерн, Ганс Кристоф Эрнст — 135, 136, 149, 225
 Галло, Марцио Матрилли — 159, 160
 Гарденберг, Карл Август — 37, 40, 42, 47, 48, 51, 52, 66, 70—72, 77, 79, 81, 83—87, 89, 91—93, 95—96, 98, 100—103, 106—108, 110—116, 119, 120, 122—124, 137, 139, 145, 150, 195, 199, 201, 203, 205, 206, 225, 234, 261, 262, 267, 270, 283, 315, 347
 Генрих IV — 308
 Гентц, Фридрих — 41, 48, 49, 52, 53, 58, 59, 63, 87, 117, 118, 176, 195, 204, 248, 275, 280, 282, 286, 298
 Георг III — 126
 Герен, Арнольд Герман Людвиг — 322, 323
 Геррес, Йозеф — 134, 323
 Герцен, Александр Иванович — 288
 Гитлер, Адольф — 13
 Глинка, Сергей Николаевич — 309
 Гнейзенау, Август Вильгельм Антон — 16, 150
 Гогенцоллерны — 24, 66
 Головкин, Юрий Александрович — 279
 Гоффман, Иоганн Готфрид — 106
 Гриванк, Карл — 21
 Грокко — 164
 Грольман — 234
 Гумбольдт, Вильгельм — 42, 47, 50—52, 59—64, 83, 103, 107, 108, 110—112, 114, 115, 187, 199, 206, 207, 227, 229, 230, 261, 283, 284, 286
 Гумбольдт, Каролина — 206
 Густав IV, Адольф — 220, 221
 Дальберг, Карл Теодор Антон Мария — 290
 Дальберг, Эмерик Жозеф — 48, 54, 61, 106, 228, 231, 232, 234, 284
 Дашков, Андрей Яковлевич — 300.

Дефульль — 37
 Джексон, Джордж — 207
 Дюка, Петер — 84
 Дюпон, Пьер де л'Этан — 199
 Жером Бонапарт — 332
 Жозеф Бонапарт — 234, 235, 332
 Жокур, Арне Франсуа — 263
 Изабе, Жан Батист Эжен — 63, 202
 Измайлов, Владимир Васильевич — 307
 Иоахим I — см Мюрат, Иоахим
 Италинский, Андрей Яковлевич — 299
 Кампокьяро — 177, 181, 184, 185
 Каподистрия, Иоанн — 47, 103, 107, 139, 199, 227, 230, 231, 276, 278
 Карнати — 177
 Карл IV — 188, 190
 Карл XIII — 211, 216
 Карл XIV Юхан — см Бернадот
 Карл Альберт — 167
 Карл Людовик — 188
 Карл Феликс — 167
 Каролина — см Мария Аннунциата Каролина
 Каслри, Роберт Стюарт, лорд Лондондерри — 5, 10, 18, 34, 35, 37—44, 46, 47, 50—53, 55—57, 59, 61—62, 68—71, 74—89, 91, 92, 97—103, 105—108, 113, 123, 127, 143, 148—154, 160, 163, 164, 171—175, 179—181, 183, 184, 186, 192, 193, 198—201, 203, 204, 206, 213, 224—227, 231, 236—243, 261, 262, 267, 269, 270, 275—277, 286, 290, 292—294, 296, 299, 339, 347, 349
 Каткарт, Уильям — 46, 69, 70, 286
 Киссингер, Генри Альфред — 19
 Кланкарти, Ричард — 46, 106, 222, 278, 280, 284, 297
 Клюббер, Иоганн Людвиг — 4
 Кнезебек, Карл Фридрих — 47, 71, 86, 234, 282
 Козловский, Петр Борисович — 33, 144, 167—169
 Коленкур, Арман — 249
 Консальви, Эрколе — 61, 158, 161—162, 189, 194, 195, 199, 238, 286
 Коссок, Манфред — 26

- Коурт — 179
Коцебу, Август — 93, 312, 316, 320
Крабб, Ганс — 219, 220
Крас, Энно Эдвард — 14
Кристиан Фредерик — 212—217, 222
Кук, Эдуард — 46
Кэмпбелл, Нейл — 274, 342
Лабрадор, Педро Бениго Го-
мец — 55, 56, 61, 160, 161, 189,
193, 240, 242, 243, 286, 287
Лагарп, Жан Франсуа — 231, 235
Лагур-Дюпен — 54, 61, 286.
Лаубер, Эмиль — 11
Лёвенгельм, Карл Аксель — 61,
217, 222, 223, 286
Лейнингенский (Лейнинген-Ве-
стербургский), Христиан Люд-
виг, граф — 163
Ленин, Владимир Ильич — 22, 32,
33.
Леопольд Саксен Кобургский —
139.
Лефевр, Франсуа Жозеф — 37
Ливен, Христофор Андреевич —
82, 125, 126, 168, 186, 208
Ливерпуль, Роберт Банкс Джен-
кинсон — 10, 52, 74, 76, 82, 88,
98, 102, 127, 174, 175, 180, 181,
198, 213, 238, 293, 327
Лизакевич, Василий Григорье-
вич — 214, 216
Линден — 110
Линь, Карл Йозеф — 46
Лихтенштейн, князь — 144
Лобо да Сильвейра, Хозе Анто-
нио — 61
Луи Станислав Ксаверий — см
Людвиг XVIII
Людвиг XIV — 8
Людвиг XVI — 202, 248, 264
Людвиг XVIII — 37, 38, 41, 43,
44, 50, 52, 55, 86, 88, 90, 91,
103, 153, 161, 178, 182—184,
188, 189, 192, 199, 234, 237, 247,
249, 250, 252, 259, 260, 280—
282, 295, 298, 300, 332, 341
Майский, Иван Михайлович —
23
Макдональд, Жак Этьен Жозеф
Александр — 37
Манфред, Альберт Захарович —
23.
Марвиц — 279
Мария Аннунциата Каролина —
182
Мария Беатриса — 167
Мария Луиза (австрийская) —
189—193, 196, 249, 289, 351
Мария Луиза (испанская) — 188,
193, 287, 289
Маркс, Карл — 22, 304, 352
Мармон, Огюст Фредерик Луи —
37
Меркель, Гарлиб Гельвиг — 315,
318, 319, 327
Местр, Жозеф де — 247, 248,
252—256
Меттерних, Клеменс Венцель
Лотар — 10, 11, 13, 11, 17, 18,
25, 35, 36, 38, 40—45, 47, 48,
52, 55, 57—59, 61—63, 66—68,
70, 72—77, 79, 80, 83—90, 92,
95—108, 110, 112, 114—119, 122—
124, 132, 134, 137, 139, 145, 152,
155, 156, 158, 160—162, 167, 170,
173—178, 180, 182—185, 189—
192, 195, 198—200, 203—207,
209, 227, 250, 260, 269, 270, 274,
275, 277, 278, 280—281, 283, 288,
299, 301, 333, 344, 347, 349
Мина, Франциско Эспоз — 328
Молок, Александр Иванович —
23
Монжела, Максимилиан Йо-
зеф — 128, 129, 131, 144
Монтескье, Шарль Луи — 264
Моро, Карл — 202
Морье, Давид Ричард — 213
Мюнстер, Эрнст Фридрих Гер-
берт — 40, 63, 97, 106, 110, 113,
114, 125—128, 132, 152, 173, 285,
290, 320
Мюрат, Иоахим — 57, 58, 164,
172—187, 192, 194, 196, 243,
250, 317, 350, 351
Надлер, Василий Карлович — 6
Наполеон I — 9, 13, 15, 24, 25, 33,
35—37, 48, 50, 52, 61, 65—67, 74,
75, 77, 79, 93, 94, 106, 115—116,
117, 125, 129, 130, 137, 138,
141—145, 154, 155, 169, 174, 177,
181—183, 188, 191, 193—195,
211, 212, 221, 227, 228, 234, 245,
246, 249, 250, 259, 260—263,
274—282, 284, 287, 294, 297—
301, 304, 306, 307, 309—311,
313—315, 319, 325—327, 330,
332, 338—342, 346, 352, 353
Наполеон (II), герцог Рейхштад-
тский — 192, 193
Нарочницкий, Алексей Леонтье-
вич — 23
Ней, Мишель — 37
Нейперг, Адам Адальберт — 249
Нессельроде, Карл Васильевич —
35, 47, 52, 61, 62, 75, 89, 92,
101, 117, 119—122, 130, 134,
137, 139, 140, 145, 147, 160, 166,
175, 179, 180, 185, 186, 189, 190,
194, 214, 216, 219, 220, 225—
227, 235, 295, 298, 300
Нибур, Бартольд Георг — 98
Николай Михайлович Романов,
великий князь — 6
Никольсон, Гарольд — 26
Ноайль, Алексис — 54
Ностиц, Иоганн Карл Георг —
201, 202, 205
Оберман, Карл — 25
Оранская династия — 34, 36
Оранский, принц — см Виль-
гельм I Фредерик
Орлеанский, Луи Филипп, гер-
цог — 280, 281
Орлов, Михаил Федорович —
214, 216, 311
Осмонд, Рене Эсташ — 167.
Оттерив — 54
Оттенфельс — 281
Палмелла, Педро де Суза-Гол-
штейн — 55, 56, 61, 240, 242,
243, 286
Панин — 130
Перигор, Доротея — 278
Пий VII — 194, 318
Пюонтковский — 78
Питт, Уильям (младший) — 151
162, 164, 276, 342
Питт, Уильям (старший) — 342
Планта, Джозеф — 46
Поццо-ди-Борго, Карл Осипо-
вич — 54, 73, 277, 300
Прованский, граф — см Людо-
вик XVIII.
Радецкий, Йозеф — 282
Радзивилл — 69, 234
Разумовский, Андрей Кирилло-
вич — 47, 107, 199
Рейнгард, Ганс — 228, 230
Ренгер — 231.
Репнин (Репнин-Волконский),
Николай Григорьевич — 83, 91,
92, 129
Рёсслер, Гельмут — 11.
Рехберг, Алоис — 128
Ритгер, Герхардт — 15, 16.
Розенкранц — 219
Ройе-Колар, Пьер Поль — 253
Романов, Н. М. — см Николаи
Михайлович Романов, великий
князь.
Ротфельс, Ганс — 15, 16
Руссо, Жан Жак — 257
Салдана да Гама, Антонио — 61
Сальери, Антонио — 202.
Севалос — 242, 244.
Сен-Марсан, Антуан Мари Фи-
липп — 162, 177.
Сент-Эньян — 35
Серра — 165.
Серракапрвола, Антуан Марес-
ка Доннорсо — 179, 180
Смит, Адам — 33
Смит, Уильям Сидней — 221, 266
Соловьев, Сергей Михайлович —
7.
Србик, Генрих Риттер — 21, 22
Стадион, Иоганн Филипп Карл
Йозеф — 48, 84, 87, 116, 118,
203, 207, 249
Станиславская, Августа Михай-
ловна — 23
Стассар — 277
Стерлинг — 38.
Стратфорд-Каннинг, Чарльз —
46, 227, 230, 234
Стюарт, Чарльз Уильям — 46, 80,
86, 207, 227, 230
Сухтелен, Петр Корняльевич —
182, 216
Таваст, Юхан Генрих — 218
Талейран (Талейран-Перигор),
Шарль Морис — 10, 18, 37—39,
41, 43, 44, 48, 50, 54—63, 67,
68, 86, 88—91, 96, 102—106,
108, 115, 152—154, 160, 161, 170,
173, 175, 177, 178, 181, 182, 184,
188, 192, 195, 198—202, 204, 209,
210, 226—228, 234—236, 238,
241—243, 248, 250, 261, 270, 274,
276—278, 282, 285, 293, 296—
299, 332, 339, 344, 346, 350
Тарле, Евгений Викторович — 23.

Татишев, Дмитрий Павлович — 239, 241, 245, 300.
Тейль (Тейль фон Сероскеркен), Федор Васильевич — 183, 194.
Тиле — 58, 205, 279.
Типпельскирх Курт — 12.
Трейчке, Генрих — 6, 11, 24.
Тургенев, Николай Иванович — 311, 314, 315, 319, 322, 323.
Тюркгейм, Иоганн — 145.
Уэлсли, Ричард Коули — 239.
Фердинанд, эрцгерцог — 188, 189, 192, 193, 289, 351.
Фердинанд Габсбург — 189, 190.
Фердинанд IV — 173, 177, 178—181, 183, 185—187, 189, 195, 289, 351.
Фердинанд VII — 327.
Флао (Флао де ла Биллардери), Огюст Шарль Жозеф — 277.
Флери-де-Шабулон, Пьер Александр Эдуард — 281.
Франкфуртский, великий герцог — см. Дальберг, Карл Теодор.
Франц I — 9, 37, 40, 44, 45, 48, 84, 87, 96, 100, 102, 107, 162, 189, 190, 192, 200, 203, 204, 209, 249, 260.
Франц Габсбург, эрцгерцог — 167.
Франц Эсте, эрцгерцог — 289.
Франциск, эрцгерцог — 193.
Фрауендинст, Вернер — 16, 17.
Фредерик VI — 213—215, 217, 219, 223.
Фридрих I — 204, 205.
Фридрих Август (I) — 66—68, 94, 95, 101, 103, 208—211, 260, 261, 263, 332.
Фридрих Вильгельм III — 9, 40, 86, 168, 262, 278.
Фуше, Жозеф — 281.
Фьеве, Жозеф — 252, 253.
Хаас, Артур — 17.
Хак — 133.
Хатцфельдт, Франсуа Луи — 118.
Хубач, Вальтер — 15.
Цейгнелинс — 202.
Церледер, Луи — 231.
Чарторыйский, Адам — 69, 93, 102, 103, 207, 234, 347.
Чернышев, Александр Иванович — 73.
Черняк, Ефим Борисович — 23.
Шарлотта, принцесса — 224.
Шатобриан, Франсуа Рене — 253, 341.
Шварценберг, Карл Филипп — 25, 48, 84, 87, 184, 203, 282.
Шёллер, Рейнгольд Отто Фридрих Август — 83.
Шенбург, князь — 141.
Шильдер, Николай Карлович — 6.
Штакельберг, Густав Оттонович — 47, 130, 286.
Штейн, Генрих Фридрих Карл — 16, 18, 19, 21, 28, 47, 63, 65, 73, 82, 83, 85, 92, 94, 97, 98, 103, 107, 112—114, 116, 117, 121, 122, 134—136, 139, 143, 156, 182, 186, 199, 227, 234, 282, 322, 349.
Шуленбург, Фридрих Альберт — 67, 68, 83.
Шух, Вернер — 9.
Эбердин, Джордж Гамильтон Гордон — 66, 173.
Эйнзидель, Детлев — 211.
Эйхгорн, Иоганн Альбрехт Фридрих — 65.
Элиза (Бонапарт) — 260.
Энгельс, Фридрих — 22, 32, 353.
Энгстрем, Ларс — 217, 219, 220, 222.
Якоби (Якоби-Клост), Констан Филипп Вильгельм — 47.
Якушкин, Иван Дмитриевич — 311.